

С.САХАРНОВ

БЕЛЫЕ КИТЫ

С.САХАРНОВ

БЕЛЫЕ
КИТЫ

БЕЛЫЕ
КИТЫ

С. САХАРНОВ

БЕЛЫЕ КИТЫ

ПУТЕШЕСТВИЯ
И
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Повести

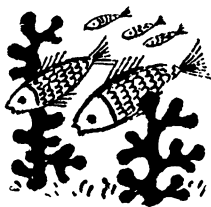
ЛЕНИЗДАТ
1978

В книгу вошли издававшиеся ранее повести о подводных приключениях, повесть о путешествии «Осьминоги за стеклом», а также новые повести «Белые киты», «Дорога на Багамойо» и фоторассказы. Все они о людях, любящих море, его тружениках: о водолазах, рыбаках, ученых-исследователях.

Рисунки М. Беломлинского

Фотографии автора

ПОДВОДНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЧЕРНОЕ
МОРЕ
1955 год

*Эту книгу я писал вот так.
О чем она?
Может быть, о кораблях.
Может быть, о следах доисто-
рических зверей.
Может быть, о черных, в белую
полоску скалах...
А может быть, о людях, кото-
рые плавают на кораблях, ищут
древние следы, проходят поут-
ру скалистыми берегами...*

Автор

НАЧАЛОСЬ ТАК

Больше всего на свете я боюсь показаться трусом.

Когда Марлен спросил: «Хочешь в экспедицию?» — я ответил: «Еще бы!...»

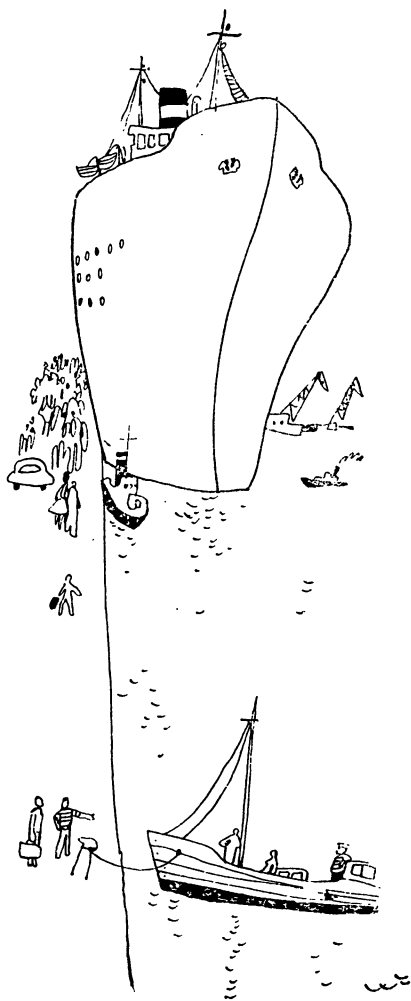
Ночь я уже не спал.

За окном мне мерещились горбатые волны и зловещие плавники акул.

Марлен — ученый и водолаз. Он изучает морское дно.

А я — художник. Я плохо плаваю. Зачем мне все это нужно?

ПРИ ЧЕМ ТУТ Я?

«ТРИГЛА»

На другой день с чемоданом в руках я пробирался сквозь толпу на пристани.

— Где здесь экспедиция? — спросил я мужчину в желтой соломенной шляпе.

Мужчина посмотрел на меня сверху вниз.

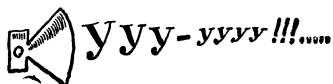
— Прямо.

Прямо передо мной возвышался белоснежный борт теплохода. На белой краске горели бронзовые окошки — иллюминаторы.

Загорелые матросы, как обезьяны, бегали по крутым лестницам.

А ГДЕ МАРЛЕН?

Грохнула музыка. Тонкие стальные канаты шлепнулись в воду. Белый борт медленно пополз вдоль причала.

Теплоход описал по бухте широкий полукруг и вышел в море.

ВОТ ТАК РАЗ!.. А Я?..

Кто-то схватил меня за рукав.

— Ты что здесь делаешь? — Позади меня стоял Марлен.— Живей, тебя ждут!

Рассекая толпу, как ледокол, он повел меня вдоль причала.

В самом конце пристани стояла маленькая, выкрашенная в грязно-зеленый цвет шхуна. На ее носу белыми буквами было написано:

ТРИГЛА

На палубе стояло несколько человек.

Шагнув через борт, мы очутились среди них.

Парень с бородой отвязал канат, оттолкнул ногой нос шхуны.

Затарактел мотор.

«Тритла», покачиваясь, пошла к выходу.

МАРЛЕН

Марлена я знал давно.

Мы вместе росли в деревне под Минском.

Из всех мальчишек в деревне он был самый отчаянный.

Однажды ему сказали, что к змеиному яду можно привыкнуть.

Марлен поймал гадюку и дал ей укусить себя в руку.

Рука вздулась и почернела. Марлена увезли в больницу.

Месяц он провалялся там. Мать плакала навзрыд. Рука из черной стала синей, затем желтой.

Через месяц он вышел, поймал вторую гадюку и дал ей ту же самую руку.

Горячего, как печка, с деревянной рукой, его снова увезли.

Пролежал он на этот раз неделю. Вернувшись, поймал змею и дал укусить себя в третий раз.

Рука немного покраснела. И все.

И вот с таким человеком я должен плыть в открытое море! ЗАЧЕМ?

ЗАЧЕМ!

Затем, чтобы искать СЛЕДЫ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ЗВЕРЕЙ.

Так объяснил мне Марлен.

Миллионы лет назад на месте Крыма бушевало море.

В море плавали ихтиозавры. Они были похожи и на рыб, и на ящеров. Длинные челюсти. Тело, покрытое чешуей. Рыбий хвост.

Это были хищники. Они нападали на рыб, на спрутов. Устраивали драки между собой.

Когда рыбацкер погибал, тело его опускалось на дно. Оно покрывалось известковой корой. Отпечатывалось на камне.

Шли годы.

Тонули и всплывали материки.

Там, где морское дно обнажалось, отпечатки оказывались на суше.

И вот однажды в Голубой бухте, на скалах, над самым морем, нашли отпечатки двух рыбащеров.

Скорченные, раздавленные, распластанные как листы, они равнодушно смотрели пустыми глазами в небо.

Ученые переполошились.

Неприступные скалы? Пустяки!

Решили подогнать к берегу баржу, вырезать из скалы плиту с отпечатками ящеров, спустить ее на канатах в баржу и увезти.

Помешала война.

В Голубой бухте шли сильные бои. Гремели взрывы. С моря по горе из тяжелых орудий били корабли.

Отступая, фашисты взорвали склад снарядов, устроенный на берегу.

Полгоры сползло в море.

Когда после войны в бухту вернулись ученые, отпечатков не было.

И вот Марлен предложил искать их ПОД ВОДОЙ.

ЗАНИМАЛСЯ БЫ ОН ЛУЧШЕ СВОИМИ РЫБАМИ.

В МОРЕ

«Тригла» вышла в море, и ее начало качать.

Только чтобы не было шторма!.. Ах, как не нужен шторм!

О бурях на море я читал много.

Сначала волны ласково-ласково покачивают корабль.

Затем они начинают захлестывать палубу.

Пассажиры вступают в бой из-за шлюпок.

Наконец волны переворачивают судно.

Я с тоской оглядел палубу: всего одна шлюпка. Она лежала у борта, коротенькая и мелкая, как детское корытце.

КОМУ-КОМУ, А МНЕ МЕСТО В НЕЙ НЕ ДОСТАНЕТСЯ!

Удивительно, что шхуна еще держится на воде!

Берег, такой милый и **ТВЕРДЫЙ**, отступал все дальше и дальше.

МОИ ТОВАРИЩИ

— Знакомьтесь, — сказал Марлен, — наш новый товарищ. Художник.

Я назвал себя:

— Николай.

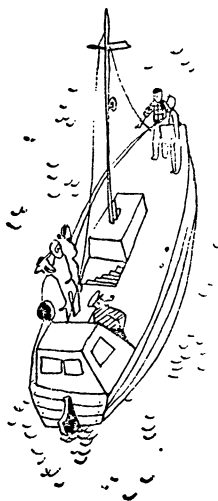
— Дима, — сказал парень с бородой.

— Кая.

— Вениамин.

— Капитан — у руля, — продолжал Марлен, — моторист — в машине. Вот и команда. Ну, как тебе здесь нравится?

— По-моему, мы идем слишком далеко от берега.

КАКОГО ЦВЕТА МОРЕ!

В детстве я знал, какой цвет у моря.

Я любил его рисовать. Брал кисточку, густо разводил кирпичик ультрамариновой краски и проводил в тетради яркую синюю полосу.

Потом я стал учиться живописи.

Стал присматриваться к морю.

Оно оказалось каким угодно, только не синим.

Однажды я прожил месяц на острове. Море было вокруг меня.

Утром, до восхода солнца, оно было белесого, сероватого цвета. Как поле, посыпанное пеплом.

Поднималось солнце. Поле розовело, по нему ползли лиловые и синие полосы. Полосы росли, ширились, охватывали все море. Небо голубело, тянул утренний ветерок — бриз, и море, как чаша, наливалось до краев зеленой или голубой краской.

При облачном небе море так и оставалось на весь день серым.

Перед штормом оно чернело и только там, где светился солнечными лучами облачный разрыв — глаз циклона, — делалось изумрудно-зеленым.

Вернувшись в Ленинград, я снова начал учиться живописи. Я много читал.

Я узнал, что у теплых берегов Африки и Азии вода зеленая-зеленая, густо настоянная на мелких, невидимых глазу водорослях.

На Севере вода прозрачная, как кристалл льда.

Около устья рек в море всегда держится громадное желтое или коричневое пятно. Это река красит воду в цвет своих берегов.

Когда у пляжа из кварцевого или кораллового песка грохочет прибой, вода взбаламученная — серая, почти белая.

В Калифорнии есть залив. Вода в нем кроваво-красная от малюсеньких рачков — ночесветок. Ночью такая вода, если ударить по ней веслом, вспыхивает миллионами огоньков. А быстрый дельфин кажется в ней сказочным чудовищем, источающим синее пламя.

Превращениям моря нет конца.

Какого же оно цвета?

Этого не знает никто.

А «ТРИГЛА» ВСЕ ИДЕТ ВПЕРЕД.

Я готовлю кисть и краски.

Замечательные краски, на чистейшем растительном масле.

Я буду рисовать.

Уж если попал на эту посудину, так хоть напишу много-много картин.

ШТОРМ

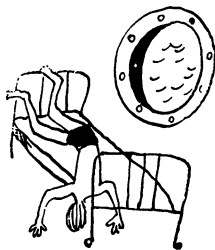
Мы обогнули какой-то мыс, и шхуну начало качать.

К горлу у меня подступил комок.

сначала волны были небольшие,
потом они стали все круче и длиннее
и, наконец, перешли в какие-то большие и страшные

Я опрометью бросился к борту.
Потом я лежал в каюте на койке и тихо стонал. Лоб был в испарине. Руки болтались, как чужие. Во рту был вкус медной пуговицы.
НЕТ, КОНЕЧНО, ЗРЯ ПОШЕЛ Я В ЭТОТ РЕЙС!

Моя кисть и краски уже валялись под столом.

ОБЛАКО ПОД ВОДОЙ

К обеду волны улеглись.

Впрочем, мы не обедали.

Мы шли вперед, к Голубой бухте.

Нас вел капитан. Толстый, волосатый. Он стоял за рулем в одних штанах и фуражке. Сразу было видно — моряк. Всю жизнь водил океанские пароходы. Плыть на такой букашке для него пустяк.

Мы обогнули мыс — высокий, обрывистый, с белой маячной башенкой наверху.

За мысом стояла на якоре шхуна — родная сестра «Триглы». Только серая, а не зеленая.

Марлен замахал шляпой.

— Привет киношникам!..
Под водой снимают, — сообщил он мне.

Мы подошли к шхуне.

— Ну как? — крикнул Дима.

Его бороду узнали.

— Порядок, — сказал главный киношник, в черном берете и очках. — Сняли взрыв под водой. Мина. Отличные кадры!

Тут я заметил, что невдалеке от шхуны расплывается черное маслянистое пятно.

— Ах, бесовы дети, — рассердился наш капитан, — вот это рванули!

Марлен сказал:

— Надо посмотреть, что там на дне!

Он нацепил ласты, маску и, не ожидая, когда капитан поставит «Триглу» на якорь, прыгнул за борт.

— Что они там натворили — жуть! — крикнул он, вынырнув. — Николай, иди посмотри!

Я?

Этого еще не хватало!

Пока я раздумывал, Вениамин принес мне водолазную маску и ласты.

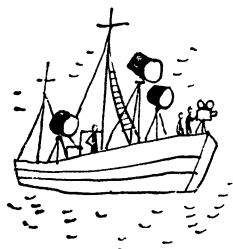
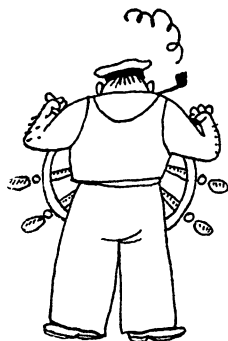
С маской, надетой на лицо, я подошел к борту.

В ЭТОЙ МАСКЕ Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАХЛЕБНУСЬ!

Авось Марлен не дождется меня и вылезет.

Не успел я так подумать, как очутился в воде.

Я барахтался, как в молоке. Вокруг меня висела подвижная белая завеса. Тысячи мелких пузырьков.

Они клубились, как кучевое облако, а я медленно опускался сквозь него.

ВОТ УЖАС!

И тут я вышел из белой завесы. Подо мной было дно. Бурое, каменистое. Надо мной — белое облако. Я висел между дном и облаком. В камнях там и тут блестели серебряные полосы и запятые. Рыбы. Это были рыбы!

Убитые или оглушенные взрывом, они лежали на дне.

На обожженных взрывом камнях.

Мне сжало грудь.

ДЫШАТЬ! ДЫШАТЬ!

Я отчаянно замолотил руками по воде и, как пробка, выскочил на поверхность. Уф! Маска сползла на грудь.

За руки меня втащили на шхуну.

Марлен был мрачен, как туча.

— Видал,— обратился он ко мне,— сколько рыбы погубили? «Отличные кадры»!..

— А пузыри? — спросил я.

Он ответил не сразу.

— Белое облако?.. Это от взрыва.

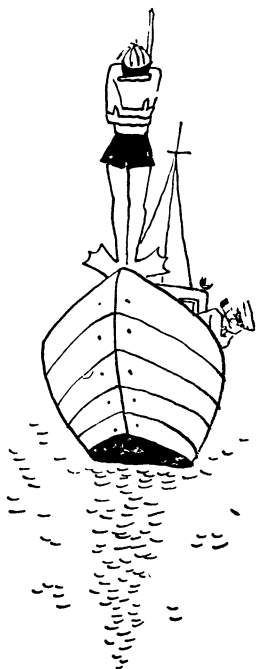
ИНТЕРЕСНО, КАКАЯ ЗМЕЯ ТОЛКНУЛА МЕНЯ В ВОДУ?

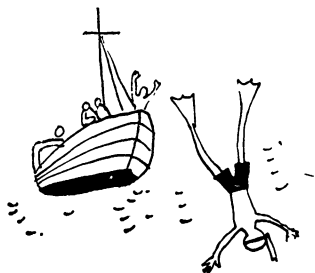
ВЕНЯ

Вениамин толкнуть не мог. Он был чересчур занят.

Бормоча что-то себе под нос, он готовил аппаратуру. Термометры, вертушки. И пробирки. Сотни пробирок.

А еще микроскоп, сачки, марлю...

Дел у него сейчас неупророт.

Он будет «делатъ станции»: братъ пробы забортной воды, записывать ея температуру и солоность.

Четыре толстенных, только что купленных, журнала для записей ожидают его.

Некогда ему забавляться.

Не толкал он.

КАЯ

И Кая не могла толкнуть.

Она спала.

Она спала с той минуты, как шхуна отошла от берега.

Как выяснилось позже, она всегда спала. На ходу. Сидя. Стоя.

Кая была врачом. Легководолазам нужен врач. Он нужен им, как воздух, как насос, как ласты.

Она была самым удивительным врачом, какого мне только приходилось встречать.

В свободное время, когда она не спала, ОНА ТОЛКАЛА ЯДРО.

Тяжеленное ядро. Я как-то попробовал и вывихнул руку.

А она ничего. Ядро летело у нее, как из пушки.

Она была чемпионом города.

А сейчас она спала.

Спала не просыпаясь. Как спящая красавица. Как февральский медведь.

— ХР-РР-Р! ФФФ...ХР-РР-Р!

Где уж ей толкать меня!

ДИМА

Дима только-только окончил институт.

Он был специалист по доисторическим рыбам. **ПО РЫБЬИМ ОТПЕЧАТКАМ НА КАМНЕ.**

Дима — это маленький Марлен. Очень дельный и решительный. Только у Марлена бороды нет, а у него борода.

Замечательная борода.

— Вы не с Кубы? — спрашивали у него мальчишки.

— Нет, дети, я не с Кубы! — отвечал Дима.

— Врет! Конечно, с Кубы! — Мальчишки шли за ним толпой.

Мог такой человек толкнуть меня? Нет.

А КТО ЖЕ?

Капитан стоял у руля. Моторист был в машине. Между прочим, я так его и не видел.

КТО ЖЕ МЕНЯ ТОЛКНУЛ?

Наверно, я сам себя толкнул в воду. Так сказал Марлен.

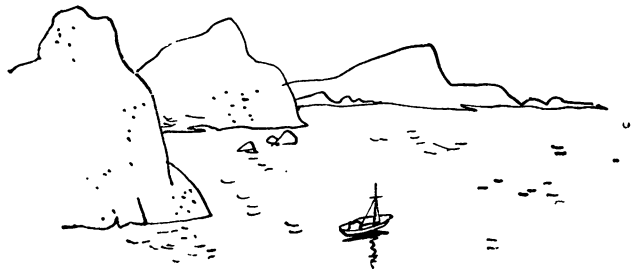

ГОЛУБАЯ БУХТА

Вечером мы пришли в Голубую бухту.

Я даже не понял, что это бухта.

Мы шли с моря прямо на высокий берег. Он рос, рос, отступил, выбросил в море справа и слева от нас два низких мыса.

— Пришли,— сказал капитан,— Голубая бухта,— и зевнул.

Ему, видно, надоели все бухты на свете.

Он поставил шхуну на якорь, сел и начал штопать носок.

НАСТОЯЩИЙ МОРСКОЙ ВОЛК!

Из машины слышался стук молотка. Моторист перестал управлять мотором и начал чинить его.

Интересно, покажется ли он когда-нибудь?

ПУШЕЧНЫЕ ЯДРА

«Тригла» стояла у самого берега.

Высокая каменная стена, освещенная закатным солнцем, уходила отвесно в воду.

Стена была покрыта глубокими вмятинами.

— Что это?— удивился Дима.

Капитан отложил носок.

— Нахимов,— сказал он и подошел к нам.— А может, Лазарев. Кто их знает! Русские адмиралы, прежде чем палить в турок, учились здесь. Палили в стену. В упор всем бортом как ахнут!

У Марлена в руках был бинокль.

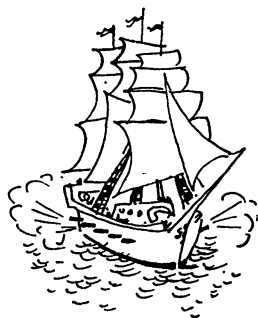
Он внимательно осматривал каждый выступ.

— Нет отпечатков,— сказал он.— И той скалы нет. Сползла в воду... Показать ее?

Он протянул мне фотографию.

Старую, пожелтевшую фотографию Голубой бухты. Одна из скал на снимке была помечена крестиком.

Черная скала с белыми полосками.

*Адмирал
Н.С. Нахимов*

*Адмирал
М.П. Лазарев*

— Это и есть отпечатки? — спросил я.

— Нет. Отпечатков на снимке не видно. Это кварц, минерал такой. Очень приметная скала.

Интересно, найдем мы ее или нет?

А сейчас пора спать.

НОЧЬ

Это была моя первая ночь в море.

Мы спали на палубе. Вповалку.

Шхуна вздрагивала. Слабая волна то и дело поднимала ее.

Поскрипывал узел, которым был завязан якорный канат. Поскрипывали доски, скрипел руль.

Надо мной в звездное небо тенью уходила мачта. Верхушка ее запуталась в звездах.

Тонкий крючок луны цеплялся за вершины гор.

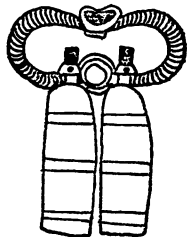
С берега доносился шум водопада; сладко пахло сухой травой.

НЕТ, НА МОРЕ НЕ ТАК УЖ ПЛОХО!

Вздохнув, я положил голову на шершавую Димину ногу и уснул.

Маска

Акваланг

НАЧАЛОСЬ

Когда я проснулся, моторист уже стучал внизу в машине.

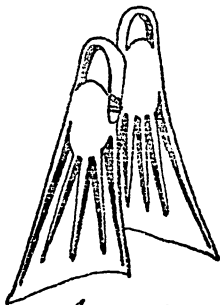
Капитан протирает суконкой сигнальный фонарь.

Марлен и Дима готовились к спуску в воду.

Они надели акваланги — гулкие металлические баллоны, маски, ласты.

Кая вытащила на палубу сумку с красным крестом.

Марлен и Дима спустились за борт лесенку, сошли по ней в воду.

Ласты

Там, где они исчезли, забили серебряные роднички пузырей.

Следом за ними в воду полез Веня. Без акваланга. Он будет дежурить на поверхности.

Мало ли что может случиться!

Медленно перебирая руками, он переплывал с одного места на другое. Лицо его было задумчиво.

Я уже знал, о чем он думает:

КАК БЫ ПОЙМАТЬ

ВЕСЛОНОГОГО.

ДВАДЦАТЬ НОГ

Это Марлен рассказал мне, о чем мечтает Веня.

Он хочет сделать ОТКРЫТИЕ. Открыть новое, неизвестное науке животное.

Сделать это ужасно трудно.

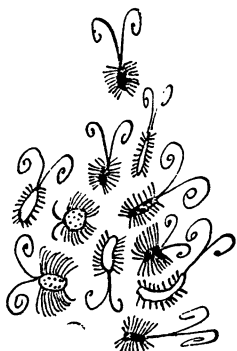
Рыбы все открыты. Открыты киты, тюлени. Даже лягушки.

Остались одни рачки.

Малюсенькие.

Малюсенькие.

Вот такие.

Рачков тысячи. Они отличаются друг от друга усиками, ножками, глазами.

Особенно много двадцатиногих рачков с ножками-веслами. Каждый год на земле открывают нового веслоногого рачка.

ЗДЕСЬ,

НА «ТРИГЛЕ», ВЕНЯ

ОТКРОЕТ

ЕЩЕ ОДНОГО.

...ХЕЛЬ

Когда Марлен вылез из воды, он сказал:

— Ну и дно! Ничего не понять: камни есть, а отпечатков нет. Придется искать по всей бухте!

С его трупов падали круглые, как пяточки, капли.

Вот бы его таким нарисовать!

Стоит на палубе, за спиной акваланг, а с трупов падают бронзовые капли.

И небо — синее-синее.

— Николай,— сказал Марлен,— посмотри, что я нашел.

Он протянул руку. В руке лежал красный осколок. Кусок пластмассовой крышки от коробки.

Немецкие солдаты во время войны хранили в таких коробках масло, сахар, соль.

Марлен нашел осколок на дне, между камнями.

На нем было нацарапано по-немецки «hel».

— ХЕЛЬ... Видно, его звали Михель,— сказал Марлен.— Когда немцы взорвали склад, там было еще много людей...

Он замолчал.

Я вспомнил: Марлен воевал под Севастополем. Тут, рядом.

Я как-то спросил его:

— Ты кем кончил войну? Офицером?

— Солдатом.

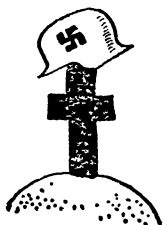
Очень странно!

Я часто представлял себе такую картину: бой, командира батальона убили, Марлен — лейтенант — принял командование, и враг разбит.

И вдруг — простой солдат!..

К нам подошел капитан.

— Вот здесь, хлопчики,— сказал он,— высаживал я во время войны раз-

ведчиков. С мотобота. Кто-то с берега из пулемета как полоснет! Хорошо, была у нас дымшашка.

Но тут Марлен поднял руку.

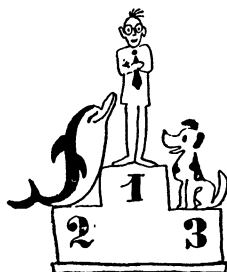
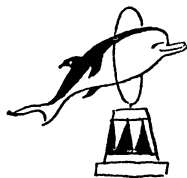
— Дельфины! — сказал он. — Скорее к ним! Скорей!

ДЕЛЬФИНЫ

Дельфины нам были нужны.

Дима уверяет, что дельфин после человека самое умное существо на Земле.

Умнее собаки. Умнее лошади.

Дельфин может носить за человеком поноску, играть в мяч, прыгать через обруч. Может считать до десяти.

В Новой Зеландии был дельфин, который катал на себе детей. Прямо по воде. С седлом, как пони. И ни разу не уронил ребенка.

ДЕЛЬФИНЫ — ЭТО ТЫСЯЧА И ОДНА ЗАГАДКА.

Они даже плавают как-то по-особенному, не так, как рыбы. А как, точно не знает никто.

А как они разговаривают друг с другом?..

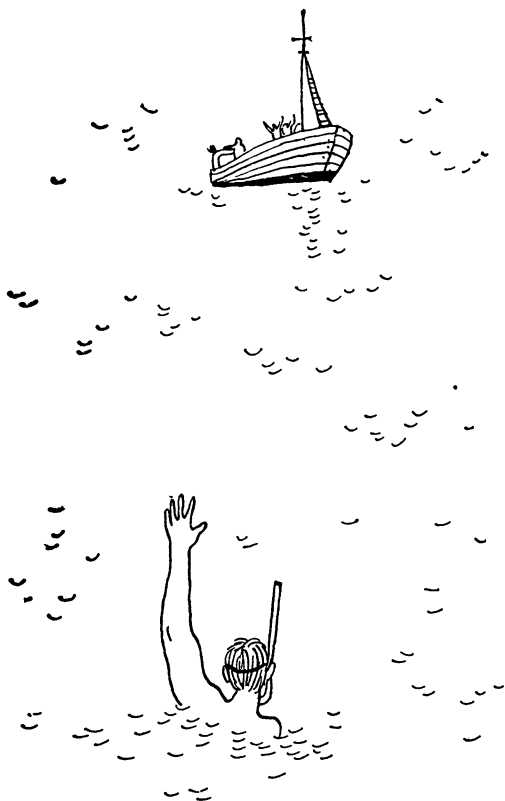
Марлен давно мечтал попласть в стаю дельфинов. Поплывать с ними. Посмотреть на них из-под воды.

— Полный вперед!

«Тригла» снялась с якоря и направилась к стае.

Но дельфинов мы нагнать не смогли. Они плыли в десять раз быстрее шхуны.

Тогда Марлен предложил: он выбросится за борт, шхуна

отойдет в сторону, дельфины вернутся, и он окажется среди них!

ЗДОРОВО ПРИДУМАНО!

Мы так и сделали. Марлен прыгнул за борт.

А мы ушли.

Через полчаса наша шхуна вернулась. На то же самое место. Тютелька в тютельку.

Но Марлена здесь не оказалось.

Что такое?!

Битый час мы ходили взад-вперед, разыскивая его.

Марлена не было!

Уж не утонул ли он?

Наконец капитан заметил далеко от шхуны в воде человеческую голову. Человек вяло махал рукой.

Это был Марлен.

Его втащили на борт.

Он ослабел и ругался шепотом.

Он проклинал нас, море, дельфинов.

Он говорил, что мы **НАРОЧНО** целый час ходили вокруг него. **НАРОЧНО** не замечали знаков. Один раз чуть было **НАРОЧНО** не зарубили его винтом.

Что за чепуха!

И только капитан догадался, в чем дело.

Со шхуны голова Марлена казалась точкой. На темной воде ее не было видно.

А для Марлена шхуна на фоне неба все время была видна и казалась совсем рядом.

— А дельфины? — спросили мы.

— Не приплыли.

— Еще бы, — сказал капитан, — так морской зверь к тебе и подплывет! Он человеком обижен...

И мы услышали историю серого кита по прозвищу Боб.

СЕРЫЙ БОБ

Это произошло в Северной Атлантике.

Летом здесь собираются на промысел рыбаки. Они ловят сельдь.

Сельдь ходит громадными косяками на отмелях, прогретых солнцем. На отмелях, где тучами роится еле заметный глазу рачок, рыба нагуливает жир.

Ловят ее здесь в несметных количествах.

Тысячи рыболовецких траулеров со всех концов мира ходят следом за лиловыми селедочными косяками.

Траулеры, как черные муравьи, снуют по отмелям. Каждый тащит за собой сеть.

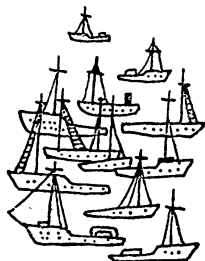
Стучат дизели. Стучат разделочные ножи. Густой запах соленой рыбы стоит над океаном.

И вот однажды среди кораблей появился огромный кит.

— Гляди, серый! — удивились рыбаки.

Серый кит — редкость.

Рыбаки сказали это на разных языках, но одинаково радостно.

Даже кит — развлечение в эти однообразные дни лова.

В полдень с итальянского судна за борт упал человек. Он поскользнулся (кто-то бросил на палубе селедочную голову) и не успел крикнуть, как очутился в воде.

На судне хватились его не сразу. Стали искать и, конечно, не нашли.

— Жаль Антонио, — сказал капитан, — он был хороший рыбак...

Он мог бы добавить: «И хороший отец». У Антонио было четверо детей.

— Надо искать его, капитан, все время искать! — сказал молодой моторист. Он впервые видел, как гибнет в море человек.

Капитан молчал. Уж он-то знал: человека ищут **НЕ ДОЛШЕ, ЧЕМ ОН МОЖЕТ ПРОДЕРЖАТЬСЯ НА ВОДЕ.**

— Капитан, я вижу вон там что-то серое!

— Это сегодняшний кит. Гоняется за селедкой.

— Но он кружится на одном месте!

Капитан пожал плечами.

— Можно посмотреть...

Траулер направился к киту.

Когда рыбаки подошли, серый великан отплыл в сторону. В том месте, возле которого так долго и упорно кружилось животное, белела матросская куртка. Это был ослабевший, потерявший надежду Антонио...

С этого дня кит стал другом рыбаков и получил кличку Серый Боб.

Каждое лето Серый Боб появлялся на отмелях.

— Здорово, приятель! — кричали ему матросы.

Шумно вздыхая, Боб медленно проплывал между судами.

Дважды он попадал в сети. Одну порвал, во второй запутался. Его подтащили к борту траулера и осторожно разрезали сеть.

После этого случая Боб стал совсем ручным.

— Не кончится это добром! — говорили старые капитаны, глядя, как Боб лениво переворачивается перед самым носом у кораблей. — Где это видано, чтобы животное лезло на корабль?

И беда пришла.

К самому концу сезона на отмели появился английский траулер. Вместо дизелей у него стояла газовая турбина. Капитан его, молодой моряк, впервые получивший под свое командование судно, торопился. Нужно было до ухода рыбы с отмелей набить трюмы.

Кита он возненавидел с первого же дня.

— Этот проклятый зверь пугает рыбу,— зло повторял он.— Кому нужен в море цирк!

Однажды траулер, приготовив сеть, гнался за косяком. Неожиданно перед носом судна вынырнула громадная серая туша. Боб перевернулся несколько раз и, привлеченный необычным звуком моторов, приблизился к самому борту.

— Осторожнее, капитан! — крикнул кто-то из матросов.— Не пораньте Боба!

Капитан сделал вид, что не слышит.

Он уже заметил на горизонте фиолетовое пятно. Косяк!

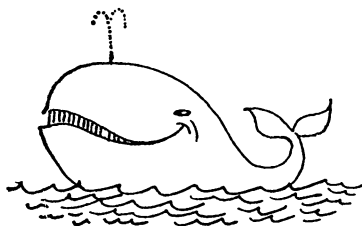
— Право руля!

Корма траулера стремительно двинулась в сторону кита.

— Эй, приятели!

Но было уже поздно. Острые, как ножи, лопасти винта врезались в мягкое тело животного.

Боб рванулся и, оставляя за собой длинный кровавый след, ушел на глубину. Больше его на отмелях не встречал никто...

— Капитан, это правда? — тихо спросила Кая.

Капитан с жалостью посмотрел на нее.

— Разве такое выдумашь?.. — помолчал, сказал он.

— А кит... его убили?

— Н-не знаю. У кита на спине сала — полметра. Могли и не убить... Обиделся кит.

Мы молчали.

— А что стало с англичанином? — спросил Веня.

— Вернулся в Англию. Там вся команда списалась на берег. Пришлось уйти и капитану. Ни один матрос не хотел больше плавать с ним... Вот так. Пошли назад в бухту?

ЖЕЛЕЗНОЕ РАСПИСАНИЕ

Когда мы вернулись в Голубую бухту, Марлен распределил обязанности.

Он составил железное расписание. Веня берет станции. Каждые четыре часа.

Я веду перепись рыб.

Кая следит за водолазными спусками и заполняет Венины журналы.

Марлен и Дима два раза в день обследуют дно.

Все по расписанию, и ни шага в сторону!

Кроме того, я должен ВСЕМ ПОМОГАТЬ. Так... Так... Картины я, очевидно, должен писать ночью.

МЕНЯ УЧАТ ПЛАВАТЬ

— А ты, кстати, плавать умеешь? — спросил Марлен.

— Не очень... В общем, плохо.

— Тогда смотри!

И он мне показал, как надо плавать.

Надеваешь маску и ласты, ложишься на воду. В маске воздух. Она, как поплавок, держит голову. Дышишь через трубку. Шевелишь ногами. Ласты извиваются, как змеи, и ты плывешь. Руки свободны для работы.

— Не переплыви сгоряча море! — предупредил Марлен.

В маске, с ластами я сполз за борт. Зашевелил ногами и — поплыл.

Долго плыл. Оглянулся — до шхуны шагов десять.

Так что зря Марлен беспокоился: море я не переплыву. Уж разве что сгоряча.

ПИСЬМО

Вторая ночь.

Я зажег на палубе огарок свечи и написал письмо. **ПИСЬМО МОРЯКА.** На клочке бумаги. Огрызком карандаша. Под свист ветра и выстрелы пиратов. «Капитан, где моя шпага?..»

Вот что я написал:

Дорогие мама и Зина!

Не удивляйтесь, если письмо будет пахнуть смолой и солью,— пишу на корабле.

Второй день плывем по Черному морю. Все идет замечательно. Я боялся, что не будет ни одного шторма, но их здесь достаточно. На днях как-то олухи взорвали в море мину. Я первый бросился за борт, чтобы обследовать дно.

Капитан и Марлен (наш начальник) — парни ничего. Если с ними что-нибудь случится, заменять их придется мне. Больше некому.

Ваш сын и брат Коля.

Это дурацкое письмо я для чего-то запечатал в бутылку из-под нарзана и бросил в море...

УТРО

Проснулся я раньше всех.

По бледно-желтому небу ползливатные облака.

Море было тихим и стальным.

Я вышел на корму и начал делать приседания. — Раз... Два... Раз... Это что такое?

Метрах в десяти от шхуны покачивалась на воде бутылка.

МОЯ БУТЫЛКА С ПИСЬМОМ.

Я представил: ее вылавливают, раскупоривают и читают вслух письмо.

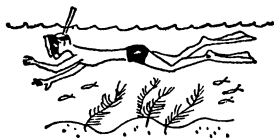
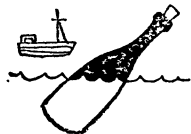
СГОРЕТЬ МОЖНО СО СТЫДА!

Раздумывать было некогда.

Я перевалился через борт.

Стуча по воде руками, как утопающий, я поплыл к бутылке. Цоп!

Холодное скользкое горлышко очутилось в моей ладони.

— Ты что там делаешь?

Сонно протирая глаза, у борта стоял Дима.

Я судорожно глотнул воздуха и скрылся с бутылкой под водой.

Пробка была как камень!

Чуть не плача, я вырвал ее зубами.

Буль-буль-буль! Бутылка пошла на дно.

— Уфф!

Я вынырнул, отдышался и, стараясь плыть НЕБРЕЖНО, вернулся на «Триглу».

— Сказочное утро! — бросил я Диме. — Люблю с утра поплавать!

ПЕРВЫЙ КОСМОПЛАВ

В это утро я отважился пуститься в настоящее плавание.

Я лежал на груди, быстро перебирая ластами, и плыл над подводным лесом.

Дно было покрыто лохматыми, похожими на еловые лапы, водорослями.

Между ними чернели щербатые кривые камни да светились желтые россыпи гальки.

Морских рыб я часто рисовал для книг и теперь легко узнавал их.

На камнях сидели ерши — такие же черные и щербатые, как камни.

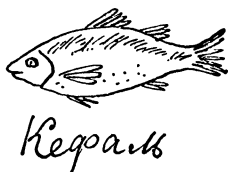
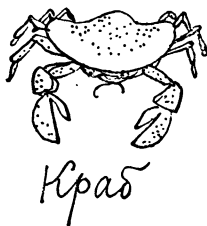
Колченогий краб, смешно взбрыкивая ногами, пробежал по гальке.

Пронеслись стайей кефали — узкие серебристые рыбы, стремительные, как стрелы.

Мягкий, рассеянный свет без теней ложился на подводные леса и скалы.

Это был удивительный, какой-то космический мир.

А я — первый космоплав.

Я плыл, не чувствуя веса своего тела, не видя, где начинается и где кончается толща воды.

Перед моим лицом беззвучно ломалось и распадалось на куски серебристое зеркало.

Это играл свет на волнах.

Когда я вернулся на шхуну, то спросил Марлена:

— Ну как я плыл?

— Ничего,— спокойно ответил он.

Я обиделся.

— В общем, ничего,— повторил наш начальник,— только болтал головой и дрыгал ногами, как курортница.

Я захлопал глазами от неожиданности. Мне казалось, что я плыл ве-ли-ко-леп-но!

БЕЛЫЕ МЕШОЧКИ

Мы работали по расписанию. По железному расписанию, которое составил Марлен.

Мне некогда было вздохнуть. Про кисть и краски я забыл.

Я крутился как белка в колесе.

На свет появились белые мешочки.

ЭТО ТЕПЕРЬ САМОЕ ГЛАВНОЕ.

В каждом мешочке лежала рыба приманка.

Пахучая-препахучая.

Мешочки я привязывал к шнурам. У каждого шнура были якорь и поплавков. Шнуры я бросал за борт везде, где останавливалась шхуна.

Я плавал от поплавка к поплавку.

Я вел рыбу перепись.

Я висел, сгорбившись, в воде и писал.

Тупым гвоздем на алюминиевой пластинке.

Записывал рыб.

Шнур был туго натянут между якорем и поплавком. На каждом шнуре висели три белых мешочка. У самого дна, посередине и у поверхности.

Около мешочка толпились рыбы.

У верхнего — юркая серебристая мелочь.

У среднего — рыбы посолиднее, но тоже отливающие серебром.

У самого нижнего — ни на кого не похожие обитатели морского дна. Зеленые и бурые — под цвет камней и водорослей.

Теперь я совсем забыл, что плохо плаваю. Мне некогда было плохо плавать.

Я плавал хорошо.

ВПРОЧЕМ, В СЛУЧАЕ ЧЕГО, СПАСАТЬ МЕНЯ ДОЛЖЕН БЫЛ ВЕНЯ.

ПОДВОДНЫЕ ПТИЦЫ

Я вывернул один мешочек, и горсть бурых крошек за клубилась около шнура.

Откуда ни возьмись, на них налетела стая черных бархатных рыбок.

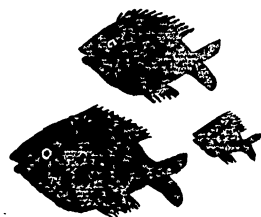
Хвостик у каждой был раздвоен.

Рыбки не стояли на месте, не плавали по кругу, как другие. Они причудливо порхали, переносясь с места на место. Черные хвостики не знали покоя. Рыбки вились вокруг медленно тонущих крошек.

Ко мне подплыл Марлен.

«Морские ласточки», — нацарапал он на дощечке.

Конечно, ласточки... Как же им называться еще?

*Морские ласточки
(мочалки)*

ИГЛА

Прямо подо мной из водорослей торчала серая палка.

Вдруг я заметил, что палка

И
З
Г
И
Б
А
Е
Т
С
Я

Живая!

Я решился, набрал воздуха и нырнул.

Я увидел полянку, поросшую бурыми водорослями, а среди них здоровенную рыбу-иглу. Рыбу-иглу, которых полно в матрасах, набитых морской травой.

«САМАЯ БЕЗОБИДНАЯ ИЗ РЫБ» — так пишется в книгах.

Я протянул руку.

Рыба тронулась с места и пошла на глубину. В камни.

Она плыла ужасно нелепо, плыла **СТОЯ** — головой вверх, хвостом вниз. Глубже, глубже...

Я снова протянул руку, схватил иглу и...

МНЕ НЕ ХВАТАЕТ ВОЗДУХА!!!

Изо рта выскочил серебряный пузырек. Перед глазами пошли круги. Я потерял сознание...

Чья-то сильная рука тащила меня наверх...

Вот все, что я помню.

О НОГАХ

Спас меня Марлен.

Это он заметил: со мной что-то неладное.

А Веня?

ОН ДУМАЛ О СВОИХ ДВАДЦАТИНОГИХ.

Обо мне он забыл.

НУ КОНЕЧНО, ВЕДЬ У МЕНЯ ДВЕ НОГИ...

У Марлена с ним был неприятный разговор.

Веня целый день потом ходил в пятнах. Как жираф.

Двадцатиногие, и верно, не давали ему покоя.

То и дело Веня доставал из-за борта ведро воды.

Воду процеживал через марлю.

На марле оставался комочек голубоватой слизи.

ЭТО БЫЛИ РАЧКИ.

Вернее, в слизи было **ЧТО** **УГОДНО**, и рачки тоже.

Слизь он осторожно собирал на стеклышко и рассматривал через микроскоп.

НОВЫЕ ВЕСЛОНОГИЕ НЕ ПОПАДАЛИСЬ.

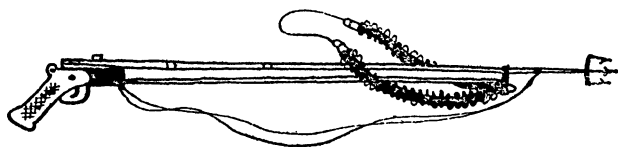
РУЖЬЕ

В каюте, над койкой Марлена, висело ружье.

Необыкновенное ружье. Для подводной охоты.

Оно стреляло гарпуном. Две стальные пружины висели бок о бок вдоль металлического ложа.

— Этим ружьем можно убить кита, — сказал как-то Марлен.

Я не понял, шутит он или всерьез.

Разве можно такое страшное оружие оставлять на стене, без присмотра?

Однажды, когда Марлена не было, я снял ружье со стены и попробовал взвести курок. Тяжелые пружины едва шевельнулись.

Я понял, почему Марлен не боится за ружье.

Кроме него, с ружьем никому не справиться!

БРИЛЬ

Мы ходили по шхуне растрепанные и волосатые.

Один Веня в аккуратной соломенной шляпе.

— Очень милая шляпка. Где ты ее достал? — спросила однажды Кая.

— Не твое дело, — обиделся Веня.

— Позор! — сказал Марлен. Он давно присматривался к Вениной шляпе. — На корабле — такая панама! Нас примут за диверсантов и арестуют.

— Это бриль, — гордо возразил Веня.

— Вот и хорошо. Выброси его за борт.
Марлен до сих пор не простил Вене случай со мной.

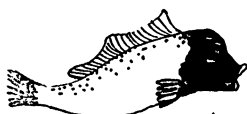
МЫ ИЩЕМ, ИЩЕМ, ИЩЕМ...

Потянулись скучные дни.

Каждое утро «Тригла» снималась с якоря и шла в «точку» — к заранее намеченному месту.

Таких «точек» Марлен наметил сорок.

В «точке» Марлен и Дима осматривали дно. Веня брал станцию. Я записывал рыб.

Морская собака

Зеленушка

Окунь-сариды

Каждый день одно и то же.

Вначале мы с нетерпением ждали возвращения водолазов. А вдруг сегодня нашли!

— Нет! — мрачно говорили они.

И мы привыкли.

Мы только вопросительно смотрели на них, а они в ответ только качали головами.

Потом мы перестали смотреть, а они перестали качать.

Тогда все стали пожимать плечами.

— Кто знает, где эти камни? — говорили мы. — Может, никаких отпечатков-то и не было?

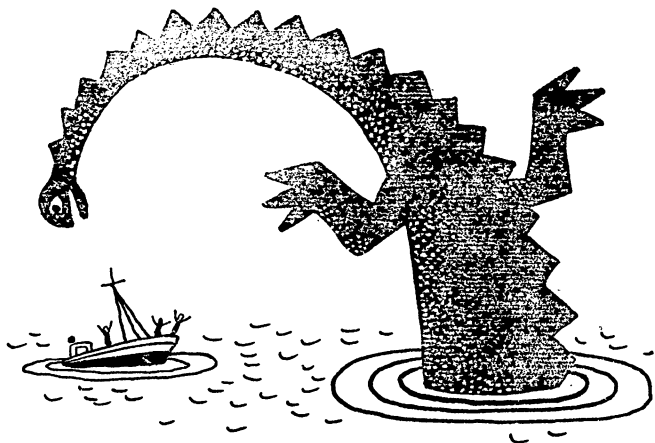
Тогда Марлен вытаскивал из бумажника пожелтевшую фотографию.

— Отпечатки были вот здесь, — показывал он.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ЯЩЕР

Я так много думал о древних следах, что как-то ночью мне даже приснился ихтиозавр.

Большой, серый. Сначала он шел по берегу, а потом поднялся на задние лапы и вошел в воду.

Он подошел к «Тригле» и, подняв над ней маленькую злую головку на тонкой шее, зловеще замер.

Я проснулся в холодном поту.

— Эх ты! — сказал Марлен, когда я рассказал ему сон. — По-твоему, ихтиозавры на четырех ногах? А ну нарисуй.

Я нарисовал.

— Это же бронтозавр, сухопутный ящер. А ихтиозавр — морской, вроде зубатого дельфина. Тоже мне художник! Правильного ящера увидеть во сне не можешь!

Больше неправильные ящеры мне не снились.

ГДЕ ЖЕ КАМНИ!

А дни шли.

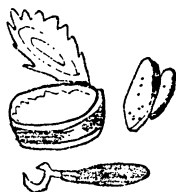
Мы съели мясо, капусту. Хлеб зачерствел.

Мы перешли на консервы. За обедом капитан стал класть на стол, для желающих, сухари.

— Но где же камни?

Этот вопрос мучил нас.

— Кажется, я знаю, — сказал наконец Веня. — Камни выветриваются. За миллион лет камень теряет до половины своего веса.

Марлен посмотрел на него уничтожающе.
И тут меня осенило.
А что, если...
Нет, не может быть! Слишком просто! Скажешь — засмеют.
И я промолчал.

ШПИЛЬ

На носу шхуны стоял шпиль — здоровенная чугунная тумба.

Она соединялась с мотором.

Когда нужно было вытащить якорь, капитан набрасывал на тумбу якорную цепь. Запускали мотор. Тумба, поскрипывая, начинала крутиться.

Цепь наматывалась на нее, якорь неторопливо и важно показывался из воды.

— Отличная машина! — говорил капитан и шлепал ладонью по ржавой макушке шпиля. — Чёрта своротит!

Ночью Кая сушила на шпиле купальник.

Больше шпиль не интересовал никого.

ЯКОРЬ

Каждый раз, на ночь, мы проверяли, как лежит якорь. Хорошо ли зарылся в песок?

Однажды Веня, который нырял к якорю, вернулся обескураженный.

— Ничего не пойму, — сказал он, стянув с лица маску и разводя руками. — Вчера все было в порядке, а сегодня якорь лежит поверх песка. Кто-то **ВЫРЫЛ** его.

— Это еще что такое? — возмутился Марлен. — Дом с привидениями? Кто будет рыться на дне около нашего якоря?

— Морские дүхи, — сказал Дима.

— И все-таки якорь вырыли, — настаивал Веня.

Дима сложил ладони лодочкой и пошевелил пальцами — это значило: **ВОТ ДО ЧЕГО ДОВОДЯТ ДВАДЦАТИНОГИЕ!**

КАК ВЕНЯ СОЧИНИЛ СТИХИ

Я сидел, привалясь к мачте, и смотрел, как опускается в море солнце. Оно было похоже на лимон. Желтое и расплющенное.

Рядом со мной сидел Веня.

Он шевелил губами.

— Знаешь что, — сказал он, — я, кажется, сочинил стихи. Хорошие стихи: тум-туру-рум-тум, тум-туру-рум-тум...

Три строчки сочинил, а четвертую не могу придумать.

— А ну прочти свои стихи! — сказал Марлен.

И Веня прочел:

Шел веселый барабанщик,
Шел веселый барабанщик,
Шел веселый барабанщик...

— Громко плакал и рыдал, — сказал Марлен. — Можешь не стараться, эти стихи я уже где-то читал... Ну и команда! Один ходит в панаме, вторая спит, есть свой Айвазовский. Не хватало Пушкина. А между прочим, время — двадцать ноль-ноль. Кто будет за тебя температуру воды измерять? Раки?..

20.00

Двадцать ноль-ноль — это восемь часов вечера. По-корабельному.

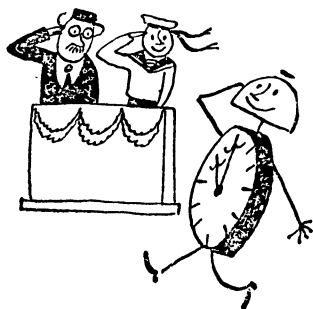
Я давно уже понял: на корабле всё не так, как на суше.

Пол называется палуба. Комната — каюта. Наш капитан вместо «компас» говорит «компас», вместо «маяк» — «маяки».

Но путаннее всего — время.

Дома у меня на столе стоял будильник. На нем были числа от 1 до 12. Половина пятого была половиной пятого. Стрелки я мог крутить как хотел. Время подчинялось мне.

На «Тригле» все оказалось не так.

В первый же день ко мне подсел капитан и объяснил, что время бывает:

судовое,
солнечное,
звездное,
среднее.

И каждое — разное. Половина пятого — это может быть:

и 4.30,
и 16.30,
и 16.25,
и 23.10,
и все что угодно.

На корабле есть такие часы — хронометр. К ним нельзя прикасаться. Когда с хронометром нужно что-нибудь сделать, его выносят на берег и специальные люди колдуют над ним.

Время — это наука.

Я понял: время подчиняется ученым и морякам.

ТРИГЛА

Я часто думал: почему наша шхуна называется «Тригла»?

Три иглы?

Три угла?

В оркестре есть такой инструмент — триангль. Треугольник. Если по нему ударить палочкой, раздается звон: денн-н-нь...

Как-то утром мы решили половить рыбу. Я, Дима и капитан.

За борт на капроновых жилках были опущены крючки с наживкой.

*Морской петух
(тригла)*

Капитану повезло. Его жилку сразу потащило в сторону. Он дернул. Жилка задрожала. Неторопливо смотав ее, он вытащил на палубу рыбу.

Замечательную рыбу. Пеструю, как птица, большоголовую, золотисто-бурую, с голубыми плавниками.

— Морской петух, — сказал капитан, — тригла.

Так вот оно что! Наша неказистая шхуна называется именем этой красавицы!

Я долго разглядывал триглу, а когда вернулся к своей жилке, она тоже была туго натянута.

Я дернул — что-то сопротивлялось.

Все лица с любопытством повернулись ко мне.

Я торопливо начал выбирать удочку.

Наконец в воде показалось что-то желтое. Еще одна диковинная рыба!

Я потянул — из глубины всплыл Венин бриль, аккуратно насаженный на крючок.

Бессовестные!

Я дернул... и — о счастье! — бриль отцепился. Поблескивая полями, он снова погрузился в море.

Я оглядел шхуну.

Кая и Марлен смотрели в сторону.

Веня улыбался. Его черные волосы свободно развевались по ветру.

— Кого поймал? — спросил, подходя, Дима.

Лицо у него было каменное.

— Триглу, — как можно небрежнее сказал я. — Сорвалась.

— Ах вот что!.. — Губы у Димы задрожали от смеха. — Рыбу не мог вытащить, — сказал он и ущипнул себя за бороду. — А еще Айвазовский!

АЙВАЗОВСКИЙ

Айвазовский был художник.

Он жил на берегу моря, в городе Феодосии.

В шторм он раскрывал настежь окна своего дома и писал картины.

Соленые брызги летели на неоконченное полотно.

Он писал много.

Он написал очень много картин. Несколько тысяч.

И на всех было море.

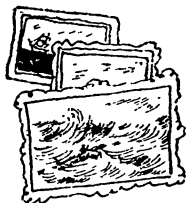

*Памятник
И. К. Айвазовскому
в г. Феодосии*

Море утреннее и вечернее, море спокойное и в бурю, море у берегов России, Италии, Африки.

У Айвазовского есть картина «Наполеон на острове Святой Елены». Этот остров находится в Атлантическом океане. На картине бушуют волны. Они пенятся у подножия отвесной скалы. На вершине скалы стоит маленькая фигурка Наполеона.

Айвазовского не интересовал французский император. Его интересовало только море.

КАК РЫБЫ СЪЕЛИ МОЮ КАРТИНУ

А мои картины не писались.

Картонки, заготовленные для них на берегу, сырели и покрывались плесенью.

Я устал. Я работал в воде часами. На шхуне я только спал.

И вдруг мне в голову пришла блестящая мысль. А что, если написать картину под водой?

Там так здорово!

Я сказал об этом товарищам.

— Для такого дела не жалко и акваланга, — сказал Марлен. — Пустим тебя на конце, чтобы не утонул. Будешь писать рядом со шхуной.

Конец — тонкая веревка. Ее прицепили мне за пояс. Чтобы кисти не всплыли, к ним привязали гайки.

Алюминиевый лист — вместо картона — принес из машины капитан.

На меня навьючили акваланг, и я полез в воду.

Пять метров глубины.

Светло, как в студии!

Отчаянно пузыри и болтая ногами, я стал устраиваться. Положил лист, краски. Сидеть на дне оказалось страшно трудно. Я все время всплывал и переворачивался вверх ногами.

Тогда я стал плавать вокруг листа. Подплыву, сделаю мазок — и поплыл дальше. Мазок за мазком.

И картина начала получаться.

Я писал подводный лес — бурые разлапистые водоросли и лиловую даль, черные камни и кроваво-красных рыбок-собачек.

Очень хорошо!

Но тут появились зрители.

Стайка черных монашек-ласточек остановилась около меня. Подплыл круглый, как блюдце, с черной отметиной на хвосте карась-ласкирь. Он уставился плоскими глазами на картину и начал задумчиво жевать губами.

Подожли серебристые кефальки. Самая храбрая из них подплыла к листу и клюнула его. Ее примеру последовали подруги.

Я не сразу понял, в чем дело.

Рыбы выскакивали одна за другой вперед и — тук! — ударялись губами о картину.

И вдруг я увидел: они едят краски! Замечательные краски, приготовленные на чистом растительном масле.

— Кыш! Кыш!

Я замахал руками и тотчас же очутился метрах в десяти от картины.

Разбойницы-рыбы почувствовали свободу. Они дружно бросились вперед... и, когда я вернулся, на алюминиевом листе лишь кое-где пестрели остатки краски...

Я дернул за веревку: «Тащите наверх!»

Картины не существовало.

ПЛОВ ИЗ РАКУШЕК

Мы работали в Голубой бухте уже неделю, а отпечатки, которые мы искали, все не давались нам в руки. Мы отощали, нам надоели консервы и черствый хлеб.

— Сегодня я приготовлю вам плов из ракушек! — сказал капитан.

ПЛОВ — ЭТО ХОРОШО!

По этому поводу Марлен объявил выходных полдня.

Капитан оживился. В его глазах зажглись огоньки.

Плов — это рис, масло, ракушки.

Рис и масло были в шкафу.

Ракушки — на морском дне.

— Надрать мидий! — распорядился Марлен.

Бросили жребий.

Лезть в воду досталось Диме и мне.

Мы не заставили себя ждать.

Вот и дно. В некоторых местах ракушки ковром покрывают камни. Но отрывать их ужасно трудно. Ви-сишь вниз головой, отколупываешь по одной, ломаешь об них ногти.

Мы надрали целое ведро ракушек.

Мы сломали семь ногтей и порезали четыре ла-
дони.

Мы устали.

Только надежда на вкусный обед поддержива-
ла нас.

УХ КАК БУДЕТ ВКУСНО!

ОБЕД

На шхуне капитан варил рис.

В кухню не допускался никто. Масло летело в
кастрюлю ложками.

Когда рис был готов, мы уже истекли слюной.

Но капитан не спешил.

Он ножом извлек каждого моллюска из раковины
и обжарил его на сковородке.

Запахло водорослями.

Мы насторожились.

Жаренные на чистом сливочном масле мидии были
брошены в кастрюлю и пе-
ремешаны с рисом.

Каждому навалили по
тарелке плова.

Мы набросились на
него, как голодные волки.

Каждый сунул в рот по
полной ложке и...

Я понял: ЭТО ЧТО-ТО
НЕ ТО!

Первым положил лож-
ку Дима: ему надо посмот-
реть, как уложены аква-
ланги.

Он ушел.
Вторым сбежал Марлен, оказа-
лось: ему нужно подтянуть
ЯКОРНУЮ ЦЕПЬ.

Кая взглянула на меня боль-
шими испуганными глазами.
Можно, она сходит за солью?..

Соль стояла на столе.

Мы с Веней стеснялись. Нам
ужас как не хотелось обидеть ка-
питана.

Может быть, придет моторист?

Он опять чинит мотор...

Я жевал холодного моллюска полчаса.

Из тарелки пахло йодом и сырой капустой.

Я не мог спокойно смотреть на кастрюлю. Мне ка-
залось, что моллюски в кастрюле

ЖЕВАЮТСЯ

Наконец сбежали и мы.

На палубе нас встретили хохотом.

Марлен заглянул через люк в каюту. Капитан до-
едал третью тарелку.

Моторист так и не пришел.

МОЕ ОТКРЫТИЕ

Чем дольше мы работали в бухте, тем веселее ста-
новился Венья.

Каждый комок слизи, отцеженный из ведра, при-
ближал его к победе. Новый вид рачка мог быть от-
крыт с минуты на минуту.

Его микроскоп горел на солнце, как золотое ору-
жие героя.

Картины писать мне было уже нечем. Кисти съели тараканы...

Мне тоже захотелось славы ученого.

Выждав момент, когда Веня спустился в каюту, я набрал ведро воды и добыл из него немного слизи.

Острым кухонным ножом я соскоблил слизь с марли на тарелку, комочек слизи размазал по стеклу.

Вот стекло под микроскопом. На светлом поле копошились прозрачные многорукие твари.

— Что это?!

Мои глаза полезли на лоб.

Прямо посередине светлого поля судорожно двигался по стеклу пятиногий рачок.

— Ого!

Я поперхнулся от радости.

А вон еще... еще... Шестиногие, четырехногие, семиногие рачки так и кишели под микроскопом. Один из них был даже одноногий.

КАКОЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ!

— А, и ты смотришь? — Веня стоял рядом и сочувственно моргал близорукими глазами. — Есть что-нибудь?

— Кое-что есть...

Я небрежно уступил ему место у микроскопа.

ВОТ СЕЙЧАС ОН АХНЕТ!

— Господи! — Из Вениной груди вырвался стон. — Что ты сделал? Ты их всех разрезал! Разве можно скоблить их острым ножом?

Я сделал вид, что люблюсь облаками.

Облака медленно плыли над морем.

Два облака плыли отдельно.

Одно было похоже на одноногую лошадь. Второе — на трехгорбого верблюда.

КАПИТАН

Как-то мы с капитаном чистили якорь-цепь.

— Вы правда много плавали? — спросил я его.

— Много, — ответил он.

— Вам, поди, это все надоело?

Капитан промолчал.
Мы сидели на носу.
Рядом с нами Веня опускал за
борт термометры.

Говорят, у капитана на берегу
дом, сад с вишнями.

Зачем ему торчать с нами в
этой бухте?..

Кая сегодня наступила на тю-
бики и выдавила всю краску.

ШАШКА ДУСТА

За то, что меня взяли в экспедицию, я решил от-
платить добром.

На шхуне водились тараканы.

Тараканы были рыжие и усатые.

Им ничего не стоило прокусить насквозь ботинок.

Их не брало никакое море. Говорят, на железных
кораблях не живут ни собаки, ни кошки. Тараканы же
чувствуют себя как дома.

Вся команда ненавидела их.

А мне тараканы не были страшны.

В чемодане у меня лежала шашка дуста.

**НОВЕЙШЕЕ СРЕДСТВО ОТ МУХ, КОМАРОВ
И ПРОЧИХ НАСЕКОМЫХ!**

Когда все вышли из каюты на палубу, я достал
шашку из чемодана, поставил ее на пол, и, чиркнув
спичкой, поджег.

Из шашки показалась струйка зеленого дыма.

«Ага!» — радостно подумал я.

В шашке что-то затрещало.

«Разгорается!»

Я задвинул шашку в угол, от-
куда особенно часто вылезали та-
раканы.

Зашипев, она выбросила густую
струю дыма.

В каюте сразу запахло апте-
кой. Защищало глаза.

Дневной свет померк.

Упав на колени, я пополз к
выходу.

На палубе уже заметили дым.
— Что с тобой? В чем дело? Пожар?!
Из дверей каюты клубами валил дым.
Минута — и палуба скрылась в тумане.
Раздался кашель.

Шхуна окуталась густым зеленым облаком.

Ап-чхи!

За борт с шумом свалилось чье-то тело.

СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТ!

Я бросился в воду последним.

Отплыв метров на двадцать, я оглянулся.

Шхуна стояла, окутанная ядовитым зеленым облаком. Из облака торчала одна мачта.

В воде чернели головы команды. Раз, два, три, четыре, пять, шесть... А где моторист?

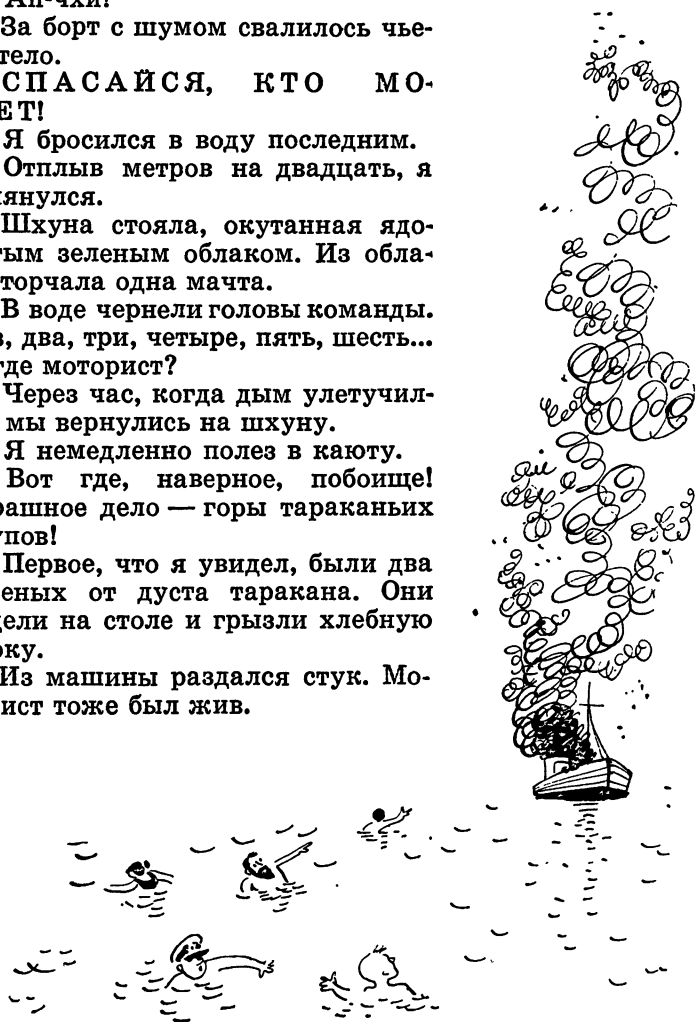
Через час, когда дым улетучился, мы вернулись на шхуну.

Я немедленно полез в каюту.

Вот где, наверное, побоище! Страшное дело — горы тараканьих трупов!

Первое, что я увидел, были два зеленых от дуста таракана. Они сидели на столе и грызли хлебную корку.

Из машины раздался стук. Моторист тоже был жив.

КАК МНЕ ПОПАЛО ОТ МАРЛЕНА

Ох и попало же мне от Марлена!

Я ВИЖУ ЧТО-ТО НЕПОНЯТНОЕ

Вечером я опять спустился с аквалангом — посмотреть закат под водой.

Заката я не увидел.

Подводный мир был объят какой-то непонятной тишиной. Света становилось все меньше и меньше. Рыбы исчезли.

И вдруг я заметил прямо под собой здоровенное черное пятно. Со стол величиной. Наверное, камень...

Затем посередине пятна появились две дыры. Появились и исчезли. Как черные пузыри. Появились — лопнули. И опять появились.

Я отплыл на всякий случай в сторону.

Когда я оглянулся, на том месте, где только что чернело пятно, стоял желтый столб мути.

Муть осела. Затаив дыхание, я вернулся на старое место.

Черное пятно исчезло.

ЧТО ЭТО БЫЛО ТАКОЕ?

ДИМА ПРЕДПОЛАГАЕТ...

Когда я рассказал про черное пятно, никто не засмеялся.

Капитан пожал плечами.

— В море все может быть, — сказал он. — Одних рыб сколько!

Марлен кивнул.

— Я не хотел говорить, — сказал Дима, — но дня три назад у берега я тоже видел что-то вроде громадной камбалы. Такая рыба — сам себе не поверил!

Веня задумчиво смотрел на нас.

— Знаете, — сказал он, — в библиотеке Академии наук я читал древние книги о морских змеях. И есть люди, до сих пор убежденные в том, что морские змеи действительно существуют...

Кая зло посмотрела на него.

— Спасибо,— сказала она.— Первым они сожрут тебя...

НА СОРОК МЕТРОВ

— Что, если камни с отпечатками скатились на середину бухты, на самую глубину?

Мы уже знали: посреди бухты — впадина. Сорок метров.

— Надо искать и там.

Это сказал Марлен.

И время пришло, Марлен опускался на сорок метров.

Он стоял на палубе в голубой майке, голубых ластах, с аквалангом за плечами.

Поднятая на лоб маска блестела, как лягушачий глаз. Всплеск — и Марлен ушел в воду.

За ним, в желтой майке и желтых ластах, свалился Дима. Я с трубкой и маской сошел в воду последним.

Кая уселась на борт. У ног ее, как всегда, стояла сумка с красным крестом.

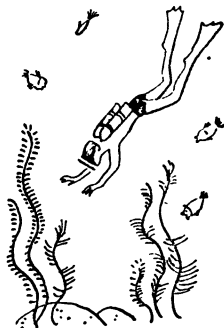
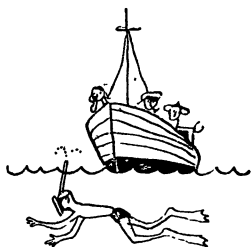
Мы плыли в три этажа.

На поверхности плыл я. Из трубки, торчавшей над моим затылком, фонтанчиками вылетала вода.

На глубине десяти метров держался Дима. Он двигался, как желтый краб, едва перебирая руками и ногами.

Ниже всех, у самого дна, шел Марлен. Его не было видно. Только иногда в глубине вспыхивали голубые зайчики — солнечные лучи, отраженные от ласт.

За Марленом и Димой, шипя, поднимались белые гирлянды пузырей.

Через двадцать минут мы подплыли к борту.
— Камней нет,— сказал Марлен. Он дышал тяжело, как кит.

ГРОТ «МАШИНА»

Мы целый час сидели на борту свесив ноги и отдыхали. Потом Марлен спросил:

— Видишь пар?

Напротив шхуны из узкой расселины в скале вырывалось белое облачко.

— А может, это не пар?..

— Посмотрим?

Я кивнул. Недалеко, можно посмотреть.

Плыли мы недолго. Вот и расселина. Под скалой тень. Холодина — брр!

Волна, идущая с моря, складывалась здесь с отраженной от стены волной. Мы заплясали на воде, как пробки.

До расселины было рукой подать. Она оказалась низкой пещерой, гротом, в который свободно входила вода. Улучив минуту, Марлен проскочил в грот. Я последовал за ним.

Осторожно раздвигая руками ледяную воду, мы держались на месте. В глубине грота чернело отверстие.

Крадучись, в грот вошла пологая волна. Она подняла нас, затопила отверстие, и тогда из-под воды с шумом вырвалась струя сжатого воздуха.

Пшш-ш! Ш-ш-шшу!

Так вот оно что! Мы дождались следующей волны, и в лица нам снова ударила холодная струя. Отверстие в глубине грота вело в небольшую камеру. Вода входила в нее, сжимала воздух, и тот с силой вырывался наружу.

Пшш-ш! Точно как пар из машины!

Марлен показал мне жестом: НАЗАД!

Я поплыл за ним.

Со шхуны за нами следили.

— Ну как? — спросил капитан. — Видели?

— Видели.

— Ну и что?

— Как — что?.. Ничего.

— Паровая машина — вот что. — Капитан сурово оглядел нас. — Десять лет работает. И никто, хлопцы, не знает — как.

Марлен посмотрел на него. Капитан и глазом не моргнул.

Я понял: капитан хочет, чтобы там была машина. Чтоб у моря была еще одна тайна. Пусть будет так.

ЧП

Пока мы плавали, на шхуне случилось чрезвычайное происшествие — ЧП.

Веня и Кая поссорились.

Ко всем женщинам Веня относится свысока. И к Каяе тоже.

Когда мы с Марленом были в гроте, он затеял мытье пробирок. Мой себе на здоровье!

Но ему помешала санитарная сумка Кая. Она стояла рядом с пробирками.

Веня отодвинул сумку в сторону. Сумка упала.

Кая поставила ее на старое место. Звякнуло стекло.

Веня крикнул.

Кая подняла бровь.

Веня отодвинул сумку ногой.

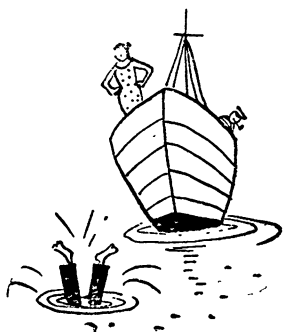
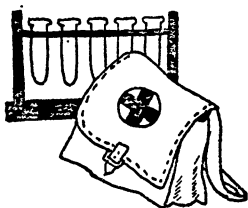
Тогда Кая молча поднялась, сгрэбла Веню в охапку и, не раскачивая, бросила за борт. Как ядро...

— Почему ты такой мокрый? — с удивлением спросил Марлен, когда мы вернулись из грота.

— Он купался, — мягко сказал Дима.

— В штанах?

Марлен пожал плечами.

Я ПРИДУМАЛ

Мы плавали в бухте уже десять дней.

На ногах у нас были лиловые синяки от ласт. Плечи гудели. Мы не справлялись. Бухта была очень велика.

Вечером Марлен нацарапал карандашом в блокноте какие-то цифры.

— М-да...— заявил он.— Если так искать, надо еще двадцать дней. Почти месяц!

В кубрике воцарилась тишина.

Все сосредоточенно думали.

— Двадцать, а у нас еды всего на пять. И потом, ведь шхуна нужна другим. Нам ее больше не дают.

Тут у меня зачесалась нога и запершило в горле.
«К-где!»

Мне в голову пришла сумасшедшая мысль:

«А ЧТО, ЕСЛИ...»

...что, если прицепиться на буксир и плыть за шхуной. А? Ведь здорово? Ведь быстро? Можно успеть и в пять дней...»

Я выпалил это вслух.

Веня фыркнул.

Дима покачал головой.

— Оборвет! — сказал капитан.

Только Каю мое предложение привело в восторг.

— Вот хорошо! — сказала она.— Я хочу на буксир. Действительно, захотели полморья изучить за десять дней! Знаете, кто вы такие? СУМАСШЕДШИЕ!

Марлен сказал:

— М-м-м...

НА БУКСИРЕ

«М-м-м»...— это значило, не хватало еще, чтобы нас учил художник.

И все-таки Марлен рискнул.

Приготовили буксир — канат с палкой на конце. Буксироваться решил сам Марлен, напарником он предложил быть мне.

ВОТ ЭТО ЗДОРОВО!

Буксир бросили за борт.

Мы с Марленом прыгнули в воду и уцепились за палку.

«Тригла» дала ход.

Нас потащило.

Вода, такая теплая и **ЖИДКАЯ**, превратилась в жесткий, холодный поток. Он налетел на нас, выбросил из глубины на поверхность, распластал по воде, с силой прижал к лицу маски.

— Ох!

Я вцепился что было сил в палку, втянул голову в плечи, осторожно глянул вниз.

Подо мной со страшной быстротой проносились пронизанные солнечными лучами голубые глыбы воды. Дна не было видно. Какие-то белые, парящие в воде частички стремительно приближались, яркими искрами вспыхивали у лица и так же стремительно уносились прочь.

Руки быстро немели.

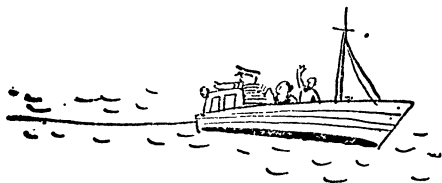
На шхуне сообразили, что идут далеко от берега. Они изменили курс.

Из голубой бездны выступили очертания дна. Промелькнули полянки, усыпанные белыми раковинами. Проплыли черные знакомые валуны. Розовым ковром потянулось дно, заросшее водорослями.

— Мои руки!..

Палка, за которую я держался, повернулась, прижалась к канату, придавив пальцы. Я выпустил ее и, беспомощный, с маской, сбитой на ухо, забарахтался в остановившейся воде.

Вынырнув и сорвав маску, я увидел невдалеке от

себя голову Марлена. Поодаль шхуна описывала широкий полукрут, направляясь к нам.

Нас подняли на борт.

Оказалось, что первым оборвался Марлен. Широкоплечий, он греб воду, как плуг, и устал раньше меня. Как хорошо иметь узкие плечи!

КТО ТОЛКНУЛ МЕНЯ ЗА БОРТ

Когда я стоял на палубе и сдираю с головы маску, ко мне подошел Дима.

— Молодец,— сказал он,— здорово придумал... А знаешь, кто толкнул тебя в первый день?

— Кто?

— Мы все. Предложил я. Кая и Веня толкнули. Нам хотелось посмотреть, какой ты.

КАКОЙ Я!

— Пустяки! — ответил я Диме.— А что, если вместо палки на конце буксира сделать петлю?..

ОТЧАЯНИЕ

На буксире за шхуной мы в два дня осмотрели всю бухту.

Камней с отпечатками не было.

«Тригла», как паук, сновала взад-вперед. Темный след ее винта паутиной ложился на поверхность моря.

Все напрасно. Подозрительными камнями на дне были только те черные глыбы, около которых я едва не утонул, добывая иглу.

Мы по очереди облазили их. Осмотрели поверхности. Поковыряли ножом. Камни как камни.

Единственным человеком, который еще не видел камней, была Кая.

ПОЛОСКИ КВАРЦА

Мы сидели понурих головы.

Марлен сказал:

— К черту! Камней не найти. Они рассыпались в прах.

Дима крякнул.

Капитан почесал живот.

— Значит, конец,— рассудил он.— Завтра домой! КАК ЖЕ ТАК?

Я хотел было сказать: «Может, еще поищем?» — но меня опередила Кая.

Она с громом отодвинула ящик, на котором сидела, и подошла к аквалангам.

С лязгом нацепила на себя баллоны. Нахлобучила на лоб маску. Села на борт.

Шхуна качнулась.

Выпуская тучи пузырей, Кая ушла на дно.

Марлен угрюмо смотрел ей вслед.

Прошло полчаса.

Море было как зеркало. Солнце бронзовым жуком ползло вверх по горному склону.

Белая дорожка пузырей протянулась от берега к шхуне.

Вода раскололась. Из воды, фыркая, как тюлень, вылезла Кая.

Она грузно перевалилась через борт и стала перед Марленом.

— Ну как? — спросил Марлен.— Нашла?

— Нет.

Кая выжала волосы, и желтые струйки побежали по ее плечам.

— Но я, кажется, знаю, где они,— просто сказала она.

И тут я не выдержал. Я вспомнил свою догадку. Когда Веня сказал, что камни выветриваются, я...

— У меня тоже есть мысль!

— Я тоже думал...— нехотя сказал Марлен.— Да разве...

Он не договорил.

— А ты? — обратился он к Диме.

Дима пожал плечами.

Марлен вытащил блокнот и вырвал из него пять листков.

— Вот,— сказал он,— Пусть каждый напишет, что он думает.

Огрызком карандаша мы написали, каждый на своем листке, ЧТО МЫ ДУМАЕМ.

Марлен собрал бумажки.

— Константин Федотович! — позвал он капитана. — Слушайте.

И он прочел бумажки вслух:

*Камни могут лежать
отмогatkами вниз. Уаа.*

А если они вниз лицом?

Без подписи. Так написать мог только художник...

*Что если перевернуть
камни? Дима.*

*Мы ищем не так
Веня*

— Ценное замечание!.. И вот моя. — Он показал последнюю бумажку, на которой был нарисован такой значок:

8

— Я знаю, — сказал Дима. — Это корректорский знак. Он означает: перевернуть букву или рисунок. Марлен кивнул.

— Вся штука в том, — усмехнулся он, — что

камни руками не перевернешь. Поэтому я и молчал. Надо было искать до последнего дня.

Капитан молча наблюдал за нами.

Бумажки его уже не интересовали.

— Переворачивать будем шпилем, — лениво сказал он. — Якорь отклепаем, цепь — за камень, и пошла! А потом...

Он не договорил. Кая, бронзовая и сияющая, подошла к нему, обняла мокрыми руками и звонко чмокнула в щеку.

ВИРА ПОМАЛУ!

Капитан метался по шхуне.

Во-первых, его поцеловали.

Во-вторых, он действительно придумал здорово!

Впервые я видел, чтобы он суетился.

Он сам вытащил на палубу якорь и отклепал его.

Он сам вплел в свободный конец якорной цепи две петли.

Он кричал на Марлена и Диму. Он объяснял им, как надо ЗАВОДИТЬ за камень эти петли.

Марлен и Дима послушно кивали. Затем они ушли на дно. Выбирать камень.

— Камень нашли — будьте спокойны! — вынырнув, сказал Дима.

Капитан привязал к якорю пеньковый канат и поставил шхуну на якорь около этого камня — около пузырей, которые пускал над камнем Марлен.

В воду спустили якорную цепь.

— Петли заведены! — вынырнув снова, сообщил Дима. — Можно поднимать!

— Пошел шпиль! — скомандовал капитан

Затарактел мотор, и круглая тумба шпиля начала вращаться. Цепь, полязгивая, выходила из воды и обвивалась вокруг тумбы ровными кольцами.

Вот она натянулась.

— Вира помалу! — сказал капитан.

Это значило: «Тяни наверх».

И мотор потянул.

Шхуна накренилась. Шпиль, повизгивая, сделал три оборота и остановился.

«Ну и камень!» — подумал было я.

И тут что-то случилось. Шхуна качнулась и выпрямилась. Цепь глухо стукнула о борт. Шпиль легко заворачивался.

— Оборвало! — с досадой промолвил капитан.

Со дна поднялись облака рыжей мути и пузырей. Вместе с пузырями всплыли головы Марлена и Димы.

Руками они что-то поддерживали в воде.

— Идет! Идет! — закричала Кая.

Из воды медленно вылез обломок скалы. Одна грань его была чистая и блестящая.

— Раскололся! — довольно пробормотал капитан. — Камень сломали! А?

Камень со скрежетом перетаскивали через борт и бережно положили на палубу.

Марлен, Дима, мы все сгрудились возле него.

Кая присела на корточки и начала бережно мыть камень.

Веня покорно таскал для нее воду.

— Вот... — неожиданно сказал Дима. — Смотрите!

И он показал пальцем на еле заметные неровности на камне.

Только когда Кая отмыла весь камень, мы увидели: на камне действительно были отпечатки чьих-то больших ЗУБОВ.

МОТОРИСТ

И вот тогда на палубе появился моторист.

До этого я часто думал: какой он?

Наверное, весь черный, заросший волосами, с большим носом и могучей грудью.

Как дух из подземной кузницы.

И вот наконец он.

Он вылез из машинного люка. Медленно и торжественно.

Человек как человек... Худенький, с птичьим носиком, тонкими руками и... лысый.

Ни единой волосинки на голове.

— А-а! — сказал он, наклонившись над камнем.

И все.

Это все, что он сказал за время нашего путешествия. Сказав это, он подмигнул Кае и снова полез в свою машину.

УРА!

Итак, мы достали камень. Пусть не целый, а только кусок.

Кусок с отпечатками чьих-то зубов.

Неведомый зверь миллионы лет назад в предсмертной судороге сомкнул свои челюсти. Камень сохранил их след.

И вот теперь этот след у нас.

Скоро сюда придет баржа с краном и поднимет все камни.

Камни будут стоять за стеклами в залах музеев, и тысячи людей, удивляясь, будут подходить к ним...

МЫ нашли эти камни!

...Сегодня вечером мы уйдем из Голубой бухты.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

Остаток дня мы решили охотиться.

Охота на рыб с аквалангом — не охота, а избиение. Все равно что охота на зверей из автомашины или с вертолета.

Настоящие охотники на земле вымерли. Они остались только в воде. Это мы — пловцы без аквалангов, но в масках и с копьями.

У нас было два копья и Марленово ружье.

Бросили жребий.

Одно копье досталось Диме, второе — Вене.

— Не плачь, — сказал мне Марлен. — Поплывешь со мной.

Он плюхнулся в воду и поплыл, держа перед лицом свою машину, заряженную гарпуном.

Я плыл сзади. У меня в руках была сетка для добычи.

ОХ И НАБЪЕМ ЖЕ МЫ РЫБЫ!

Но скоро я понял: ЭТО ружье не для ЭТОЙ бухты. Для марленовского гарпуна вся здешняя рыба — мелочь.

Мы плавали битый час.

Мне надоело.

Но Марлен не сдавался.

И нам повезло.

СКАТ

Я отстал от Марлена, а когда догнал, то увидел — Марлен нырнул.

В светло-голубой воде он казался розовым великаном. Он висел вниз головой и старательно в кого-то целился.

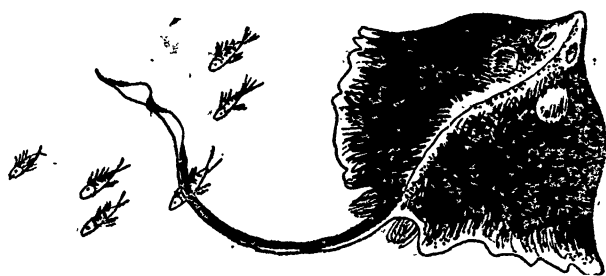
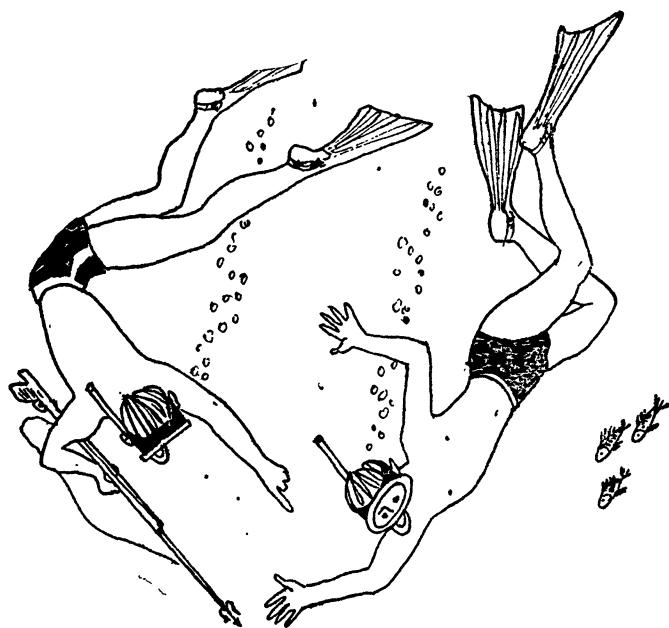
Я подплыл ближе.

Прямо под Марленом раскинулась на песке громадная рыбина. Черный ромб с тонким, как плеть, хвостом. Скат!

Он мне показался величиной со стол.

Ба, да ведь это то самое черное пятно, которое когда-то испугало меня!

Скат лежал на песке, широко раскинув плавники-крылья и едва шевеля хвостом.

Два отверстия на голове — брызгальца — закрывались и открывались. Скат дышал.

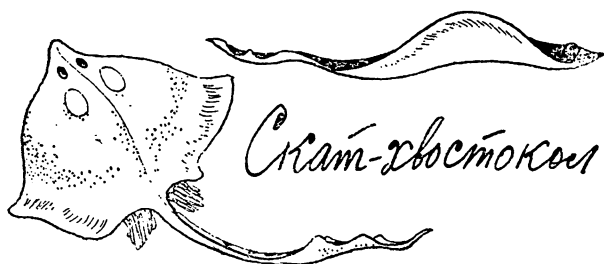
Время от времени он рылся мордой в песке. Вот кто мог откопать наш якорь!

Я заглянул Марлену в лицо.

Он смотрел на ската как зачарованный. Ружье в его руках ходило вверх-вниз, вверх-вниз.

Сейчас он будет стрелять!

У ската на хвосте есть зазубренный костяной шип. Раненый скат может нанести этим шипом жестокий удар. Значит, Марлен будет бить наверняка.

Мне не хватило воздуха, и я на секунду всплыл. Когда я вернулся под воду, скат медленно уплывал. За ним — Марлен.

Скат делал редкие взмахи крыльями и шел как тень. Над самым дном.

Рыжие лохматые водоросли послушно склонялись перед ним.

Марлен с тяжелым ружьем, нацеленным на ската, плыл позади.

Вот скат остановился.

Теперь или никогда!

Марлен направил стальное острие гарпуна на голову ската и вдруг, что-то решив, махнул рукой.

Движение испугало рыбу.

Скат резко сорвался с места.

Его громадные плавники поднялись, и он в один взмах очутился далеко от нас.

Он уходил, как огромная черная птица. Он то парил над морским дном, то взмахивал крыльями и удалялся все дальше и дальше.

Мы вынырнули.

Марлен тяжело дышал.

— Что ж ты, а?..— начал было я, но взглянул в глаза Марлена и осекся.

Я впервые видел у него такие глаза.

В них были восхищение и зависть. Замечательный пловец, он завидовал рыбе.

— Хочешь? — спросил он и протянул мне ружье.

Я взял наперевес эту стальную махину с туго взведенными пружинами и хищно заточенным гарпуном.

Около шхуны я прицелился и выстрелил в круглый коричневый камень на дне.

С коротким стуком гарпун рассек его пополам.

ДОМОЙ

Качаясь на волнах, точно утка, «Тригла» возвращалась домой.

Был вечер.

По небу плыли красные перья облаков.

Теплый воздух дрожал над черными зубцами гор.

Мы сидели на палубе и слушали, как поет Кая. Она пела без слов:

— А-а-аа-аа-а!..

Здóрово! Вечер. Закат. Песня. И мы.

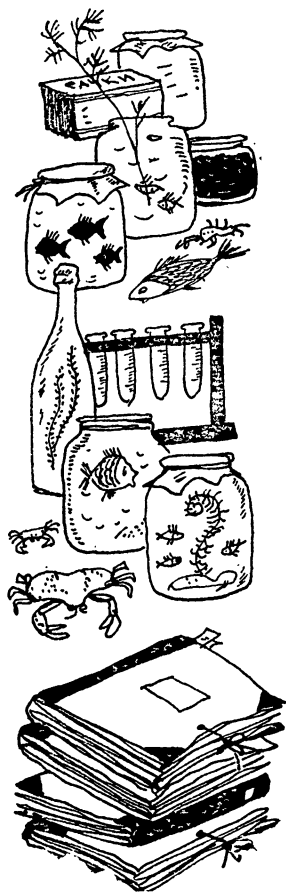
Это мы набили каюту до потолка банками с водой, водорослями, рачками, рыбами.

Мы исписали четыре толстых журнала.

Мы за двенадцать дней ни разу всерьез не поссорились и не пожелали друг другу зла.

НИЧЕГО, ЧТО У МЕНЯ НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ НИ ОДНОЙ КАРТИНЫ.

«Тригла», покачиваясь, шла вперед.

Небо потемнело, и у горизонта зажглась зеленая
закатная полоса.

Мы ушли все дальше
и дальше

от Голубой бухты,

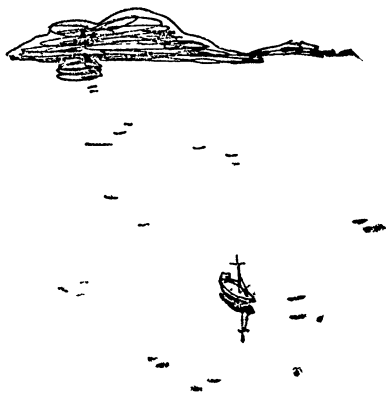
на дне

которой

лежали

наши

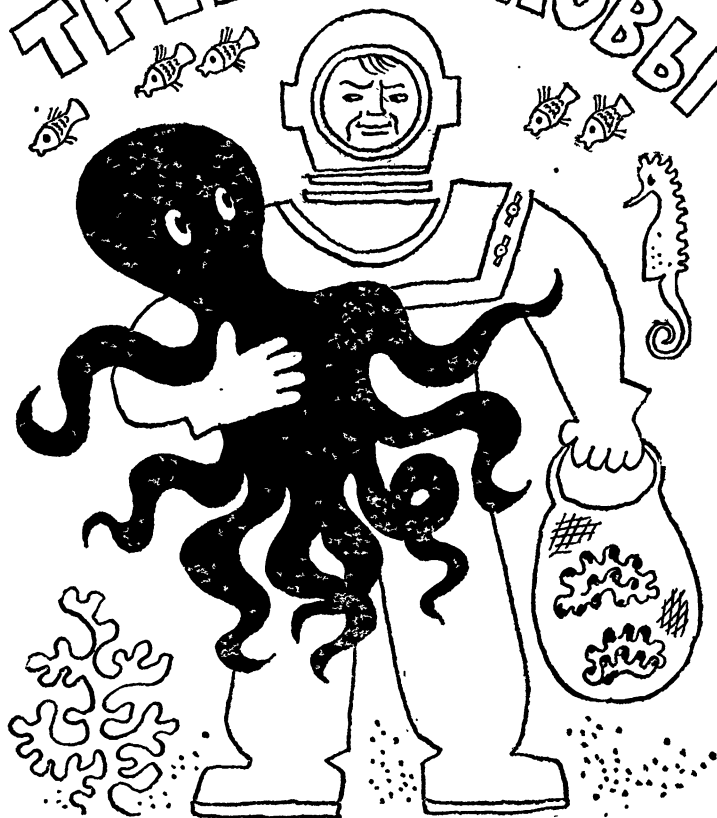
камни.

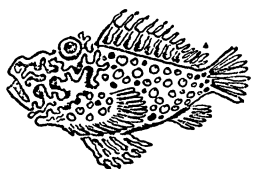
ПОДВОДНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ТРЕПАНГОЛОВЫ

ЯПОНСКОЕ МОРЕ,
1966 год

ЖИЛ СТАРИК СО СВОЕЮ СТАРУХОЙ

Однажды я сделал рисунки к сказке о рыбаке и рыбке.

— М-да,—сказали в редакции, где я работал,— ну и рыбак у вас получился! Не рыбак, а молотобоец. И старуха тоже — прямо борец. А это что — корыто?

— Корыто.

— Корыто лучше. Это рыбка?

— Рыбка.

— Рыбка хорошо. Вы ее по памяти рисовали?

— По памяти. Это черноморский карась-ласкирь. Видите, на хвосте у него черное пятнышко?

Я рассказал все ласкирьи приметы.

— Э-э, батенька,— сказали мне,— какие у вас знания! Так, может быть, вам не старух надо рисовать, а рыб? Может, вам съездить на Дальний Восток? Там готовится книга «Морепродукты». Попробуйте ее иллюстрировать.

— Что еще за морепродукты? — удивился я. — Консервы?

— Нет, животные. Рукопись пока не поступила. Во Владивостоке ее пишут для нас двое ученых — муж и жена. Им уже сейчас требуется художник. Так поедете?

— Раз посылаете,— сказал я,— придется ехать. А как будет со сказкой?

— Не пойдет. Вы только прислушайтесь: «Жил старик со своею старухой...» Это Пушкин. Музыка! А у вас что? Одно корыто. Да рыбка.

СОБИРАЮСЬ В ДОРОГУ

Дома меня ждали сестра Зина и мать.

— Как ехать? Да еще на Дальний Восток! — всполошились они.

— Вот так. Посылают.

— Это же так далеко!

— Тихий океан... Мой чемодан не видели?

Начали собирать меня в дорогу.

— Альбом, краски, карандаши,— бормотал я.

— Галстук! — предупреждала сестра.

Галстук я потихоньку вытащил.

— Батон и кусок плавленого сыра. Я завернула его в тряпочку, — говорила мать.

— Фотоаппарат, катушки с цветной пленкой...

— Ложка, стакан, соль...

— Босоножки...

— Стоп! Зачем мне босоножки?

— Как зачем? Сейчас лето, все ходят в босоножках.

— Но ведь это ДАЛЬНИЙ ВОСТОК!

— Ну и что же?

Зина положила босоножки рядом с плавленным сыром.

— А бокс? — вспомнил я.

— Какой бокс?

— Водонепроницаемый, для аппарата. Такая желтая камера с ручками.

— Она лежит в ванной.

Я принес бокс и тоже уложил его в чемодан.

Теперь, кажется, все.

У меня получилось всего два места: тяжелый чемодан и легкий альбом для рисования. Широкий большой альбом — пупырчатые ватманские листы.

Потом я поехал на аэровокзал и, к своему удивлению, купил билет на тот же день, на вечер.

Мы начали прощаться.

— Коля, ты ничего не забыл из нужных вещей? — спросила мать.

— Ничего.

— А если пойдет дождь?

— Сейчас лето.

— А вдруг?

Зина протянула мне свой зонтик.

Я отстранил его.

Я подошел к вешалке и снял плащ. Старый, поношенный плащ. У него был такой вид, будто он объездил весь земной шар.

Все моряки носят плащи. В плащах бьют китов и открывают новые земли.

— Коля, не ленись писать. Обещай присылать письма.

— Мама, это же далеко. Будем обмениваться телеграммами.

— Ну хорошо. Только пиши все подробности. Нас интересует каждая мелочь. Вдруг с тобой случится несчастье. Не вздумай скрывать от меня правду!

В САМОЛЕТЕ

От Москвы до Хабаровска лететь считанные часы.

Я уселся на свое место, сложил на животе руки и стал думать.

Несколько лет назад я плавал на шхуне «Тригла» по Черному морю. Там я впервые опустился под воду.

В Черном море ласковая прозрачная вода. От аквалангиста, когда он плывет под водой, во все стороны исходит сияние. Это отражаются от его тела солнечные лучи. На Черном море вся вода пронизана солнечным светом.

Когда плывешь, над головой ломкое белое стекло: это колыхается поверхность моря. Внизу дымитесь лиловая глубина...

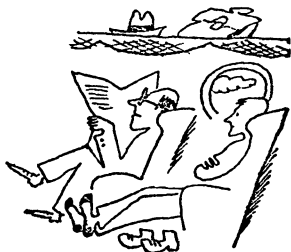
Вот я плыву, вытянув руки вдоль тела. Внизу дно — фиолетовое, поросшее бурыми кустиками цистозир. Подо мной на камне лежит ерш-скорпена. Это золотой ерш — он в желтых причудливых пятнах. Вся голова у него в выростах-веточках. Завидя меня, ерш снимается с места и начинает всплывать. Он приближается, растет и становится большим, как собака. Он прижимается мордой к моей ноге и начинает толкать ее... Толк! Толк!

Я просыпаюсь. Я сижу в кресле, вытянув ноги в проход между креслами. Девушка-стюардесса осторожно носком туфли отодвигает мою ногу в сторонку.

Я говорю: «Простите!» — и начинаю устраиваться поудобнее. Откидываю кресло — плохо. Наклоняюсь вперед — еще хуже. Сваливаюсь набок. Некуда деть ноги!

Я снова вытягиваю их в проход. На них тотчас же наступает пассажир.

ЧТО ЕМУ НЕ СИДИТСЯ?

МОРЕПРОДУКТЫ. Они похожи на людей — с бородами, в масках, очень таинственные.

ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

От Хабаровска до Владивостока я доехал поездом. На вокзале меня встретили ученые — муж и жена. Те, что пишут книгу. Он был большой и шумный, она — тихая и маленькая. Оба в очках и с портфелями.

Мы шли по владивостокской улице.

— Морепродукты? О-о-о! — кричал на всю улицу ученый-муж. — У них огромное будущее. Мировой промысел нерыбных уже достиг пяти миллионов тонн. Из них моллюсков — три миллиона, ракообразных — миллион. Десять лет — и рыбы останутся позади. Правда, Лиза?

Ученая-жена кивнула.

— Моя фамилия Букин! — продолжал кричать он. — А это Лиза. Зовите нас так.

Он бросился на мостовую и остановил такси.

Мы поехали в институт.

В институте вдоль стен стояли стеклянные шкафы. В каждой комнате было много столов. За столами сидели сотрудники и что-то писали.

— Из морепродуктов Дальнего Востока нас больше всего интересуют... Вы записываете?

Я достал блокнот.

Букин подвел меня к стеклянному шкафу.

— Вот они. Трепанг... Еще трепанг... Морской еж. Мидия. Устрица...

— Я ел устрицы...

— Раковина трубача. Водоросль анфельция, осьминог и...

— Кальмар,— подсказала Лиза.

— Конечно, кальмар. Но лично я уже много лет работаю над изучением трепангов. Трепанги съедобны и, как утверждают японцы, целебны. У трепангов интересное строение. Полюбуйтесь на них. Красавцы!

Трепанги в шкафу были сморщенные, похожие на черные капустные кочерыжки.

— Не забудь, что товарищу надо успеть на катер,— сказала Лиза.

— Я помню. Всех, кого я назвал, вы должны нарисовать в книге. В ней будут рисунки и фотографии.

— Я взял аппарат.

— Прекрасно. А мы все устроили: вы будете жить на острове Попова. Там рыбокомбинат, приветливые, знающие рыбаки. Ловят они не рыбу, а морепродукты. То, что нам нужно. Морепродукты...

— Прошу вас,— сказал я,— не повторяйте так часто это слово. У меня от него мороз по коже.

Лиза рассмеялась.

— До свидания,— сказала она.— Катер ходит от городского причала два раза в день. Не опоздайте. На остров мы послали письмо. Вас там ждут... Адрес острова? Хорошо, мы сообщим его сегодня в Москву.

ОСТРОВ ПОПОВА

Катер был весь белый и закрытый. Только в носу у него был кусочек открытой палубы.

Он шел, ударяясь носом о волны. Волны взлетали и падали дождем на палубу.

Пассажиры были сухие. Они все сидели внутри под крышей. Все в плащах и резиновых сапогах. Сразу видно — моряки и морячки.

Я вышел на палубу. Мы проходили маяк. Маленький маяк на конце длинной косы. Волны, которые шли с моря, останавливались около нее.

Город был уже позади. Катер поворачивал, и за кормой двигался порт: мачты, трубы, краны на причалах, желтые и серые дома на сопках.

Впереди показалась скала. Она стояла отдельно, одна в море, и была из двух половинок. Одна половинка — задранная вверх, как нос тонущего парохода, вторая — наклонная, как труба.

Громадный остров заслонил Владивосток. Он закрыл от меня причалы, трубы. Одна телевизионная мачта осталась торчать в небе.

Мы плыли вдоль берега.

Через час показался зеленый край нового острова.

— Кто тут спрашивал остров Попова? — сказал матрос, выходя из рубки. — Вам выходить, гражданин.

ТЫ, БАТЮШКА, КТО!

По деревянному широкому причалу пассажиры сошли на берег. Они шли, повизгивая резиновыми сапогами. Только я не повизгивал. На мне были легкие черные полуботинки. Я поднял чемодан, взял под мышку альбом и пошел следом.

Рыбокомбинат начинался у самого причала.

За дощатым невысоким забором стояли на берегу катера. Бревенчатые подпорки держали их. Подпорки упирались в смоленые катерные днища. Днища блестели. Берег пах смолой и рыбой.

У ворот комбината дежурила старуха.

Я поставил около нее чемодан.

— Ты, батюшка, куда? — спросила старуха.

— Я из города. Мне бы начальство найти.

— Наниматься пришел?

— Плавать.

— Ты, случайно, не трепаншник?

Я не понял.

— Я по казенному делу. Командировочный. Где правление комбината?

— Контора? Вон она.

В конторе моему появлению не удивились.

— Знаем, было письмо,— сказала кудрявая секретарша.— Директор приказал принять и разместить. Жить будете в общежитии, плавать на «МБВ-10».

— «МБВ» — что? — переспросил я.

— Десять. Морской бот водолазный номер десять. Фамилия шкипера Телеев... Клава, где сейчас «МБВ-10»? — спросила секретарша.

— В море,— донеслось из-за стены.

— Тогда ждите до утра. Вот вам записка в общежитие, к коменданту.

Когда я опять проходил ворота, старуха вытащила из сторожки чемодан, посмотрела на меня и сказала:

— Нет, батюшка, ты не трепаншик!.. Комнату снимать будешь? Есть у меня, недорого.

— Не надо.

Кое-как я нашел общежитие.

Громадная, с прямой солдатской спиной женщина-комендант прочитала записку, сказала: «Комната, так точно, есть» — и повела меня в конец коридора.

— Только кровать плохая,— объяснила она на ходу,— я вам завтра хорошую дам. Вот ваша комната. Она открыла дверь.

Я внес в комнату вещи, разделся и повалился на скрипучую, шаткую кровать.

В голове у меня ревели моторы, стучали колеса поезда.

Я лежал с открытыми глазами до тех пор, пока из вечерней темноты не выплыла скала, похожая на тонущий пароход. Она заслонила для меня весь мир.

КАКАЯ УДИВИТЕЛЬНАЯ СКАЛА!

Я уснул.

ТЕЛЕГРАММЫ

Утром мне неожиданно принесли телеграмму:

ИЗ МОСКВЫ

**ВОЛНУЕМСЯ КАК ДОЛЕТЕЛ ТЕЛЕГРАФИРУЙ
ПОДРОБНОСТИ ПОЛЕТА**

МАМА ЗИНА

Как быстро они узнали мой адрес!

Я ответил на нее:

ИЗ ПОПОВА
ДОЛЕТЕЛ БЛАГОПОЛУЧНО САМОЛЕТЕ
ЗАСТРЯЛА НОГА

КОЛЯ

Здесь все было правда и были подробности.

ПРИВЕТЛИВЫЕ РЫБАКИ

Отправив телеграмму, я пошел искать «МБВ-10». За забором, около которого я проходил в первый день, прямо на берегу стояли цеха. От цехов в море уходили причалы. Рыбачьи суденышки побольше и поменьше покачивались около них.

— Где тут «МБВ-10»? — спросил я.

Мне показали.

В самом конце причала стоял низенький деревянный бот. У него был прямой нос, крыша над моторным отделением и рулевое колесо на корме. На носу лежали два зеленых водолазных костюма и стояли два медных глазастых шлема. Белые резиновые шланги, как змеи, свернулись около них.

На корме стоял матрос. Плотный, невысокий и совсем молодой мальчишка.

— Скажите, не вы будете Телеев? — спросил я его.

Матрос перешел к носовой каюте и крикнул вниз:

— Володя!

— Что?

— Спрашивают.

— Кто?

— Кто вы будете? — спросил матрос.

— Я, собственно говоря, художник.

— Художник.

— Здесь все художники.

Из каюты на палубу один за другим вылезли три человека. Все они были в ватниках, на одном еще кепка-блин.

— Я должен вам объяснить, — сказал я, — что у

меня есть задание. Директор комбината разрешил...

Человек в кепке сказал:

— Жаботинский, ватник!

Молодой матрос нырнул в каюту, вылез и положил передо мной на причал старую ватную куртку.

— Заводи мотор! — сказал человек в кепке.

Я понял, что это и есть Телеев.

— Я не умею заводить мотор, — сказал я.

Телеев поморщился:

— Я не вам. Заводи!

Моторист уже сидел в машинном отделении. Оттуда послышался лязг, мотор чихнул и завелся.

Я понял, что они уходят в море.

— Подождите, — сказал я. — Я не ожидал, что все будет так быстро... У меня нет с собой аппарата. Он в чемодане.

Мотор тарыхтел. Палуба под ногами Телеева нетерпеливо вздрагивала.

— Какого аппарата? — спросил Телеев.

— Фотоаппарата. У меня «Зенит-3М». У меня цветная пленка.

— Глуши мотор! — сказал Телеев.

Мотор захлебнулся и умолк.

— В чем дело? — спросил моторист, высовывая голову из люка.

— У товарища есть аппарат, — сказал Телеев. — Он фоторепортер. Надо подождать его.

— Я не фоторепортер, я художник. И потом, сегодня уже не стоит. Мне надо разобрать вещи, привыкнуть. А то сразу так — в море...

— Как хотите. Сегодня — солнце.

— А завтра его не будет?

Телеев пожал плечами. Моторист в люке тоже пожал плечами. Они пожали плечами и переглянулись.

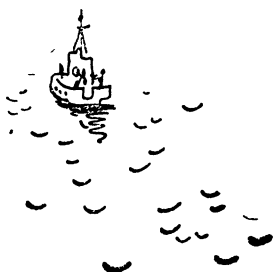
Я сошел на причал. Моторист скрылся в машине.

Снова запустили мотор, матросы отвязали канат. И катер ушел.

Он ушел в море, а я отправился домой.

Сперва надо осмотреть остров. Надо привыкнуть.

Я взглянул на часы — восемь часов утра.

ОСТРОВА НА ГОРИЗОНТЕ

Я шел осматривать остров.

Желтая дорога вела из поселка в лес.

Лес был густой, непролазный. Высокая, по пояс, трава росла между деревьями. На деревьях висели, как плети, тонкие суставчатые лианы.

Я шел по дороге. Справа от меня между верхушками деревьев чернела большая сопка. Слева шумело море. На верхушке сопки виднелась ровная площадка.

Я шел по лесу час, второй. Дорога не кончалась и не делала крутых поворотов. Сопка все время была у меня справа, море — слева. Только тень моя передвигалась: сперва она прыгала позади, потом забежала сбоку и, наконец, появилась спереди.

И тогда я понял, что кружу. Что дорога идет по острову вокруг сопки и что если я пойду по ней дальше, то вернусь к рыбокомбинату.

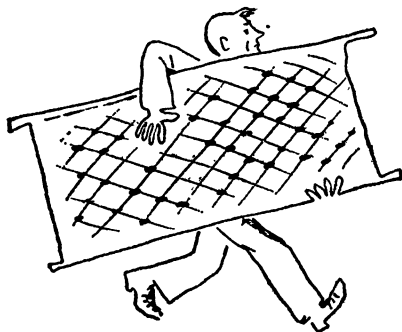
Я свернул к морю, прямо на шум волн. Они шумели совсем неподалеку, но как только я сделал несколько шагов по лесу, то сразу попал в болото.

В невысокой траве лужами стояла вода. Глина не давала ей уйти в землю. Мелкому холодному болотцу не видно было конца.

Я вернулся обратно. Ноги уже совсем мокрые. Была не была! Я махнул рукой и пошел вправо, напролом через лес к сопке.

Лес редел. Место становилось все выше. Сопка была крутая и скользкая. Наконец я увидел море. Оно блестело на солнце.

Я попал на тропинку. Несколько шагов, и моя голова поднялась над вершиной.

Вокруг до самого горизонта было море и острова.

Острова были зеленые. Они плыли по морю; приближаясь к горизонту, становились голубыми.

На вершине сопки кто-то выложил площадку из камней. ЗАЧЕМ?

Наверно, кто-нибудь задумал когда-то строить здесь дом, заложил фундамент, а дом перетащить сюда не смог. А может, во время русско-японской войны на этой площадке стояли генералы и смотрели в подзорные трубы, как приближаются к Владивостоку серые японские миноносцы?

Дул ветер, сильный ветер, которого не было внизу.

На юге, в море, стояла розовая полоса тумана.

Я обошел площадку кругом и начал спускаться по тропинке вниз. Идти было скользко.

ОТКУДА ЗДЕСЬ ТАК МНОГО ВОДЫ?

ДОЖДЬ

На следующий день я проснулся оттого, что кто-то барабанил по стеклу: тук-тук-тук...

Я поднял с подушки голову.

За окном шел дождь. Небо было серое и плоское. С этого плоского неба на землю спускались серые нити. Крыши домов блестели. Блестели трава и листья деревьев. Дорога около дома потемнела. Из желтой она превратилась в коричневую.

В дверь постучали.

— Кто там?

— Получите кровать.

Я пошел следом за комендантом в кладовую. Кровати все были с чугунными литыми спинками. Их нельзя было оторвать от пола.

— Тяжесть-то какая! — сказал я.

— Позвольте! — сказала комендант и подняла сразу две спинки, как перышки.

Следом за нею я потащил кроватьную сетку.

В комнате комендант поставила спинки — они стали как вкопанные, — бросила между ними сетку. Сетка с лягом вошла в пазы.

— Готово, — сказала комендант, — сейчас постелю.

Она привела в порядок кровать, сдернула со стола старую

скатерть, принесла новую, сменила в графине воду. Раз-два — и готово.

— Не понравится вам у нас, — сказала она на прощание, — быстро уедете.

— Почему вы так думаете?

— Знаю. Городским всем не нравится. Что тут — одно кино.

— Отчего же только кино? А природа? Острова кругом интересные.

Комендант посмотрела на меня с подозрением:

— Какие острова?

— Те, что рядом.

— Вы что, их видели?

— Вчера на верхушку сопки лазил.

Комендант вздохнула.

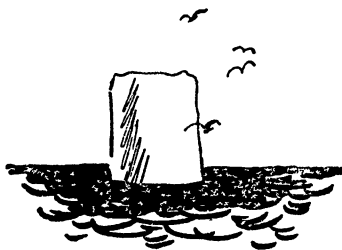
— А вот я там не была. Пятый год на острове и все не собралась. Все некогда. То приезжают, то уезжают, то белье, то кровати... Красивые они?

— Острова? Очень. Все зеленые, а вода вокруг них голубая.

Комендант еще раз вздохнула.

— Счастливо оставаться! — по-военному сказала она и вышла.

Мне надо было на катер. Я достал из чемодана плащ, надел черные полуботинки и вышел из дома.

Дорога раскисла и стала липкой. Она присасывалась к подметкам. Полуботинки с писком отрывались от глины: чвик! чвик! Брызги летели во все стороны. Ноги тонули в лужах.

Когда я дошел до причала, мои черные полуботинки стали желтыми. На катере меня ждали.

Катер отошел от причала.

К ОСТРОВУ СИБИРЯКОВА

«МБВ-10» тарахтел мотором, раскачивался на волнах, неторопливо шел вперед. На палубе кроме меня был один Телеев. Он стоял на корме за рулем и смотрел

рел вперед. Перед ним на машинном люке лежал бинокль.

Впереди был западный берег залива.

С неба падала морось. На люке, на медных водолазных шлемах — всюду были капли. У Телеева промокла кепка. Она была сплюснутая, как блин, и блестящая.

— Скажите, — спросил я, — что мы будем ловить?

— Трепангов.

— А где?

Шкипер пожал плечами.

Ветер был несильный, но с моря шла тяжелая пологая зыбь. Она лениво раскачивала бот.

Мы подошли к берегу. Здесь зыбь вела себя совсем по-другому. Она выбегала на мелководье, поднималась горой и с ревом обрушивалась на камни. Вода около берега была мутная, кипела и волновалась.

Вся команда вышла на палубу.

— Нельзя здесь работать! — сказал Телеев. — Придется идти, прятаться.

— К Сибирякову?

— Туда.

Ко мне подсел один из матросов.

— Можно посмотреть? — спросил он и показал на фотоаппарат.

Прежде чем дать ему камеру, я сам посмотрел через нее на море. В зеленоватом стекле отражались хмурые берега. Шевелилась белесая горбатая зыбь.

— Сейчас будем проходить кекур Колонну! — сказал матрос. — На ней нерпы живут. Вот она.

Катер проплывал мимо одинокой, торчащей из воды скалы. Она и верно была похожа на колонну. С одной стороны от скалы отходила в море коса. На косе лежало несколько черных тюленей — нерп.

Услыхав катер, нерпы нехотя поднялись.

Я взял у Телеева бинокль и стал их разглядывать. У нерп были усаые собачьи морды и блестящие — бусинами — глаза. Кипящая пена подкатывалась под их лоснящиеся бока.

Самая осторожная из нерп сползла в воду.

Катер отвернул, оставил кекур Колонну за кормой и направился к острову Сибирякова. Здесь в тихой, укрытой от волны и ветра бухточке Телеев отдал якорь.

Первым под воду полез он сам.

За бортом пузырилась вода. Гладкий след, который оставался за водолазом, шел кругами.

Телеев бродил по дну.

— Как танк ходит, — с уважением сказал матрос.

Его звали Володя Шапулин. Пока мы шли к острову, он рассказал мне о команде.

Шкипер катера, он же старший водолаз, — Володя Телеев.

Моторист — Самойлов. Прозвище — Дед.

Матрос — Веня Жаботинский. Второй водолаз — он, Шапулин. И всё.

Команда — четыре человека. Когда много работы, Телеев берет с собой еще одного-двух водолазов.

Сейчас работы немного.

— Трепанга стало меньше. Выбрали его, — объяснил Володя. — Надо новые места искать. Раньше, бывало, только спустишься, готово — полную питомзу набрал. А сейчас!..

Питомза — веревочный мешок. В нее водолазы собирают трепангов.

Передо мной около телефона стоял Дед — Самойлов. Он слушал водолаза. Он был молод, белокрыс и на деда ничуть не похож. Только нос у него был действительно широкий, как у Деда Мороза.

Телеев сделал под водой еще круг и начал приближаться к катеру.

— Стой! — крикнули ему в телефон.

Пузыри всплывали уже у самого судна.

На дно опустили на веревке карабин — стальной крючок с защелкой. На карабине — пустую питомзу.

— Готов! — прохрипел телефон.

Веревку стали тащить.

Наконец из глубины показался серый мешок, набитый чем-то блестящим, коричневым.

Питомзу перевалили через борт, раздернули шнурок, которым она была завязана, и из мешка на палу-

бу хлынул поток шишковатых, скользких, похожих на кедровые шишки червей.

Это были трепанги. Среди них были и большие — с ботинок, и маленькие — с кулак.

Пустую питомзу, которую опустили на крючке, Телеев снял и оставил у себя.

ЗВОНКОЕ СЛОВО: ПИ-ТОМ-ЗА!

РИСУНОК

Трепанги лежали на палубе, скользкие и безмолвные. Они шевелились чуть-чуть, почти незаметно.

Шапулин и Веня выпотрошили трепангов, промыли их, уложили в бочку. Поверх трепангов налили воды.

На палубе стояло три бочки. Это наша норма, наш план. Ради этих бочек мы и пришли к острову.

Я сунул в бочку руку и вытащил оттуда трепанга. На ощупь он был совсем как резиновая игрушка. Упругие шишечки на его спине торчали во все стороны.

Я вытащил альбом и нарисовал его.

Первый рисунок для книги готов.

ОНИ ОЧЕНЬ РАЗНЫЕ

Домой мы возвращались вечером.

Я сидел вместе с Шапулиным на люке. В ногах у нас стояли бочки с трепангами.

— Какие они все разные, — сказал я, — коричневые, желтые, пестрые.

Шапулин кивнул.

— Очень разные, — сказал он. — Другой раз посмотришь на дне, каких только нет. Вон один с края лежит — совсем черный. Говорят, даже белые есть. Только мне не попадались.

— Белые как снег?

— Не знаю.

Сегодня Шапулин опускался последним. Сейчас он отдыхал. На нем был грубый шерстяной свитер, штаны, связанные заодно с носками. Он сидел как большая шерстяная кукла. В горле свитер был сильно растяннут, и шея торчала из него.

— Я школу после восьмого класса бросил, в техникуме учился,— рассказывал Шапулин.— В сельскохозяйственном. Механизаторов из нас готовили. Я моторы хорошо знаю. Неделя осталась до экзаменов — уехал. Сюда завербовался на два года.

— Что же так?

— Не знаю, понесло меня... Здесь мотористом сначала был. На «МБВ-5» плавал. Не понравилось: стучит сильно. И потом, все время внизу, без воздуха.

— А как же ваш Дед?

— Так он настоящий моторист, а я — так.

На палубу вышел Жаботинский. Он потянулся, сделал упражнение — шпагат и полез на рубку набрать из бочки пресной воды.

Набрав чайник, он потащил его в кубрик. Из открытого люка повалил голубой ядовитый дымок. Загремели жестяные кружки. Жаботинский готовил чай.

— Говорят, все животные бывают черные и белые,— сказал Шапулин,— даже слоны... Я учиться зимой хочу. Школу, дурак, бросил. Как думаете, теперь смогу?

— Теперь тяжело. Не знаю.

— Зимой мы на берегу болтаемся. Я буду стараться.

БАМБУК

Рядом с бочками лежал кусок бамбукового ствола. Настоящее бревно, только пустое и с перегородками. ЗАЧЕМ ОНО?

Когда про человека хотят сказать здесь плохое, про него говорят: «Бамбук!»

Придя домой, мы стали сдавать трепангов.

— Жаботинский — бамбук! — крикнул Телеев.

Ага!

Но Веня не обиделся, а поднял бамбуковый ствол. У каждой бочки была сверху веревочная петля. Жаботинский продел бамбук в такую петлю и положил конец ствола на плечо. За второй конец взялись Дед и Шапулин.

Они подняли стокилограммовую бочку. За один конец двое здоровых парней, за второй — один, маленький квадратный Жаботинский. Осторожно ступая, они понесли бочку с катера в разделочный цех.

Я вспомнил: Жаботинский — знаменитый силач. Значит, Веня — по праву его однофамилец.

И еще я понял, зачем на катере бамбук. Тут никакое другое дерево не выдержит.

БАМБУК — ЭТО ХОРОШО!

ГАЛОШИ

Дождь лил третий день подряд.

Я сидел в комнате, как в плену. Я не мог идти на катер. Я голодал.

Дорога превратилась в реку из желтой грязи. Лужайки за домом стали черными.

Я понял: мне нужны сапоги. Резиновые, высокие, как у всех на острове.

Я надел свои раскисшие полуботинки и отправился в магазин.

Магазин стоял на горе. Я лез к нему наверх по щиколотку в грязи. Я скользил, цеплялся руками за кусты. Желтые ручьи текли мне навстречу.

Я ввалился в магазин и прохрипел:

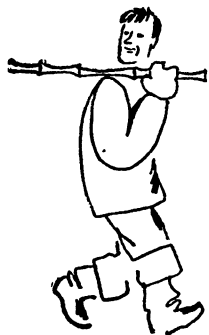
— Сапоги!

Девушки продавщицы очень удивились:

— Вы о чем?

— Мне нужны сапоги. Резиновые. Сорок второй размер. Срочно. Высокие, до колен.

— Сапог нет, — ответили девушки.

Ноги перестали меня держать, и я упал на подоконник.

— Поймите, девушки,— сказал я.— Я приехал издалека. Мне надо все время ходить. У меня есть босоножки. Но я не могу в них. Я то-ну в грязи.

— Сапоги все разобрали,— сказали девушки.

— Милые! — взмолился я.— Я приехал издалека.

— Катя, поищи, там какие-то еще есть,— сказала продавщица постарше.

Та, что помоложе, принесла из задней комнаты маленькие резиновые сапожки.

— Только такие,— сказала она,— только детские, на пять лет.

— Мне не пять лет.— Я уже чуть не плакал.— Мне тридцать четыре. У меня ноги сорок второй размер!

— Станный вы человек,— сказала старшая.— Сапоги покупают заранее. Вам говорят ясным языком: взрослых сапог нет. Зимой...

Я покачал головой. Зимой меня здесь не будет. Я буду ходить дома, по асфальту, в галошах...

Стоп! Это идея!

— А галоши у вас есть?

— Сорок первый размер.

— Давайте.

Я заплатил деньги и получил пару блестящих, словно облитых маслом, галош. Я примерил их. На полуботинки галоши были малы. Ничего!

Я снял полуботинки и надел галоши. Я надел их просто так, на носки.

Я знал, что спасет меня. БОСОНОЖКИ. Они меньше, а в крайнем случае их можно обрезать.

Пусть никто еще не ходил в галошах, надетых на босоножки. Я буду первый.

Мне не страшна теперь никакая грязь.

Я вышел из магазина и пошел самой серединой улицы. Я не шел, а плыл по грязи. Я плыл, как Колумб к Антильским островам.

На дождь я не обращал никакого внимания.

ТЕПЕРЬ ДОЖДЬ МНЕ НЕ СТРАШЕН!

ЛЕСНЫЕ ВОДОПАДЫ

Я шел по лесу.

Лес был мокрый, сырой. В нем хорошо слышались все звуки.

За мной кто-то шел следом.

Я сразу заметил это. Шагов слышно не было, но ветки позади то прошумят, то замолкнут. То сзади, то сбоку.

Я остановился и стал ждать.

И тут совсем рядом, под соседним деревом, кто-то как забарабанит. Я — туда. Никого.

Я постоял на месте, послушал и понял.

Шумели капли. Маленькие капли воды. Сорвется капля с самой макушки, упадет пониже на лист. А там, на листе, другая капля лежит. Солятся они, станет листу невмочь держать их, прогнетса он и уронит — уже две капли. А там, ниже, четыре... восемь... И рухнул вниз дробный лесной водопад.

Послушал я и пошел дальше. Шел, пока не наткнулся на развалины. Видно, стоял здесь когда-то дом. Только, наверное, очень давно. Тут фундамент когда-то был, здесь — стена... Все погребено в траве, сквозь пол дерева проросли, водой залит подвал.

Хотел я кирпич поднять, ухватился за него, а он развалился в руке — раскис.

Видно, здесь когда-то самые первые поселенцы на острове жили. Лет двести назад.

Обошел я развалины кругом. Куст, под кустом сухой кусок стены. На нем кто-то копотью вывел:

ЖИЛ В ЭТОМ ДОМЕ... фамилия неразборчиво и год: 1956.

Вот тебе и двести лет! Всего десять лет, как ушел человек.

В лесу как в воде: что упало, затянулось травой, плесенью, мхом — утонуло, ушло на дно.

Десять лет — как десять метров глубины: кое-что еще рассмотреть можно.

Пятьдесят — и следов не найти.

ЕЩЕ РИСУНОК

— Николай, там осьминога привезли! — сказал мне Дед.

— Где?

— На первом причале. На сейнере лежит.

Я схватил альбом и побежал на первый причал.

У причала стоял малый рыболовецкий сейнер — МРС. На палубе в дощатой выгородке была навалена пластами рыба. Она тускло поблескивала, как жель.

Поверх рыбьих приплюснутых тел лежало что-то фиолетовое, в пятнах. Это был осьминог. Он скорчился, застыл и

был похож на лепешку студня.

Вот он какой!

Я спросил рыбаков:

— Можно мне его взять?

— Варить?

— Рисовать.

— Поздно. Мы уже на завод сообщили. Сейчас его заберут.

— Я тут недолго.

Осьминога перенесли ко мне на причал.

Он был вялый и неподвижный. Ни одно шупальце не шевелилось. Я стал искать глаза. Их не было. Только по бокам головы были две плотно закрытые щелки.

Я развел ему шупальца. Присел на корточки и стал рисовать.

На рисунке я сделал осьминога не таким плоским и дряблым.

По-моему, получилось хорошо.

Только я кончил, пришли две женщины в ватниках. Они положили осьминога на носилки и унесли. Осьминог лежал на носилках как пласт. Тело его в такт шагам тряслось и покачивалось.

Итак, еще один рисунок сделан. Есть еще одно морское животное.

ПУСТАЯ КОМНАТА

Каждое утро, когда я шел на катер и проходил ворота, меня останавливала старуха сторож.

— А, это ты, батюшка? Все ходишь? — спрашивала она.

— Хожу.

— Все общим житием живешь?

— В общежитии.

— А у меня комната пустая...

Старуха вздыхала.

Однажды я не выдержал.

— Бабушка, — сказал я, — не беспокойтесь, мне и там хорошо. А комната вам самой нужна.

— Не нужна теперь, — сказала старуха. — Сын прежде в ней жил.

— Он что — уехал?

— Погиб он... Водолазом был... Проплым летом погиб...

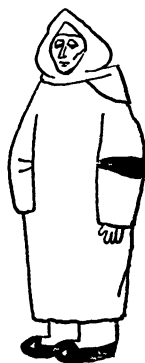
Старуха стояла в воротах и как-то странно, просительно смотрела на меня.

Я смутился.

— Если кому-нибудь понадобится комната, я скажу. Я обязательно пришлю таких людей к вам, — сказал я. — Скоро мои знакомые из Владивостока должны приехать.

Я сказал и подумал, что Букину и Лизе незачем останавливаться у кого-то на один день.

Просто мне хотелось ободрить старуху. Уж очень невеселой она выглядела.

ПОД ВОДУ

На катер для меня притащили легководолазный костюм и помпу.

— Только сначала сдашь зачеты, изучишь правила, тебя осмотрит врач, — сказал Телеев. — Чтобы все было в ажуре. А то отвечай за тебя.

— Отвечать все равно придется, — сказал Дед.

Он не очень-то верил, что на Черном море я уже опускался в акваланге.

Для пробы меня опустили на пятнадцать минут около причала на глубину три метра.

Сначала надели костюм.

Костюм был как детская матрешка: из двух половинок. Рубаха и штаны надевались на широкое стальное кольцо-пояс. Поверх пояса затягивалось второе кольцо. Половинки соединялись, прижимались друг к другу. Шлем у костюма был мягкий, похожий на капюшон, только с маской.

Меня одели и начали опускать. Опускали постепенно. Вода была мутная. Ничего, кроме обросшей ракушками причальной сваи, я не видел. С моря шла зыбь. Меня качало и ударило о сваю. Стук головой, стук! Я сразу попросился наверх.

— Написано в инструкции: первый раз держать пятнадцать минут,— ответил по телефону Телеев.

КАКАЯ ЕРУНДА!

Меня вытащили на шестнадцатой минуте.

— Вот теперь можешь опускаться с водолазами. Снимай и рисуй под водой сколько хочешь! — сказал Телеев.— Самочувствие как?

— Ничего. Сваи у вас что — железные?

— Железные.

— Чувствуется!

ЕЩЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Не успел я прийти домой, как мне вручили новую телеграмму:

ИЗ МОСКВЫ

ТВОЮ ТЕЛЕГРАММУ ПОЛУЧИЛИ

ТЕЛЕГРАФИРУЙ ПОДРОБНОСТИ РАБОТЫ

МАМА ЗИНА

Я ответил:

ИЗ ПОПОВА

НАЧАЛ СПУСКИ УДАРИЛСЯ ГОЛОВОЙ

О СВАЮ

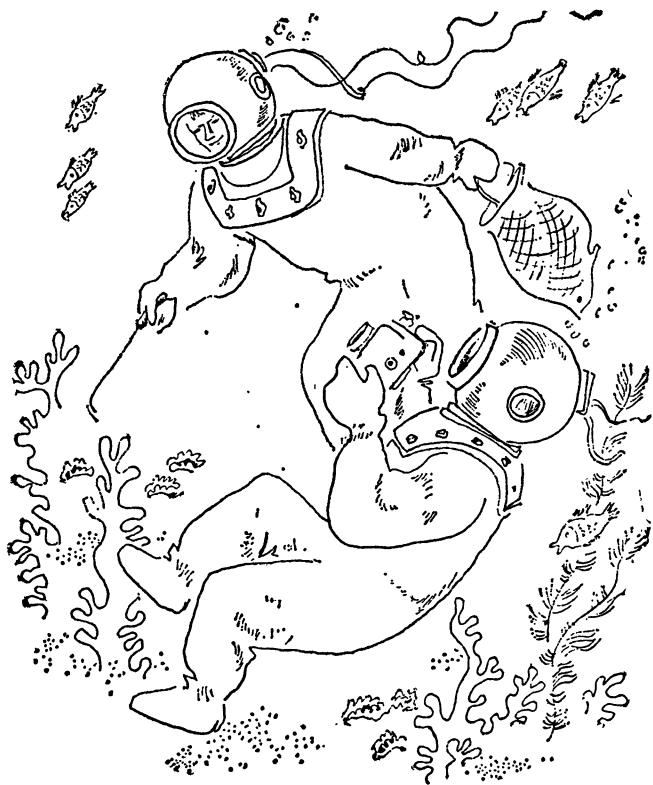
КОЛЯ

«ВИСЮ»

Через два дня я опустилсЯ в водолажном костюме по-настоящему, в море.

Мы работали у восточного берега острова.

Берег был пустынный,

На нем стояли как изваяния каменные столбы.

— На острове Пасхи в Тихом океане есть очень похожие фигуры,— сказал я,— только они изваяны рукой человека, а эти?

— Ветер да море,— сказал Телеев.— Бывает, заштормит, так их водой как ножом режет.

Он сидел на перевернутом ящике и отдыхал, прежде чем пойти второй раз под воду.

Одели и меня. Я взял аппарат, пластмассовый мешочек на веревочке, выждал, когда запустят помпу, проверил телефон, закрыл окошко маски и полез за борт.

Последняя ступенька лесенки. Я шагнул вниз. За окошечком запузырилась вода.

Меня опускали, держа за шланг и сигнальный конец, Шапулин и Жаботинский.

Опускали быстро. Мимо прошел черный катерный борт. Наискосок в сторону убежал якорный канат.

Снизу вынырнуло из голубой тьмы и стало приближаться морское дно.

Я уже почти касался его ногами, как вдруг дикая боль вошла в уши. Будто в барабанные перепонки кто-то ввел по острому гвоздю и, проткнув их, стал сверлить мозг. Я закричал.

— В чем дело? — спросил Шапулин.

— Стой!

Спуск прекратили.

— В чем дело?

— Уши!..

Меня стали поднимать. Я не чувствовал ничего, кроме боли в ушах. Только когда мое плечо стукнулось о дно катера, боль немного утихла.

— Ну как? — спросили по телефону.

Я молчал.

— Будете выходить?

— Повисю.

Я висел под катером, следил, как притупляется в ушах боль, и раздумывал: как надо говорить — «вишу» или «висю»?

Ни одного правила грамматики вспомнить под водой я не мог.

НАВЕРНОЕ, «ПОВИШУ».

— Давайте опускайте! — сказал я наконец. — Только осторожно.

Потихоньку, с остановками, меня опустили на дно.

Дно было покрыто крупной белой галькой. Кое-где среди камней росли кустики бурых водорослей. Пучеглазая камбала, увидев меня, подплыла и легла рядом.

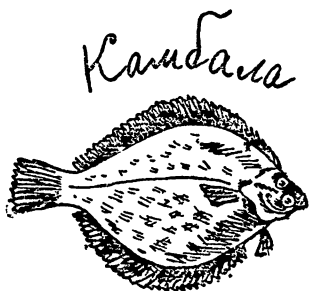
Она, наверно, первый раз в жизни видела человека.

Я присел на корточки, протянул руку и потрогал ее. Рыбка едва шевельнулась.

Я поднял бокс с фотоаппаратом, навел его на камбалу, щелкнул и сообразил, что не взвел затвор.

Камбала терпеливо ждала.

Я снял ее три раза подряд. Только тогда она уплыла.

ТОТ САМЫЙ ТРЕПАНГ

Кто-то ухватил меня за ногу. Я вздрогнул.

Позади меня зеленой горой стоял Телеев. Через окошки в шлеме было видно, что он улыбается. На берегу или на катере я ни разу не видел, чтобы он улыбался, а тут — пожалуйста!

Я уселся, вытянул ноги и стал фотографировать его.

Я фотографировал, как работает водолаз.

Телеев брел по дну, сильно наклоняясь вперед. Он шел как против ветра, рывками таща за собой шланг. В одной руке у него была питомза, в другой острый крюк с рукояткой — багорок.

Багорком он подбирал трепангов.

Трепангов было много. Они лежали толстые, шишковатые, изогнутые, припав плоскими животами ко дну.

Телеев подходил, накалывал трепанга, стряхивал его с багорка в питомзу.

Питомза волочилась за ним, как раздутая от проглоченной добычи змея.

Я пошел было за Телеевым, но скоро отстал. Он и вправду двигался как танк.

Я не сразу понял, что идти надо, почти касаясь телом грунта, почти ложась и глубоко зарывая носки галош.

Каждый шаг давался мне с боя. К тому же я забыл, что меня держит на месте шланг.

— Потравить? — спросил наконец Шапулин.

— Потрави.

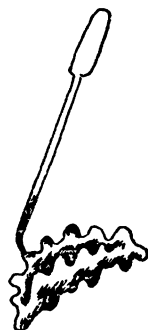
Он дал шлангу слабинку, и идти сразу стало легче.

Я не захватил с собой багорок и помогать Телееву не мог. Я уселся около якоря. От него отходил вверх канат. Прямо надо мной на этом канате, как дирижабль на привязи, плавал катер.

Я снял его и стал собирать в пластмассовый мешок жителей морского дна.

Их я зарисую на палубе сразу же, как только поднимусь. Пока они живые, пока не изменили форму и цвет.

На камнях сидело несколько бурых актиний. При моем приближении они спрятали щупальца, сжались, замерли и стали похожи на грибы.

Лиловые, с красными пятнышками морские звезды едва заметно копошились среди камней. Из-под одной звезды торчал белый раскисший хвост полусъеденной рыбины.

Я положил в мешок звезду, актинию, несколько трепангов.

Рядом с полусъеденной рыбиной лежал на гальке еще один трепанг. Он был, наверное,дохлый или больной — бесцветный, желтовато-серый. Я не хотел его брать, но увидел, что шишечки на его спине шевелятся.

Я бросил и его в мешок.

— Поднимаем! — сказал Шапулин.

Поднимали меня осторожно, с выдержкой.

На палубе я снял рубаху и привалился спиной к борту.

В ушах потрескивало, ныло.

Телеев был еще на дне. Он набирал уже третью питомцу.

Я вытряхнул содержимое своего мешка на доски.

— О,— сказал Веня,— белый трепанг!

Я удивился.

Вот он какой, знаменитый белый трепанг!

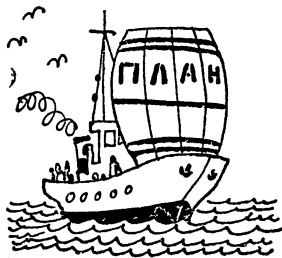
Очень обыкновенный.

САМОЕ ВАЖНОЕ В МОРЕ

Мы возвращались домой. Нашел туман и закрыл берег. Через серую туманную полосу зеленым пятном пробилась луна.

Бот шел вдоль туманной полосы.

Мы с Телеевым сидели на палубе. Веня стоял у руля. Остальные спали в кубрике.

— Знаешь, что самое важное в море? — спросил меня Телеев.

— Компас.

— А еще?

— Карта.

— А если подумать?

— Мотор. Без мотора пропа-
дешь.

Телеев приподнялся, запах-
нул ватник.

— План,— сказал он.— Без плана не приходи домой.

Он ушел в кубрик, оставив меня раздумывать над значением своих слов.

Не выдержав, я полез за ним.

— Так что же,— шепотом спросил я,— получается так: море, туман — ерунда? Ведь это не завод, а КАТЕР!

— Не ерунда,— ответил мне из темноты Телеев.— Только у нас жизнь такая: на первом месте план. Дай добычу... Спать-то ты будешь?

— Посижу наверху.

Луна и туман по-прежнему красили море во все зеленое. Бот поскрипывал и покачивался. Он терся бортом о волны, и от этого по палубе растекался приятный шум.

Мы пришли на комбинат под утро.

СВАДЬБА

В общежитие я добрался — было светло, открыл дверь и не узнал комнату.

Посреди пола чернела яма. Торчали сломанные доски, и в глубине висела паутина.

Кто-то кашлянул сзади. Я повернулся. В коридоре стояли комендант и еще два человека. Плечистые мужчины в свитерах с растянутыми воротами. Сразу видно — водолазы.

— Извините, товарищ,— сказал комендант,— без вас авария получилась. Говорила я им — на цыпочках. А они — вприсядку.

Водолазы посмотрели друг на друга.

— Разошлись малость,— сказал один.

— Свадьба у нас была. Товарищ женился. Такое дело получилось.

— Вещички ваши я на это время уносила,— сказала комендант.

Я посмотрел на водолазов снизу вверх.

ЕСЛИ ТАКИЕ РАЗОЙДУТСЯ!

— И часто у вас бывают свадьбы? — спросил я.

— Часто.

— М-да. Я, знаете, сам люблю потанцевать. Но, конечно, вальс. А тут, как видно, танцевали всерьез.

— Говорила им, чертям: легче, легче,— объясняла комендант.— Да разве послушают! Придется вам мою комнату занять. Не в яме же спать.

— Спасибо,— ответил я и вдруг вспомнил старуху в проходной.— Мне здесь давно хорошую комнату предлагают. Очень спокойная семья. Не танцуют.

— Да бросьте вы,— сказал водолаз.— Мы вам быстро починим. Сейчас чурбачки подложим, доски набьем, покрасим. Денек-два сохнуть будет, а потом — лучше старого. Пол мы вам теперь в две доски настелем.

— В деревнях на улице танцуют,— сказала комендант.— А тут нельзя: то дождь, то туман... Говорила я им: на цыпочках! Нет дисциплины у людей. Сразу видно — не были в армии!

— И все-таки я уйду,— сказал я.— Мне там будет лучше.

ЕЩЕ СТАРИК СО СТАРУХОЙ

Я перетаскивал вещи к старухе.

— Давно бы так,— сказала она.— Вот твоя, родимый, комната.

Мы вошли в маленькую, очень чистую комнату. В ней стояли кровать и стол.

Стена над столом была вся заклеена фотографиями. На каждой фотографии был один и тот же па-

рень — молодой, улыбчивый, в тельняшке или в бушлате.

— Ваня мой,— сказала старуха и печально кивнула,— как с флота пришел, так одежду военную не снимал. Правилась она ему.

— Видно, вы очень его любили. Вы часто ходите к нему на могилу? — спросил я.

Старуха покачала головой:

— Нету его здесь. В город увезли и нам не показали. Очень они тогда торопились — все думали, что спасут. Там и похоронили. Только бумажку прислали. На фронте деда моего не убило, а сына тут — без войны... Вон дед идет с причала, все катера из города встречает.

К дому по дорожке поднимался старик. Он шел прямо, не торопясь. Увидев меня в окне, не удивился, а подошел к крыльцу, скрипнул дверью и — слышно было — ушел к себе.

— Живи, батюшка,— сказала старуха.— Все нам веселее... Так ты не трепаншик?

— Художник я.

— И это неплохо. Живи. Старика моего звать Иваном Андреевичем. Ты здоровкайся с ним, он это любит.

Она ушла.

Я остался в комнате, где были кровать, стол и много-много фотографий.

ОКТОПУС ВУЛЬГАРИС

Я шел вдоль комбинатовского забора.

— Николай! — крикнул кто-то сзади.

Я оглянулся и увидел Лизу, Букина и какого-то солидного мужчину в черном берете и очках.

— А-а! — закричал Букин.— Я говорил, мы его быстро найдем. Знакомьтесь!

Человек в очках помахал рукой. Пальцы у него были толстые и вялые, как сосиски.

Я протянул ладонь. Человек вложил в нее две сосиски.

— Очень приятно, — сказал он.

— Это известный кинорежиссер, — объяснил Букин, — через неделю приезжает сюда его экспедиция. Будут снимать картину про осьминогов. Вы как художник и местный житель можете быть полезны.

Я посмотрел на режиссера. Его лицо показалось мне знакомым.

— Простите, — сказал я, — мы с вами нигде не встречались?

— Возможно, возможно, — сказал он.

— Постойте... Черное море... Взрыв мины для учебного фильма... Рыбы на дне... Ну конечно, это вы! Помните, наша шхуна подошла к месту взрыва. Я еще нырял, осматривал дно? Знаете, как мы вас называли тогда — Главным киношником.

— Ах, вот оно что! Припоминаю: был такой фильм. И шхуна, верно, была.

— А вы все на морскую тему снимаете?

— Да, знаете, поручают. Один фильм удался, второй...

— Товарищ режиссер снимает почти все фильмы о морских животных, которые делаются у нас, и он часто ездит за границу, — сказала Лиза.

— Так чем я могу помочь? — спросил я.

— Трудно сказать. Пока ясна только общая идея.

Главный киношник кивнул мне. Букин сказал: «Салют!» Оба ушли в контору. Лиза осталась.

— А нам надо работать, — сказала она. — Покажите, что успели нарисовать. Я привезла вам альбом «Животные Японского моря». Но предупреждаю: животные там невыразительные. Их не рисовали, а срисовывали. Где присядем?

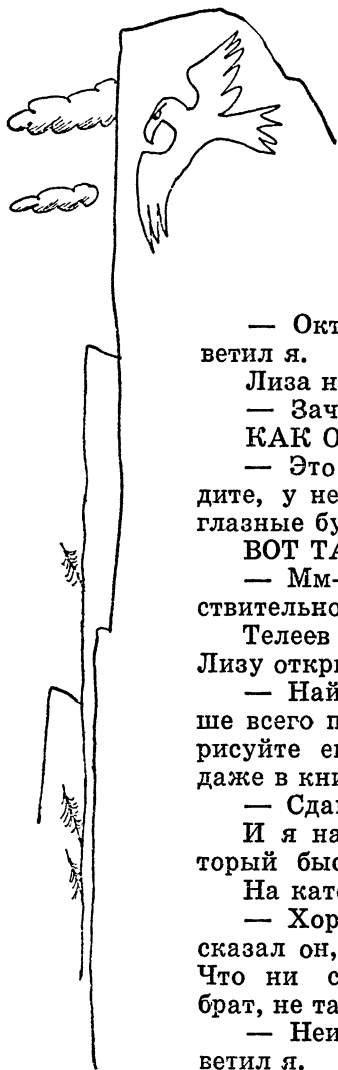
— Все рисунки на катере.

— Идемте туда...

Мы сидели на палубе, на потертых нечетвертых досках. Я доставал из папки по одному рисунку, Лиза смотрела их. На каждом она писала два названия животного. По-русски и по-латыни.

— А как будет осьминог? — спросил я.

— Какой?
— Обыкновенный.
— Октонус вульгарис.

Около нас сидели Телеев и Жаботинский.

Лиза улыбалась. Видно, рисунки ей нравились.

— А это что такое? — вдруг спросила она.

Это был осьминог, которого я нарисовал на причале.

— Октонус вульгарис, — гордо ответил я.

Лиза нахмурилась.

— Зачем вы рисовали его мертвого?
КАК ОНА ДОГАДАЛАСЬ?

— Это не октонус, а безобразие! Видите, у него закрыты глаза, опали надглазные бугорки.

ВОТ ТАК РАЗ!

— Мм-м... — сказал я. — Он действительно не шевелился, но я думал...

Телеев и Жаботинский смотрели на Лизу открыв рты.

— Найдите живого и рисуйте. Лучше всего посмотрите его под водой. Нарисуйте его так, чтобы он шевелился даже в книге!

— Сдаюсь, — сказал я. — Такого?

И я нарисовал Лизе осьминога, который быстро-быстро шевелил лапами. На катер пришел Букин.

— Хорошо быть художником, — сказал он, взглянув на мои рисунки. — Что ни сделай, все хвалят. В науке, брат, не так! Ухабы!

— Неизвестно, где их больше, — ответил я.

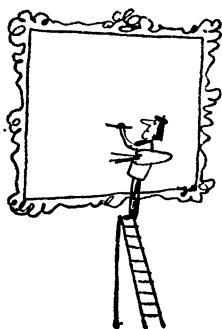
СПОР

И мы поспорили.

Я сказал:

— Художники — самые несчастные люди на земле. То рисуешь сказки, то копёр, который забивает

свай. А к чему настоящее твое призвание, не знаешь. Или узнаешь, прожив полжизни. Вот один художник, говорят, двадцать лет ситец расписывал, горошинки на нем рисовал, а потом вдруг что-то ему стукнуло в голову, полез в горы, выбрал высокую скалу и давай на ней орла выбивать. Зубилом и молотком. Два года в люльке, знаете, в которой маляры работают, висел. Еду ему в корзинке сверху со скалы спускали. Выбил орла, все посмотрели и ахнули — хороший орел получился! Он сейчас же на другую гору. Вот так. А в науке все ясно.

— Что ясно? — возмутился Букин.

— Над чем работать.

— Это не так, — сказала Лиза. — Каждый ученый — узкий специалист. Попробуй угадай, чем всю жизнь заниматься. Одни занимаются глистами рыб, другие — двадцатингими рачками. Третьи — движением кальмаров. Переучиваться некогда. Кто сразу правильно не выбрал, привыкнет и сидит, коптит небо.

— У нас приятель, — сказал Букин, — так он всю жизнь просидел на рыбьих хвостах. Далеко, шельмец, пошел — доктор наук!

— Работать надо, а не менять темы, как ты, — сказала Лиза. — Впрочем, когда все время хвосты да хвосты, тоже плохо...

И она рассказала о страшной силе привычки, которая убивает все лучшее в человеке и даже в рыбе.

ТОЛСТАЯ ЛУША

Ее вытащили сетью тихим сентябрьским утром. Маленькая белужка лежала на дне баркаса, разевая маленький кривой рот.

Ей повезло. Баркас принадлежал биологической

станции. Весь улов привезли в Севастополь и пустили в аквариумы и бассейны.

Белужка попала в большой бассейн. Бассейн был круглый, в самой середине зала. Стены зала были стеклянные. За ними плавали освещенные слабым светом голубоватые рыбины.

— Белужка! — сказала тоненькая девушка в ватнике, которая пересаживала рыб. — Тебя-то нам и не хватало... Бе-лушка. Лушка-бе!

Девушка была очень молода, любила выдумывать новые слова и прозвища.

Так маленькая белуга стала Лушкой.

Лушка оказалась в бассейне меньше всех. Меньше плоского, с кнутиком-хвостом, морского кота, меньше головастых лобанов — кефалей и уж подавно меньше осетра, жившего на станции второй год.

Девушка не забыла Лушку. Она приходила каждый день, всегда в зеленом ватнике. Под ватником виднелось то голубое, то розовое цветастое платье. Ведь наверху, в мире, который никогда не видела Лушка, ярко светило солнце, стояла еще летняя жара. А здесь сочились из каменных стен на пол холодные капли и мерно журчала вода, взятая насосами с самого дна моря.

Шло время.

Лушка плавала вдоль стенки бассейна — все вперед и все влево, круг за кругом, час за часом, день за днем, месяц за месяцем.

Однажды она заметила, что лобаны, которым случается столкнуться с ней, уступают ей дорогу, и удивилась, почему они раньше казались ей большими.

Лушка совершенно забыла море, леса рыжих водорослей и песчаное дно, на котором так весело было гоняться за серенькими крабиками. Среди людей, беспрестанно толпившихся в зале, она научилась узнавать девушку в зеленом ватнике. Завидя ее, Лушка подплывала к краю бассейна и, тыча мордой в цемент, ждала, когда в воду полетят пахучие куски рыбьего корма.

Месяцы складывались в годы. Лушка уже переросла осетра. Потом осетр куда-то исчез. Менялись один за другим обитатели аквариумов, и только Лушка величественно и сонно делала свои круги по бассейну — вперед и влево.

Она превратилась в большую, покрытую костяной броней пузатую рыбину.

— Ты теперь настоящая Луша! — сказала однажды девушка, наблюдая за неторопливым движением своей любимицы. — Четыре года здесь. Четыре года... Какая ты стала толстая!

Девушка грустно засмеялась, а маленькая Лушка с этого дня стала Толстой Лушей.

А вскоре, может быть через неделю, может быть через год, случилось еще одно событие.

Толстая Луша заканчивала свой обычный круг по бассейну, когда здание станции вздрогнуло. Удар передался в воду и переполошил рыб.

С этого дня такие удары стали постоянными. Исчезли праздные посетители. Рыб стали кормить реже. Люди, забежавшие в зал, без конца повторяли слово «война», которое, как и другие слова, ровно ничего не говорило рыбам.

И вот настал день, когда в зале вновь сталолюдно и как никогда тревожно. Люди торопились. Они спускали из аквариумов воду, вычерпывали рыб, уносили их куда-то.

Среди этих людей работала девушка.

Очередь дошла до Луши. Большой сетью ее выволокли на каменный пол, подхватили на руки и, как бревно, потащили длинным коридором.

Толстая Луша не билась, а только беззвучно вздыхала, тяжело раскрывая громадный изогнутый рот.

Коридор соединял зал с набережной. На набережной у каменных плит тревожно бормотала вода. Из бухты, прощально перемигиваясь фонариками, уходили в море корабли.

Лушу с плеском бросили в воду. Она замерла, словно в растерянности, а затем начала тереться мордой о шершавый камень, обросший черными дольками мидий.

Девушка наклонилась к воде и помахала Луше рукой. Та привычно замерла, ожидая корма.

Принесли багор и багром кое-как оттолкнули Лушу от стенки. Поняв наконец, что от нее хотят, она повернулась мордой к морю и робко, нехотя шевельнув хвостом, поплыла.

Она плыла, медленно удаляясь от берега одним и тем же заученным движением — по кругу, вперед и влево, как плавала много лет подряд.

Ошеломленные люди молча стояли на стенке и смотрели ей вслед.

В тишине послышалось всхлипывание. Это плакала девушка.

Луша плыла, как всегда, у самой поверхности. Темные кольца от ее движения все удалялись и удалялись от берега, пока их не накрыла синяя полоса ряби. Шел шквал — предвестник приближающегося шторма.

Ночью разыгрался ветер. Гудели ревуны на буюх. Всю ночь по бухте сновали задержанные штормом корабли...

Прошли ночь и день. Вечером к причалу на северной стороне бухты прибило безжизненную тушу громадной рыбыны.

У причала стоял последний уходивший из Севастополя миноносец. На борту его оказался работник станции. Он узнал Толстую Лушу. В ее теле зияла рана. Левый бок почти до хребта был рассечен паровым винтом.

Встретясь ночью с кораблем, белуга не смогла уклониться от удара и погибла, так и не сумев выйти из бухты...

Когда Лиза кончила рассказывать, я сказал:

— А я знаю, кто была эта девушка. Это были вы? Она кивнула.

СЫН

Я решил, что пора рассчитаться с хозяевами за комнату.

— Бабушка,—сказал я однажды, когда старуха пришла ко мне убирать,— скоро месяц, как я живу.

— Ну и живи.

— Очень мне хорошо тут у вас. Хорошая комната. Тихо.

Старуха походила по комнате, остановилась перед фотографиями и сказала:

— Говорят, Ваня мой, сыночек, на помощь звал, а его не слышали... В город увезли, да так и не привезли обратно,— непогоды сильные в ту пору начались. Кто хоронил, и хоронил ли, не знаем, а у нас только митинг на комбинате был, речи говорили. Старик мой ходил, а у меня сил не хватило... Учительница у соседей живет, та и сейчас к нам приходит. Очень хорошая женщина, молодая. «Лучше вашего Вани никого не было»,— говорит. Любила его, что ли...

Я молчал, не зная, что сказать.

Поэтому сказал ненужное:

— Деньги я вам хочу заплатить за первый месяц.

Старуха посмотрела на меня, силясь понять: к чему это?

— Один он у меня был сын, Ваня,— сказала она.

К РЕЙНИКЕ

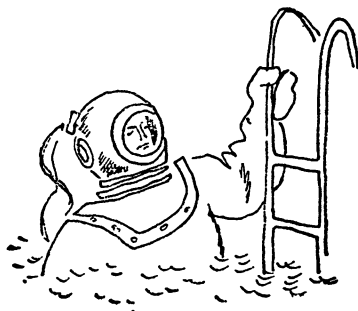
— Мне очень нужен осьминог,— сказал я наконец Телееву.— Ходим, ходим... Все трепанги да трепанги, а у меня тоже план.

Телеев промолчал.

— К Рейнике идем,— сказал мне на другой день Шапулин.— Там около острова меляк. Трепангов мало, зато осьминог есть. Он там живет. Я, как опускаюсь, каждый раз его вижу.

Рейнике — самый крайний из здешних островов. Он как дерево на опушке леса. За ним — море.

Мы дошли до острова и стали на якорь. Опускался Шапулин.

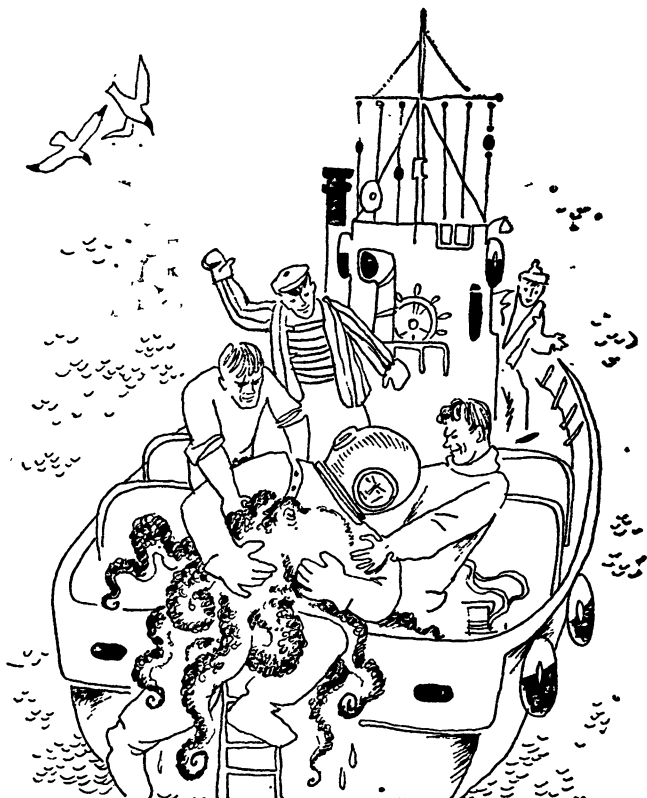

Его одели, включили помпу. Телеев шлепнул его ладонью по медной макушке. Шапулин отпустил руки, отвалился от катера.

Дробное пузырчатое облако закружилось у борта.

К телефону — на связь — поставили меня.

В телефонной трубке было слышно, как шумит, врывается в шлем водола-

за воздух. Шапулин скрипел резиной, что-то бормотал. Это он ходил по дну, собирал трепангов.

— Ну как? — то и дело спрашивал я.

Молчок.

И верно. Что «ну как?», когда надо работать.

Шапулин набрал одну питомзю, взял вторую.

Я по-прежнему стоял у телефона.

Однажды мне послышалось, что он сказал слово «ушел».

— Кто ушел? — всполошился я.

Шапулин не ответил.

И вдруг метрах в десяти от катера забурлило. Пробив медным шлемом воду, показался водолаз. На зеленой его рубашке извивалось что-то красное, бесформенное, ногастое.

— Осьминог! — завопил я. — Осьминог!

На палубу выскочили Телеев, Дед, Жаботинский. Мы стали подтягивать водолаза к борту.

Он стукнулся шлемом о катер.

— Осторожно! — закричал я.

Про фотоаппарат, заряженный чудесной цветной пленкой, я забыл. Он болтался у меня на шее, как маятник.

Я то бросался тащить водолаза, то хватался за осьминога. Осьминогу не хотелось на катер. Он присасывался к борту, к водолазному шлему, к лесенке.

Мы отлепляли его, тащили, кричали.

Наконец Шапулина вместе с осьминогом перевалили через борт.

Осьминог отпустил водолаза и шлепнулся на доски.

Он был испуганный, красный. Шумно всосав в себя воздух, осьминог сгорбился и стал раздуваться, расти вверх. Розовые ноги его с белыми кольцами-присосками укорачивались.

Жаботинский выкатил из трюма пустую бочку.

Мы подняли и посадили в нее осьминога. Он зашипел. Из-под крайнего щупальца у него торчала белая трубка. Она то сжималась, то раздувалась. Через нее осьминог выпускал воздух.

Жаботинский плеснул в бочку один черпак воды, второй. Бочку налили до краев. Осьминог всплыл, затем снова опустился на дно и там застыл, испуганно тараща из-под воды глаза.

С Шапулина сняли шлем. Он сел рядом с бочкой. Лицо у него было красное и мокрое. Он здорово устал, пока тащил осьминога.

— Что будем делать? — спросил Телеев.

Я подумал, что если нарисовать осьминога в бочке, Лиза опять скажет: «Безобразие!»

— Надо бы его куда-нибудь на мелкое место, в скалы, — сказал я.

— Трепангов наберем и сходим, — пообещал Телеев. — Ты отдыхать будешь? — обратился он к Шапулину. — Раздевайся. Я за тебя пойду.

— Долго костюм снимать. Ладно, я еще разок.

— Питомца где?

— Около якоря бросил. Найду.

Через несколько минут он снова полез за борт.

ОСЬМИНОГ НА ПАЛУБЕ

Осьминог сидел в бочке.

Он был по-прежнему красный как вареный рак, тяжело дышал. Над тем местом, где торчала вверх его трубочка, то закипал, то гас родничок. Это животное толчками выпускало из себя воду. Я сел около бочки и стал рисовать осьминога по частям: щупальца, глаза, клюв.

Тело осьминога было все покрыто мелкими серыми складочками. Как будто его посыпали пеплом. Черные глаза с белыми веками-шторками были полуприкрыты.

Один раз, когда осьминог повернулся, я увидел его клюв, кривой, как у птицы.

Мы смотрели с осьминогом друг на друга. Каждый из нас думал о своем.

Осьминог не ждал от меня ничего хорошего. Это было видно по выражению его усталых глаз. От морщинок, которыми были окружены глаза, взгляд его казался стариковским.

А у меня мысли были веселые. Наконец-то смогу хорошенько нарисовать его!

ДВА БРАТА

— Идем к Двум Братьям! — сказал Телеев, когда две бочки были заполнены трепангами.

В третьей сидел осьминог. Сегодня из-за меня не будет выполнен план.

Мы снялись с якоря.

Скалу Два Брата я знал. Мимо нее мы проходили часто. Она лежит как раз напротив комбината.

До Братьев мы добирались почти час. Подходили осторожно. С кормы Телеев отдал якорь. В случае чего на нем можно стянуться назад.

Когда нос сел на мель, до берега оставалось еще метров пять.

Мы шли по колено в воде. Осьминога нес Шапулин. Он нес его, перекинув через плечо.

Два Брата — это два больших камня. Когда-то это

была одна скала. Потом она развалилась пополам. Между камнями получилась лагуна — тихая и закрытая. Воды в ней по пояс. Узкий проход соединяет лагуну с морем.

Проход мы забросали камнями.

В лагуну пустили осьминога.

Он опустился на дно, закрутился и покатился, как облако лилового дыма, по камням к выходу.

У меня в руках был аппарат в боксе. Пока осьминог полз по лагуне, я прыгал с камня на камень, снимал его.

Потом я влез по пояс в воду, опустил аппарат и стал снимать из-под воды.

Вода была ледяная.

Осьминог решил проскочить мимо меня. Он снялся с места и поплыл.

Он плыл легко, быстро, сокращая и раздувая зыбкое тело, с силой выбрасывая из себя воду. Он плыл, как ракета. Сложенные плетью щупальца свободно развевались позади. Осьминог доплыл до заваленного камнями прохода и повернул обратно.

Я снимал, пока не остался только один кадр. Тогда я загнал осьминога в камни и стал медленно приближаться к нему.

Он снова покраснел, испуганно поднял щупальца, развернул их, как зонт.

Я щелкнул затвором в последний раз, отвалил камни от прохода, вышел из воды.

Осьминог понял, что произошло. Он неторопливо выбрался из расселины, повернулся и поплыл в сторону моря.

Он уже устал и плыл очень медленно.

Миновав проход в камнях, он наклонил туловище вниз, взмахнул на прощание, как плетью, щупальцами и исчез в глубине.

ЧАЙКИ

Мы шли по острову в обход скал обратно к катеру. Мы шли по галечному пляжу.

Под ногами хрустели остатки морских ежей. Весь берег был усеян ими. Белые известковые скелетики лежали грудами, как черепа.

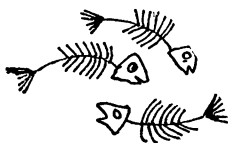
Над скалой метались чайки. Они криками прогоняли нас. Наконец самая храбрая, не дожидаясь, когда мы уйдем, кинулась вниз к воде, выхватила из расщелины черного ежа и полетела с ним к скале.

Пролетая над пляжем, она разжала клюв. Еж кувырнулся в воздухе, стукнулся о гальку и покатылся. Чайка опустилась рядом. Она перевернула лапой ежа и принялась клевать его в мягкий, не защищенный иглами живот.

Берег весь был усеян скелетами ежей. Он напоминал место побоища.

Значит, чайки не только прекрасные белые птицы, которых так любят рисовать художники. Это хищники — ловкие и злые.

Подобрав якорь-цепь, мы стащили катер с мели и ушли к себе на комбинат.

КАК БЫЛО

Я рассказал Телееву, что живу у старухи, у которой погиб сын-водолаз.

— Знал я Ивана, — ответил Телеев. — Вот как дело-то было...

Я записал историю, рассказанную шкипером.

Катер работал в тот день у Рейнике. На якорь стали неудачно. Косу, на которой водились трепанги, проскочили. Когда опустили под воду Ивана, он сразу сказал, что трепангов нет, надо искать.

Он пошел к берегу. След его пузырями потянулся к мыску. Шел он точно.

Белый шланг с красной паутинкой телефонного, примотанного к нему провода полз с катера в воду. Шланг шевелился как змея.

— Потрави! — просил Иван.

Он просил для шланга слабины. В телефоне получалось: по-по-по... Телефон барахлил.

— Починил бы ты его! — сказал мотористу шкипер. — А то случись что...

Моторист принес из кубрика отвертку, моток изоляционной ленты, начал искать, где плохой контакт.

По-по-по...

Больше слабины не было.

— Надо к нему подойти! — сказал матрос.

Моторист возился у телефона.

Шкипер сам спустился в машину, врубил муфту на самый малый ход, вылез и переложил руль на борт.

Нос катера сделал широкий полукруг. Натянутый шланг сразу ослаб.

— Шланг-то у тебя где? — закричал матросу шкипер.

Тот метнулся к борту. Легкий, светящийся под водой шланг уходил под катер.

— Стой!

Как ударился шланг о винт, никто не слышал. Удар был очень тихий. Винт беззвучно перерубил резиновую трубку. За кормой вспыхнул пузырчатый родник и забурился.

— В воду! В воду! — закричал шкипер.

Матрос понял. Он сбросил только сапоги и в штанах, в рубашке кинулся за борт. Шланга он не поймал. Перерубленный винтом, он успел лечь на дно.

Вытащили отрубленный конец. На белую резиновую культяпку смотрели, расширив глаза.

В спешке одели второго водолаза. Опускался сам шкипер. Он кружил по дну до тех пор, пока под ноги ему не попал лежащий на гальке шланг. Он пошел по нему и пришел к обрубку. Торопясь и обливаясь потом, побрел назад. Прикрепленный к шлангу, на дне лежал человек. Увеличенный водой, он был страшно неподвижен.

Его подняли и на катере увезли в город...

— Жуткое дело! — сказал я, когда Телеев кончил рассказ.

— Подсудное, — ответил он. — Подходить под мотором к водолазу запрещено. Юлить надо.

Я не спросил, что значит юлить. Раз человек погиб, о чем спрашивать?

Перед моими глазами стояло наклонное, дымящееся известковой пылью морское дно. Голубой водолаз в раздутот от крика шлеме неподвижно лежал на нем.

ЗАЧЕМ ЖЕ С РУЖЬЕМ!

С Главным киношником мы естретились у магазина. Шел дождь. Я был в галошах и босоножках.

Он — в блестящих резиновых сапогах.

**ИНТЕРЕСНО, КАК
ОН ИХ ДОСТАЛ?**

— Здравствуй! — сказал Главный киношник. — Что делаем?

— Рисуем.

— Ах да! Вас зовут...

— Николай.

— Чудесно! А ко мне уже приехали люди. Завтра будем снимать сцену: водолаз с ружьем против спрута. Приходите смотреть.

— Зачем же с ружьем? — удивился я. — Водолазы осьминога вам и так поймают. И снимутся с ним.

Главный киношник посмотрел на меня как на маленького.

— Как вы не понимаете? У нас научно-художественный фильм. У нас сценарий. По сценарию спрут нападает на водолаза. Человечка спасает только ружье.

Я пожал плечами. Но раз Букин сказал, что я могу быть полезным, я стал советовать.

— Сделайте так, — сказал я. — Вы наденете водолазный костюм. Водолаз наденет костюм. Спустились вдвоем под воду. Водолаз поймает осьминога, отпустит, выстрелит, а вы снимите.

Главный киношник даже улыбнулся.

— Что вы! — сказал он. — Мы сделаем проще. За комбинатом мы выстроили аквариум. Три метра высоты, три метра ширины. Двадцать семь тысяч литров. Завтра нальем пожарными помпами в него воды, пустим осьминога. За осьминогом в аквариум опустится водолаз. Мне обещали дать самого лучшего. Осьминог атакует человека, человек убьет осьминога, и все будет в порядке. Просто?

— Не думаю.

— Сразу видно, что вы не работали в кино.

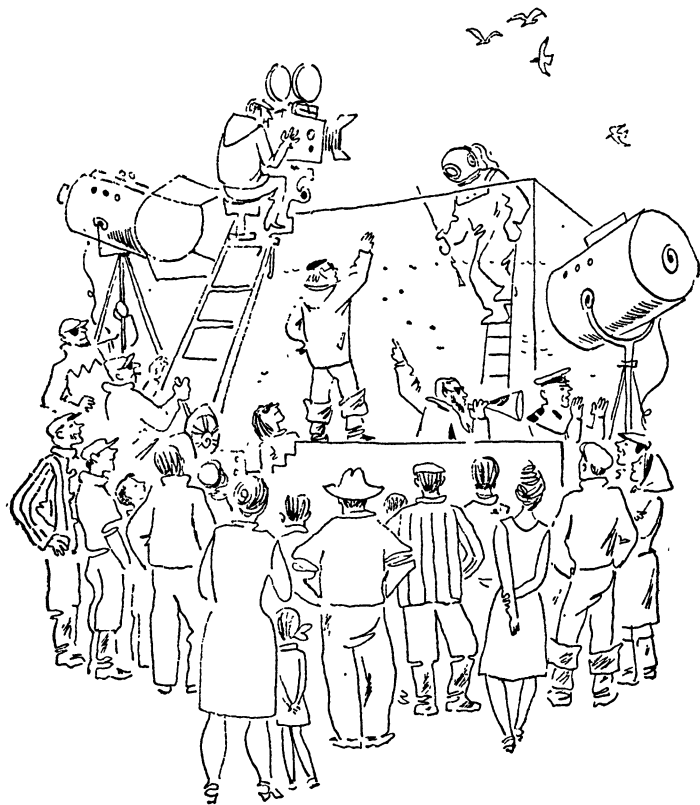
КИНОСЪЕМКА

На другой день в полдень мы все собрались около аквариума.

Пришло полпоселка: женщины, дети, свободные рыбаки и водолазы.

Аквариум стоял на самом берегу. Он был высокий, как дом. Настоящая лестница вела наверх. Толстые прозрачные стенки из пластмассы блестели. Пазы в стенках были замазаны красной замазкой. Она пахла грушевым клеем. Я понюхал воздух. Прямо фруктовый сад.

Около аквариума бегали молодые киношники. Они устанавливали осветительную аппаратуру. Готовили свои шланги пожарники.

Главный киношник и Телеев стояли около самого аквариума.

ЧТО ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТ ТЕЛЕЕВ?

И тут я вспомнил, что для съемки обещали дать самого лучшего водолаза.

Пожарники развернули шланги, включили помпу и начали качать в аквариум морскую воду.

Светлая линия поползла вверх по прозрачной стенке. Стенка затрещала.

— Не лопнет? — спросил Телеев у Главного киношника.

— Не успеет. Мы быстро. Осьминог здесь?

Осьминог сидел рядом, в бочке. За ним специально ходил в море катер.

— Одеть водолаза!

Телееву уже привязывали к ногам медные галоши. Свинцовые подошвы его ушли в песок.

— Пустить осьминога!

Бочку подняли наверх и опрокинули в аквариум.

Через желтоватую стенку было видно, как осьминог, растопырив щупальца зонтом, медленно опускается на дно.

— Теперь так, — сказал Главный киношник, — будете стрелять, когда я махну рукой.

Мне было жаль осьминога. Телееву, наверно, тоже. Каждый день он встречается с осьминогами на дне, и никогда они не причиняли ему вреда.

Телееву дали в руки ружье, заряженное гарпуном, и он полез по лестнице наверх.

Жаботинский нес его шланг.

По короткой металлической лесенке Телеев слез в аквариум. За прозрачной стеной он казался очень большим и неповоротливым. По его медному шлему прыгали рыжие зайчики.

Осьминог увидел человека и забился в угол. Он не понимал, чего ждут от него.

Заметив в руках человека ружье, он насторожился. Телеев нехотя поднял ружье. Видно, он уже расхотел сниматься. Но было уже поздно. Главный киношник махнул рукой. Телеев навел ружье на осьминога. Осьминог испуганно метнулся в сторону! Бац! — гарпун вылетел из ружья и с размаху ударил в пластмассовую стенку. Стенка раскололась на куски, и двадцать семь тысяч литров воды хлынули на песок.

Телеев и осьминог вытекли из аквариума вместе с водой. Они лежали рядом. Вода с шумом стекала по песку в море.

Первым опомнился осьминог. Он со свистом вобрал в себя воздух, сгорбился и выбросил вперед щупальца. Он полз по мокрому песку, переливаясь и блестя, как стеклянный шар.

Раз-раз — первые щупальца достигли воды. Осьминог скользнул в нее, повернулся. Сильная струя воды вылетела на берег. Осьминог исчез в глубине.

Около Телеева уже хлопотал Жаботинский. Он отвинчивал на шлеме окошечки. Телеев уселся и стал соображать, что произошло.

Народ шумел. По лужам бежали киношники и размахивали руками. Главный киношник стоял наверху, на помосте, и смотрел в пустой аквариум.

Потом он спустился вниз и подошел к нам.

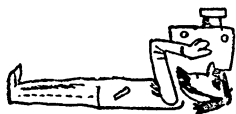
— Какая силища, а? — спросил он и потер руки. — Ничего, искусство требует жертв! Помню, бросали мы однажды с парашютом корову. Конечно, с самолета. Дверь оказалась узкой. Корова зацепилась рогами и не проходит. Пришлось идти на посадку и заменить самолет.

— Простите, — сказал я, — а зачем корове прыгать с парашютом?

— Не помню. Наверно, так надо было по сценарию... Тэкс, а что же теперь делать нам? Время идет.

— Я предлагал: опуститесь под воду.

— Это исключено. Придется сделать так. Комбинированная съемка. Отдельно осьминог — отдельно водолаз. Маленького осьминога снимаем в маленьком аквариуме. Стрелять в него будем с воздуха, через воду. Гарпун большой, но мы его потом уменьшим при печати. Затем — у меня есть где-то кадры — аквалангист на Черном море. Склеим аквалангиста и осьминога, и все будет в порядке... Помню, однажды мы в Киеве устроили пожар. Подожгли дом. Дом горит, а артиста, который должен входить в этот дом, нет. Не приехал. Пришлось потушить...

Я не дослушал. Меня позвал Жаботинский.
Надо было раздевать Телеева.

ЕЩЕ ГАЛОШИ

На остров вернулось солнце.

Дождь перестал.

Дороги снова стали желтыми, а трава — зеленой.

Я вытащил из галош босоножки и положил их в чемодан. Ура! А галоши можно выбросить. Как они мне надоели! Даже походка из-за них стала у меня утиной.

Я хотел вышвырнуть их в окно, но побоялся. Мимо все время кто-нибудь да шел.

Я бросил галоши под кровать...

Вечером мы сидели около дома: я, старуха и старик.

За Амурский залив, за синие сопки опускалось коричневое солнце. Оно тускло светило сквозь коричневый дым из комбинатовской трубы.

— Мне скоро уезжать, — сказал я. — Почти два месяца у вас прожил. Хорошее место — остров.

— Чего хорошего, — сказал Иван Андреевич, — дождь да снег.

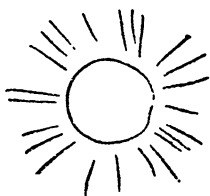
— Осень, говорят, тут очень славная.

— Тридцать лет здесь живем. До войны приехали, — сказала старуха. — Привыкли. Все нас тут знают. Кем мы ни работали: и матросами и сторожами. Иван Андреевич складом даже заведовал.

— Интересно, вот летом — катер, а зимой как? — спросил я. — Как до города добираться?

— Зимой проще: дорогу по льду накатывают. Машины, считай, каждый час ходят. Кроме нас, на острове и зверосовхоз и школа.

Я представил себе, как по весне ломается лед

и эту дорогу уносит в море. Там она и плавает по кусочкам: льдина за льдиной — на каждой отпечатки автомобильных шин. А к острову в это время ни подойти, ни подъехать.

— Вы молодцы,— сказал я.— Шутка сказать — тридцать лет на острове! Прямо герои.

— Привыкли мы к тебе,— сказала старуха.— Хорошо ты у нас пожил. А я все собиралась пирог спечь. Может, успею?

— Горят они, пироги-то, у тебя,— сказал старик.— Как поставишь, так дым.

Старуха вздохнула:

— Памяти нет. И откуда ей быть теперь у меня — памяти?

ЛАМПЫ И УДОЧКИ

На остров снова приехали Букин и Лиза.

— Идем за кальмарами! — сказали они.

У Букина под мышкой был переносный аквариум.

Около причала стояли два странных судна. Между мачтами у каждого был натянут провод. На нем висели голубые прозрачные лампы. Лампы были большие, как кастрюли.

На борта были навешаны катушки с капроновыми лесками. Лески блестели на солнце.

Я подошел к одному судну.

Поверх лесок лежали разноцветные подвески с крючками.

— Это что за катушки?

— Удочки. А видите лампы? Люстры.

— А-а... — Я ничего не понял. — Я пойду с вами. Когда?

— Вечером. Идите на одном МРС, мы — на втором.

НОЧНОЙ ЛОВ

В район лова мой МРС пришел к полуночи.

Включили люстры.

Яркий голубой свет вспыхнул над судном. Он упал на воду и проник в ее глубину.

Рыбаки выстроились у обоих бортов. Они стали у катушек-удочек и начали крутить ручки. Лески с разноцветными подвесками побежали с катушек в воду.

Подняли — опустили... Подняли — опустили... Острые крючки царапали спокойную воду.

Крючки выходили из воды пустыми. Кальмаров не было.

И вдруг на одной из лесок что-то затрещало, забилось. Облепив щупальцами подвеску, повиснув на крючках, в воздухе вертелся кальмар. Он бил по борту хвостом, брызгался.

Его подтянули. Кальмар перевалился через катушку, сорвался с крючков и шлепнулся в жестяной приемный желоб. По желобу он скатился на палубу.

Я наклонился над ним.

— Осторожно! — предупредил меня рыбак.

Было поздно. Кальмар выпустил прямо мне в лицо черную струю жидкости.

— Немедленно промойте глаза! — сказал рыбак.

Глаза щипало и жгло. Я сбегал к умывальнику. Вернулся.

Слезаящимися глазами я смотрел на то, что происходит на судне.

Из глубины всплывали на свет стаи кальмаров. Животные прятались в тени под днищем судна, набрасывались на пестрые подвески, попадались на крючки и вместе с непрерывно движущимися лесками поднимались в воздух.

Слышался стук хвостов, шлепанье и плеск.

Кальмары один за другим летели на палубу.

— Давай, давай! — покрикивали рыбаки.

Люди без отдыха крутили катушки. Если рыбак устал, его сменял моторист или повар.

— А вы что стоите? — крикнул мне капитан. — Вон катушка свободная.

Я стал у катушки. Первый кальмар шлепнулся к моим ногам.

— Давай! Давай!

Ловила вся команда.

К утру кальмарьи стаи ушли.

Подвески поднимались пустые.

Скользкая, залитая водой и чернильной жидкостью палуба была завалена телами кальмаров.

Их стали укладывать рядами в ящики...

— Вот вам и ночной лов! — сказал капитан. — Когда ловит флотилия, все море залито светом. Целый город качается на воде. Художника бы сюда!

ПОСЛЕ ЛОВА

Судно, на котором пошли Букин и Лиза, задержалось. Я ждал их на причале целый час.

Наконец их сейнер вышел из-за мыса и начал подходить, увеличиваясь в размерах, описывая по бухте дугу. Между его мачтами устало покачивались голубые лампы.

Судно привалилось к причалу и замерло. Замолок дизель.

Около мачты стояли Лиза и Букин. Оба в плащах с поднятыми воротниками.

Я прыгнул к ним на судно.

— Ну как? — спросил Букин.

— Отлично!

На палубе, в низких открытых ящиках, лежали кальмары. Они лежали рядами, как бутылки.

Каждый был похож на трубку, в которую залезло глазастое десятирукое существо. К концу трубки прикреплен треугольный плавник.

— Смотрите, что у нас! — сказала Лиза.

Около мачты стоял их аквариум. В нем копошились два живых кальмара.

Им было тесно, они то и дело упирались щупальцами в стекло и поднимали крышку.

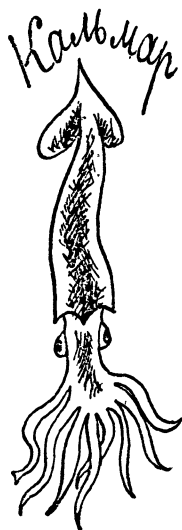
— Кыш! — сказала Лиза.

— Знаете, — сказал я, — ведь ночью-то я ничего зарисовать не успел. Сейчас нарисую.

И присел около кальмаров.

Букин стоял надо мной.

— Мне кажется, — печально сказал он, — я напрасно связался с трепангами. Ну что такое трепанги?

Черви. Вот кальмары — это да. За ними будущее. Сейчас в океане истребили кашалотов — расплодились кальмары. Это очень интересная тема. Надо менять профиль работы.

Лиза мрачно посмотрела на мужа.

СТАРИК

Я зарисовал кальмаров, проводил Лизу с Букиным на катер.

Они ушли во Владивосток.

На причале я увидел Ивана Андреевича.

Домой мы шли с ним вместе.

— Иван Андреевич, — спросил я, — зачем вы все время ходите на причал?

Он не ответил, остановился, вытащил из грудного кармана записную книжечку. В книжечке лежала сложенная вчетверо вырезка из газеты.

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Йошкар-Ола (ТАСС). В семью учителей Соколовых пришла радость. Во время войны из Ленинграда был эвакуирован вместе с детским садом и пропал без вести их четырехлетний сын Гриша. Отец и мать тоже были разлучены и встретились только после войны в Йошкар-Оле. Здесь они остались работать. Сейчас оба учителя на пенсии. Неделю назад стол розыска сообщил, что их сын Григорий Акимович Соколов жив и работает в Кемерове. Вчера на перроне городского вокзала произошла трогательная встреча. Григорий Акимович вместе с женой и сыном приехал навестить родителей.

— Приехал навестить, — сказал одними губами старик. — Вместе с женой и сыном. Их сын Григорий Акимович.

Видно, он знал заметку наизусть.

Я отдал ему аккуратно вырезанный клочок пожелтевшей бумаги. На сгибе бумага была подклеена.

Мы молча пошли к дому. Над дорогой в кустах, где строили новую школу, кто-то упорно бил молотком в рельс: день... день...

ГОЛУБОЙ ОСКОЛОК

Все было сделано, все зарисовано. Я прощался с островом.

Я бродил по берегу.

Среди белой и розовой, обкатанной морем гальки чернели пятна золы. По воскресеньям в солнечные дни здесь гуляют семьями.

Подожвы вязли в пластах прелой зелени. Пузырчатые коричневые листья морской капусты шелкали под каблуком.

Весь берег был усеян обломками раковин. Море выбрасывало их годами. Ломкие и побелевшие от солнца, они лежали горами, так, как оставила их волна.

Один обломок раковины я поднял.

Он был не такой, как остальные. На вогнутой его поверхности сидела перламутровая шишечка.

Странное дело!

Бывает, что внутрь раковины попадает песчинка. У моллюска, живущего в известковом домике, нежное и мягкое тело. У него нет рук. Он не может избавиться от песчинки. Резкая боль заставляет его обволакивать песчинку корочкой перламутра. Один слой, второй. Получается блестящая молочная бусина — жемчуг.

Чтобы достать жемчуг, искусные пловцы ныряют на дно. Они отдирают от камней крупные иззубренные раковины, складывают их в мешочки у пояса.

Это очень тяжелый труд.

А тут прямо под ногами, рядом с золою костров...

Я присмотрелся к осколку. Еще недавно он был половинкой раковины, по краям — свежий излом, на выпуклой поверхности — мазутный след каблука. Кто-то наступил башмаком — крак! — и прошел мимо.

Нарост в одном месте имел дырочку. Сквозь нее виднелось что-то темное и блестящее.

Что, если разбить? Может, из него выкатится темно-голубая жемчужина? А может, всего-навсего серый камешек?

Я сунул осколок в карман и пошел дальше. Я знал, что никогда не разобью раковину. Она будет лежать у меня дома вместе со всякими редкостями. Будут приходить гости и, взяв в руки, рассматривать ее и спорить.

А там внутри всегда будет ТАЙНА.

ЮЛИ-ЮЛИ!

Я уезжал рано утром. Стараясь не шуметь и не будить стариков, я собрал чемодан, вышел из дома.

Около проходной меня догнал Иван Андреевич. В руках у него был сверток, перевязанный шпагатом.

— Вот...— сказал старик, задыхаясь.— Вам... от нас...

— Зачем такое беспокойство, Иван Андреевич? — сказал я.— Большое спасибо за все. Я не хотел вас будить. Тут, наверное, пирог?

— Пирог.

— Вот видите, сколько хлопот. Большой привет супруге. Не поминайте лихом!

Я положил сверток в чемодан и пошел к причалам.
ВСЕ-ТАКИ СПЕКЛИ ПИРОГ!

Я зашел на бот. Проститься с командой МВВ-10. Мы пожали друг другу руки.

— Приезжай! — сказал мне Телеев.

— Зимой иду в школу! — сказал Шапулин.

— Книжку пришлите! — попросил Дед.

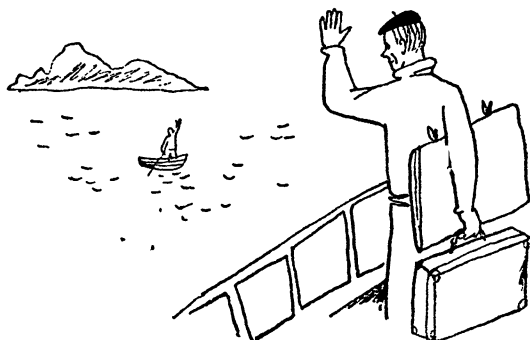
Катер почему-то в этот день не подошел к причалу, а стал на рейде. Меня повез к нему Жаботинский.

Он положил в лодку мой чемодан, взял одно весло, оттолкнулся от берега.

— А второе весло? — спросил я.

Веня не ответил. Он вставил весло в веревочную петлю на корме, встал во весь рост и начал раскачивать весло из стороны в сторону. Он раскачивал его и крутил вокруг оси. Весло врезалось в воду, как винт.

Лодка дрожала и шла вперед.

— Это называется юлить! — весело сказал Веня. — Юли-юли!

ТАК ВОТ КАК НАДО БЫЛО ПОДХОДИТЬ К ВОДОЛАЗУ!

— Я писать вам всем буду, Веня, — сказал я. — Остров Попова, до востребования, Жаботинскому?

— Зачем Жаботинскому? Моя фамилия Томский. Жаботинским меня просто так зовут. Прозвище.

Я засмеялся. Я вспомнил, как Веня носит на бамбуковой трубе стокилограммовые бочки. Конечно, он — Жаботинский.

Лодка подошла к катеру. Я перелез на палубу, Веня протянул мне чемодан.

— До свидания! — сказал я.

Веня поднял руку.

Лодку относило течением. Веня встал на корме, закрутил веслом, и нос лодки тотчас же повернул к берегу.

Сегодня вечером я улечу домой.

НА АЭРОДРОМЕ

На аэродроме во Владивостоке я целый час ждал самолета.

Я проголодался, открыл чемодан и вытащил сверток.

Попробуем пирог.

Я положил сверток на стол и развязал шпагат. Внутри была газета, в газете почему-то **ДВА СВЕРТКА**.

Я раскрыл первый. Пирог. Обещанный пирог!

Во втором свертке лежали галоши. Мои галоши. Вымытые и блестящие.

ЗАЧЕМ ОНИ МНЕ ТЕПЕРЬ?

Я положил галоши рядом с пирогом и стал думать.

Выбросить? Выбросить их невозможно. Теперь это не галоши, а знак доброго внимания и заботы.

Повезу-ка я их домой. Дома у меня на подоконнике много редких вещей. Там лежат черноморские раковины ропаны, засушенная рыба-игла, бронированный ку-

звон, которого привез мне из Индийского океана знакомый матрос.

Там я положу одну галошу. Она ведь тоже редкость. Она плавала со мной к островам Рейнике и Два Брата. Ее месяц поливало морской водой, и липкая желтая глина пыталась сорвать ее с босоножки.

Вторую я поставлю под диван.

Пускай стоят. Они еще пригодятся. Ведь мои путешествия не кончились!

Я уселся поудобнее и стал жевать старухин пирог. Он был вкусный и на этот раз непригорелый.

Радио объявило посадку.

В МОСКВЕ

Когда я прилетел в Москву и добрался до своего дома, дверь мне открыла сестра.

— Ты? — воскликнула она. — А мы думали, что тебя уже нет в живых!

— Это еще почему?

— Из-за твоих дурацких телеграмм.

В переднюю вышла мать и упала ко мне на грудь.

— Ну-ну, мама... — сказал я. — При чем здесь мои телеграммы?

Мать с сестрой положили их на стол:

ИЗ ПОПОВА

ДОЛЕТЕЛ БЛАГОПОЛУЧНО САМОЛЕТЕ

ЗАСТРЯЛА НОГА

КОЛЯ

ИЗ ПОПОВА

ЗДОРОВЬЕ ХОРОШЕЕ УДАРИЛСЯ

ГОЛОВОЙ О СВАЮ

КОЛЯ

— И на этом телеграммы кончились. Что мы должны были думать? — сказала мама. — Признайся: ты сильно разбил голову?

— Да что ты? Пустяки, чуть-чуть стукнулся. Небольшая шишка.

— А нога в самолете?

— Еще легче. Совсем ерунда.

— Тогда зачем ты нам об этом писал?

— Ты сама просила писать подробно, и писать всю правду.

Мне пришлось рассказать все, как было.

Потом я достал папку с рисунками и стал показывать их. Тут я сразу вспомнил рыбака и рыбку. Вот эти рисунки совсем другое дело!

Ну и что же, что у меня плохо получаются люди? Теперь я буду рисовать морских животных. Я буду опускаться на дно, наблюдать, как прыгают плоские, как блюдечки, раковины-гребешки, следить за пучеглазыми бычками, красными глубоководными крабами с колючками. Буду ходить на ночной лов кальмаров и на сбор морской травы анфельции.

Я могу разглядеть спрятавшуюся в песок камбалу. Мне ничего не стоит нарисовать плывущего, как голубое облако, осьминога.

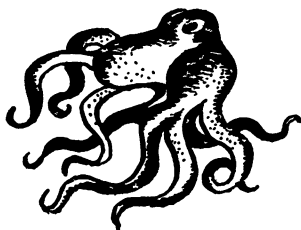
Пусть у меня не будет больших, написанных маслом картин. Пусть будут маленькие рисунки в книгах о водолазах. Я сделаю много книг о жизни рыб.

Хорошо, что я слетал на Дальний Восток.

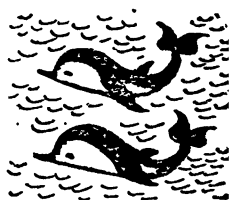
— Что ты бормочешь себе под нос? — спросила сестра.

— Это я так, сам с собой. Вспоминаю отлет.

РАДИО ОБЪЯВИЛО ПОСАДКУ. МЫ ВОШЛИ В САМОЛЕТ И ВЗЛЕТЕЛИ. КОГДА САМОЛЕТ ПОДНЯЛСЯ, Я УВИДЕЛ В МОРЕ ОСТРОВ. ЭТО БЫЛ ОСТРОВ ПОПОВА. САМОЛЕТ КАЧНУЛО, И ОСТРОВ НАКЛОНИЛСЯ: ОН ПРОЩАЛСЯ СО МНОЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ ОСТРОВ, ОКОЛО КОТОРОГО ВОДЯТСЯ ОСЬМИНОГИ И ГДЕ ВОДОЛАЗЫ СОБИРАЮТ НА ДНЕ ТРЕПАНГОВ.

ПОДВОДНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЧЕРНОЕ МОРЕ,
1968 год

МЕНЯ ВЫЗЫВАЕТ МАРЛЕН

Звонок среди ночи. Я вскочил с кровати.

— Не туда! — закричала из соседней комнаты мать. — К телефону!

Я закрыл дверь, которую отворил было, и побежал к телефону.

— Завернись в одеяло, — крикнула сестра, — от окна дует!

— Да!.. Да!.. — закричал я в телефонную трубку. — Я слушаю вас... Кто?.. Какой парлен?.. Ах, Марлен!.. Какая бухта?..

Я опустил на стул и, не выпуская из рук трубки, начал соображать.

«Марлена я не видел два года... Это он. Наверно, зовет меня опять на Черное море»...

— Скажи по буквам! — закричал я. — Тебя плохо слышно. Ты откуда? Из Севастополя... Так. Григорий... Ольга... Ласкирь... Улыбка... При чем тут улыбка? А-а, Голубая!

«Голубая бухта!»

Я вспомнил: теплый воздух дрожит над вершинами гор... Прямо в воду опускается отвесная скала. Ее поверхность вся изрыта круглыми, как оспины, отметками...

— Хорошо, я подумаю.

В трубке что-то щелкнуло, и стало отлично слышно. Голос Марлена раздавался совсем рядом.

— Нечего думать! — сказал Марлен. — Мы начинаем работы в Голубой бухте. Очень интересно. Приедешь в Симферополь, там тебя встретят и на мотоцикле привезут к нам. Встречать будет человек в белом шлеме. Жду!

И он повесил трубку.

«Вот так раз!»

Я остался сидеть около телефона, завернутый в одеяло.

«Может, и верно поехать?»

Через три дня я уже слезал с поезда на перрон симферопольского вокзала.

Призывы Марлена всегда действовали на меня, как взгляд очковой змеи на мышь.

НЕУСТОЙЧИВЫЕ МОТОЦИКЛЫ

Я вышел на привокзальную площадь и первым делом стал высматривать человека в белом мотоциклетном шлеме.

Вся привокзальная площадь была полна людей в белых шлемах. Они бродили около своих мотоциклов, заводили их — трах-тах-тах! — и, размахивая руками, обсуждали какие-то свои мотоциклетные дела.

— Что тут происходит? — спросил я одного.

— Мотопробег Симферополь — Феодосия в честь праздника виноградаря! — ответил мотоциклист.

В это время какой-то человек в кожаной куртке поднял флаг, второй человек выстрелил из пистолета, и все мотоциклы, стреляя и взрываясь, умчались.

Последними укатили на автомашине человек с флагом и человек с пистолетом.

Площадь опустела. Остался один мотоциклист. Он стоял посреди пустой площади и держал в руке белый шлем.

Я подошел к нему.

— Здравствуйте! — сказал я. — Меня зовут Николай. Вы от Марлена?

— Привет! — сказал он. — От Марлена. Вы когда-нибудь на заднем сиденье ездили? Не упадете?

— Не упаду, — ответил я.

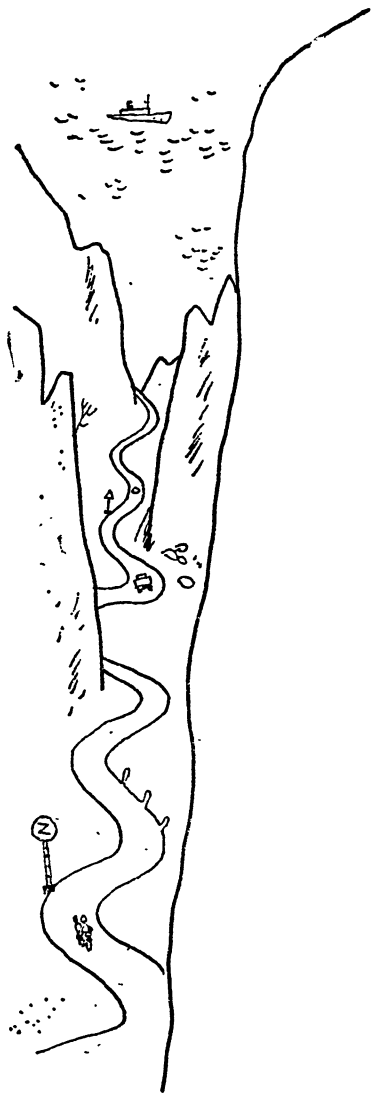
Я никогда не ездил на заднем сиденье. И вообще никогда не ездил на мотоцикле.

ПО-МОЕМУ, ВСЕ ОНИ СЛИШКОМ НЕУСТОЙЧИВЫ.

120 КИЛОМЕТРОВ В ЧАС

Я нацепил на плечи рюкзак, поставил на сиденье ящик с красками, уселся и положил руки на плечи мотоциклисту.

— Меня зовут Лёсик,— сказал он.— В детстве меня так звала мама.

Он пнул ногой свой мотоцикл, и тот затрясся под нами. Машина редела и подпрыгивала, как ракета перед стартом. И еще она напоминала необъезженную лошадь.

Я понял: **ОН ХОЧЕТ СБРОСИТЬ НАС.**

Не успел я так подумать — мотоцикл рывком выскочил из-под меня, я шлепнулся в пыль.

Стреляя синим дымом, Лёсик сделал по площади круг.

— Что ж вы не держались? — удивился он.— Надо держаться крепче.

Я снова уселся и вцепился Лёсику в бока.

— Не щекотите! — закричал он.— Я боюсь щекотки. Сидите спокойно. Держитесь свободно и в то же время крепко. Понятно?

Нет. Понять этого я не мог.

Я нашел около сиденья металлическое кольцо и впился в него пальцами. Мотоцикл опять затрясся, рванулся вперед, и мы помчались по симферопольским улицам.

НЕ СЛИШКОМ ЛИ БЫСТРО?

Я заглянул Лёсику через плечо. Стрелка спидометра дрожала около надписи «60 километров в час».

Я крикнул Лёсику.

— Да, да? — не дослушав, закричал он.— Это пока. Потом газанем!

Нас вынесло на шоссе. Мимо промелькнули последние городские дома, мотор выл ликующе и беспощадно. Стрелка дрогнула и покатилась: 100 километров в час... 120...

Я припал лицом к Лёсиковой спине. Встречный воздух стал твердым и упругим. Он раздувал брючины и тащил ноги назад, хлестал по лицу и расстегивал на груди рубашку.

Я так тянул вверх кольцо, что оно должно было вот-вот вырваться. Руки онемели. Из-под ногтей сейчас выступит кровь...

ЧТО ТАМ ПОСЛЕ 120?

ВНИЗУ — ГОРЫ

Мы мчались по крымской степи. Овраги пересекали степь. Они были узкие и глубокие.

Мотоцикл затрясся мелкой дрожью: мы съехали с асфальта и затрусили по неровной каменистой тропе. Тропа повернула к оврагу, сбегала на его дно и, вертясь и петляя, помчалась дальше.

Стало холодно. Мотоцикл завыл и пополз еле-еле. Я высунул нос из-за Лёсикиного плеча. Овраг превратился в самое настоящее ущелье. Вверху громоздились каменные глыбы, между ними вились узкие тропинки, лилась вниз зелень кустов. Оранжевые верхушки скал горели в лучах утреннего солнца.

Странный Крым! Там, наверху, ведь степь. Ровные, как стол, распаханые тракторами поля, желтая, пересохшая трава, суслиций пересвист.

А У НАС, ВНИЗУ, ГОРЫ!

ПЕЩЕРЫ

Мы проехали час по дну ущелья, и от нашего мотоцикла пошел пар.

— Слезаем! — сказал Лёсик и повалил машину набок.

Я едва успел спрыгнуть.

Лёсик расстегнул шлем, положил его на землю и лег.

Сколько я ни встречал мотоциклистов, они все или сидят на машинах или лежат на земле.

НАВЕРНОЕ, ОНИ РАЗУЧИЛИСЬ СТОЯТЬ.

Лёсик вставил в зубы травинку и начал ее жевать.

Я поднял голову. Прямо передо мной возвышалась удивительная скала. Это была даже не скала, а останец — остаток очень древней горы. Ветры и время сгладили ее вершину, и она стала плоской. Тропа, по которой мы приехали, обтекала гору с двух сторон.

Верхний край горы был изрыт пещерами. Они опоясывали гору кольцом и смотрели во все стороны, как пустые глазницы. Некоторые дыры были правильной четырехугольной формы. Я потянул Лёсика за штанину.

— Что это? — спросил я и показал на странную гору. — Что за пещеры?

— А? — Лёсик даже не поднял головы. — Это Эски. Я посплю пятнадцать минут. Хорошо?

ЧТО ЗНАЧИТ ЭСКИ!

Я подошел к подножию горы.

Серые, шершавые, источенные водой и ветром камни поднялись надо мной. Они тянулись вверх и заканчивались причудливой вязью ходов.

Скала возвышалась метров на сорок. Подняться невозможно. Я вернулся к Лёсику. Я хотел спросить его: «Что значит Эски?»

Но он спал.

Ровно через пятнадцать минут он вскочил, поднял за рога машину, пнул ее, мотор заработал — трах, тах! — я едва успел вскочить на сиденье, и мы уже мчались по тряской дороге.

Свернув шею на сторону, я смотрел, как удаляется источенная дырками, как сыр, каменная громада.

Мотоцикл дернул. Мы пронесли мимо огромного валуна. Он, видно, скатился с вершины останца. В боку его было пробито отверстие, похожее на дверь.

И КАМЕНЬ СТРАННЫЙ...

— Держитесь! — крикнул мне через плечо Лёсик. — Сейчас я вас тряхану!

ОХ, УЖ ЭТА ДОРОГА!

МОРЕ

Теперь дорога шла вниз. Мотор выл легко и радостно. Ветер свистел в ушах. Я уже приловчился сидеть и не так тянул на себя кольцо.

Наконец мы объехали высокую зеленую гору, вылетели на асфальт, промчались по нему и, сделав поворот, очутились перед обрывом.

Лёсик едва успел затормозить.

Под колесом мотоцикла ослепительно и спокойно голубело море. Ровный ветер лениво гнал по его поверхности едва заметные черные морщинки. Зеленый и оранжевый берег петлял внизу.

— Голубая бухта! — сказал Лёсик.

Я узнал ее. Вот те скалы, около которых «Тригла» стояла на якоре.

Где-то там грот «Машина». Там мы подняли камень с отпечатками древних животных...

На берегу бухты зеленели палатки. Около них бродили белые и красные букашки — люди.

ПАВЛОВ И ДРУГИЕ

Когда мы подъехали к палаткам, навстречу нам вышли здоровенные парни — все в трусах.

— Вы художник? — спросил самый громадный из парней. — Я Павлов. А вашего Марлена нет.

— Как нет?

— Уехал в Севастополь за аппаратурой. Привезет магнитофоны для записи рыб.

— Записи чего?

— Голосов рыб.

ЧАС ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ!

— Что же делать? — растерянно спросил я.

— Присматривайтесь... Давайте познакомимся. Я начальник экспедиции. Это мои помощники.

Рядом с ним стояли три парня. Один в очках и с портфелем, второй с водолазной маской в руке. Третий стоял просто так. Стоял и жевал колосок.

— Мой заместитель — Джус.

Парень в очках вежливо наклонил голову.

— Инженеры-подводники Немцев и Игнатьев.

Остальные двое тоже закивали.

— Устраивайтесь. Ваше место в шестой палатке, третья раскладушка с краю. Миска тоже третья, за вторым столом. За питание рубль в сутки.

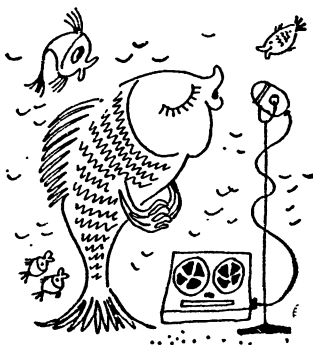
Между палатками желтели длинные столы из неструганых досок.

Я достал из кармана три рубля.

— Вот,— сказал я.— А вдруг Марлен не приедет? Все захохотали.

— Приедет ваш Марлен. Давайте больше. Рассчитывайте на месяц.

ЕГО ЗОВУТ «САДКО»

Я отнес вещи в палатку и вернулся к Павлову. Мне надо было понять, что тут происходит.

— Что мы собираемся делать? — спросил Павлов.— Ставить «Садко».

— Садко?

— Подводный дом. У нас научная экспедиция. В ней участвует ваш Марлен. Он будет изучать голоса рыб. Вернее, звуки, издаваемые морскими животными.

— Ах вот оно что!

К нам подошел Лёсик.

— Мне теперь в Севастополь?

— Да, в распоряжение Марлена. Не забудь заодно узнать про матрасы.

— Сделаю.

Лёсик завел свой мотоцикл и пулей вылетел из лагерь.

Синий хвост дыма потянулся за ним на гору.

ВСЕ ПРАВИЛЬНО. САДКО ВЕДЬ ПОДВОДНЫЙ ГОСТЬ.

— Мы должны научиться жить под водой,— сказал Павлов.

БЕЗ НЕГО НЕ ОБОЙТИСЬ

Вечером мы сидели на берегу, швыряли в море камни и слушали, как они шелкают по воде.

— Если бы я был художником,— сказал Павлов,— я бы писал жизнь на больших глубинах. Вот где краски! Помню, как-то опускался на Шикотане — остров такой есть в Курильской гряде. Скала — обрыв метров сорок. Опустился — ничего не видно. Включил фонарь. Поверите, даже вздрогнул! Скала, а на ней крабы. Да не простые, лиловые, а глубоководные, колючие, красного цвета. Как цветы. Зеленая вода, черный камень и красные крабы... Такого нигде больше не увидишь.

Он вздохнул.

— Расскажите про дом,— попросил я.

— Про «Садко»?

Но вместо «Садко» он рассказал про то, как работал один английский водолаз.

...Дело было в Северном море. Во время войны там был торпедирован английский транспорт с грузом никеля. Судно затонуло на глубине сто восемьдесят метров.

После войны эти никелевые пакеты решили поднять.

Сперва нужно было обследовать судно. Опустили водолаза. Это был отличный водолаз, который полжизни провел, опускаясь на самые большие глубины.

Однако сто восемьдесят метров и для него было пределом.

Опускали водолаза медленно, с выдержками, все время спрашивая, как он себя чувствует.

Водолаз достиг дна и, волоча за собой шланги, обошел корабль кругом. Шланги были не очень длинные — баллоны со сжатой воздушной смесью были тоже опущены на дно. Но все равно на такой глубине, под таким страшным давлением, человек двигался очень осторожно.

Водолаз увидел, что судно развалилось на части, а никелевые пакеты разбросаны на большой площади.

Собирать их по одному не было никакого смысла...

— Самое интересное началось потом, — сказал Павлов. — Знаете, сколько времени пробыл на дне водолаз? Пятнадцать минут. А поднимали его? Никогда не угадаете. Двенадцать часов! Нужно было медленно снизить давление в легких и крови до нормального. Иначе кессонная болезнь или смерть.

— Знаю, — сказал я. — Если водолаза резко поднять, кровь вскипает. Как газированная вода в откупоренной бутылке.

— Вот-вот. Пятнадцать минут — и двенадцать часов. Это не работа! Нужны дома. Подводные дома, давление в которых равно забортному. Водолаз должен работать и отдыхать без смены давления. Вышел из дома, вернулся, снова вышел. Ходи сколько хочешь.

Я сказал: «А-а!» Я действительно понял, зачем нужен «Садко».

— Где сейчас дом?

— Его буксируют по морю. Скоро будет здесь. В бухте кто-то вздохнул.

— Ишь как дышит! — сказал Павлов. — Вы дрессированных дельфинов когда-нибудь видели?

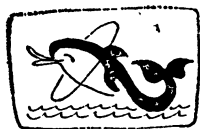
— Только в кино.

Мы помолчали.

— Для нас самое главное этим летом — наблюдения над человеком. Сколько времени он может прожить в подводном доме? Как будет работать сердце, легкие?.. А дельфина вы скоро увидите, его вот-вот привезут. Будем обучать себе в помощь.

ДЕЛЬФИНА?

Это мне понравилось.

ГОЛУБАЯ БУХТА

Я бред к скалам. К тем самым, на которых когда-то мы с Марленом видели вмятины от пушечных ядер и где шумел грот «Машина».

Мои кеды тонули в черной гальке. Я вспомнил, как нашел на тихоокеанском берегу раковину с жемчужиной, нагнулся и стал смотреть под ноги.

Это был не тот берег. Среди черных, обкатанных водой голышей лежали обломки маленьких розовых раковин. Мелкие, тонкие, которыми продавцы в Севастополе обклеивают рамочки для фотографий.

И вода здесь не та. И животные. В Черном море нет осьминогов, морских звезд. Тут никто не ловит трепангов и не собирает колючих длинноиглых ежей.

Потом, это очень благополучное море. Ласковое и тихое...

Скалы, к которым я шел, подступали все ближе и ближе. пляж сузился и превратился в тонкую полосу.

Еще десяток шагов — и галька исчезла. Высокая скала преградила путь.

Я разделся и, придерживаясь руками за выступы в камне, вошел в воду. Вдоль каменной стены добрел до поворота. Здесь каменная тропинка, которую я нащупывал ногами, оборвалась, и я погрузился по шею. Оттолкнувшись от скалы, поплыл. Стена повернула, открылся входной мыс — ровный, отполированный волнами и брызгами каменный обрыв. Где-то тут должна быть «Машина».

Я прислушался. Тяжелых вздохов, которые издавал когда-то грот, не было слышно. Оспин в каменной стене я тоже не разглядел.

Я задрал голову и стал высматривать наверху, среди оползневых желтых пятен, то место, где когда-то сорвались и обрушились в воду плиты с отпечатками древних животных.

Я не нашел и его.

ЗДЕСЬ ВСЕ ТАК ИЗМЕНИЛОСЬ!

Я дернул по-лягушачьи ногами и поплыл назад, к тому месту, где светлой горкой лежала моя одежда.

«САДКО»

Не успел я надеть штаны и майку, как из-за скалы показался черный обрубленный нос буксирного парохода. Потом — решетчатая стрела и, наконец, кран. Плавающий кран на четырехугольном, похожем на остров основании.

Затем показался еще один буксир. Он тащил за собой белое, полупогруженное в воду сооружение, похожее на цистерну. Буксир пошел шибче. Перед цистерной запенился и зашумел бурун.

Сперва я не понял, что тащат, но потом меня осенило:

ВЕДЬ ЭТО ДОМ!

Прыгая на одной ноге, я вылил из кед воду, надел их и побежал в лагерь.

В бухте грохотали цепи. Это становились на якоря суда. Буксир... Второй буксир... Кран.

Только дом остался свободно качаться на воде.

НЕ ДО МЕНЯ

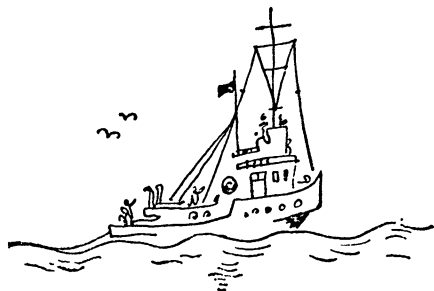
До прихода дома мной все интересовались. Павлов, тот по нескольку раз на день заговаривал со мной.

Теперь все изменилось. Мимо меня пробегали, не обращая внимания. Все были заняты. Дом! Пришел дом!

Между буксирами и берегом сновали шлюпки. Около плавающего дома их все время толпилось штук пять.

У всех было дело. Все готовились к чему-то серьезному.

Всем было не до меня.

КАК ЯКОРЬ!

Скоро все стали повторять слово «якорь».

— Как с якорем?

— Якорь обещали к обеду.

— Не видно якоря?

— Еще нет.

— А блины для якоря?

КАКИЕ ЕЩЕ БЛИНЫ?

— Якорь... Якорь... Якорь...

Я тоже не выдержал.

— Ну, как там с якорем? — небрежно спросил я одного водолаза; тот сидел на корточках и тряпкой с вазелином протирал пружинки от акваланга.

— А?

— Я говорю: как якорь, ничего?

— Я его не видел, — сказал аквалангист. — Его никто еще не видел. Его сегодня должны привезти.

В это время из-под скалы выполз еще один буксирный катер. Он вел за собой понтон. На понтоне один на другом лежали рыжие чугунные блины. Каждый толщиной в четверть метра. Целый столб.

Под их тяжестью понтон чуть не тонул.

Катер подтащил понтон к крану...

И вдруг я увидел, что из-за палатки вышел Марлен. Он был с кудрявым человеком в шортах.

— Марлен! — закричал я и кинулся к ним. Наконец-то!

Марлен остановился и задумчиво посмотрел на меня.

— А, это ты? — сказал он. — Как якорь?

Я разозлился. Мы не виделись два года. Нашел о чем спрашивать!

— Утонул твой якорь.

Марлен посмотрел на бухту.

— Нет, вижу, вот он... Знакомься, это дрессировщик дельфина. Будет готовить животное.

Человек в шортах протянул мне руку:

— Рощин-второй!

Я сунул ему в ладонь палец и тоже стал смотреть, что делается в бухте.

РОЩИН-ВТОРОЙ... А ГДЕ ЖЕ ПЕРВЫЙ?

ЯКОРЬ ГОТОВ

Буксиры сгрудились в центре бухты.

Кран опустил крюк и подцепил чугунные блины.

— Ишь, придумали же якорь! — сказал Марлен. — Тонн двадцать в нем.

Он пошел в палатку и принес бинокль.

Кран начал медленно опускать якорь в воду.

Марлен передал бинокль мне.

Якорь был в воде уже до половины. Вот он скрылся...

С понтона поползла в воду цепь. Она ползла медленно, как змея, поблескивая и извиваясь.

Шевельнулся дом. Он качнулся, отошел от буксира и, вращаясь, поплыл к тому месту, где утонул якорь. Там он покружил, выпрямился и стал.

Теперь он стоял, как скрытая до половины в воде сторожевая башня. Круговой поручень опоясывал ее верхушку. Над башней развевался красный флажок.

— Дом стоит. Магнитофоны для записи рыб были, — сказал вечером Павлов. — Все есть, нет только дельфина.

ДЕЛЬФИН САША

На следующий день появился и дельфин.

Его тоже доставил буксирный катер. Теперь вся Голубая бухта была забита судами.

Дельфина привезли в клетке. Вернее, притащили. Его клетка плавала на воде, привязанная к четырем резиновым, надутым до блеска баллонам. Дно ее было глубоко под водой, крыша чуть поднималась в воздухе.

Когда катер подошел к берегу, Марлен сразу же начал шуметь.

— Эй, на катере! — крикнул он старшине. — Как привязали клетку? Вы что, не понимаете? Зверя утопите. Ему дышать надо.

ДЕЛЬФИН — ЭТО МАЛЕНЬКИЙ КИТ. ЕМУ НУЖЕН ВОЗДУХ.

— Где сопровождающее лицо?

— Оно укачалось. Спит,— мрачно ответил старшина.— Разбудить?

— Будите!

На палубу вышел желто-зеленый человек в дамской кофте.

— Вы из дельфинария? — спросил Марлен.— Сопровождающий?

Человек кивнул.

— Вы знаете, что ваш дельфин чуть не утонул?

Человек заморгал глазами и положил руку на живот. Видно, его здорово укачало.

— Н-нет.

Марлен посмотрел на него свирепым взглядом.

— Почему вы в дамской кофте? — спросил он.— Как зовут вашего дельфина? Чем вы думаете его кормить?

— Саша.

Это было все, что смог сказать человек. Он положил на живот вторую руку и полез назад в каюту.

— Где он ухитрился укачаться? — возмутился Марлен.— На море ведь штиль.

— Я знаю, откуда у него дамская кофта,— сказал, подумав, старшина.— Его жена провожала, а она была в мужском пиджаке. Перепутали, видно. Не шумите. Дельфина звать Саша. Кормить его надо рыбой. Он даже мороженую ест.

Старшина объяснил это и пошел на корму — следить, чтобы клетку побыстрее вели к берегу.

Он торопился уйти.

Тогда из каюты снова высунулся желто-зеленый. В руке он держал бумажку.

— Распишитесь в получении,— хмуро сказал он.— А то мне не отчитаться. Зверь — он знаете сколько стоит! Вот тут и тут... Два раза.

Он глотнул слюну и, взяв у Марлена бумажку, исчез.

МОРСКИЕ КАНАРЕЙКИ И БОЛТУНЫ

Как-то я спросил Марлена:

— Что же ты собираешься записывать там, под водой?

Он не ответил, отвел меня в палатку и достал из чемодана кассету с тонкой магнитофонной лентой.

— Один человек привез,— сказал Марлен.— Несколько лет работал в полярных экспедициях.

Он поставил ленту и включил магнитофон.

Под низкими сводами палатки слышались удивительные звуки.

Сначала звенели колокольчики. Они звенели тихо и мелодично: тень-тень!..

Потом слышался шорох и скрип, как будто волокит по полу мешок с битым стеклом. Потом опять: тень-тень!..

Затем магнитофон замолчал. Началась новая запись. Кто-то чирикал и посвистывал. Весело так: «Свись-свись!» Помолчит, послушает себя и опять: «Свись-свись!» Похоже на канарейку, только резче и солиднее. Сперва один голос, потом появился второй. Они стали переключаться. Первый: «Свись!» А второй ему отвечает: «Свись-свись!»

ЭТО, НАВЕРНОЕ, ПИНГВИНЫ!

Третья запись была совсем непонятная.

Кто-то скрипел.

Сначала он молчал, потом как заскрипит: «Згррр-ррр-ррр... рр... р...» Поскрипел и снова замолчал. И вдруг как забормочет: «Бла-бла-бла!..» Сперва один голос, потом несколько. Галдят, как на базаре.

— Что это? — спросил я, когда запись кончилась.

— Отгадай.

— Первая запись — битое стекло,— сказал я.— Вторая — пингвины. Третья — базар. Угадал?

Марлен заулыбался:

— И не гадай. Все записи сделаны под водой. Первая — торшение льда. Лыдина напoлзает на лыдину. Звенел лед. Вторая — запись голосов белух, желтых полярных китов. После этой записи их прозвали морскими канарейками. А третья — сам не знаю кто. Охотится кто-то из подводных хищников. Может быть, кашалот, может быть, дельфин. Скрип — это сигнал, с помощью которого он обнаруживает добычу. Поскри-

пел и замолчал: слушает, с какой стороны будет эхо. А вот кто там бормотал — и вовсе тайна. Эти существа называли морскими болтунами. Звуки записывают, а кто их издает, не знают. Вот почему мы будем записывать рыб в вольере. Там по крайней мере видно.

— Морские болтуны! — сказал я. — Ведь вот как называли! Но кто это? Не киты?

Марлен пожал плечами.

— Я думаю проверить еще одно очень интересное сообщение, — сказал он. — Утверждают, что испуганная или гибнущая рыба в момент опасности издает крик. Конечно, не слышный для нашего уха. Этот крик слышат ее товарки. Для них это сигнал: берегись — хищник!

— Да, вот тебе и мир безмолвия! — сказал я.

Марлен кивнул.

— А наш дельфин? — спросил я.

— Что дельфин?

— Его ты записывать будешь?

— Если хватит времени... Вот думаю — но это на будущий год — устроить тут акустический полигон. Два гидрофона и телевизионная камера. Сажу на берегу, записываю звуки и вижу, кто их издает. Мечта!.. Ты к дельфину ходишь?

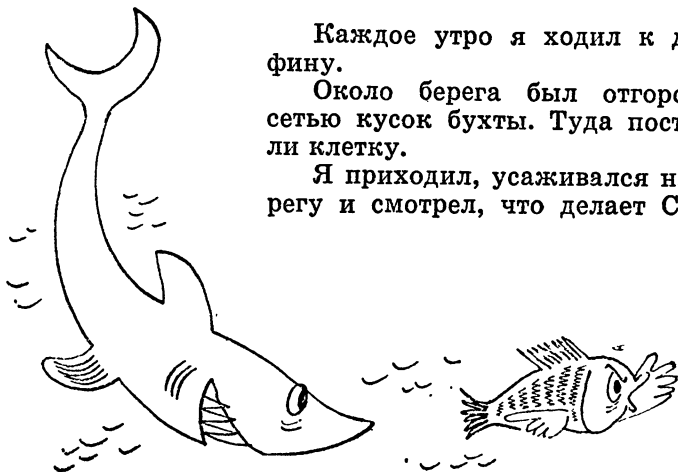
— Еще бы!

В ЗАГОРОДКЕ

Каждое утро я ходил к дельфину.

Около берега был отгорожен сетью кусок бухты. Туда поставили клетку.

Я приходил, усаживался на берегу и смотрел, что делает Саша.

Обычно он неторопливо плавал взад-вперед. Доплывет до стенки, повернется и, не всплывая, поплыл обратно. По пути вынырнет, раскроет дыхало — пых! — вырвался вверх белый фонтанчик пара. Дыхало захлопнулось, дельфин — дальше.

Иногда Саша начинал плавать кругами. Тогда он набирал скорость и, как серая молния, мчался вдоль загородки. Он доплывал до угла, делал еле заметное движение хвостом и, описав дугу, опять летел вдоль сети. При этом он кренился, как самолет.

Когда ему надоедало носиться, он подплывал к берегу и внимательно смотрел из-под воды на меня, на палатки, на горы. Поперек Сашиной морды тянулся белый шрам.

Дельфин смотрел на меня и усмехался.

В руках у меня был альбом. Толстым угольным карандашом я пытался нарисовать дельфинью морду. Морда получалась скучной и невыразительной.

РОЩИН-ВТОРОЙ

Приходил дрессировщик.

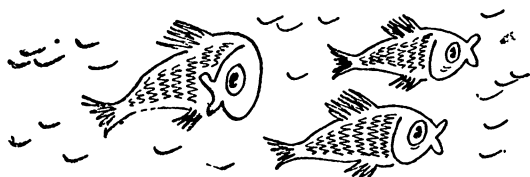
— Рощин-второй! — каждый раз называл он себя и протягивал мне руку.

— Почему второй? — не выдержал наконец я.

— Рощин-первый был мой отец, — объяснил дрессировщик. — Он работал с морскими свинками. От отца я унаследовал страсть к морским животным.

В детстве мы с сестрой Зиной держали дома двух свинок. Они были чуть побольше крыс, пятнистые и прожорливые, все время ели, шевеля розовыми плюшевыми носами и едва слышно похрюкивая.

ИНТЕРЕСНО, ЧТО МОГУТ ДЕЛАТЬ МОРСКИЕ СВИНКИ В ЦИРКЕ?

Я долго об этом думал, но так ни к чему и не пришел.

НЕ МОГУТ ЖЕ ОНИ ПРЫГАТЬ ЧЕРЕЗ ОБРУЧ!

— Какая у вас программа дрессировки? — спросил я.

— Большая. В задании, которое я получил от Павлова, написано: научить дельфина доставлять в подводный дом письма и газеты, научить приносить работающему под водой человеку инструменты, научить отыскивать заблудившихся под водой аквалангистов.

— Ого!

Я с уважением посмотрел на Рощина.
ВОТ ТЕБЕ И ВТОРОЙ!

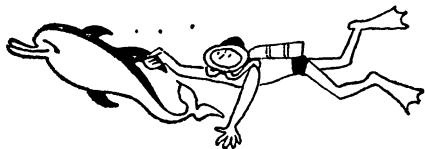
ПОПРОБУЙ ЕЩЕ РАЗ

Каждый день Рощин с дельфином начинали с разучивания прыжка.

— С азов! С азов! — говорил Рощин, надевал резиновые сапоги, вешал через плечо сумку с мороженой рыбой и, войдя в загородку, стучал ладонью по воде.

Саша подплывал к нему и, высунув из воды голубую морду, ждал.

Рощин хлопал его по макушке, доставал из сумки рыбешку и протягивал ее Саше. Дельфин глотал рыбу и начинал щелкать челюстями.

— Еще? Нет, нет. Сначала работать.

Рощин доставал из кармана милицейский свисток. Услышав трель, Саша от восторга переворачивался и начинал носиться вдоль загородки.

Тогда Рощин брал палку и, подняв ее над водой, ждал. Он ждал, когда Саша наконец подплывет и прыгнет через нее.

Я никогда не видел, как дрессируют животных. Я сидел на берегу, смотрел на Рощина и Сашу и удивлялся.

Рощин стоит по колено в воде. В одной руке у него палка, в другой — рыба. Свисток!

Саша подныривает под палку и выхватывает из рук Рощина рыбу.

— Саша! Ну что ты делаешь, Саша! — говорит Рощин и достает из сумки новую рыбешку. — Еще раз. Попробуй еще раз.

Дельфин подплывает и снова крадет рыбу.

— Что за животное! — жалуется Рощин. — Не понимает русского языка!

Он снова лезет в сумку.

— Саша, сюда!

Саша вертится по одну сторону палки, Рощин размахивает рыбой по другую.

Рощин замерз и чихает: «Ап-чхи!» Чихая, он закрывает глаза.

Саша делает короткий бросок, и третья рыба исчезает в его пасти.

— Негодяй! — кричит Рощин. — Ты будешь прыгать или нет?

Я по-прежнему сижу на песке и смотрю, как Саша отнимает у Рощина рыбу.

ДА! ДРЕССИРОВЩИКУ НАДО ИМЕТЬ ЖЕЛЕЗНЫЕ НЕРВЫ...

ДОЖДЬ

С севера из-за гор наплзли тучи. Погода испортилась. Пошел дождь. Сперва мелкий, робкий. Дождики, упав на теплую землю, тотчас высыхали.

Потом облака стали плотными, серыми и опустились к самой воде. По палаткам забарабанили крупные капли.

Дождь шел час... два... сутки. Тоскливо стало в палаточном городке.

Мы собрались в палатке номер один — на командном пункте; сидели кто на чем и рассказывали друг другу разные морские истории.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ — ПРО ЗАТОНУВШИЙ КОРАБЛЬ

— Где-то в бухте, — рассказал Немцев, — лежит затонувший корабль...

Корабль лежит еще с Крымской войны. Тогда английские, французские и турецкие войска окружили Севастополь. Около черных балаклавских скал и оранжевых берегов Херсонеса дымили их пароходы.

Чтобы не пустить врага в Севастопольскую бухту, русские моряки собрали свой парусный флот, открыли кингстоны у кораблей, и парусники один за другим легли на дно между входными равелинами порта.

Частокол мачт вознесся над стылой, холодной водой.

В эти зимние дни 1854 года на обнаженные скалы Крыма то и дело налетали штормы. Однажды в Голубой бухте укрылся английский пароход. Он спрятался в бухте от западного ветра и стал на якорь. Ночью ветер переменялся. Он подул с юга и обрушил на мелкую, открытую с моря бухту неистовство воды и воздуха. От рева волн колебались и дрожали скалы. Тонкая водяная пыль поднялась в воздух, смешалась с темнотой и скрыла от моряков берег.

Якорь пополз. Корабль отдал второй. Этот лег неудачно и тоже не смог удержать пароход на месте. Грохот волн, опрокидывающихся на прибрежном песке, становился все сильнее.

Капитан-англичанин приказал расклепать обе якорь-цепи и пустить машину на полный ход. Корабль сделал поворот и пошел вдоль берега. Но выйти в море он не сумел. Длинная, увенчанная белым гребнем горopodobная волна возникла из темноты и швырнула пароход на скалу. Грохот железа смешался с воплями людей.

Из команды английского парохода спасся лишь один человек. Он долго лежал в госпитале, не приходя в себя. Когда разум вернулся к нему, он рассказал

печальную историю этой стоянки. Воспоминания этого человека вошли в книгу о войне, изданную в Лондоне...

Когда Немцев рассказал эту историю, я спросил:

— Где этот корабль лежит?

Немцев пожал плечами.

— Где-то тут.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ — ПРО ОСЬМИНОГА

Потом в разговор вмешался Рошин.

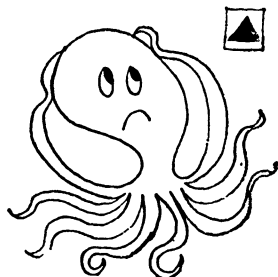
Он сказал, что, как ему кажется, разговоры о способностях дельфинов преувеличены.

— Саша не оправдывает моих надежд, — сказал он. — За это время даже кошка научилась бы гораздо большему.

Тогда не выдержал Джус. Он заявил, что способности дельфинов вне сомнений. Он сам, работая во Владивостоке, видел пример удивительной сообразительности такого, казалось бы, простого морского существа, как осьминог.

Однажды ученые поставили опыт. Они посадили в аквариум осьминога и несколько дней морили его голодом. Потом осьминога стали кормить: ему бросали в аквариум по небольшому крабу. Но прежде чем бросить, осьминогу показывали железную табличку с нарисованной фигурой. Если показывали круг, то краба бросали, а если треугольник, то осьминог не только оставался без пищи, но получал еще и удар электрическим током.

Опыт продолжался долго, и мало-помалу осьминог стал по-

нимать: когда он видел круг, то выползал из-под камня и нетерпеливо распускал и свивал щупальца — ждал краба, а когда видел треугольник, забивался под камень еще глубже.

Потом осьминога поместили обратно в большой аквариум к рыбам и актиниям.

Следующий день был выходным, и в лабораторию, где стоял аквариум, двое суток никто не заглядывал.

Когда в понедельник люди пришли на работу, они всплеснули руками...

Весь коридор был залит водой. Под дверью стояли лужи. Открыли дверь. Аквариум пуст, пробка в дне вытащена. На дне лежали мертвые рыбы. Рядом валялись почерневшие, сморщенные актинии.

Погиб и осьминог.

Ему удалось выбраться из аквариума, он дотаскился до стола, на котором стоял второй аквариум, но забраться на стол у него уже не хватило сил.

Ученые стали ломать себе головы: зачем понадобилось осьминогу открывать пробку?

— Знаете,— сказал неожиданно один из них,— я, кажется, догадался. Ведь пробка, если смотреть на нее сверху, похожа на круг. Осьминог, вероятно, смотрел на нее и все ждал, когда появится краб. А потом решил поискать его за пробкой...

— Да что говорить,— закончил Джус,— морские львы выступали десятки лет в цирках и никто не удивлялся, а теперь, как узнаем что-нибудь новое о морских животных, так ахаем! Ваш Саша не глупей самой умной собаки, только к нему надо иметь подход.

— Какой еще подход? — пробормотал Роцин.

САША, РОЦИН, МАРЛЕН

Когда дождь кончился, Марлен сказал, что он хочет посмотреть, чему научил Роцин дельфина.

— Пожалуйста! — согласился дрессировщик. — Обучение несколько затянулось, но я считаю — в целом оно идет успешно.

Вместе с Марленом и Павловым к загородке пришел и я.

Роцин опять надел сапоги и полез в воду. В одной руке у него была палка, в другой — свисток.

Он свистнул. По свистку Саша должен подплывать к человеку.

Дельфин и не подумал это сделать. Он отплыл в дальний угол и стал шумно дышать: «Пых! Пых!»

— Почему он не плывет к вам? — спросил Марлен.

Рошин свистнул еще раз.

— Упрямое животное, — сказал он.

«Пых! Пых!»

Тогда Рошин полез еще глубже. Он хотел выгнать Сашу палкой из угла, но не рассчитал, вода хлынула ему в сапоги.

Рошин уронил палку и вышел на берег. Тогда Саша двинулся с места, разогнался и перепрыгнул через палку.

— Та-ак... Что он умеет делать еще? — спросил Марлен.

Рошин сел. Потоки воды вылились из его сапог.

— Снимите сапоги. Может быть, они мешают вам работать с дельфином?

Рошин застонал.

— Попробуйте так.

Рошин послушно вошел в воду.

Он стоял по пояс в воде и свистел. Саша плавал вокруг.

— Негодяй! — кричал Рошин. — Ты будешь прыгать или нет?

Он побросал дельфину всю рыбу. Саша рыбу съел, но делать ничего не стал.

— Вы устали свистеть, — сказал Марлен. — Даю вам еще неделю. Если через неделю дельфин не будет вас слушаться, дрессировку прекратим, а вы уедете.

Он повернулся и пошел прочь.

Мы с Павловым побрели следом.

— Странно, — сказал Павлов. — Я видел в кино океанариум: дельфины прыгают через обруч, играют в кегли, бросают баскетбольный мяч в кольцо.

— При чем тут океанариум? — сказал, оборачиваясь, Марлен. — Каждый дельфин-афалина легко поддается дрессировке. Это факт. Об этом пишут все.

— В книжках все просто, — примирительно сказал я. — Попробуй повозись... Скажи лучше мне, что такое Эски? Я давно хотел тебя спросить, да забывал.

Марлен остановился.

— Ага,— сказал он,— и ты узнал, что на свете существует Эски? Эски Кермен — это удивительное место. Как только выпадет свободный день, пойдем туда.

Нас догнал Рощин-второй. На плече он нес палку. На ней висели резиновые сапоги. Синие капли, как слезы, падали с них на песок.

— Я думаю, за неделю вы все-таки кое-что успеете сделать,— сказал Марлен.— Не может быть, чтобы не успели. Говорят, вы выступали в цирке с морскими львами?

Рощин неопределенно кивнул.

Он раскланялся с нами и пошел к себе в палатку.

— С морскими свинками, вот с кем,— сказал я. — И то не он сам, а его отец, Рощин-первый.

Павлов удивленно поднял брови.

ЭТО ЕЩЕ ЧТО ТАКОЕ!

Из Севастополя приехал Немцев и привез матрасы. Замечательные матрасы для подводного дома, из поролона, с приборчиками для поглощения влаги.

На таких матрасах акванавты будут не отдыхать, а блаженствовать.

Так сказал Немцев.

Посмотреть, как их будут распаковывать, собралось человек десять.

ЧТО ТАМ ЕЩЕ ЗА ЧУДО?

Каждый матрас был запечатан в пакет.

Три пестрых пакета лежали у ног начальника экспедиции. Павлов достал перочинный нож и с хрустом вскрыл первый. Из пакета послышался писк.

Павлов вздрогнул.

— По-моему, там кто-то сидит,— сказал Марлен. Он с любопытством смотрел, как Павлов осторожно сдирает с матраса разноцветную бумагу.

Матрас развернулся, как удав, и лег на песок.

Посреди матраса сидел и ошарашенно смотрел на нас котенок.

— Это еще что такое? — спросил Павлов.

— Может быть, его положили против мышей? В каждый матрас по коту.

Это сказал я.

Павлов удивленно посмотрел на меня. Он вспорол оставшиеся два пакета, и гибкие блестящие матрасы выползли на свет.

Котов в них не было.

— Как же ты сюда попала, киса? — пробормотал Немцев и взял котенка на руки.

— Случайно завернули,— сказал Павлов.— Улегся, дурак, на матрас, и все. Лесик, поедешь в Севастополь — отвези.

— Кот пригодится,— неожиданно сказал Марлен.— Я включаю его в программу биологических исследований.

Павлов пожал плечами.

— Дело ваше.

Он нагнулся над матрасами и стал щупать их. Он искал приборчики для поглощения влаги.

Немцев сказал:

— Есть предложение — придумать котенку имя. Что, если... Садко?

— Громко.

— Тогда Машка.

— Это же кот.

— Черномор,— сказал Джус.

— Мрачно.

— Мальчик.

— Ерундой занимаетесь,— сказал Павлов. Он наконец нащупал приборчики.

Немцев вздохнул:

— Ни одной свежей мысли. Придется оставить «кис-кис».

Кис-кис

ПОРТФЕЛЬ

Я уже давно заметил, что Джус повсюду таскает с собой портфель.

Как-то я не выдержал и спросил:

— Можно задать вам глупый вопрос? Почему вы всюду ходите с портфелем?

Он не обиделся:

— Да, понимаете, привык. Потом, все бумаги с тобой. Как придет что-нибудь в голову, сразу на карандаш. Я ведь конструктор дома. А что? Очень смешно?

— Да нет.

Мы сидели у палатки. Над вершинами гор тянулась серая облачная нить.

— Ночью я видел вокруг луны светлое кольцо, — сказал Джус. — Погода испортится. Замечаете, уж не так печет?

Он присел на корточки, раскрыл портфель и вытащил из него пачку бумаг.

— Вот наш следующий дом. Он, вероятно, больше не будет называться «Садко». Видите, совершенно другой: большой, похожий на тарелку. Его легко можно будет переводить с места на место. И глубину он сможет менять сам. Это черновые наброски.

Я взял в руки листки. На них были не успевшие еще родиться чертежи. Они словно проклевывались из листков. В каждом только угадывалось — здесь будет то-то...

— Дом будет плавать, а палаточный городок? — спросил я.

— Будет подвижная береговая база. На автомашинах. Это идея Павлова.

Из-за скал показались серые ватные облачка. Они стремительно двигались. Джус стал собирать листки.

— Как вы относитесь к тому, чтобы сделать дельфина помощником людей? — спросил я.

Он пожал плечами.

— У американцев, когда они погрузили в Тихом океане подводную лабораторию «Силэб», такой дельфин был. Но что вам сказать? Всеу есть предел. От дельфинов нельзя требовать невозможного.

Над вершиной хребта стало расти облако, похожее на наковальню. Оно клубилось, наливалось чернью и не предвещало ничего хорошего.

ЧТО ДЕЛАТЫ

В бухте плясали острые волны. Они выскакивали то тут, то там, на вершине каждой вспыхивал белый хохол, и волна падала.

— Толчея! — сказал Марлен.

Мы стояли с ним на берегу и смотрели на бухту. Катера, буксиры, кран сгрудились посредине. В стороне виднелась из воды макушка «Садко».

Ветер дул порывами. Наши плащи трещали и развевались.

Раскачивалась сеть, за которой стояла клетка дельфина.

— Ну и погодка! — сказал Марлен. — А что, если узнать, на сколько дней обещают ветер?

Он сходил в первую палатку, вернулся и, улыбаясь, сказал:

— Двое суток, самое меньшее, работ в бухте не будет. Тебе повезло: мы сейчас же идем на Эски Кермен. У меня есть одноместная палатка. Захвати еду!

ЛЕГКИЙ ПОДЪЕМ

Мы шли по дороге. Впереди Марлен, за ним — я. Когда мы вышли из лагеря, Марлен сказал:

— Тут недалеко. Сначала долиной, а потом легкий подъем.

Мы шли долиной уже третий час. Покатые склоны были засажены кукурузой. В ней стояли домики. Пыльные собаки, привязанные у ворот, провожали нас добрыми взглядами.

— Что же такое Эски Кермен? — спросил я.

— Кермен — это крепость, а Эски — это Эски.

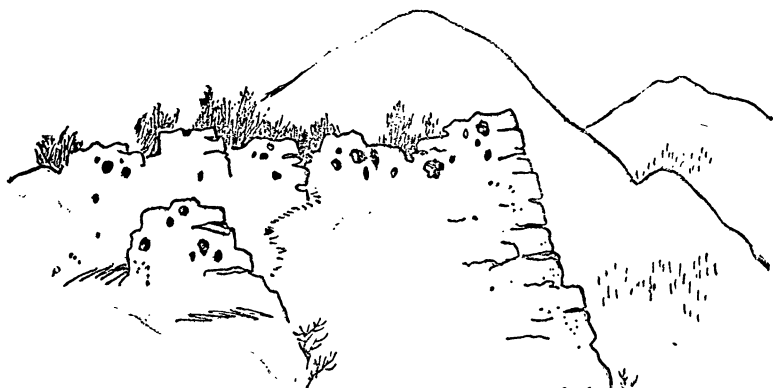
Больше Марлен ничего не сказал. Он тащил большой тюк с палаткой.

То моросил, то переставал дождь.

Мало-помалу дома и кукуруза исчезли. Долина сузилась. По сторонам ее поднялись белые, обточенные дождем и ветром скалы.

Марлен сошел с дороги на тропу. Она повела нас вверх, взобралась по склону и начала виться едва приметной ниточкой около скал. Потом исчезла в расщелине.

С меня градом катил пот.

— Может, посидим? — предложил я.

Марлен упрямо шагнул вперед. Огромный рюкзак подпрыгивал на его спине.

— Сейчас выйдем на плоскогорье. — Марлен остановился. Он стоял, широко расставив ноги, и отдувался. — Спустимся, и будет Эски. Мы сократили путь ровно в два раза. По дороге туда идти — нужен день.

На плоскогорье зло и радостно завывал холодный ветер. Он подхватил нас и потащил с тропы. Сухие колючки с лету ударяли в лицо. Редкие капли, кувыркаясь, летели у самой земли.

Сгибаясь в три погибели, мы шли вперед. Тропинка, пробитая в жесткой траве, вывела нас к обрыву. Внизу была лестница из трех террас, дно ущелья, белая дорога, впереди — вытянутая в длину, вся в дырках причудливая скала, похожая на корабль.

ВОТ И ЭСКИ!

ГОРОД НА СКАЛАХ

Выбитая в скале дорога снова начала карабкаться вверх. Выпуклые лобастые камни Эски нависли над нами. Они были выдолблены изнутри и светились, пустые, как черепа.

Темные провалы глазницами смотрели вниз.

— Это казематы. Они защищали вход в город,— сказал Марлен.— Будь мы врагами, то получили бы уже по сотне стрел в грудь.

Мы шли по гладкой известковой плите. Деревянные колеса арб выбили в ней две колеи. Посредине, где ступали копыта лошадей, вилась щербатая тропа.

Дорога сделала крутой поворот, и мы очутились в узком проходе между двух скал.

— Здесь были городские ворота. Справа — часовня, слева — комната стражи.

Я заглянул в помещения. Они тоже были высечены в скале. Розовый свет наполнял их. Хрупкие тонкие стены местами были пробиты. Над полом курилась известковая пыль.

Пройдя ворота, мы очутились на плато. Оно поросло редкими деревьями и кустами кизила. Багряные ягоды светились в пожелтевшей траве. Среди кустов зияли черные провалы подземных ходов. Испуганные цикады, оборвав пение, замолкали при звуке наших шагов.

И нигде ни следа домов.

— Значит, жители обитали в пещерах? — спросил я.

Марлен покачал головой.

— Нет. Здесь было много домов, но шесть столетий назад татары сожгли их. Когда-то здесь был настоящий город.

На поляне, продуваемой ветром, у края обрыва, мы поставили палатку. Внизу под нами белел валун с черным отверстием в боку. Тот самый, мимо которого промчал меня когда-то Лесик.

Я показал на него Марлену.

— Это не валун, а часовня,— сказал тот.— Люди Эски так привыкли долбить камни, что когда им понадобилась часовня, они выдолбили ее внутри упавшего с горы валуна. Между прочим, первыми русскими, которые увидели Эски, были солдаты Суворова. Они пришли во время русско-турецкой войны.

Я принес воды, разложил костер и вскипятил чай.

Облака разошлись. Тусклое солнце двигалось к закату. Прозрачные тени ползли по скалам Эски.

Я лежал на куске брезента, закинув руки за голову, слушал звон цикад и думал о погибшем городе.

Мне слышался топот коней и мерный скрип возков. Перекликались на каменных башнях часовые, и безмолвные женщины с кувшинами на головах, как тени, проходили мимо, звеня медными украшениями.

Еще я представил себе колонну усталых солдат на отдыхе. Прижимая к груди ружья, солдаты удивленно смотрели вверх. Причудливая плоская гора поднималась над биваком. Серые известковые скалы были усеяны бойницами, узкие ходы вели внутрь. Скалы просвечивали насквозь.

«Пещерный город!» — сказал старый солдат...

— Ты здорово устал, — донесся до меня голос Марлена. — Полежи, я пойду поснимаю.

Он взял фотоаппарат и ушел, я закрыл глаза.

Когда Марлен разбудил меня, была уже ночь. Мы забрались в тесную, узкую палатку и легли бок о бок.

Звон цикад, от которого сотрясалась скала, было последнее, что я услышал в тот день.

КТО ВИНОВАТ!

Мы вернулись в Голубую бухту.

На берегу у дельфиньей загородки стояли водолазы и что-то горячо обсуждали.

Мы подошли к ним.

— Что случилось? — спросил Марлен.

— Как что? — возмутился Павлов. — Уж вам-то надобно знать. Вы отвечаете за биологию. Дельфин — по вашей части. Саша пропал — вот что!

— К-как?

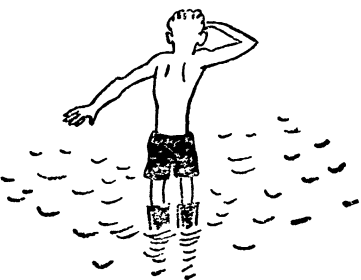
Мы уставились на загородку. Вода в ней была совершенно спокойна. Мы смотрели минуты три. Черная спина ни разу не показалась.

«Как же он мог уйти?»

— Волны сдвинули с места сеть. Ее надо было проверять каждый день.

Около воды стоял Рощин-второй. Он стоял вытаращив глаза и смотрел на море, словно ждал: вот-вот появится Саша.

— Дельфин — инвентарное имущество, передан-

ное этому человеку,— холодно сказал Марлен.— Этот человек отвечает за пропажу и срыв опыта.

Рощин продолжал смотреть на море.

— Обидно,— сказал Павлов.— Но что сделаешь? Будем работать без дельфина. Ладно. Все равно у вас ничего не получалось.

Рощин скорбно посмотрел на него:

— Почему? Он уже узнавал меня.

— А вы — его,— сказал Марлен.— Больше вы не нужны. Завтра можете уезжать.

Рощин чуть не заплакал. Он хотел возразить, но только издал горлом непонятный звук: кх-кх-хх...

МАРЛЕН НЕ ПРАВ: НЕЛЬЗЯ БЫТЬ ТАКИМ ЖЕСТОКИМ.

— Хватит о дельфине,— сказал Павлов.— Завтра приезжают корреспонденты, а через два дня начинаем погружение. Может быть, наш художник возьмет на себя общение с прессой? Как-никак вы родственные души, служители искусств.

Он посмотрел на меня.

Я смутился и сказал:

— Я что... Я с удовольствием.

НЕ ТЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ!

Они приехали на следующий день.

Ждали не только из газет — из кинохроники тоже, но приехали одни газетчики. Двое мужчин и женщина.

Один мужчина был маленький и лысый. Он представлял молодежную газету, все время прятался в тень и закрывал голову от солнца.

Второй был веселый и толстый. Его прислала областная газета. Этот все время бродил по лагерю и рассказывал смешные случаи, которые бывают с работниками печати.

Женщина носила огромную шляпу и черные очки. Она ходи-

ла следом за толстым мужчиной и ждала, что он расскажет. Тогда она говорила:

— А вы злой! — и легонько ударяла его по руке.

— Не те корреспонденты! — сказал Павлов. Он отвел меня за палатку и стал чесать подбородок. Я уже заметил: он всегда чешет подбородок, когда чем-нибудь озадачен. — Нам бы кино. Как же так: ставим подводный дом, а кино нет? Надо найти оператора. Придется самому ехать... Вы тут общайтесь с ними, общайтесь.

И он уехал.

ЧЕЛОВЕК И СЛОН

Я разговорился с корреспондентом. С тем толстым, что рассказывал смешные случаи.

— Хотите, — сказал он, — расскажу, как я не написал свою лучшую статью?

— Давайте.

— Дело было в Ленинграде. Я тогда еще учился на журналиста. Раз меня вызывают и говорят: «Вот первое задание. В университете есть студент, который написал очень ценную работу про слонов. Найдите его и напишите о нем статью». Иду, узнаю — есть такой. Получаю адрес, вечером являюсь. Он дома. Маленькая комнатка, в углу какие-то кости, прикрытые простыней. Разговорились. Действительно, студент написал работу: «Особенности скелета слона».

— Вот, — говорит, — в углу кости — слон.

— Откуда вы его взяли? — спрашиваю.

— Выкопал.

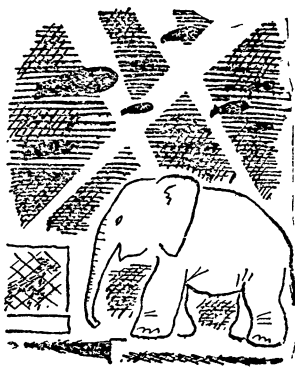
— Где?

— Тут, в Ленинграде.

Я решил, что парень врет или сумасшедший. Обиделся на него и ушел. Так статьи и не написал. А потом узнал: чистая правда. Только послушайте, какая история.

До войны в Ленинграде был слон. Очень знаменитый слон, вернее, слониха Бетти. А этот парень был юннатом и часто ходил в зоопарк. Можно сказать, они с Бетти были знакомы. Когда настала война, парня забрали на фронт. А Бетти убило шальной бомбой. Ее тело разделили на части и закопали на территории зоопарка. Война кончилась, парень стал учиться. На

старшем курсе он стал писать работу. О чем? О слонах. А о судьбе Бетти он знал. Получил разрешение директора зоопарка, достал лопату и давай копать. Два месяца искал. Перекопал весь зоопарк. И что вы думаете? Собрал весь скелет. Описал его, получилась блестящая работа. Недавно встретил его фамилию в журнале — Вадим Евгеньевич Гарутт. Крупнейший специалист по слонам. Вот так. А я о нем не написал. Смешно?

Я покачал головой.

— Не очень. Даже наоборот — трогательная история. Человек и слон... Как вам вообще придется?

— Так себе. Плохо начинаю. Иной раз интереснейший факт, замечательные люди, а начну писать — скучота. Для меня самое трудное — начало придумать, зацепку. А для вас?

Я вздохнул:

— Конечно, зацепку. Поверить в свои силы еще нужно. Обязательно...

РИСУНКИ

Я мало рисовал.

Мне казалось: ну что рисовать?

Дельфин удрал. осьминоги и трепанги в Черном море не водятся. Рыб в бухте?

Я взял альбом, сел под скалой и нарисовал по памяти все, что случилось в эти дни.

Я нарисовал, как буксиры тащат огромный кран с наклонной стрелой.

Как плавает посреди бухты на боку дом «Садко».

Нарисовал похожие на пчелиные соты известковые стены Эски Кермена, выдолбленные изнутри скалы, и черные входы в подземелья среди зеленых кустов кивила.

Еще я нарисовал Рощина-второго. Он стоял на берегу моря и тоскливо всматривался из-под руки вдаль. Он ждал, не вернется ли дельфин.

ДАВНЕНЬКО Я НЕ РИСОВАЛ ЧЕЛОВЕКА!

Когда я кончил рисовать Рощина, около скалы появилась женщина-корреспондент. На руках у нее была кошка.

— Вот, нашла на берегу, — сказала она. — Это ваш кот? Лагерный? Чуть не утонул.

— Наш, — ответил я. — Только кошки не тонут, они боятся воды. Отнесите Немцеву, это его кот.

И женщина ушла.

ВЕРНУЛСЯ ПАВЛОВ

Все было готово к постановке дома. Не было только Павлова.

— Везет! Везет! — раздались однажды около нашей палатки крики.

Мы с Марленом выскочили наружу. Мимо нас пробежали полуголые водолазы.

— Кто везет? — спросил Марлен.

— Павлов! Оператора! Бежим!

Мы побежали.

По дороге спускался к бухте пружовой «газик». За ним тянулось желтое облако пыли. «Газик» доехал до палаток и остановился. Из кабины вылез Павлов.

— Пожалуйста. Прошу вас! — сказал он.

Показался человек. Он лез спиной вперед и тащил за собой желтые кожаные сумки.

— Знакомьтесь, — сказал, обращаясь ко всем, Павлов, — кинооператор Центральной студии. Будет работать у нас.

Человек повернулся, и я ахнул. Тот самый киношник, который снимал Телеева с осьминогом! Мой Главный киношник.

Я толкнул Марлена в бок.

— Помнишь? — спросил я его шепотом. — Шхуна. Взрыв мины. Рыбы под водой... Это ведь тот самый!

— Ага.

МАРЛЕНА НЕ УДИВИШЬ!

— Где мне располагаться? — спросил Главный киношник.

Ритм

— В палатке, вместе с художником.

Павлов подтолкнул меня:

— Вот и он сам.

— А мы знакомы,— сказал Главный киношник.— Я очень хорошо вас помню по Тихому океану. Вы еще советовали мне изменить сценарий.

— Да, это я.

Я помог ему перенести сумки в палатку.

— А я вас тоже знаю,— сказал Главному киношнику Марлен.— Помните, вы снимали фильм — взрыв мины под водой? Тут, на Черном море.

— Я много что снимал,— устало сказал киношник, и я вдруг увидел, что он здорово постарел.— Может быть, и был взрыв мины.

— Вы все еще снимаете морских животных? И бываете часто за границей?

— Как вам сказать... В общем, нет. Бросили на «Фитиль». Знаете, такие сатирические фильмы. Бичую недостатки.

— А-а-а...

ВОТ ОН УЖЕ И НЕ ГЛАВНЫЙ!

Я решил называть его для себя теперь просто Киношником.

— А почему вы тогда здесь? Тут нет никаких недостатков.

— Попробую тряхнуть стариной: снять документальную ленту. У вас тут надолго затянется?

— Экспедиция рассчитана на месяц. Но дом поставят завтра-послезавтра.

Киношник сел на раскладушку и стал расшнуровывать ботинки. Ботинки у него были отличные — прессованная подошва с шипами и медные блямбы вместо пистонов.

И носки хорошие. И костюм.

ТОЛЬКО САМ ОН ПОПЛОШАЛ.

ДЕСЯТЬ МЕТРОВ И ВОЛЬЕР

Прежде чем погрузить дом, опустили вольер.

Это было громадное круглое сооружение вроде циркового шатра. Большой сетчатый цилиндр. Его поддерживали на воде пустые бочки. Бочки затопили, и вольер погрузился.

Можно было начинать постановку дома.

Мы собрались у лебедки. Она стояла под навесом на берегу и была похожа на горбатого рыжего медведя. Наступил торжественный момент.

Павлов подумал и сказал:

— Пошел!

Мне казалось, что он должен сказать по случаю первого погружения дома речь. Или разбить о лебедку бутылку, как это делают при спуске корабля.

Но он просто сказал: «Пошел!»

Завыли электромоторы, скрипнули шестерни. Лебедка ожила. Скрипнул и двинулся с места канат.

Я стоял метрах в десяти от него и смотрел, как он натягивается, ползет, исчезает внутри лебедки. Она поглощала его. Большой барабан, вращаясь, наматывал канат виток за витком.

Дом посреди бухты подрагивал, оседал. Вода уже лизала площадку с поручнем.

«Садко» тонул.

Наконец исчезли выпуклая верхушка дома, площадка...

Когда «Садко» скрылся, на поверхность выскочило много пузырей. Вода закипела. Белое пенное пятно постоянно несколько минут и растаяло.

Лебедка застучала быстрее.

Канат, который выходил из воды и полз к лебедке, нес по воздуху красный лоскут. Это была метка. Когда она подойдет к лебедке, будет «Стоп!». Глубина, которой достигнет дом, будет ровно десять метров.

— Стоп!

Красный лоскут остановился.

— Готово! — сказал Павлов.

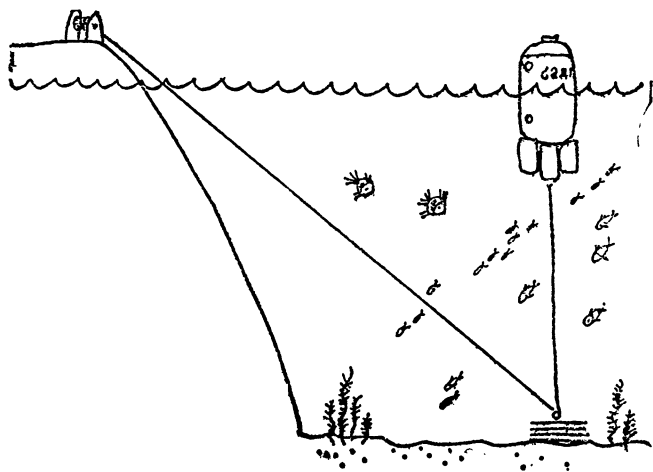
С одного из буксиров спустили шлюпку. Она подошла к месту, где погрузился дом, повертелась и направилась к берегу. В шлюпке сидел Игнатьев.

— Пузырей нет! — сказал он. — Все в порядке.

АКВАНАВТЫ

Мы провожали в дом первых акванавтов — Джуса и Марлена.

Я очень удивился, когда Марлен стал готовить аквананг.

— Ты чего? — спросил я.

— В дом.

— Жить?

— Жить.

Я обиделся:

— Почему ты мне раньше не сказал?

— Ты ведь читал план испытаний.

— Нет.

Как-то Марлен дал мне тоненькую книжечку в розовом картонном переплете. Она так и называлась: «Эксперимент „Садко“». Но я, вместо того чтобы прочесть, сунул ее под подушку.

Мы уходили тогда на Эски Кермен.

— Между прочим, — сказал Марлен, проверяя замок у своего акваланга, — там есть и твоя фамилия. Вернее, ты без фамилии. Там сказано — деятели искусств.

Я сунул руку под подушку и достал книжечку.

И верно: «Первый этап. Глубина 10 метров. Экипаж — Марлен, Джус... Последний этап — всплытие. Посещение дома корреспондентами и деятелями искусств».

— М-да! Только после всплытия.

В плане было много интересного, даже монтаж на дне буровой вышки.

— Это еще зачем? — спросил я Марлена. — Тут же нефти нет?

— Нет. Просто опыт — заработает или нет. А искать нефть будут потом на Каспии. Сперва научиться надо, доказать всем...

Я стал смотреть, что написано про моего Киношника. Вот звездочка и примечание: «Съемки кино на всех этапах эксперимента, по плану студии».

Мы вышли с Марленом на берег. Там уже стоял Павлов и около него Джус с портфелем.

НЕУЖЕЛИ ОН ВОЗЬМЕТ ЕГО С СОБОЙ?

Вещи акванавтов положили в контейнер. Сверху впихнули портфель.

ВСЕ-ТАКИ ВЗЯЛ!

Подошла шлюпка, контейнер отнесли в нее. Туда же сели Павлов, Марлен, Джус.

На том месте, где недавно стоял дом, качался буюк с флажком. Шлюпка ушла к нему.

МНЕ ВЕЗЕТ

Вечером я вышел посмотреть на этот флажок.

ГДЕ-ТО В ГЛУБИНЕ ПОД НИМ — ЛЮДИ.

Я стоял, скрестив на груди руки.

— Не рисуете? — раздался позади меня голос Павлова. Он незаметно подошел и стал рядом. — Я думал, художники — чуть свободная минута — рисуют. Вон корреспонденты так и строчат. И то им объясни, и это. Еле сбежал.

Я понял, что не оправдываю его надежд.

— Понимаете, — сказал я, — мы, художники, такой народ... Как бы это сказать проще... Мы смотрим, смотрим, а что получится, сами не знаем. Хотите, я нарисую ваш портрет?

Теперь покраснел он,

— Бросьте валять дурака, — сказал он. — Я ведь так. Конечно, смотрите. Между прочим, у меня дома есть несколько книг с вашими рисунками. Морских животных вы рисовали?

Я очень обрадовался:

— Я. Конечно, я! Это где осьминог, трепанги, кальмары?

— Ага. Очень хорошо нарисованы. Как живые. Вы в доме сколько дней хотите прожить?

Я задохнулся от неожиданности. **ВОТ ТАК РАЗ!**

— Хотелось бы подольше.

— Проверитесь у врача. Будете жить со вторым экипажем.

— Я проверялся.

— Еще раз. Вот беда — корреспонденты просят. Вы, я знаю, водолаз, а они-то нет!

Павлов пошел проверять связь с домом.

Второй экипаж — Игнатьев и Немцев.

БУДУ ЖИТЬ В ДОМЕ! НЕ ОЖИДАЛ!

КОМАНДНЫЙ ПОСТ

В первой палатке, где расположился командный пост, было много проводов, много приборов, стояли телевизор и телефон. Правда, телевизор так и не сумели наладить. Когда его включали, мелькали одни полосы.

— В доме не хватает света. И еще — много помех, — объяснили телевизионщики. — А так у нас все в порядке.

Я пришел на командный пункт — дежурил Игнатьев — и попросил, чтобы мне дали поговорить с Марленом.

Мне казалось, что получится очень интересный разговор: человек первый раз в подводном доме.

— Минутку, — сказал Игнатьев. — Запишу показания приборов и соединю.

Он раскрыл толстую тетрадь и начал писать: температура воздуха в доме... давление... влажность...

— А знаете, — сказал я, — может быть, мне скоро доведется с вами там жить. Павлов обещал.

Игнатьев кивнул.

— Как у вас уши?

Я вспомнил погружение на Дальнем Востоке:

— Так себе.

— Продувать надо.

Он придвинул телефон.

— Марлена вызывает берег.

РАЗГОВОР

— Привет, Марлен, это я — Николай. Ну как там у тебя?

В трубке шумело. Так шумит воздух в морских раковинах.

— Ничего,— сказал Марлен.

И замолчал. Я тоже ничего не придумал. О чем говорить? На этом наш разговор и кончился.

РАЗРЕШИТЕ, Я ВАМ ПОМОГУ

Все-таки Павлов разрешил корреспондентам побывать в доме.

Мы сели на буксир.

— Не больше десяти минут,— сказал Павлов.— Если пробудете в доме дольше, придется потом сидеть в декомпрессорной камере.

— Сколько? — поинтересовался корреспондент с лысиной.

Павлов посмотрел в книжечку.

— Два часа... Значит, так,— он сурово посмотрел на нас,— опускаться будут только мужчины. По очереди. С каждым идут трое обеспечивающих. Двое держат за руки, третий — сзади...

Я вспомнил, как страховал когда-то Марлена, когда тот опускался на сорок метров.

— Внутри дома, повторяю, находиться десять минут. Ответственный за все погружения Немцев.

На лысого нацепили акваланг. Он посопел и сказал, что готов.

— Тогда пошли.

Немцев первый прыгнул в воду. Потом свалился корреспондент.

Прыгая, он не придержал рукой маску. Ее сбило, он захлебнулся. Немцев подхватил его под мышки. Корреспондент долго плевался и икал.

— Может, не надо? — спросил, перегнувшись через борт, Павлов.— Ну что там интересного?

Корреспондент замотал головой. Он снова вставил себе в рот загубник и показал рукой вниз: «Пошли!»

Они нырнули. Четыре пузырьчатые дорожки свились в клубок. Вода зарыбила. Потом пузыри исчезли.

— Вошли в дом! — сказал Павлов.— Я думал, не войдут.

Через десять минут вода забурлила и показались четыре головы. Пловцы работали ластами и отдувались.

Их втащили на буксир. Корреспондент стянул со лба маску. Тусклое солнце вспыхнуло на его лысине,

— Ух как интересно! — сказал он. — Вот это дом! Опустили второго. Этот плавал, как морж, вода вокруг него кипела и расходилась кругами. Он никак не мог погрузиться.

— Навесьте на него грузы! — сказал Павлов.

Толстяку повесили на пояс несколько свинцовых плиток.

Когда, побывав в доме, пловцы вынырнули, толстяк сбил на лоб маску, перевернулся на спину и захохотал.

— Что с ним? — встревожился я. — Может, нервное потрясение? Говорят, есть опьянение глубиной.

— Ему просто весело, — сказал Павлов.

Толстяк влез по трапу на буксир.

— Шикарный дом, — сказал он. — Только я в нем чуть не остался. Туда влез легко — был мокрый и скользкий. А там высох и застрял в люке.

Он снова захохотал.

Тогда вперед выступила женщина.

— Мне этот надеть? — спросила она и тронула рукой акваланг.

— Пойдут только мужчины, — неуверенно сказал Павлов. Он сказал это, не глядя на нее.

Женщина подняла баллоны.

— Разрешите, я вам помогу, — сказал Немцев.

Павлов отвернулся.

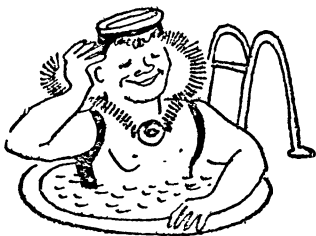
Немцев почесал в затылке, продул загубник и в третий раз пошел к трапу.

— Туфли снимите, — сказал Павлов женщине.

— Ах да...

— Шут его знает! У нее есть все бумажки, — сказал наш начальник, когда женщина и Немцев скрылись под водой. — Все разрешения. Прошла курсы легких водолазов.

Эта пара возвратилась ровно через десять минут. Я помог женщине взобраться на буксир. Она сняла плавательную шапочку и отжала волосы. Светлые струйки побежали по немолодому лицу. Она даже не запыхалась.

— Дом как дом,— сказала она.

Корреспонденты попросили шлюпку и ушли на берег передавать по телефону в редакции свои сообщения.

Немцев сказал:

— А что? Ничего ребята. Первый и второй немного дрыгались, а эта — совсем спокойно. Все-таки десять метров. Не в ванне!

Я спросил Павлова:

— А я?

Он пожал плечами.

— Стоит ли? Заселим дом вторым экипажем — и пойдете. Не стоит портить впечатление. Насмотритесь еще.

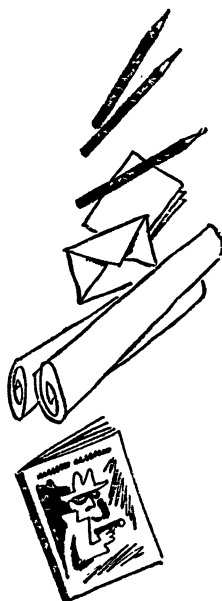
— Ладно,— сказал я.

Последним опускался в дом сам Павлов. Я сидел на корме и смотрел, как он плывет, поблескивая ластами. Когда он приблизился к дому, навстречу ему выплыла еще одна человеческая фигура. Их было еле видно. Они были как два пятна — дрожащие и неверные.

Мне показалось, что они пожали друг другу руки.

Я посмотрел на берег. Из палатки, где стоял у дежурного телефон, вышел маленький корреспондент. Он, как видно, передал свое сообщение. Он прикрыл голову газетой и побрел к себе в палатку отдыхать.

ЭТИ ТРОЕ-ТО МОЛОДЦЫ!

НЕ ПОВРЕДИТ

Когда мы вернулись на берег, я встретил Игнатьева. Он поманил меня.

— Соберите заранее себе пакет,— сказал он.— Книжки, бумагу для писем. А то после дома нам еще сидеть трое суток в камере — вот где будет скучища.

Я так и сделал. Завернул в газету карандаши, бумагу. Положил книжку. Я долго думал, что лучше всего читать от скуки? И решил — про шпионов.

Конечно, шпионские книжки — это не литература, но ничего.

ОДНА ШПИОНСКАЯ КНИЖКА НА ТРОИХ НЕ ПОВРЕДИТ.

ПРОБКА

Марлен и Джус прожили в доме три дня. Затем их сменили Игнатьев и Немцев.

— Пусть и эти проживут два денька,— сказал Павлов,— а уж потом мы вас...

Когда два дня прошли, я напомнил ему.

— Да, да!

Он стоял передо мной и смотрел на меня сверху вниз.

БЫВАЮТ ЖЕ ТАКИЕ ГРОМАДНЫЕ ЛЮДИ!

— Зубную щетку возьмите,— сказал он,— белье, мыло.

Я уложил все в полиэтиленовый мешок, и Павлов повел меня к врачу.

— Нуте-с,— сказал врач.

Он послушал мое сердце, измерил давление крови, а потом вложил мне в рот мундштук. На столе стоял прибор для измерения объема легких.

— Дуйте!

Я напыжился и дунул изо всех сил. Прибор забулькал. Его крышка медленно поползла вверх. Она доползла до числа 1500 и остановилась.

— Ого! — сказал Павлов.

Он сидел тут же рядом и с любопытством смотрел, как я тужусь.

— Н-да! — удивился врач. Я почувствовал что-то неладное.

— Что такое? — спросил я.— Плохо дул?

— Дули хорошо,— сказал врач.— Но такой объем легких бывает только у детей. Полторы тысячи кубиков — это ребенок лет десяти.

— Как же я вас пуцу под воду? — сказал Павлов.— У водолаза легкие должны быть за четыре тысячи.

— Я знал одного водолаза,— сказал врач,— у того в легких помещалось семь литров воздуха!

— Вот как надо! — сказал Павлов и взял у меня из рук мундштук. Он пополоскал его в баночке с розовой водой и, набрав полную грудь воздуха, стал дуть.

Крышка поднялась чуть повыше моей отметки.

— Две тысячи! — удивился врач.

— Ага! — сказал я.— Две тысячи — это ребенок лет двенадцати.

Врач задумался. Потом он вытащил резиновую пробку — ею был заткнут прибор, чтобы не выходил воздух, — повертел ее в руках, поднес к глазам и сказал:

— Все ясно! Пробка подсохла.

Он достал откуда-то новую пробку.

Павлов насупился, сделал несколько вдохов и дул изо всех сил. Крышка чуть не подскочила до потолка.

— Шесть пятьсот! — весело сказал врач. — Не легкие, а кузнечные мехи. Теперь, пожалуйста, вы.

Я выдул ровно четыре тысячи кубиков.

— Вот это другое дело! — сказал Павлов. — Как, доктор, противопоказаний нет?

— Нет.

И он написал в моей водолазной книжечке: «РАЗРЕШАЮ».

Когда я вернулся в палатку, Марлен сказал, что кроме меня в доме будет жить немецкий кот.

Это тоже будет эксперимент.

— Ты знаешь, — сказал я, — что-то ноги болят. Уже несколько дней. Я врачу, конечно, не жаловался.

— И правильно сделал. Это после Эски. В подводном доме отдохнешь!

ЕЩЕ О ДЫХАНИИ

Когда Павлов выдувал свои шесть тысяч, я вспомнил, как мы с ним сидели однажды на буксире.

От дома к судну плыли два водолаза. Людей не было видно; две дорожки пузырей тянулись от «Сады» к нам.

— Справа Игнатьев плывет, — сказал Павлов. — А слева... Не знаю, может быть, Джус.

— Как это? — удивился я. — Человека не видно. Как же вы можете знать?

— По пузырям. Какой у человека характер, такие и пузыри. Игнатьев — скала. Его расшевелить — надо гору взорвать. Он и дышит соответственно. Выдох от выдоха через минуту. А Джус у нас быстрый, все топчется. Раз-раз! — сообразил и сделал... Пожалуй, это он дышит!

Аквалангисты доплыли до борта и, шлепая ластами по стальной лесенке, стали выходить,

Они сняли маски. Первым шел Игнатьев. Вторым — Джус.

Помню, я тогда сказал:

— О-о-о-о!

В «САДКО»

Провожать меня пошли на шлюпке Павлов и Марлен.

Мы выгребли на середину бухты, привязали шлюпку к буйку и стали надевать акваланги.

— Все взяли? — спросил Павлов. — А щетку?

— Взял я зубную щетку.

— Послушай... — сказал Марлен. — Я Немцеву говорил уже: будете плавать, посмотрите хорошее дно для акустического полигона. Чтобы чистое было, много рыб и укрытия — камни, что ли. Надо аппаратуру так спрятать, чтоб незаметно к ней можно было подплывать.

— Угу!

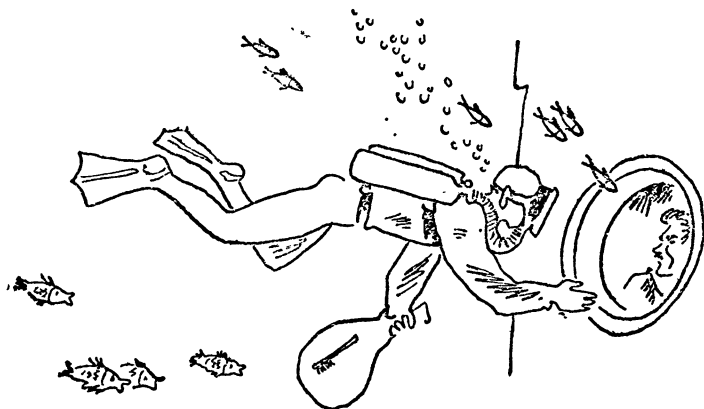
Я бросил в воду полиэтиленовый мешок, слез сам, нырнул. Под водой мешок надулся и, как маленький аэростат, потащил меня вверх. Я ухватился за него. Мешок вырвался и ракетой взвился к шлюпке.

Я всплыл, поднял маску на лоб и пожаловался:

— Не хочет тонуть!

— И не захочет, — сказал Павлов.

Он достал из-под скамейки сумочку с грузиками, положил внутрь моего мешка грузик и бросил в воду.

Мешок плавно пошел на глубину. Я еле успел схватить его. Рядом прошумело — это прыгнули из шлюпки Павлов и Марлен.

Подо мной колыхалось огромное белое пятно. Оно покачивалось и двоилось. Это был «Садко».

В стороне смутно виднелся вольер.

Я опустилсЯ на верхнюю площадку дома, цепляясь за выпуклую стену, подобрался к иллюминатору.

Прямо на меня через толстое стекло смотрел Немцев. Он смотрел на меня изнутри очень серьезно и беззвучно шевелил губами. Должно быть, разговаривал с Игнатьевым.

Сзади кто-то проплыл. Я обернулся. Павлов делал знаки: «Пошли!»

Мы нырнули под дом. Вот и вход.

Павлов подтолкнул меня, и я очутился внутри стальной трубы — тамбура.

В глаза ударил электрический свет, по стеклу маски покатались струйки воды.

Кто-то подхватил меня под руки.

Ноги нащупали ступеньку.

Стоя в воде по пояс — голова и грудь в воздухе, — я снял маску, увидел Игнатьева и сказал:

— Привет!

Голос у меня оказался глухой, ватный.

Снизу меня толкали и дергали.

Я вылез из воды и, сев на лавочку, стал стаскивать с себя снаряжение. Мешок я положил на пол. Через белую пленку огоньком светилась зубная щетка.

ВОТ Я И В ПОДВОДНОМ ДОМЕ!

У ног колыхалась жидкая прозрачная дверь. Никакой двери в тамбуре не было. Это была вода. Сжатый внутри дома воздух не давал ей подняться и залить дом.

Водяное зеркало расколосось. Показалась голова Павлова. Он спросил:

— Все в порядке?

И скрылся.

ДОМ

Первым делом Немцев показал мне помещения.

— Осторожно, — говорил он, — тут можно удариться коленом, тут — головой.

Мы карабкались по железным лесенкам, как белки. В доме было три комнаты — три отсека. Нижний, через который я вошел, жилой и лаборатория.

В нижнем стояла скамеечка, висели на крючках гидрокостюмы и акваланги.

Еще тут было много кранов.

— Ох, сколько их! — сказал я. — И каждый небось нужен.

— Конечно, воздух, вода.

— А если не тот повернешь?

Немцев даже удивился. Он потрогал свои — щеточкой — усы и сказал:

— Скорее всего, утонете. Или взорветесь... Не шутите. Идемте в жилой отсек.

В жилом отсеке было все: и столовая, и спальня, и кают-компания. Стояли в два яруса койки, обеденный стол, висело радио.

Через люк мы поднялись в лабораторию. В ней было много приборов, и она походила на кабину космического корабля.

Я облазил весь дом и почувствовал, что в нем чего-то не хватает.

Чего? И вдруг понял: кухни!

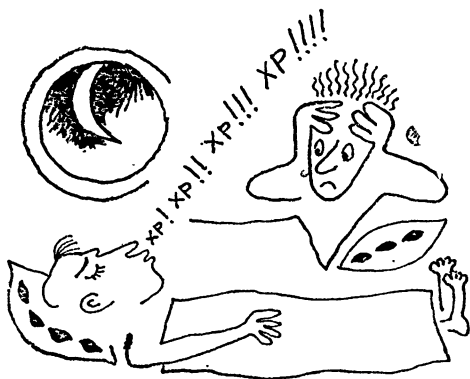
— Где же вы готовите пищу? — спросил я.

— Как, разве вы не видели? У нас есть шикарная плита с необыкновенной вентиляцией.

Меня повели снова в лабораторию. У стены стоял никелированный, с пластмассовыми ручками и кучей циферблатов прибор.

ВОТ ТАК ПЛИТА!

— Электрическая! — с гордостью сказал Немцев. — Сюда ставите сковородку. Здесь устанавливаете температуру, здесь — время. Закрываете дверцу. И через несколько минут — гудок! Пожалуйте, обед готов... Вы сколько дней пробудете с нами?

— Десять.

Он показал мне мою кийку.

— Между прочим,— сказал Немцев,— деликатный вопрос. Вы не храпите?

— А что?

— Должен предупредить. Здесь и без того повышенная нагрузка на нервы. Говорят, у американских гидронавтов был случай: один водолаз храпел, так другой чуть не выбросил его из дома.

— Что вы, я сплю как ангел!

Мы оба засмеялись.

Смех в доме звучал странно, тоже глухо и как-то ватно.

Вдруг неподалеку от койки я заметил портфель Джуса.

НЕУЖЕЛИ ЗАБЫЛ?

— Не поместился в контейнер,— объяснил Немцев.— Бумажки Джус взял, а портфель оставил. Сказал — потом.

КАК ЖЕ ТЕПЕРЬ ДЖУС БЕЗ ПОРТФЕЛЯ?

ВОЛЬЕР

С берега позвонили: в вольер будут сажать рыб.

— Надо проверить сеть,— сказал Немцев.— Пойдете со мной?

Мы вышли из дома.

Вольер висел неподалеку от «Садко». Он парил, как воздушный шар, невесомый, раздутый. Снизу его держали якоря, вверх тянули поплавки. Их было много — целая гирлянда поплавков.

Мы подплыли к вольеру, нашли дверь. Отведя засов, проплыли внутрь. Никаких повреждений сети не было.

Только мы вышли из вольера, как над нами появились два темных пятна. Это опускались люди и буксировали за собой мешки. В них за прозрачной пленкой беспокойно метались рыбы.

Водолазы подплыли ближе. Немцев открыл дверь вольера. Мешки затолкали внутрь и открыли. Пестрая стайка заklubилась внутри вольера: вилохвостые ласточки-монашки, серебристые лобаны, зеленоватые, с черными копеечками на хвостах ласкиры...

Дверь закрыли, и один из водолазов похлопал меня по плечу. Через овальное стекло маски на меня смотрели внимательные глаза Марлена.

Я показал ему большой палец.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ!

Мы с Немцевым вернулись в дом.

Там опять звонил телефон.

— Волнуются наверху,— мрачно сказал Игнатев,— как вы переносите пребывание на глубине. Приказали надеть вам комплект датчиков. Вы никогда не летали на космическом корабле? Сейчас получите представление.

ДА-А... ТУТ Я, КАЖЕТСЯ, ОТДОХНУ!

ВИТОК ВОКРУГ ЗЕМЛИ

Меня усадили посреди лаборатории и стали обвешивать датчиками.

Они все были со шнурами и присосками. Очень смешные: электрический шнур, на конце присоска, внутри присоски пластинка. Одну присоску мне прилепили напротив сердца, вторую — у самого горла, две или три на спину, еще одну — к ребрам.

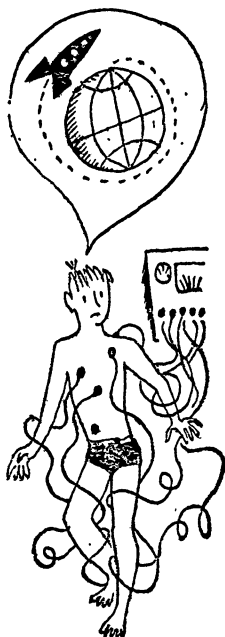
Я вспомнил Лесика и нервно засмеялся.

— Боюсь щекотки...— сказал я.— У вас холодные руки.

— Все, можете ходить,— сказал Немцев.

Я встал и сделал несколько шагов. Шнуры, извиваясь как змеи, потянулись за мной.

— Это космические датчики. Такие надевают космонавтам,— объяснил Немцев.— Сейчас можно позвонить на берег и узнать, какая у вас температура.— Он снял трубку.— Сообщите показания... Температура тридцать шесть и девять. Пульс семьдесят четыре... Дыхание нормальное... Все в порядке... А знаете:

бывают датчики, которые прикрепляют к голове. Для этого надо обрить макушку.

— Нет уж, увольте,— сказал я.— С меня довольно температуры. Тридцать шесть и девять? Обычно у меня тридцать шесть и шесть. И пульс — шестьдесят.

— Это от высокого давления. Ничего, привыкнете.

Я хотел подойти к столу, запутался в шнурах и остановился.

— Ходите только взад и вперед, по радиусам,— сказал Игнатьев.— Не вальсируйте. И не прыгайте.

Я обиделся, сел на стул и просидел на нем неподвижно целый час.

— С берега передают — можно снять,— сказал наконец Игнатьев.— Они говорят, вы идеальный пациент. Ни одной помехи за счет движений. Немцев — тот уже оборвал два шнура.

Я отлепил от груди датчик. На том месте, где только что была присоска, розовело маленькое круглое пятнышко.

— Тоже мне космический полет,— сказал я.— Час на стуле!

— Виток вокруг Земли! А есть кабель, с которым можно плавать. Плывете, и все датчики на вас. По кабелю показания передаются в дом. Это очень ценно: врачи все время знают, как чувствует себя водолаз.

ПЕРВАЯ ПОДВОДНАЯ НОЧЬ

Вечером после чая я залез на свою койку, лег на знаменитый бело-голубой матрас и попытался уснуть.

С непривычки и от давления отчаянно колотилось сердце. Шумело в голове. Простыня сразу сделалась мокрой. Приборчики не помогали.

Над койкой к стене была приделана маленькая лампочка-ночник. Она была очень слабая, и волосок в ней горел не белым, а красным светом.

Я попробовал смотреть не мигая на лампочку и считать. Говорят, это лучший способ уснуть.

— Вам неудобно лежать наверху? — спросил Немцев.— Поменяемся?

— Нет, почему...

Я вертелся до полуночи. Внизу на столике стоял будильник. Когда я засыпал, на нем было десять минут первого.

Мне приснилось, что какие-то люди в черных водолазных костюмах тащат под водой металлическую клетку. Они хотят поймать меня. Я плыву, судорожно перебирая ногами, но люди не отстают. Вот они подняли клетку, опустили. Удушливая темнота окружила меня. В черной во-

де белыми полосами светились прутья. Я дергаю загубник, и в рот мне льется вязкая, как смола, вода...

Я вздрогнул и проснулся. Тускло горел ночник. Внизу на столе мерно тикали часы.

Ночь... Первая подводная ночь. Она тянулась бесконечно долго. Медленно, как стальной трос, который устало тащит из воды лебедка.

КОРАБЛЬ

— Так что, поищем Марлену полигон? — спросил Немцев. — Поплывем...

— Поплывем! — обрадовался я.

Когда мы уже собрались выходить, Игнатьев сказал:

— Возьмите эту маску.

Он достал из ящика стола и протянул мне маску с резиновым мешочком у носа — для пальцев, чтобы зажимать нос и продувать уши.

КАК ОН ЗАПОМНИЛ, ЧТО ОНИ У МЕНЯ СЛАБЫЕ? И МАСКУ ПРИБЕРЕГ...

Скоро мы с Немцевым уже удалялись от дома. На руке у каждого был компас.

Мы плыли на юго-восток.

Дно было хорошее, ровное, но без укрытий. Белое, покрытое галькой дно.

Среди мелких камней торчали редкие рыжие водоросли. Лобастые барабульки бродили от куста к кусту, щупая дно усами.

НЕТ, ЭТО ДНО НЕ ПОДХОДИТ!

Зеленая, как бутылочное стекло, вода стеной стояла перед нами.

Мы плыли вперед, и стена отдалялась.

Впереди показалось смутное пятно. Немцев направился к нему.

Мы подплыли ближе. Пятно уплотнилось, изменило цвет и превратилось в грудку железного лома. Бурые с красными и черными потеками листы.

Тлен, запустение...

Стаи мелких рыб бродили около железной горы; рыбы скрывались в проломах и появлялись вновь.

КОРАБЛЬ! ДА ВЕДЬ ЭТО ТОТ САМЫЙ ЗАТОНУВШИЙ КОРАБЛЬ!

Я вспомнил историю английского парохода и поднял обе руки вверх. Немцев понял и ткнул сжатым кулаком в ладонь: кораблекрушение — трах!

Мы висели бок о бок и разглядывали остатки корабля.

Тихий зеленый свет лился на наши лица.

Наконец Немцев тронул меня и, поминутно оглядываясь, поплыл вперед. В борту зияла пробоина. Немцев остановился, заглянул в пролом, сделал легкое движение ластами и скрылся внутри корабля.

Я тоже заглянул в пролом.

Далеко впереди в темноте светилась похожая на звезду точка. У нее был спокойный зеленоватый цвет.

Осторожно, чтобы не задеть баллонами за железо, я пробрался внутрь. Я влез туда, помогая себе руками, то и дело цепляясь ластами за острые рваные края обшивки.

И вот я внутри корабля.

Неподвижная теплая вода. Темнота.

Я В ПОДЗЕМЕЛЬЕ!

Кто-то схватил меня за руку. Я вадрогнул. Невидимка потянул, и я послушно поплыл следом.

Меня тянули к зеленой точке. Мы приближались к ней, точка росла, раздавалась вширь и, наконец, превратилась в круг. Это был корабельный иллюминатор.

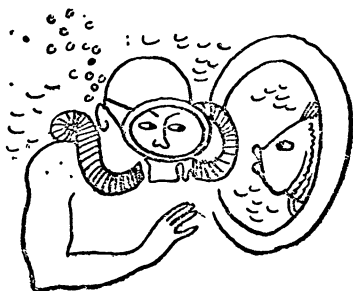
Лицо Немцева выплыло из темноты и, блеснув маской, снова ушло в тень.

Я осмотрелся. Из полумрака выступали вертикальные стойки, изогнутые перекладыны. Вероятно, это был трюм. Может быть, здесь висели солдатские койки. Это их покинули по тревоге люди в ненастную ночь, которая стала для парохода последней...

Легкие тени замелькали перед иллюминатором.

Я поднес к нему руку и выставил ее наружу. Вилохвостые ласточки-монашки веселым клубком окружили ладонь. Рыбы тыкались твердыми губами в подушечки пальцев.

Вдруг ласточки бросились врассыпную. Я отдернул руку. Прямо на меня из

иллюминатора смотрел выпученными глазами большой каменный окунь. Он жевал губами и тяжело дышал. Синие и коричневые полосы на его теле шевелились.

Окунь вильнул хвостом и неторопливо поплыл прочь. Он плыл, растопырив грудные плавники и раскачиваясь всем телом.

В освещенном пространстве около иллюминаторов снова появилось лицо Немцева.

Мы повернули назад. Светлый треугольник пролома указывал нам путь. Мы выплыли через него, и поток легкого света подхватил нас.

Здесь бушевал солнечный ветер. Светлые пылинки вились перед лицом. Упругая прохладная вода обтекала мышцы.

МЫ ВЫШЛИ ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ.

Когда мы вернулись в дом и рассказали Игнатьеву о находке, тот сказал:

— А что? Спросите Марлена. Чем ему не полигон?

Мы с Немцевым тотчас кинулись звонить.

— Посмотрю, — ответил мой друг.

Особой радости он не проявил.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ПЛИТА

Я решил приготовить обед.

— А вы умеете? — удивился Немцев. — А то смотрите, обычно готовлю я. Ну, если вам так хочется...

Он пожал плечами.

Я принялся за дело.

Легче всего было приготовить суп. В термосе хранился кипяток. Я налил его в три чашки, бросил туда бульонные кубики.

Салат — тоже не проблема. Я открыл банку горошка.

Котлеты! Оставалось поджарить котлеты. Они лежали в холодильнике. Рубленые и обсыпанные сухариками.

— Жарьте пятнадцать минут! — сказал Немцев и ушел.

Я положил котлеты на сковородку, бросил туда кусок масла, закрыл крышкой и поставил в духовку. **ГДЕ ТУТ ТЕМПЕРАТУРА? ГДЕ ВРЕМЯ?..**

Как только я включил плиту, она загудела, как самолет. Все плиты, с которыми я имел дело раньше, спокойно стояли на месте. А эта гудела и подрагивала, как «ТУ-104» перед разбегом. Мне сразу это не понравилось.

Пока котлеты жарились, я ходил вокруг плиты и принюхивался. Чтобы котлеты хорошо прожарились, они должны чуть-чуть подгореть. Это не страшно: подгорает сухарная крошка, зато само мясо делается вкусным. Но запаха гари все не было. Я повернул ручку температуры раз, потом еще раз... Через пятнадцать минут запищал гудочек: туу-у-у!

Я выключил плиту, достал из духовки сковородку и осторожно снял крышку. Клуб черного дыма вырвался из-под нее.

На дне лежали три уголька.

Обжигая пальцы, я завернул угольки в бумажку и выбросил в ведро. Потом начал скрестить сковороду. Не успел я вычистить и повесить ее на место, как в отсек спустился Немцев.

— Ну как? — спросил он, потирая руки и принюхиваясь. — Что на обед?

— Бульон,— ответил я,— и горошек.
— Легкий обед! — удивился он.— Разгрузочный день?

— Горошек улучшает зрение,— ответил я уклончиво.

После обеда я стал мыть посуду, а Немцев сказал:

— Знаете, ничего! Чувствуешь себя легким-легким. С вами не потолстеешь. А разве не морковь улучшает зрение?

— Морковь,— согласился я.— А котлеты у меня сгорели...

И вдруг я сообразил. Я сообразил, почему не было запаха гари. Дыма не было потому, что работала НЕОБЫКНОВЕННАЯ вентиляция.

Нет, все-таки простые плиты лучше!

ВТОРАЯ ПОДВОДНАЯ НОЧЬ

Вторую ночь я спал тоже не очень спокойно. Мне несколько раз снился большой ржавый корабль. Он лежал на дне, и вокруг него хороводили рыбы.

Потом корабль исчез. Вместо него на дне стояла электрическая плита. Из нее шел дым. Дым был такой сильный, что у меня засвербело в носу. Я чихнул и проснулся. Часы показывали пять утра.

ГОЛОСА РЫБ

— Сегодня будем записывать рыб,— сказал Игнатьев.— Придет Марлен.

Марлен появился сразу после завтрака. Не успели с берега позвонить, чтобы мы встречали, как около входного тамбура послышалось царапанье, вода забурлила и показался человек.

Серебряные пузыри, как тарелочки, всплывали вместе с ним.

Человек пробил головой пленку воды, сбил маску на лоб, вытащил изо рта загубник.

— Привет! — сказал Марлен отдуваясь.— Ну, как у вас дела?

— Живем.

Он выбрался из воды и пошел вместе с Игнатьевым готовить аппаратуру.

Ничего особенного в этой аппаратуре не было: обыкновенные магнитофоны. Только у некоторых приставки — запись звука пером на бумажную ленту.

Вот так:

Когда они все приготовили, Марлен сказал:

— Сделаем так. Мы остаемся в доме, а вы идите в вольтер. Повесьте гидрофоны и ждите. По команде будете кормить рыб. Несколько раз придется рыб испугать. Запишем испуг. Ясно?

— Ясно.

Мы отправились в вольтер. Мы тащили с собой два гидрофона.

Плыли и тянули за собой шнуры.

Вот и вольтер — весь будто сотканный из паутины. Невесомый, прозрачный...

Мы заплыли в него, повесили гидрофоны, и Немцев стал ждать команд.

Вот он снял с пояса мешочек с кормом. Вывернул. Коричневое облачко повисло в воде, веселая рыбка карусель закружилась вокруг него.

Немцев не двигался.

Вот он бросился вперед. Рыбы, как одна, поёрснули в стороны.

ЗНАЧИТ, БЫЛА КОМАНДА ПУГАТЬ!

И так несколько раз.

Плывая вдоль проводов, мы вернулись в дом.

В тамбуре я столкнулся с Марленом. Он что-то промывал в маску, похлопал меня по ноге и, оставляя за собой тучу пузырей, нырнул.

— Все нормально, — сказал Игнатъев, когда мы забрались к нему в лабораторию.

Он показал записи.

На бесконечных бумажных лентах дрожали извилистые коричневые линии — запись звуков, которые издавали рыбы во время еды.

В нескольких местах линии становились размашистыми и тревожными.

— Это вы пугали рыб.

— А магнитофонная запись?

Игнатъев включил магнитофон.

В лаборатории зашумело, забулькало. Послышалось чавканье и скрежет.

— Ничего себе уплетают! За обе щеки! — сказал Немцев. — А где же испуг?

Сколько мы ни прислушивались, криков испуга услышать не смогли.

— Видно, у нас с вами не рыбий слух, — сказал я. — Недаром говорят: тихо, как под водой. Оказывается, есть и неслышный шум!

КЕССОН

На другой день нам приказали встречать контейнер с каким-то особым грузом.

— Что в контейнере?

— Увидите.

Его приволокли два водолаза. Они всплыли в тамбуре, и вместе с ними всплыл круглый, похожий на высокую кастрюлю с крышкой контейнер.

Мы с Немцевым подхватили его и вытащили из воды. Водолазы, хрипя и булькая, ждали.

Немцев открыл крышку.

«Мяу!»

На дне контейнера сидел котенок.

Водолазы засмеялись.

— Все в порядке, жив! — сказал Немцев, и они без слов погрузились.

— Смотри-ка, и пакет с песком положили!

Котенок тряс головой и тер лапами уши.

— Что, давит? — спросил Немцев и потащил котенка наверх, в жилой отсек.

— Я знаю, как его называть, — сказал он Игнатъеву. — Нашел водолазное имя. Кессон. Хорошо?

— Сойдет.

УТРО, ДЕНЬ И ВЕЧЕР

Теперь каждый день мы записывали рыб.

Бумажные ленты с записями ползли из приборов на пол.

Я брал в руки ленту и, не глядя на часы, знал, что там наверху — утро, день или вечер.

Утром рыбы просыпались и начинали шуметь. Записи делались колючей и размашистей — рыбы ели. Игнатьев включал репродуктор, и наш дом наполнялся хрустом и скрежетом. Рыбы чавкали, урчали, пережевывали еду.

Около полудня шум стихал. Коричневая дорожка на ленте делалась узкой.

К вечеру все повторялось. Размахи пера, чертившего на ленте извилистую линию, снова становились большими, а сама линия — колючей. Рыбий день шел к концу.

Кессон слушал рыбий скрип и скрежет, склонив голову набок, подняв одно ухо. Когда репродуктор выключали, он вставал и шел по столу, мягко переступая через провода, мимо белых циферблатов, на которых дрожали тонкие блестящие стрелки.

Немцев записывал показания приборов. Кессон садился около его руки и внимательно смотрел, как скользит по бумаге красный шарик автоматической ручки.

АКУЛА

— Акула, глядите, акула!

Мы с Игнатьевым бросились к иллюминаторам. Немцев возбужденно тыкал пальцем в стекло. Там, у вольера, стояла остроносая полутораметровая рыба. Я сразу узнал ее: маленькая акула-катран.

За прозрачной сетью беспокойно метались рыбы-ласточки.

— Могли бы и не бояться,— сказал Немцев.— Катран предпочитает крабов.

— Это уж позволь ему лучше знать...

Игнатьев ушел возиться со своими магнитофонами.

Вдруг акула насторожилась, медленно повернулась и поплыла к нам. Не доплыв до «Садко», она опустила нос и быстро пошла под дом.

— Смотри, увидела кого-то! — сказал Немцев. — Нет, плывет назад!

Катран вел себя непонятно. Он несколько раз возвращался к вольтеру, останавливался, смотрел на рыб и вдруг срывался с места и стремительно бросался под дом.

— Что он там нашел? — удивлялся Немцев.

Он поднялся наверх к Игнатьеву.

— Идите скорей сюда!

Я полез в люк.

Игнатьев сидел на корточках и копался в ящике с инструментами. Оба магнитофона работали. Коричневые ленты змейками перебегали с одной катушки на другую.

— Повтори, что у тебя тут записано, — сказал Немцев.

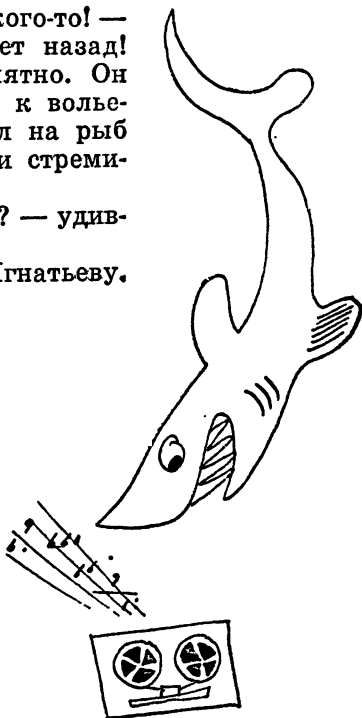
Игнатьев недовольно поднялся и посмотрел на ленты.

— Ты записан, — сказал он. — Пугаешь рыб и занимаешься прочей ерундой.

И тут меня осенило: катран подходит к дому, потому что слышит испуганные крики рыб! Наверно, звук передается через стальные стенки в воду, катран думает, что там кто-то охотится, и спешит, торопится к чужому столу.

Но скоро катран понял, что его дурачат.

Когда мы с Немцевым вернулись к иллюминатору, акулы не было. Она ушла.

СУМЕРКИ ДНЕМ

Позвонил Павлов и сказал:

— Опускаем буровую!

Шел уже девятый день моего подводного сидения. Я стоял у иллюминатора и смотрел, как опускаются одна за другой части буровой вышки. Мимо про-

плыли суставчатые ноги, пузатый, похожий на бочонок мотор, разделенный на части вал, лебедка с тросом.

Со дна навстречу им поднялось зеленое облако. Потрявоженный ил клубился. Облако росло, как перед грозой. Я посмотрел на часы — три часа дня.

Это там, наверху. А у нас все те же сумерки.

КЕССОН И ОБЛАКА

Кессон не любил ходить по железу.

— Он же босиком! — объяснял Немцев.

Ел котенок на столе, спал в коробке из-под печенья.

Больше всего его интересовала в доме прозрачная дверь. Когда ему удавалось пробраться в нижний отсек, он садился около люка, вытягивал шею и смотрел вниз.

Внизу тускло и таинственно светилась вода. Поверхность ее была совершенно неподвижна, где-то у самого дна бродили тени. Я сначала думал, что это рыбы, но потом сообразил, что таких огромных рыб в Черном море нет.

И тогда я понял — это облака. Тени облаков, плывущих над морем.

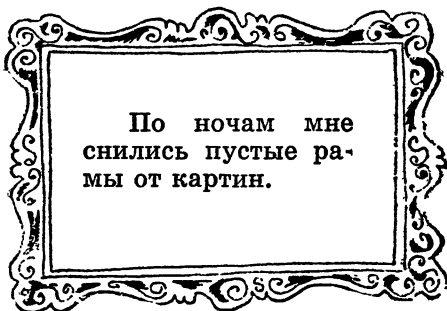
Кессона они очень занимали. Несколько раз он пытался, опуская лапу, достать эти тени.

Неподвижность воды его пугала.

Приходил Немцев, говорил:

— Свалишься, дурак! — и уносил котенка наверх.

НЕНАПИСАННЫЕ КАРТИНЫ

БОЛЬШЕ ЗВЕРЕЙ НЕТ!

Наконец настал десятый день. Последний день нашего пребывания в доме.

С утра началась суматоха. Звонил телефон. Несколько раз приплывали аквалангисты — они проверяли лифт.

Пришел доктор и внимательно осмотрел нас. Он выслушивал Игнатьева, когда с пола на стол прыгнул Кессон.

— И тебя послушаем, — сказал доктор и стал слушать, как бьется у кота сердце.

— Значит, так: в декомпрессионной камере будете трое суток, — сказал он. — И этот зверь с вами. Насколько я помню, случаев декомпрессии кошек мировая наука не знает. Так что ты — первооткрыватель!

Он щелкнул Кессона по лбу.

Котенок пищал и вырывался. Доктор посчитал у него пульс и что-то записал в блокнот.

— Здоровый организм! — сказал доктор. — Больше зверей у вас нет?

Мы пошли провожать доктора.

Вместе с ним должен выйти Немцев. Он будет снимать в вольере гидрофоны.

Вольер тоже опустят на 25 метров.

И еще в нем заменят всех рыб.

НОСОК

Мы стояли в нижней кабине и смотрели, как одеваются Немцев и доктор.

Кессону не приходилось еще видеть, как одевается водолаз.

Ему не понравилось, что его друг неожиданно стал весь резиновый и блестящий. Котенок мяукнул.

Доктор опустился по лестнке в люк, помахал нам рукой и скрылся.

За ним полез Немцев.

Кессон завертелся и потянулся за ним.

Стоя по пояс в воде, Немцев говорил с Игнатьевым.

Он просил осторожно тащить шнуры гидрофонов.

Котенок тревожно смотрел на него. Немцев отпустил руки и без всплеска ушел под воду. Его силуэт хорошо был виден на фоне светлого дна.

И тогда произошло неожиданное. Кессон пискнул, перелетел через кольцевой порог-комингс и шлепнулся в воду.

Мы с Игнатьевым бухнулись на колени и вытащили котенка.

Кессон шипел, дрожал всем телом и озирался.

— Вот видите,— сказал я,— а еще говорят — кошки боятся воды.

— Так то нормальные кошки, а это — подводная.

Игнатьев завернул Кессона в полотенце и положил на стол. Котенок распутался, сел на лабораторный журнал и оставил на нем мокрое пятно.

— Так он весь перемажется! — сказал я. — И все испачкает!

Тогда Игнатьев полез в ящик с водолазной одеждой, достал шерстяной носок, засунул в него Кессона и повесил носок на лампу.

Носок был толстый, плотный, котенок не мог вытащить лапы. Из носка торчала одна его голова.

От лампы струилось тепло. Кессон сначала ворочался в носке, потом согрелся и уснул.

КИНОШНИК

Когда до нашего выхода оставалось совсем немного, позвонил Павлов.

— Направляю к вам кинооператора,— сказал он.— Будет снимать эвакуацию дома. Если надо, задержитесь на часок.

Мы с Немцевым тут же поспорили: сам приплывет Киношник или его опустят в лифте?

— Конечно, в лифте,— говорил Немцев.— Все-таки известный человек. Снял несколько картин.

Я покачал головой.

— Киношники — отчаянный народ. Они для искусства идут на все. Помню, этому режиссеру надо было на Дальнем Востоке снять битву водолаза с осьминогом, так что вы думаете — построили аквариум кубов на тридцать...

— И хорошо получилась?

— Битва? Не очень,— уклончиво ответил я.— Но грандиозное было дело! А еще он корову с парашютом однажды сбросил. Тоже надо было. Для искусства.

Услыхав про корову, Немцев и Игнатьев сказали:

— Ну орел!

Опять позвонили с берега и приказали: «Встречать!»

Приплыли трое. Из люка появились один за другим Павлов, Марлен и Киношник. Павлов и Марлен поддерживали его под мышки.

— Быстро мы вас? — сказал, отдуваясь, Марлен.

Киношник снял маску, потряс головой и показал на уши: «Не слышу!»

Все трое разделись и поднялись в лабораторию.

Киношник сел на стул и поморщился. Видно, ему здорово давило на уши. Потом он потрогал сердце.

— У нас всего пятнадцать минут,— сказал тусклым голосом Павлов.

Киношник кивнул.

— Я предлагаю снимать так,— сказал Марлен.— Люди складывают постели, вынимают ленты из приборов, просматривают вахтенный и приборные журналы. Затем выход через люк, мы закрываем лифт, лифт уходит наверх. А?

— Что? — спросил Киношник. Он вдруг позеленел и икнул.

— Начинайте снимать.

— Дайте мне пить.

Ему дали стакан воды.

— Где-то должен быть экспонометр,— сказал Киношник. Он вяло похлопал себя по карманам.— Где мой экспонометр?

— Мы не брали его.

— Осталось десять минут,— сказал Павлов.— Вам помочь?

— Понимаете, положил в палатке на стол экспонометр. Японский экспонометр. Я купил его в Токио на фестивале...

— Время уходит! — чуть не плача сказал Марлен.

— Семь минут.— Павлов нервничал.— Если быстро снимать...

— Как же я буду снимать без экспонометра?

Тут наш гость совсем оглох. Минут пять он просидел, хватая воздух ртом.

— Четыре минуты,— сердито сказал Павлов.— Три... Две. Времени осталось, только чтобы надеть ак-валанги.

Мы проводили их. Павлов и Марлен шли злые и молчали.

— А вы знаете, мне лучше! — сказал Киношник, когда на него надели баллоны.— Может быть, попытаться снять на глазок, без экспонетра?

— Осторожно, не упадите в люк! — мрачно сказал Павлов.— Разрешите, я вас поддержу...

Они скрылись под водой.

С берега позвонили, что лифт у дома.

Мы стали укладывать вещи в контейнер. Поверх вещей посадили Кессона.

— Стойте! — сказал Немцев.— Звонил Джус, просил захватить портфель.

— Ну куда же его? — сказал Игнатьев.— Задавим kota.

Мы оставили портфель и стали по одному выходить. Рядом с «Садко» неподвижно висел в воде белый цилиндр. В нем снизу был открыт люк. Мы забрались внутрь лифта и уселись на кольцевой скамеечке, тесно прижавшись друг к другу. Контейнер мы держали на руках.

Игнатьев прикрыл люк. Цилиндр качнулся. За выпуклым стеклом маленького иллюминатора побежали пузырьки, начался подъем. Потом цилиндр лег набок, и за стеклом вспыхнул дневной свет.

В стекло струями била вода. Нас буксировали к берегу. Наконец тряска прекратилась, и раздался скрип. Цилиндр везли на тележке по рельсам. Удар!.. Металлический лязг. Что-то скрипело и позвякивало. Лифт состыковали с камерой.

— Можно открывать люк? — спросил Игнатьев. Он так и не снимал наушников.— Есть открывать!

Мы осторожно отодвинули крышку. Раздалось легкое: пши-пши! Это уравнилось давление.

Через люк по одному мы вышли в камеру.

— Вот тут другое дело! — сказал я.— Какой простор! Ноги вытянуть можно.

— Трое суток в такой душегубке! — сказал Немцев.

Игнатьев уже завинчивал крышку камеры. Сейчас отсоединят лифт, и мы начнем отсчитывать долгие три дня.

КАКОЕ ЯРКОЕ, ВЕСЕЛОЕ НЕБО ВИДНО В ИЛЛЮМИНАТОР!

Небо было затянуто облаками.

КУСОК КОРАБЛЯ

Первым делом открыли контейнер и вытащили Кессона. Кот потянулся.

— С этим все в порядке!

Немцев доставал свертки.

— Чье белье?.. Мыло и полотенце... Краски, кисти... Журналы с записями...

Он положил на стол длинную щепку, черную и влажную.

— Это еще что такое? — удивился Игнатьев.

— Кусок палубы английского корабля. Понимаете, я подумал: дерево в воде пролежало сто лет, по нему пробегали матросы, топали солдаты. Все-таки кусок исторического корабля! Решил взять. Дома положу на стол. Буду работать и смотреть.

В плоском стекле иллюминатора показалось озабоченное лицо Джуса.

Немцев развел руками и показал на котенка:

— Оставили! Или его, или портфель.

Джус ничего не услышал.

— Скажи ему по телефону.

Немцев взял трубку:

— Не беспокойтесь, пожалуйста, портфель на месте. Он в доме.

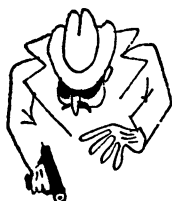
Джус покачал головой.

Начались первые сутки нашего заключения.

ТРИ ДНЯ СО ШПИОНАМИ

Я читал. Я лежал на узенькой жесткой койке и читал. Когда мне надоедало читать, я думал.

Я думал, как можно использовать записи — звуки голосов рыб? Можно отпугивать рыб от плотин электростанций, от работающих земснарядов... Можно привлекать их к сетям и местам лова...

Время от времени я поглядывал на манометр. Большой черный манометр висел на торцевой стене камеры.

Мы все смотрели на него. Тонкая стрелка изнурительно мед-

ленно ползла влево. Давление падало. Оно снижалось так неторопливо, что казалось, стрелка никогда не дойдет до нуля.

КОГДА ОНА ДОСТИГНЕТ НУЛЯ, ОТКРОЮТ ЛЮК.

Я потянулся и швырнул книжку на пол. Все книжки, которые мы взяли с собой, оказались про

шпионов. Немцев взял

про шпионов, Игнатъев — про шпионов. И я.

Из-за этих книжек у меня пропал аппетит. Стоило закрыть глаза, как из всех углов начинали вылезать шпионы. Они были с черными накладными бородами, под-

ходили ко мне и шепотом называли пароль. Однажды, когда я задремал, шпион на-

клонился надо мной, вытащил из кармана

пистолет и выстрелил мне в живот. С диким криком я вскочил и ударился лбом о потолок.

С живота на ноги ко мне скатился Кессон.

— Ты что? — спросил Немцев.

С перепугу он сказал мне «ты».

Я тяжело дышал и мотал головой.

— Вам на живот прыгнул котенок — только и всего!

Я перевел дыхание.

— Давайте поговорим о литературе, — сказал Игнатъев. — Все-таки просидеть три дня в камере с худож-

ником и ничего не услышать от него о книгах — обидно. Какие книги вы любите?

— Без шпионов! — ответил я.

МНОГО ЗВУКОВ И ВЕТРА

Серебряная стрелка уперлась в нуль и остановилась.

Сейчас нас выпустят.

— У нас все в порядке! — сказал в телефон Игнатьев. — Ждем.

Снаружи послышался скрип винтов. Мы сели каждый на свою койку и приготовились. Только Кессон, услышав скрип, побежал к двери. Он, наверное, думал, что это скребется мышь.

Наконец скрип кончился. Что-то звякнуло, и круглая крышка люка шевельнулась. Она медленно приоткрылась. Желтый изогнутый луч солнца упал нам под ноги.

Люк был открыт.

Мы по одному выбрались из камеры.

СКОЛЬКО ЗВУКОВ И КАКОЙ ВЕТЕР!

Звучало все: море, толпа, которая собралась вокруг камеры, воздух, который струился над бухтой, корабли, даже горы. Легкий звенящий звук слетал с их вершин и, долетев до нас, повисал в воздухе.

А какой был в этот день ветер! Воздух так и ходил. Он был и жгуч, и прохладен, то и дело менял направление и обдавал нас то запахом морской воды и соли, то густым ароматом трав.

Я посмотрел на мачту. Флаг на ее верхушке бессильно жался к шесту.

НАВЕРНО, ЧЕРЕЗ ЧАС И МЫ НЕ БУДЕМ НИЧЕГО ЗАМЕЧАТЬ.

Я осмотрелся.

В первом ряду стояли корреспонденты. Киношник стоял позади всех.

— Товарищи! — сказал Павлов. На этот раз он решил все-таки сказать речь. — Разрешите от вашего имени поздравить экипаж подводного дома...

За моей спиной раздалось мяуканье.

Павлов замолчал.

Мяуканье доносилось из камеры.

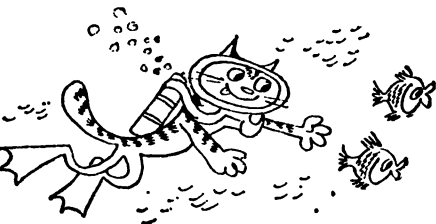
— Это Кессон! — сказал Игнатьев,

— Какой Кессон? — удивился Павлов.

Немцев забрался в камеру и появился с котенком.

Кессон щурил глаза, шипел и вырывался. Он не хотел выходить из камеры. Все засмеялись.

— Это кошка, — сказал доктор, — первая подводная кошка в мире. Она прожила под водой неделю. Как видите, она хорошо перенесла декомпрессию и теперь не рвется на воздух.

Павлов махнул рукой. Как видно, он решил не говорить речь.

— Можно расходиться, — сказал он.

— Ура! — сказал толстый корреспондент. — Ура и еще раз ура! Я знаю, с чего начать корреспонденцию. Я начну ее с этой удивительной кошки. Кошка-акванавт!

И он побежал писать статью.

Ко мне подошел Марлен.

Мы отправились побродить. Я рассказал, что сделал за десять дней пребывания под водой. Мы дошли до загородки с дельфином и остановились. Я замолчал. Я смотрел на пустую загородку и вспоминал Сашу.

Вода в загородке шевельнулась.

Она раздалась, и из нее на секунду показалась блестящая черная спина.

ЧУДЕСА

Я ахнул.

— Это что — новый дельфин? — спросил я.

Марлен засмеялся:

— Угадай.

— Новый. Вместо Саши.

— Нет.

— Тогда не знаю.

— Посмотри лучше.

Мы подошли ближе.

В загородке по пояс в воде стояла женщина. Она была в черном купальном костюме. На воде дрожало

и изгибалось ее отражение: черно-розовое пятно. В руке у женщины была щетка.

Женщина похлопала ладонью по воде, и около ее ног вынырнула узкая дельфинья морда. Поперек лба у дельфина тянулся белый шрам.

САША!

Дельфин повернулся на бок, и женщина начала тереть его щеткой.

— Саша... Саш...— приговаривала она.— Ну повернись еще, повернись...

Почесав дельфина, женщина вышла на берег, взяла с коврика гаечный ключ и, размахнувшись, бросила его в воду.

Саша перевернулся и без всплеска скрылся. Прошло не больше минуты, он вынырнул и стал медленно приближаться к берегу. Он плыл к тому месту, где стояла женщина. В зубах он держал что-то черное. Я удивился: это был гаечный ключ.

Женщина взяла ключ, потрепала Сашу по голубой птичьей челюсти и повернулась к нам. У нее было усталое лицо, редкие волосы стянуты сзади узлом.

— Видите, сейчас принес,— сказала она.— Еще неделя, и, думаю, этот номер мы закрепим.

Я подошел и стал рядом с ней.

— Что же ты, Саша? — сказал я.— Сколько времени дурачил нас.

Дельфин пытливо смотрел на меня удлинненным глазом. Он медленно тонул, погружался. Зеленая вода скрыла его рот, лоб с характерным уступом, макушку с дышалом.

Когда мы отошли от загородки, я сказал:

— Чудеса! Откуда он взялся?

И тогда Марлен рассказал удивительную историю возвращения дельфина.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕЛЬФИНА

...На второй или на третий день моего сидения под водой в лагерь привезли газету. На последней полосе была напечатана заметка.

Ручной дельфин в Евпатории

Вот уже несколько дней, как около евпаторийского пляжа каждое утро появляется дельфин-афалина. Животное позволяет подплывать к себе, трогать руками, охотно берет из рук рыбу.

Работникам спасательной станции дано указание оберегать доверчивое животное.

Сперва заметке удивились, потом у Джуса мелькнула мысль.

— Стойте! — сказал он. — Подозрительный дельфин. Уж не Саша ли это?

Решили отправить в Евпаторию человека.

Поехал на мотоцикле Лёсик.

В Евпаторию он примчался в полдень. Поставив мотоцикл около спасательной станции, разделся и в трусах — они у него были ярко-желтые — пошел по берегу.

На пляже люди лежали, как шпроты в банке: они все были коричневые и лежали бок о бок. Потом Лёсик увидел толпу. Купальщики стояли кто на берегу, кто по колено в воде и смотрели на море.

В море дрейфовала лодка. Люди в ней свесились за борт. Один, опустив руки, трогал что-то черное и блестящее.

Лёсик прыгнул в воду и поплыл. Он доплыл до лодки и увидел дельфина. Это был Саша. Он описывал вокруг лодки круги, подплывал и терся спиной о борт.

В лодке стоял ящик с рыбой.

Время от времени люди бросали в воду рыбешку. Дельфин коротким броском настигал ее — ап! — и рыба исчезала в его пасти.

— Саша! — позвал Лёсик. — Саша!

— Зачем вы называете его Сашей? — сказали из лодки. — Это Разбойник. Наш пляжный дельфин Разбойник.

И тут Лёсик совершил ошибку.

— Это наш дельфин! — сказал он.

— Смотрите,— возмутились в лодке,— стоило нам завести дельфина, как появляются нахалы и предъявляют на него права! Плывите назад и помните, что среди нас есть боксер — чемпион области.

Лёсик выбрался из воды и помчался в Голубую бухту.

Он неся так быстро, что на одной горной тропе перепрыгнул на мотоцикле через маленькое ущелье.

— Плохо дело! — сказал Павлов, когда Лёсик рассказал о результатах поездки. — Теперь пляжники настороже, будет трудно...

Стали думать, что дальше делать.

— Надо обратиться в исполком и потребовать дельфина обратно.

— Дельфины не относятся к исполкому. Исполком — это то, что на берегу, а тут море.

— Надо попросить рыбаков, чтобы они поймали дельфина сетью.

— Около пляжа лов сетями запрещен.

— А что, если просто приехать на машине? Одна группа будет сдерживать толпу, а вторая поимает Сашу.

— Среди них боксер. Его сдержишь!

— Пойдем катером и посмотрим,— сказал Павлов. — Я возьму документ с печатью.

Катер пришел в Евпаторию под вечер. Народу на пляже было тьма.

Сашу заметили сразу. Он плавал взад и вперед у буйков. На буйках гроздьями висели люди. Они смотрели, как резвится дельфин.

Катер подошел к буйку. Заглушили мотор. Катер сейчас же окружили человеческие головы. Они торчали из воды и отдувались.

— Зачем пришли? — спросила одна голова.

— Это они. Вон тот приезжал! В желтых трусах! — закричала вторая. — Не давайте им дельфина!

— Боксера надо позвать, боксера... Петя! Петя-а-а!..

С берега приплыл Петя. Он был большой и гладкий.

— Кто тут хочет дельфина? — спросил Петя. На спине у него играли мускулы.

— Да, добром тут не выйдет! — сказал Павлов. — Пошли на станцию.

Катер завел мотор и ушел к спасательной станции. Там Павлов показал бумагу с печатью. В бумаге говорилось, что дельфин Саша является государственным имуществом и входит в состав экспедиции «Садко».

— Против бумаги не попрешь! — вздохнув, сказал начальник станции. — Жаль: мы сами привыкли к дельфину. Очень ласковое животное. Любит, когда его гладят. Ну ладно, делать нечего. Как будете забирать?

Разработали план. Несколько спасательных лодок стали у буйков и отеснили купальщиков. Потом подошел катер, и Павлов стал бросать в воду рыбу.

Саша тотчас же подплыл. Катер дал малый ход и стал удаляться от берега. В воду с него то и дело летели серебристые рыбешки.

— Караул! — закричали купальщики. — Дельфина уведят!

Они попытались заплывать за буйки, но работники станции были неумолимы.

— Назад, назад!.. — кричали они.

Двух самых нахальных пляжников, которые заплыли за буйки, втащили в лодки и стали им выписывать квитанции — штраф.

— Дельфина уведят!.. Петя!..

Петя плавал около последнего буйка и, высунув из воды большой, как арбуз, кулак, грозил катеру.

Джус и доктор слезли с катера в воду, погладили Сашу, а потом, схватив его крепко за плавники, стали держать. Он не вырывался.

Под них подвели сеть и всех троих подтащили к борту.

— Осторожнее, черти! — просил Джус. — Кости сломаете.

Они с доктором выбрались из сети. Сашу перевалили через борт, положили в длинный узкий ящик. В ящик налили воды. Саша сразу запыхтел: пых! пых!..

— Вот как было дело! — закончил Марлен.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Дом переставили на новую глубину. На двадцать пять метров. Его притопили, как притапливают непокорные, набитые воздухом понтоны, подтащили ко дну, как подтаскивают к земле слишком высоко поставленные аэростаты.

Скрипела лебедка. Толстый маслянистый трос, дрожа и звеня, медленно выползал на берег и наворачивался на барабан. Натужно выли моторы.

— Есть двадцать пять! — сказал Павлов.

Он стоял около лебедки и смотрел, как движется новый красный лоскут.

С катера, стоявшего посреди бухты, бросили лот и сообщили флажками:

— Двадцать пять!

Новый экипаж — три водолаза ушли в палатку врача. Сегодня они будут спать отдельно. За ними будет все время следить доктор. Все будет строже. Их дублеры тоже ушли готовиться.

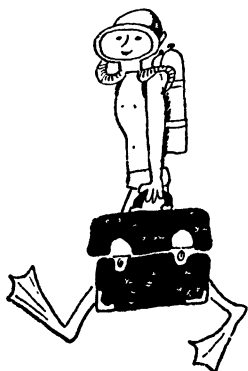
Это как полет в космос.

Новый экипаж будет жить в доме месяц. Когда до конца срока останется пять дней, одного водолаза сменил Марлен.

ОПЯТЬ ПОРТФЕЛЬ

Я сидел на берегу и писал письмо. Я писал, что вот-вот буду дома.

В бухте всплывали пузыри. Они всплывали все ближе и ближе. Вода шевельнулась, и показался человек. Заблестели баллоны. Шлепая ластами по воде, к берегу шел водолаз. В руке у него был портфель.

Я даже вздрогнул.

Водолаз вытащил изо рта загубник, поднял маску и сказал:

— Здравствуйте!

Мне стало так весело, что я смог сказать только:

— Здра...

Джус перевернул портфель, из него полилась вода.

— Так вы все-таки сплавали за ним? — сказал я. — Вы герой.

— Понимаете, привык. Трудно без него. Как без рук.

Я лег на песок и стал хохотать. Я единственный в мире, кто видел, как из моря выходит человек с портфелем.

Джус не понял, отчего я смеюсь. Он потряс еще раз портфель. Черные капли упали на песок.

— Я думаю, он быстро высохнет,— задумчиво сказал Джус.— Привычка большое дело. Вчера мне пришла в голову мысль, как сделать в следующем доме воздух более сухим. Надо использовать плиту, а трубы от нее провести во все отсеки.

«ФИТИЛЬ»

Корреспонденты ходили по лагерю веселые — их сообщения о ходе экспедиции брали нарасхват.

— Ну как, теперь ясно, с чего начинать? — спрашивал Марлен толстого газетчика.

Тот хохотал и похлопывал Марлена по плечу.

— Молодой человек! — говорил он.

МАРЛЕНУ ДАВНО ЗА СОРОК.

Однажды его отвел в сторону Киношник.

— Понимаете...— сказал он и начал крутить у Марлена на куртке пуговицу.

— Я слушаю вас.

— Понимаете, неуспех моей миссии под водой ставит меня в неловкое положение,— сказал Киношник.

— Осторожнее, оборвете.

— Нет, я аккуратно. Так вот, я говорю, мое пребывание здесь не может не иметь какого-то результата. Улавливаете?

— Смутно.

— Сейчас объясню. За эту поездку я должен отчитаться пленкой. Снятыми метрами. Сюжетом.

— Что вы хотите от меня?

— Я предлагаю: давайте придумаем. «Фитиль» имеет специфику. Разыграем сюжет.

— Я должен надеть акваланг, и вы снимете меня под водой? Или выходящим из воды?

— Нет, нет, сделаем проще. Вы бросите окуроч в траву. Она загорится. Я сниму. Это будет: «Берегите крымский лес от пожара».

— Я не курю.

— Тогда сядьте. Ешьте рыбу, а кости бросайте на пляж. «Природу надо беречь».

Марлен посмотрел на него зелеными глазами.

— Я занят,— сказал он.— У меня много работы. Возьмите другого. Вон двое отдыхают.

Киношник вздохнул и побрел прочь.

— Черт его знает что! — сказал Марлен. — Ты слышал?

Я кивнул.

Он спохватился:

— Где моя пуговица?

Вместо пуговицы висела одна нитка.

ТРЕТИЙ ЭКИПАЖ

Водолазы ушли под воду. Мы провожали их, стоя на палубах катеров.

Потом мы сошли на берег и из командного пункта снова увидели их. Техники наладили телевизор. На голубом экране были видны спины ребят. Они возились с магнитофоном. Потом один повернулся. Он не знал, что мы видим его. Он смотрел на нас серьезно и не улыбался. Даже морщился. На лбу у него были капли.

— Двадцать пять метров — это уже не шутки! — сказал Марлен.

Он догадался, о чем я думаю.

Через неделю придет из Азовского моря танкерок. В цистерне он привезет рыб: осетров, кефалей, камбал. Обещают достать и катранов. На дне смонтируют и пустят буровую вышку.

НАЧНЕТСЯ САМАЯ ГЛАВНАЯ РАБОТА.

А я уеду. О том, что пора уезжать, я думаю каждый день.

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Только я собрался ехать, как пришло штормовое предупреждение.

— В течение ближайших часов ожидается юго-западный ветер до десяти баллов. Дождь. Я не могу отпустить вас на мотоцикле. Вас смоем, — сказал Павлов.

— Ладно, — сказал я. — А как же ребята там, в доме? Конечно, я останусь — вдруг понадобится помощь. Все-таки лишняя пара рук. А не поднять ли дом?

— Поднимать опасно.

Павлов задумался. Потом он поскреб подбородок и сказал:

— Попробуем оставить... Все-таки двадцать пять метров.

На всякий случай он пригласил в палатку Марлена и еще несколько человек.

Все выслушали его и тоже сказали:

— Оставить!

Небо на юге начало темнеть. Над морем появились низкие, рваные облака. Они неслись над самой водой и светились розовым светом.

Горы притихли. Дышать стало трудно.

— Надо все закрепить по-штормовому, — сказал Павлов. — Лодки вытащить на берег. Передайте буксирам — перейти под защиту скал.

Вершины гор озарились первой вспышкой. Сухой треск прокатился над бухтой. Море почернело. Над палатками тонко запел ветер.

Около Сашиной загородки сустились водолазы. Ими командовала женщина. Сашу вытащили на берег, положили в ящик с водой. Шесть парней поволокли ящик в глубь берега.

— Осторожнее, осторожнее! — говорила женщина. Она шла следом. Саша послушно пыхтел.

БУДЕТ ШТОРМ!

ШТОРМ

Ветер усилился. Волны, до сих пор беспорядочно плясавшие у входа в бухту, выстроились рядами. Они шли теперь, как солдаты на приступ, вал за валом. Белые одиночные шапки пены слились в длинные гребни. Плеск воды превратился в угрожающий гул. По брезентовому пологу палатки застучали первые капли дождя.

Мы сидели на командном пункте и смотрели, как на экране телевизора неторопливо перемещаются силуэты наших товарищей.

— Надо им сказать, — пробормотал Павлов.

Он взял телефонную трубку, нажал кнопку вызова

и, когда человек на экране тоже поднес к уху трубку, сказал:

— У нас ветер южный, семь баллов. Ожидаем дальнейшего ухудшения погоды. Как себя чувствуете?

Силуэт на экране закивал головой и громко, через динамик, ответил:

— У нас все в порядке.

Павлов кивнул.

— Будьте внимательнее!

Палатку рвануло. Дождь зашумел ровно и сильно. Через минуту он хлестал, как из пожарного рукава.

Грохот волн на берегу превратился в сплошной рев. Стемнело.

— Надо пойти посмотреть, как лагерь,— сказал Павлов.

— Я с вами.

Мы закутались в плащи и вышли из палатки в темноту.

Ветер подхватил нас. Потоки воды били по лицу, мелкие холодные струи бежали за воротник.

Прикрывая глаза рукой, я посмотрел, где Павлов. Его черная фигура маячила впереди. Павлов размахивал руками и что-то кричал.

Увязая в песке, я направился к нему.

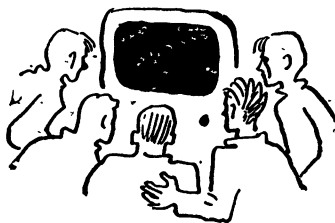
Впереди метались и шумели люди: опрокинуло палатку. Трое парней собирали и прятали под упавший брезент вещи, заново крепили углы. Веревки в их руках извивались, как черви.

Мы вышли на берег. Море слабо светилось. Было видно, как возникают в темноте волны. Они появлялись, росли и опрокидывались, заливая пляж сияющими потоками.

Под ногами шевелился песок, перемешанный с водой. Он двигался, тек.

В разрыве между тучами показалась луна. Призрачный зеленый свет упал на скалы. Позади нас гудели и надувались парусами палатки. Пробиваясь сквозь рев ветра, откуда-то из-за палаток доносился неясный шум.

— Бежим туда! — крикнул Павлов.

Спотыкаясь и увязая в мокром песке, мы выбежали из городка. Огибая наш лагерь, к морю стремился поток. Неизвестно откуда взявшаяся река рвалась к бухте. С водой мчались ветки, охапки травы, стволы деревьев.

Край берега, на котором я стоял, зашатался. Я отпрыгнул. Подмытый водой берег обрушился, распался на куски и исчез, унесенный течением.

— Надо поставить тут человека! — крикнул мне в ухо Павлов. — Может смыть лагерь!

Мы побрели назад.

Откинув полог, мы протиснулись внутрь первой палатки.

Голубой экран на пульте управления не горел.

Люди, тесным кружком стоявшие около него, молчали.

— Нет связи с домом, — сказал дежурный. — Оборвало все кабели!

ЧТО С ДОМОМ!

В эту ночь в лагере не спал никто. Мы сидели на командном пункте и ждали.

Ждали рассвета. Ждали, когда утихнет шторм.

В голову лезли нехорошие мысли. Дом может дернуть или наклонить. От этого выйдут из строя электрические батареи, и люди будут сидеть в крошечной тьме.

От удара может дать трещину корпус, часть воздуха выйдет, и люди окажутся в тесном воздушном пузыре, под самой крышей.

Если бы я не прожил в доме десять дней, я, быть может, не представлял себе это так ярко...

Павлов молчал.

К утру переменялся ветер. Он сбил волну. Ливень прекратился. В воздухе повисла мелкая капельная изморось.

Мы вышли из палатки. Поток, бушевавший за лагерем ночью, иссяк. Угасли белые гребни в бухте. Тяжелая, идущая против ветра зыбь лениво катила на берег ровные желтые валы. От глины и песка, принесенных с гор, вода в бухте стала непрозрачной.

Бук с флажком, который стоял над домом, исчез.

— Если бы их сорвало с якоря, дом был бы уже на берегу, — сказал Немцев.

— Не каркай!

Павлов сказал это и стал раздеваться. Он натянул на себя гидрокостюм и прицепил баллоны.

— Я тоже, — сказал Игнатьев.

Ступая пятками вперед, они вошли в воду. Первая же волна отбросила их назад.

Отдуваясь и отплевываясь, они встали, проверили автоматы дыхания — не попал ли песок? — и пошли снова. Их опять опрокинуло.

— Надо не так, — сказал Марлен. — Сейчас вдоль берега идет отбойное течение. Надо найти место, где оно поворачивает в море.

Он набрал кучу палок и стал бросать их в воду.

— Вроде бы тут! — сказал он наконец. Палки плыли от берега.

Павлов и Игнатьев пошли опять. Они не стали ждать прихода волны, а сразу повернулись и, работая изо всех сил ластами, ушли под воду.

Мы уселись на мокрый песок и стали ждать.

Наши плечи медленно, капля за каплей, покрывались пленкой воды. Дождь сеял, как из сита. Сквозь эту пелену казались призрачными громады входных мысов. Окружающие бухту горы исчезли в серой мгле.

Прошло полчаса.

— Вижу! — закричал Немцев.

Он вскочил и показал рукой на се-
редину бухты.

Там, то скрываясь, то выходя на
гребень волны, маячила черная точ-
ка. Рядом с ней появилась вторая.

— Плывут! Оба плывут!

Точки росли. Наконец среди жел-
тых гребней заблестели костюмы и
баллоны.

Люди, видно, выбились из сил и
не стали искать место, где им лучше
выходить. Они плыли прямо на нас.

Огромная волна выросла над их
головами, подняла, понесла их, опро-
кинула. Люди закружились на
месте, пена и песок покрыли их тела,
уходящая вода потащила обратно.

Несколько человек без команды
бросились в воду. До одного аква-
лангиста удалось добраться. Его
ухватили за руки. Следующая вол-
на поднесла второго.

Людей вытащили на берег. С них
сняли маски и баллоны.

Павлов и Игнатьев лежали на
песке, тяжело дыша. Потом нехотя
сели.

— Ну как там? Что в доме? —
спросил Марлен.

Мы настороженно ждали.

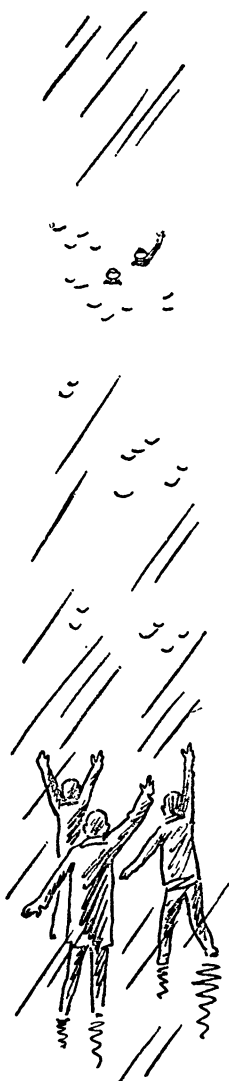
Павлов поскреб подбородок.

— Пьют растворимый кофе,
вот что.

Он выплюнул изо рта песок.

— Кейфуют они там. Даже не
качнуло. Все-таки двадцать пять
метров! А вот видимость под во-
дой — ноль. Где дом — получше, а
кругом облака. Муть с берега идет.

— Сейчас они выпустят аварий-
ный буюк с антенной, — сказал Иг-
натьев.

Он сказал это и замолчал. На желтой взгорбленной поверхности бухты уже плясал красный буюк. Он торчал из воды, как стручок перца, качался, скрываясь в ложбинах волн, и появлялся вновь.

— Быстро они!

Со стороны палаток что-то кричал дежурный. Он стоял около палатки № 1 и махал руками.

— Что там случилось? — спросил Павлов.

— Он кричит, что есть связь, — сказал Немцев.

Он показал рукой: «Поняли!» — и дежурный ушел.

ГОВОРЮ С КИНОШНИКОМ

На следующий день погода наладилась. Я ходил между палатками и прощался с водолазами.

Около первой палатки я встретил Киношника.

— До свидания! — сказал я. — Уезжаю.

Он мне очень обрадовался. Выглядел он неважно и был весь какой-то помятый.

— Очень жаль, — сказал он. — Все-таки еще один человек искусства. Мы так с вами и не поговорили. Как ваши дела?

— Так себе. Не рисовалось.

— И у меня хоть плачь. Я не могу уехать отсюда, не сняв какой-нибудь сюжет. Придется снять о недостатках. Должны тут быть какие-нибудь недостатки?

— Почему должны?

Я разозлился на него и ушел не попрощавшись.

ПРОЩАЮСЬ С МАРЛЕНОМ

С Марленом мы говорили долго.

— Понимаешь, — сказал он, — звуки животных под водой — это, очевидно, то, к чему я шел всю жизнь. Все остальное, оказывается, было только подготовкой. Разведкой. Ты в разведку ходил?

— Нет.

— Так вот, когда идешь в разведку, всегда знаешь, зачем идешь. Сказано — засечь огневые точки. За ними и охотишься. Или — взять «языка». Ловишь «языка». А в науке, чтобы найти дело, которому стоит

посвятить всю жизнь, нужно все время искать. Что я за эти годы не изучил! И стаями рыб занимался, и органами чувств... И вот оно: новое, интересное, настоящее мое дело!

— Счастливый ты!

Марлен промолчал.

— После обеда двину.

— Пешком через горы не хочешь?

— Поеду на мотоцикле до Симферополя, — сказал я. — Хотел было заехать в Севастополь — не получается. Нет времени.

— Знаешь, — сказал Марлен, — когда я был в Севастополе, я пошел на Биологическую станцию, гляжу, у причала шхуна... «Тригла»! Представляешь, она. Списывают. Новый получили катер: мотор двести лошадиных сил, пять кают. Даже радиолокатор есть. В тумане будет ходить, как днем. Кончился век нашей шхуны.

— Она не была шхуной, — сказал я. — Мне пришлось как-то посмотреть справочник. У шхуны должно быть не менее двух мачт. Это просто моторный бот.

— Какая разница... Это наша «Тригла».

Марлен помог мне собрать вещи.

После обеда около палатки затарахтел мотоцикл.

С заднего сиденья слез Павлов.

— Как вы на нем ездите? — сказал он. — Ногами за землю цепляешь. На грузовике надо ездить.

Я навьючил на себя рюкзак. Пачку листов с рисунками я положил под рубашку.

— Ну пока! — сказал я.

— Пока! — сказали Павлов и Марлен.

Мотоцикл выстрелил длинной синей струей и вынес нас с Лёсиком на тропу.

— С ветерком прокатить? — крикнул через плечо Лёсик.

— Дава-а-ай!..

Мы мчались по ухабистым крутым подъемам, ныряли в ущелья, неслись мимо выветренных, угрюмых скал.

Наконец прямо передо мной выросла серая громада Эски Кермена. Гора лежала, как броненосец, как погибший броненосец с плоской палубой. Жухлая зелень водой стекала с его бортов. Черные дыры пещер зияли, как разбитые иллюминаторы.

Не останавливаясь, мы пронеслись под отвесными скалами, обогнули северную, тупую, как корма, оконечность горы и помчались дальше, в глубь ущелья.

Я не утерпел и оглянулся.

Эски Кермен серым уступом высился позади. Он был все еще похож на корабль. Кроны одиноких деревьев на его вершине развевались, как флаги.

ЭТО ОЧЕНЬ ЗДОРОВО: ТАМ ПОД ВОДОЙ БЕЛЫЙ ДОМ, А ТУТ МЕРТВЫЙ ГОРОД НА СКАЛЕ.

Мы выехали на шоссе, и Симферополь стал приближаться к нам со скоростью 120 километров в час.

НЕ СКОРОСТЬ, А ПУСТЯКИ!

Я даже не держался за кольцо.

В СИМФЕРОПОЛЕ

В городе я распрощался с Лёсиком и пошел на вокзал покупать билет.

Около закрытой кассы стояли Рощин-второй и человек в зеленой кофте. Рядом с ними сидела на чемодане женщина в мужском пиджаке.

— А, художник! — сказал Рощин-второй. — Как ваши дела? Вы оттуда?

Я кивнул.

— Домой?

— Да.

— А мы в Батуми. Там, говорят, есть бассейн с морскими животными. Хочу устроиться. Этот товарищ со мной. Вы его помните?

Желто-зеленый человек с отвращением посмотрел на меня.

— Нет.

— Кассу скоро откроют?

— Билетов на сегодня не будет.

Я ушел с вокзала, снял комнату в гостинице, купил в магазине пачку картона и новую коробку красок.

Я заперся и стал писать.

На первом листе я написал густо-зеленую воду. Сквозь нее угадывалась скала. На скале сидели крабы. Красные, как кровь, глубоководные крабы, про которых рассказывал Павлов.

Из глубины спиной к нам всплывал водолаз.

Он засмотрелся на крабов и висел в воде, раскинув

руки. Ноги его касались скалы, потревоженные животные сплелись около ног в красный бесформенный клубок.

На картине был плохо виден водолаз, плохо скала, и только крабы выступали из черно-зеленой воды, как капли крови.

В этой картине было что-то интересное. Мне она сразу понравилась, хотя это был всего-навсего эскиз, жалкий кусок картона, с которого еще придется писать на холсте настоящую картину. Тут все было написано сумбурно. Я волновался. Я никогда так не волновался, рисуя картину.

Я разложил на полу картонки и стал набрасывать на них сюжеты будущих картин.

На одной я нарисовал тонущий мяч и креветок, нападающих на него. «Креветки, играющие в мяч» — так я решил назвать этот рисунок. Еще был дом. На нескольких картинах был дом. Серый, как облако, плохо различимый из-за мутной воды дом и парящие около него люди.

Я писал эти эскизы неделю. Только когда кончились листы и краски, я купил на последние деньги билет и в жестком, переполненном вагоне уехал на север.

Я лежал на верхней полке под тусклой лампочкой и, закрывая глаза, представлял себе будущие картины.

Поезд ревел и мчал душный вагон навстречу северной непогоде.

МАРЛЕН ОБЕЩАЛ МНЕ ПИСАТЬ.

ПИСЬМО

Письма от Марлена не было с месяца.
Наконец оно пришло.

Коля, привет!

Пишу тебе с опозданием, потому что работы было невпроворот и не то что сесть написать другу, ложку ко рту поднести бы.

ло некогда. Пять дней своих под водой я отбарабанил, записал кучу рыб. Теперь на всю зиму работы хватит — обрабатывать записи. Посмотрел площадку около корабля, что нашли вы с Немцевым. Площадка что надо. Гидрофоны я установлю перед кораблем, а телекамеру спрячу внутри. И еще там же устрою себе место, чтобы можно было забраться понаблюдать, пофотографировать. Помнишь иллюминатор? Вот там.

Считай, что полигон у меня есть. Правда, все это на будущий год.

Тут последние дни удивлял Саша. Прошел ускоренный курс наук. Если бы не позднее время, быть бы ему уже в этот раз в составе экипажа. Конечно, во всем виноват был Рошин.

У нас уже осень. «Садко» подняли и увели из Голубой бухты. Ребята уехали в Ленинград. Вот и все. Как твои рисунки? По-прежнему царапаешь ракообразных?

Марлен.

Я сложил письмо, спрятал его в конверт и тихонько васмехался.

На столе у меня лежала толстенная пачка летних эскизов. Теперь все пойдет по-другому. Что я делал до сих пор? Учился. Искал. Пробовал силы, разуверился было в себе. Теперь я начинаю работать по-настоящему. Буду писать картины.

Это будут картины о море. Только не о том, которое видят все, а о том, которое видят рыбы и люди, которые, как рыбы, живут под водой.

НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

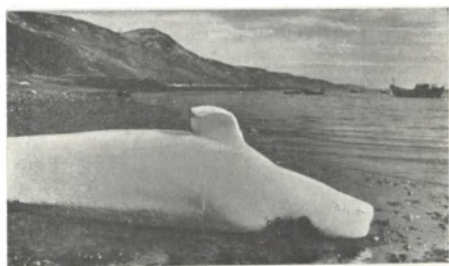
Маленький черный ящик с тонкими рычажками и блестящим внимательным глазом — мой фотоаппарат. Куда бы ни забрасывала меня судьба, он всюду со мной.

Раннее утро. Спят у причалов усталые сейнера — они только что вернулись с ночного лова. На берегу причудливый, обточенный водой и ветром обломок скалы. В воде, среди камней, колючие черные морские ежи, сине-красные, в пятнышках звезды. Ежей собирают на морском дне водолазы. На водолазе, когда он работает под водой, коричневый мягкий прорезиненный костюм, перчатки, в руках веревочный мешок — питомза.

Тихоокеанское побережье я прошел от берегов Кореи до Чукотки. Жил и у охотников за белыми китами—белухами, и у рыбаков, что ловят ночью на свет пучеглазых десятируких кальмаров.

Суров труд рыбака, тяжела работа подводного добытчика-водолаза. Немало разбитых, исковерканных штормом суденышек лежит на каменистых берегах Японского и Охотского морей. Фамилия этого водолаза — Шапулин. Около скал Три Брата он собирал на дне морских червей — трепангов. Только что отвинчен с трех болтов и снят тяжелый медный шлем, на ногах еще свинцовые пудовые галоши.

Почти у самого Полярного круга лежат в океане Командорские острова. Тысячные стада котиков собираются здесь летом на лежбищах. Басовито режут самцы — секачи, хрипло лают самочки, тонко, как ягнята, блеют малыши — черненькие.

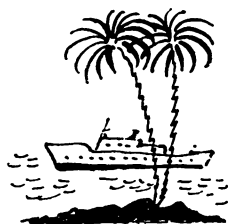

Выше лежища на скалах птичий базар. Здесь оглушительно кричат чайки, галдят кайры, тонко посвистывают красноносые топорики. Бурлит летом жизнь на холодных туманных островах.

НА ОСТРОВЕ КУБА

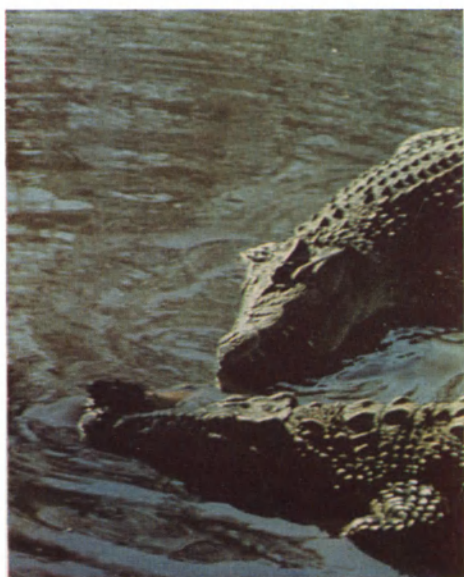
Серая лента асфальта бежит мимо пальм, мимо белых домов. Тропический остров в океане! Здесь все неожиданно, даже профессии людей.

— Охотник за крокодилами! — представили мне этого симпатичного паренька.

Близ бамбуковой, стоящей прямо на воде деревни Гуама — заповедник крокодилов.

Лежат на берегу зеленые, коричневые, серые бронированные туши. Я прожил тут шесть дней. Наши зоопарковые, окоченевшие от холода крокодилы не идут ни в какое сравнение со здешними. Эти подвижны, шумны, то и дело затевают драки, и, уж конечно, у каждого свой характер.

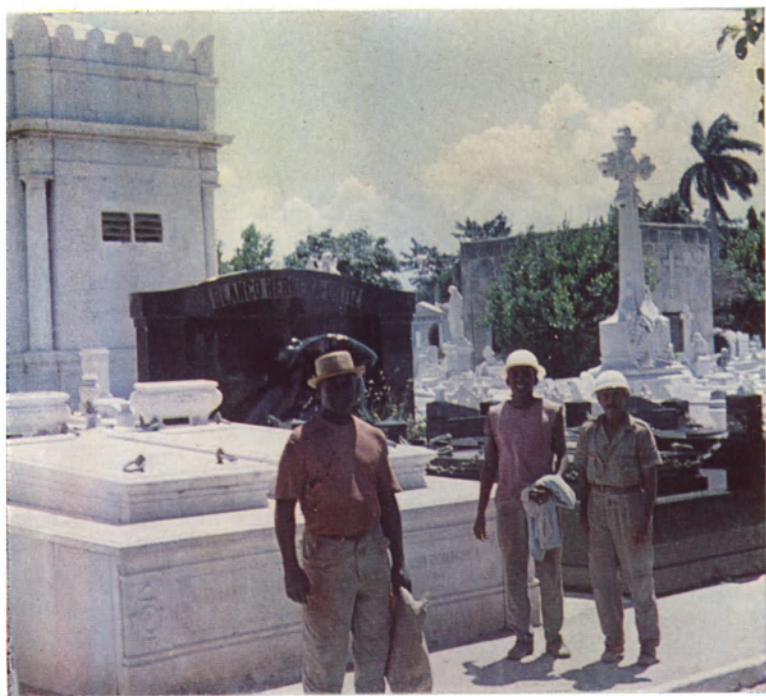

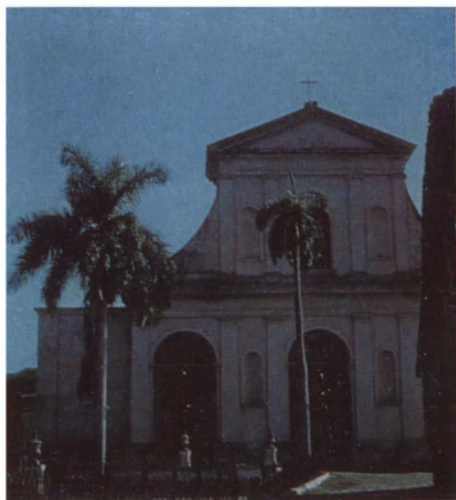
На берегах Карибского моря — старинные крепости.

В городке Тринидад на углах улиц пушки, врытые в землю дулами вниз. Это пушки с пиратских кораблей, а зарыты они были так в знак презрения к побежденным.

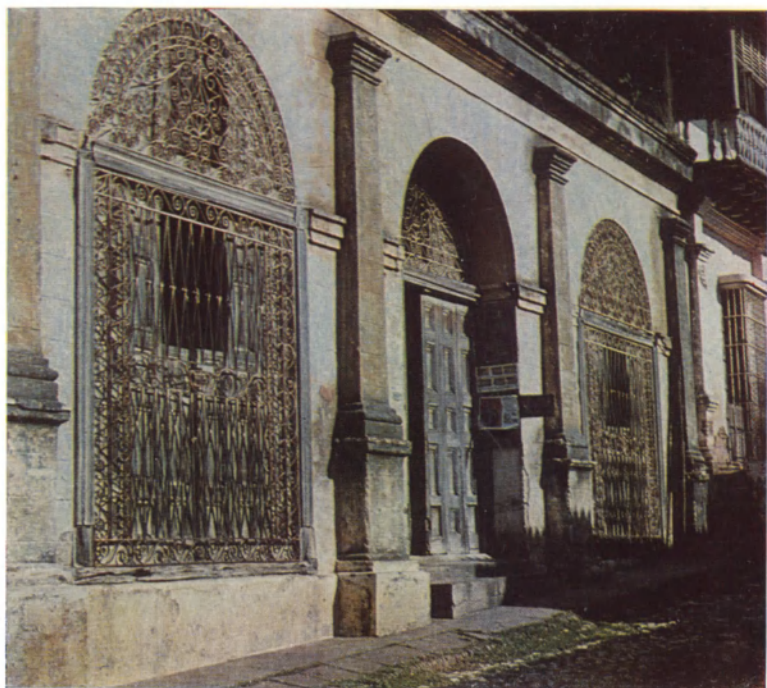
Эта старуха — последняя хозяйка древней церкви, мы столкнулись с ней в темноте, в самой глубине здания.

А эти веселые темнокожие гробовщики — последние хозяева великолепного заброшенного беломраморного кладбища.

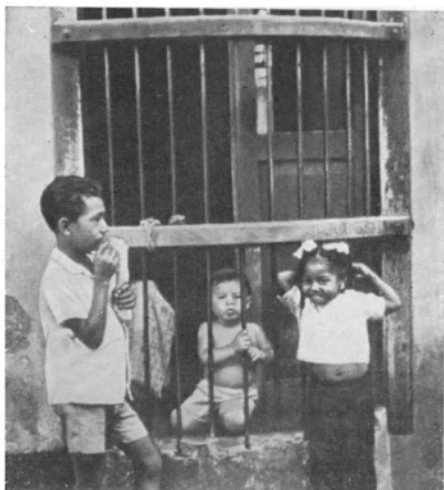

Патио — внутренний дворик в доме губернатора, неутомимого врага великого Колумба. В глубине патио — печь. В ней под охраной солдат переплавляли сокровища ацтеков в тяжелые золотые бруски. Этот храм был воздвигнут на площади, откуда Кортес во главе горстки безумцев отправился на завоевание Мексики.

И снова Тринидад, бесценная сокровищница старины (я даже видел альбом, изданный в Париже, — «Решетки Тринидада»).

Около одной решетки стояла парочка. Я спросил, можно ли сделать снимок.

— Нет!—ответил кавалер.

— Си, сеньор! (Да)—откликнулась она.

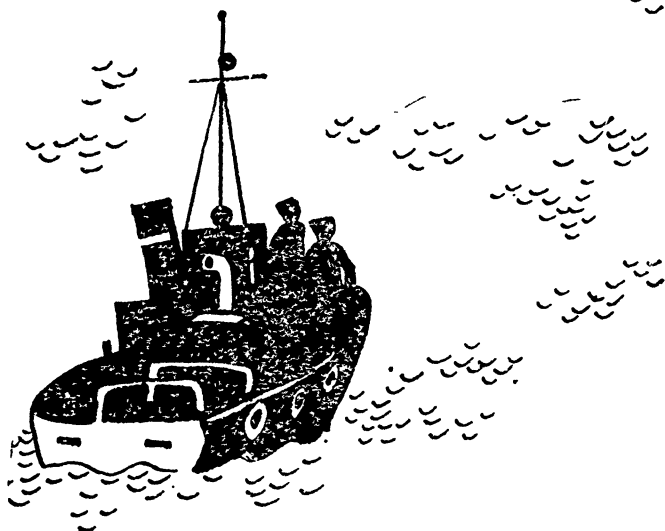
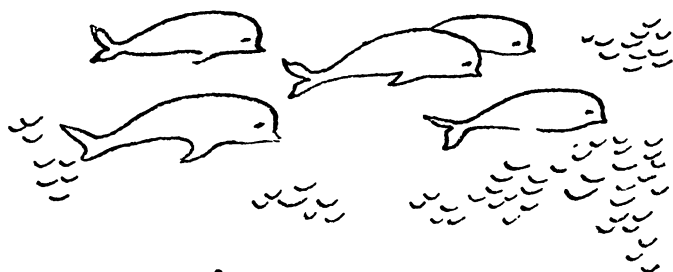
Сделав снимок, я пошел к морю. Я стоял на скале, а подо мной проплывала великолепная голубая акула.

ПОВЕСТИ О ПУТЕШЕСТВИЯХ

БЕЛЫЕ КИТЫ

Вы прочитали только что три повести, написанные от лица выдуманного героя — художника.

А теперь перед вами — еще три. Они тоже написаны от первого лица, и это может путать читателя. Но никакого художника теперь нет — повести я писал во время своих путешествий на север и в тропики.

И опять трудно сказать, о чем они.

Может быть, о нашей маленькой голубой планете, опутанной самолетными трассами, железными дорогами, нитями асфальта. О Земле, которая так удивительна и ранима, о последних заповедных местах, о редких животных.

Может быть, о людях, судьбы которых — удача и счастье жить в таких местах, видеть и знать этих животных.

А может быть, это повести о том, как сбываются мечты детства.

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

У каждого человека есть особое отношение к какой-то стране или к каким-то местам, потому что с этой страной или с этими местами связано для него что-то важное или однажды глубоко его пора-зившее.

Для меня такие места — это Север, приполярные леса, деревни по Двине и Пинеге, Беломорье.

Объяснение этому искать недолго: мой отец родом с Вологодчины, а предки его, выйдя когда-то из Новгорода, расселились по берегам Белого моря и род свой стали выводить уже оттуда.

А еще меня с детства поразили удивительные рассказы о плаваниях утлых корабликов — кочей и лодий — за Полярный круг в Студеное море; поразила история архангелогородского мужика, ставшего академиком, и трагическая повесть о четырех поморах, заброшенных злой бурей, без оружия и провианта, на берег Шпицбергена и проживших там в дымной холодной избе без малого шесть лет.

«...Ничто так не подавало сим бедным людям помощи, как доска, которую прибили к ним морские волны и в которую был вбит железный крюк. Из найденного крюка сковали они сначала молоток, а потом при помощи его рогатины и стрелы. С оными рогатинами приняли они намерение учинить нападение на белого медведя, которого и убили, и из жил его натянули тетиву на лук. В течение шести лет добывали они с помощью этих орудий оленей, черных лисиц и песцов».

Невыдуманная эта повесть кончается тем, что один из поморов, самый малоподвижный, умер от цинги, а оставшихся спас случайный корабль...

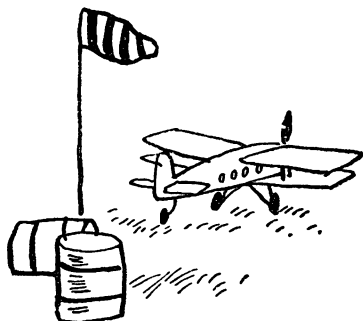
День, когда я смог побывать в Заполярье, наконец настал. После двухчасового перелета из Ленинграда в Архангельск мы пересели в другой самолет, двухмоторный и неустроенный, с жесткими металлическими скамейками, и тот, взлетев, лег курсом к Полярному кругу.

Я летел в город Мезень, а оттуда должен был добираться в горло Белого моря, на полуостров Канин.

СЕВЕРНАЯ ЗЕМЛЯ

Воздушный путь наш тянулся над двинскими лесами, над рыжими болотами, синей путаницей озер. Земля была бесконечно однообразна и безлика — она напоминала коричневые и зеленые лужи или неумело раскрашенный асфальт, на который смотришь из окна многоэтажного дома.

И вот наконец после часа полета трягнуло — самолет пошел вниз. Земля приблизилась, повернулась. Зеленными свечками побежали за окном елки. Завертелась река. Она заблестела, раздалась в ширину, берега поднялись. На воду упали спичечные плоты. Выскочила и задыхалась труба над крошечной лесопилкой.

Самолет, почти касаясь крылом песка, побежал по речному берегу, закришел, задержался, остановился.

Я вышел из кабины — над рубленой избой аэровокзала метался полосатый конус. Перешел поле, вскарабкался на бугор и замер... Сколько тут света и воздуха!

Мезень — синий разлив, уходящий в море. Далекий берег с пестрыми невесомыми домиками. А справа и слева — за горизонт — поля, местами вспаханные, местами поросшие дикой травой.

За ними, как паруса кораблей, серые, наполненные ветром крыши сараев. И вверх белое, едва тронутое голубой кистью небо. В нем — длинные растянутые ветром облака.

Земля, недавно безразличная и плоская, вдруг стала исполненной красоты и смысла, стала близкой и понятной. Я узнал ее — северную страну, в которой никогда не был, но память о которой бережно хранил.

Я вернулся на родину. Ветер, который протяжно дул с реки, подтвердил: это так!

МЕЗЕНЬ

Вскоре же оказалось, что выбраться из Мезени и лететь далее на север не так-то просто. Единственный самолет — одномоторная «аннушка» «АН-2» — застрял где-то из-за тумана, и когда он прилетит, никому не известно.

Я поселился в гостинице и стал бродить по городу.

Одна большая улица, непроходимая от грязи, с лежнями — бревнами, скрепленными металлическими скобами, по которым, как по рельсам, осторожно, чтобы не соскользнуть, брели грузовики. Улица тянулась вдоль речной долины. Самой Мезени не было видно — река терялась где-то на краю поросшей густой черной и зеленой травой поймы.

Натянув на ноги болотные сапоги, я спустился с угора — старого речного обрыва — в пойму и после получаса ходьбы достиг воды.

Шел отлив. Река отпрянула от берега, обнажив чистый мелкий желтый песок.

На песке лежала баржа. Она лежала, натянув канаты, которыми была причалена к деревянным вбитым в песок палам. Причальный помост остался наверху. Он словно вздыбился над упавшим судном. По вертикально задранной сходне, держа равновесие, карабкался матрос.

Снова на угор вышел я около городского кладбища. Покосившиеся, в трещинах деревянные кресты. В одну из могил было воткнуто древко, а на нем полоскался выцветший кумачовый флаг.

Около флага сидел на корточках бородатый человек в студенческой куртке и рисовал что-то в альбом.

Я присел рядом.

— Удивительное кладбище, — доброжелательно сказал человек. — Заметьте, какие кресты. На каждом даже крыша от дождя. Лежи себе как в избе...

Он вздохнул.

— Из центра? — спросил я.

— Из Москвы. Мне эскизы к кинокартине нужно сделать. Снимать здесь через год будем... Ах, какая она — Мезень!

Я не понял его, а он сказал это нараспев и улыбнулся.

Мы просидели на кладбище до сумерек. Художник собирался назавтра ехать автобусом в деревни Лампожню и Заакокурье, смотреть там, как он сказал, «натуру».

— Мне не такой крест нужен, — объяснил он. — Одинокий нужен, за околицей, вымоченный, выветренный, аж синий. Говорят, там такие остались. Обетные кресты. «Обетные» — ставленные по обету, в память о чем-нибудь. Ну, там суровая зима была, половодье...

Я пообещал, что если не улечу — поеду с ним. Но, прежде чем уйти с кладбища, спросил о древке.

— Этот-то флаг? — художник усмехнулся. — Ставили тут и флаги. Было время — кресты запретили, а до обелисков не додумались. Говорят, раньше тут флагов было много, целая демонстрация.

Ночью мне не спалось. Я лег было, поднялся и, натянув теплую куртку, вышел из гостиницы. Было совсем светло, как днем.

В двух шагах от главной улицы начиналось поле. Вернее, даже не поле, а поросшая травой полоса земли между крайними домами и тундрой.

По полю бродили кони.

Солнце по краю тундры катилось с севера на восток. Оно пряталось за тонкой прозрачной стеной перистых облаков и от этого казалось тусклым и дымным. Оно катилось, то выходя из-за крыш, то скрываясь за ними. От избы к избе, и каждый раз стены изб вспыхивали, как от пожара, желтым и красным.

Красные кони бродили по черной траве. Алые ленты дымов таяли над крышами. Мезень засыпала.

Я ходил по полю час, пока небо не залиловело и из белесого не стало снова синим.

Ночь кончилась.

...Я так и не уехал с художником. Утром в гостиницу позвонили: летел самолет. Спешно подхватив рюкзак и чемодан, отправился на аэродром.

И только потом, в какой-то из очередных приездов, удалось мне побывать в этих мезеньских деревнях с такими удивительными названиями.

ЗААКОКУРЬЕ

Названия северных деревень...

Лежат по берегам могучей реки, переглядываются с угора на угор, перемигиваются зимними вечерами россыпью огоньков. Встречают молчаливой приветливостью высоких, пятистенных, наглухо, без окон, запечатанных с трех сторон изб. Лампожни... Палощелье... Долгощелье... Чучепала... Заакокурье.

Как-то, идя по пустынной улице Лампожни, где около домов на суку лежат лодки, я встретил чистенького, аккуратного старичка. Тот, остановившись и вежливо поприветствовав, спросил меня, незнакомого, что возможно только на Севере:

— С какой целью, если можно узнать, прибыли к нам?

Я объяснил, а он, назвав свою деревню Лампочкой, сообщил, что река «ушла» из нее и возвращается теперь только в самые большие разливы. А что было время, в Лампожне играли самую северную в мире ярмарку и английские парусные корабли из Лондона становились на якоря против изб.

Узнал от него я еще, что соседка Лампожни Долгощелье так названа из-за высоких обрывистых берегов, между которыми, как «в щели», течет река. А тогда уже и сам сообразил, что Палощелье, деревня на много верст выше по течению, стоит там, где эти крутые возвышенные берега кончались, «щель пала», началось болото, низменность.

И еще я узнал от него, что на месте Чучепалы отряд новгородцев много лет тому назад разбил орду местной чуди и чудь тоже «пала», а пришедшим издаlekа новгородцам открылась дорога на север.

Заакокурье... Одно только название этой маленькой деревни не открылось мне. Поставлена за речкою Курьей? Нет такой. За кекурами? Так называют одинокие, стоящие в море камни. Какое тут море? И камней нет... Лежит у начала деревни старица. За светлой полоской воды разорванная старицей дорога убеждает полем к едва виднеющимся на горизонте крышам Лампожни.

Неяркое белесоватое солнце неторопливо катится над пойменным лугом, высвечивает крытые дранкой крыши, серые, омытые дождями стены. Пройдет, зата-

рахтит, волоча хвост пыли через деревню, автобус из Мезени на Лешуконье, и снова тишина.

Заакокурье... Нет, не далась мне разгадка этого имени.

ШОЙНА

Снова полет, на этот раз до Шойны — маленького селения за Полярным кругом, чтобы там еще ждать судно, которое доставит меня на полуостров Канин, в артель охотников за белухами. Что это за промысел, я не знал. Я знал только, что в нашей стране, а может быть даже на всем земном шаре, это единственные охотники и единственное место, где ловят белых китов*.

Самолет, в котором мы летели, гремящий, свистящий, больше всего напоминал летающую консервную банку. Он круто взмыл над рекой, сделал поворот и, оставляя за хвостом Мезень с ее плотами, синим устьевым разливом и россыпью деревянных домов по берегам, лег курсом на север.

Полярный круг, невидимая и необозначенная линия, прошел под крылом, и мы очутились в местах, где бывает незакатное солнце. Внизу снова двигались, уходя из-под крыла, зеленые и ржавые пятна.

Была посадка в тундре. Едва открыли дверь, как рой слепней, зеленоглазых, алчных, бросился в кабину.

Пилоты торопились, они не стали выходить из машины, несколько пассажиров покинули самолет, кто-то один сел, дверь снова захлопнули. Отбиваясь от слепней и хватаясь друг за друга, чтобы не упасть — самолет долго бежал по кочкам, — мы пережили взлет. В кабину со свистом ворвался ветер, слепней отнесло и прижало к задней стенке. Снова полет.

Рыжая тундра и коричневые торфяные речки справа, слева — блестящее на солнце море. Час полета, и мы у цели — самолет уже катится по гладкому песку. Над горбатой оранжевой дюной висит полосатый маяк, а от него бегут к нам навстречу почерневшие от осенних и зимних непогод бревенчатые дома. Узкие, высоко поднятые над песком тротуары. Шойна.

* События, описанные в повести, относятся к 1965 г. В 1966 г. Советским правительством введен запрет на промысел мелких китообразных.

ДЮНА

Я брел по поселку, с трудом вытаскивая из песка ноги.

Желтая дюна наступала на дома.

Там, около аэродрома, где приземлился самолет, песок лежал тонким слоем. Самолетные шины едва отпечатались на нем.

У первых домов песок закрывал нижние венцы.

Здесь, в середине поселка, он уже доходил до окон.

Я прошел улицей, вскарабкался на вершину песчаного холма и от удивления присвистнул. Из песка торчала верхушка телеграфного столба. Разбитые фарфоровые ролики висели ниже моих колен. Рядом торчала из песка печная труба. Дюна поглотила дом.

Перевалил холм, и все пошло в обратном порядке: верхушки телеграфных столбов, концы труб. Остатки крыш. Стены, занесенные до половины. До четверти. Обнаженные, стоящие на земле развалины домов. Отсюда дюна уже ушла.

Песок стал тверже, темнее. Близко — вода.

Я вышел на берег моря.

Ровное и холодное, оно расстиралось до горизонта.

Белое море. Его горло. Я прилетел на полуостров Канин.

Над рыбацким утонувшим в песке поселком Шойна тускло и малиново светило низкое солнце.

Был июль, второй час ночи.

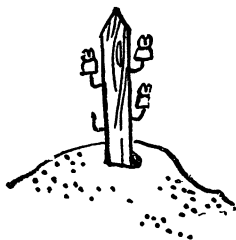
СЛУЧИЛСЯ ШТОРМ...

Каждый день, проснувшись, я шел в контору портового пункта и узнавал, не идет ли мое судно?

ПТС — промышленно-транспортное судно — должно было прийти откуда-то с юга, забрать груз на Печору, а по пути сделать заход к бригаде охотников в Тархановку.

— Радиограммы нет... Сегодня не будет, — отвечали мне, и я отправлялся снова бродить по поселку. Странное зрелище представлял он!

Со стороны моря на него наступала дюна. Отступая, он уходил в тундру.

Странными были дома. Добротные, рубленые, в два этажа. Однако во многих на окнах нет занавесок. Я подошел, ухватился за наличник, приподнялся на цыпочки, заглянул внутрь. Комната была пустой. Облупленная штукатурка лежала на пыльном полу. Мертвый дом...

Около большого пирса всего одна баржа. Десятка два легоньких карбасов в лагуне на якорях. Зато по берегу, начиная от пирса в глубину лагуны, полузарытые в песок, на боку или перевернутые вверх днищем, с проломленными палубами и бортами, сейнера, сейнера. Целый флот. Тут же его мертвое береговое хозяйство: покосившиеся, с продавленными крышами, пустые сараи, пустые козлы для сушки сетей... Все заброшено, оставлено.

Будто прошли война и мор.

Я присел на корточки около старика, который на берегу чистил песком закопченный медный котел.

— Давно лежат? — спросил я, завязывая разговор, и показал на мертвые судна.

— Эти-то? — Старик отставил котел и охотно стал объяснять: — Лет семь. Рыбокомбинат когда-то тут был. Вон какой флот! А потом шторм случился. Страшная сила, такого и не упомнить — все на берег вынесло. Комбинат тогда и закрыли...

— Зачем же закрывать его было?

— Так сейнеров-то не стало.

— Новые могли дать.

— Так-то оно так. А что ловить?

Над нами возвышался пробитый, весь в дырах борт судна. Ржавая цепь выпала из клюза. В одном месте в борту было аккуратно выпилено квадратное отверстие. Через него достали когда-то мотор.

— А что ловить-то? — снова удивился старик. — Рыбы у берегов не стало. Это раньше, чуть отскочил в море — и бери. А сейчас рыба в океан ушла. А за Мурманском мы не нужны — там свои, железные ловят.

Я понял трагедию поселка. Ушла рыба, ловить ее маленькими судами стало невозможно, а ту, что осталась в малых количествах, невыгодно. И когда над Шойной прогремел шторм, небывалая погода, разметавшая и выбросившая на песок сейнерный флот, — рыбокомбинат, для которого был построен поселок, закрылся.

У людских поселений своя судьба. Они знают моменты рождения, юность, годы расцвета — уверенную в себе зрелость и, увь, старость. На Аляске стоит фантастический город — Ном. В годы «золотой лихорадки» в нем жило 40 тысяч жителей. По шумным улицам скакали собачьи упряжки. По вечерам в ресторанах и игорных домах гремела музыка. Пышные траурные процессии провожали на кладбище удачливых золотоискателей, которым не до конца повезло в жизни.

Золото кончилось. Люди уехали. Теперь в этом городе живет всего две тысячи человек. Можно пройти несколько улиц — покосившиеся дома с заколоченными окнами и дверьми — и не увидеть дымка над трубой. Город умер.

НОЧЬ

В Шойне ночи не было. Солнце проходило Север, не касаясь горизонта. Оно плыло над морем, равнодушно освещая далекие оранжевые берега, желтую дюну, черные некрашенные стены домов, лагуну с поставленными в ней на якорь карбасами и дори.

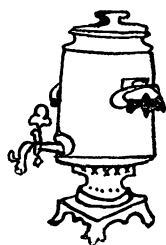
На некоторых дори — больших мореходных моторных лодках — горели иллюминаторы. Лучи солнца попадали в них, и тогда на суденышке словно бы загорался пожар. Фиолетовая стывшая вода лежала неподвижно и мертво. В воздухе — тишина. Слышно, как поскрипывают якорные канаты. Огоньки на дори загорались и гасли, будто кто-то переносил их с судна на судно. Солнце неторопливо катилось над северным канинским гористым берегом, уходя все дальше на восток.

Тянуло дымком — кто-то поторопился распалить печь. Кому-то показалось, что день уже начался.

ГОЛУБАЯ ТАРЕЛКА

Хозяйка — я остановился в избе у женщины, которая работала в школе завхозом, — пригласила меня к столу, пить чай.

Я уселся за небольшой, квадратный, покрытый узорчатой тяжелой с петухами скатертью стол и начал пить из огромной пузатой расписной чашки, с любо-

пытством поглядывая на стены. Они были увешаны полочками и рамочками, висели в них коричневые фотографии, восходящие по возрасту к началу века, грамоты, полученные хозяйкой, памятные подарки, рукоделия, назначения и названия которых мое поколение уже не знает.

И вдруг мое внимание обратила на себя тарелка, стоявшая в глубине буфета.

Попросив разрешения, я вытащил ее и понес к свету.

Удивительный синий рисунок раскинулся по фаянсовому вогнутому кругу: остроконечные черепичные крыши, отражаясь в воде, поднимались над кирпичным средневековым городом. Стояли, уронив паруса, усталые корабли, а полные, добродушные люди с трубками во рту сидели за вынесенными на улицу и уставленными пивными кружками столами.

— Что это за тарелка? — спросил я, и спросил неудачно, потому что в ответ хозяйка сказала просто:

— Для красоты.

— Да нет, я хотел спросить, откуда она?

— Материна. А у матери от бабки. Семейная. Наш дед, сказывали, привез.

— Купил, что ли?

Хозяйка покачала головой.

— Такой посуды ни у кого теперь и не осталось, — сказала она. — Ее наши от норвегов привозили. Морем ходили туда да привозили.

Я постучал ногтем по краю тарелки. Звук был тупой, какой и должен издавать фаянс. Тарелке не меньше ста лет. Я бережно поставил ее на место.

— Норвеги-то и сами к нам бегали. Этих и я помню. Революция уже была, а они все к нам за зверем ходили. Изба у них, говорят, на Канином стояла... Потом, как границу установили, они и перестали.

Разговор этот запомнился мне потому, что на следующий день пришел ПТС, и мы поплыли на север, как раз к тому Канину полуострову, где промышляла артель и куда, по словам хозяйки, «бегали» когда-то таинственные «норвеги».

Светлая полярная ночь едва превратилась в тусклый день. Я вышел из душного кубрика на палубу и увидел впереди низкий берег с белой снежной полосой нарастающего льда, склон длинной горы и три карбаса, которые качались под берегом, поджидая нас.

Ниже снежника, но выше лодок на откосе золотился огонек — белая рубленая изба.

— Тархановка! — сказал, вылезая из рубки, капитан. — Вон они, ваши белушники. Шкуры уже тянут!

ПТС стал близ карбасов на якорь. Около каждой лодки плавали в воде большие, жирные, похожие на блины, белушьи шкуры. Волоча их за собой, карбасы двинулись к нам.

Начали грузить. Каждую шкуру поднимали стрелой. На палубу дождем текла вода, перемешанная с жиром. Матросы бегали по ней, скользя, поругиваясь, разбрызгивая белые салюнные капли.

Шкуры уложили в трюме одну на одну. Трюм, набив доверху, закрыли тяжелой деревянной крышкой, затянули брезентом.

О железный борт гулко бился штормтрап. По нему я спустился в карбас. С выстрелом завелся мотор, лодка вздрогнула и, кивая носом мелкой волне, побежала к берегу.

Там, встречая нас, стояли люди в ватниках и сапогах.

Мы вылезли из карбаса на мокрый песок, и тотчас же тяжелый трупный запах навалился на меня: по всему берегу черными колодами лежали ободранные туши белух.

Невысокого роста пожилой охотник с побитым оспой лицом подошел ко мне, спросил, кто я, и назвал себя бригадиром:

— Коткин.

Заметив, как я смотрю на белух, виновато добавил:

— Месяц цельный лежат. Вывезти не успели. Мясо, конечно, зверосовхозу сдавать надо. Да прошлый раз приштормило, ПТС не подошел.

Стометровой лестницей, мимо своры собак, по шатким ступеням мы добрались до избы.

— Входите! — пригласил Коткин. — Вот так мы живем.

ИЗБА

В избе по стенам тянулись сплошные, в один ряд нары, застеленные одеяло к одеялу, без промежутков. Лежали на одеялах книги, стояло два-три транзисторных приемника, лежали карандаши, письма, табак.

Посреди тянулся между нар чистый дощатый скобленный стол, около него — две скамьи. В углу под толком светила лётка — круглое, с кулак, всегда открытое отверстие для воздуха.

Передняя часть избы была отгорожена, там стояли большая русская печь и за ситцевой в цветочек занавеской железная кровать.

Дальше к выходу, за второй дощатой стеной, просторная прихожая была завалена резиновыми сапогами, заставлена ружьями.

Проживало в избе не меньше двух десятков человек.

Промышленники не обратили на меня внимания: кто лежал, так и остался лежать, кто писал или читал, сидя за столом, не поднял головы. Коткин подвинул крайние две постели и, показывая на освободившиеся доски, сказал:

— Тут ваше место. Калерия, постели. Эй, Калерия! — Занавеска дрогнула, скрипнула железная кровать. Из выгородки вышла крупная пожилая женщина.

— Ах ты, милый, — сказала она (мы были одного возраста). — Постелю, не беспокойся. — Я сразу понял, что так она называет всех по праву единственной женщины. — Ложку-то привез? У нас у всех свои.

Я вытащил из рюкзака деревянную расписную ложку, купленную в Ленинграде.

— Лепота! Откуда же такая? — сказала Калерия. — А мы все железными. — И, не дожидаясь ответа, пошла собирать мне постель.

АРТЕЛЬ

Разные люди собрались под крышей становой избы в Тарханове. Артель составляется на четыре месяца, с мая по сентябрь, и люди, входящие в нее, называются охотниками не только потому, что работа их — добыча морского зверя, но также потому, что идут они туда «по охоте», добровольно обрекая себя на тяготы и неудобства походной жизни.

Были тем летом в артели колхозники Гриша Ардеев и Степан Малыгин, зимой промышлявшие песка и нерпу, а летом ловившие рыбу или ходившие сюда, в Тарханово.

Был дед Камков, которого все называли Стариком. Станный человек этот сидел всегда в углу на своей постели на нарах и читал, и только под конец моего пребывания в артели обнаружилось, что Старик моложе меня и что учился он до войны в Ленинграде, в Институте народов Севера.

Были два студента, Петр и Валентин, которые приехали на летние каникулы к родным да, решив подзаработать денег, завербовались в артель. Впрочем, Студентом называли здесь одного Петра, Валентину было оставлено имя.

Был Коткин, в прошлом матрос, а теперь уже много лет бригадир, водивший охотников и на лед в горло моря за бельком, и работавший в оленеводческих бригадах в тундре, и шестой уже год возглавляющий артель.

Был Капитон Личутин, человек чем-то испуганный, недоверчивый, который даже на меня с первого же дня стал коситься, ожидая, видно, с моей стороны какого-нибудь подвоха.

Были еще люди — всего человек двадцать. Была стряпуха и завхоз Калерия. А все вместе они назывались бригадой или артелью.

СОБАКИ

В первый же день Коткин предупредил:

— К собакам не подходить! Сожрут! И штанов не найдем.

Собаки сидели на цепях ниже избы, целая свора. Я не сразу понял: зачем они вообще тут? Сторожить

нечего и не от кого, добывать китов — собаки ни к чему, а тут их было десятка три, не меньше, и все — на привязи.

— Прошлый год, — продолжал Коткин, — две сорвались, в тундре у ненцев оленя отбили, давай гнать. Выгнали его на Камень, олень с обрыва и — вдребезги. Ненцы потом пришли с председателем — штраф выпишивать, так и их чуть двоих не порвали.

— Господи, да что это за собаки такие?

— Ездовые.

— А порода?

— Каторжная.

Я удивился, потому что никогда о такой породе не слышал. Присмотрелся — все, как одна: громадные, каждая с телка, разномастные, с тяжелыми тупыми мордами, обгрызенными ушами и тяжелым, исподлобья взглядом. Даже признаков какой-то известной по книгам и рисункам стати и масти не смог я обнаружить в этих грубо вылепленных телах. Точно — каторжные...

— Кормите-то вы их чем?

Коткин посмотрел на меня, как на чудака. Вдоль всего берега лежали полуразложившиеся, черные, без кожи туши китов. Время от времени к собакам подходил кто-нибудь из охотников, отвязывал свою и вел вниз. Собака молча зарывалась по уши в красное с черными пятнами белушье мясо.

Насытившись, она вытаскивала голову из прогрызенной в китовом боку дыры, недобрыми погасшими глазами смотрела на мир и нехотя, позвякивая цепью, брела наверх.

Я дал себе слово, что буду обходить собак стороной.

НА ЛАЙДЕ *

В полдень я пошел бродить по берегу. С камня — на камень. Кругом — отлив.

В мелких стеклянных лужах шевелились кудрявые рыжие водоросли. Белой сыпью сидели на скале рачки-балянусы. Они сидели в известковых домиках, приоткрыв крышечки, и шевелили усами. Между камней бродили прозрачные крабы.

* Л а й д а — осыхающая часть берега.

Я сел на камень и стал смотреть, что делается под ногами. Около камня шла глубокая узкая лужа. В ней посредине, медленно шевеля плавниками, плавала короткая толстая рыбка. Это был пинагор. Мелкие черные точки вились вокруг него. Мальки! Он не преследовал их.

Чтобы получше рассмотреть рыбок, я наклонился. Моя тень накрыла лужу. Рыба вздрогнула, растопырила плавники и широко раскрыла рот.

Маленькая стая заметалась взад-вперед. Мальки словно обезумели: очертя голову они один за другим стали бросаться прямо в пасть пинагору.

Вот так раз! Когда последний малек исчез, пинагор осторожно захлопнул рот и отплыл в сторону. В дальнем конце лужи он остановился.

Заинтересованный, я стал наблюдать: что будет дальше?

Пинагор развел губы. Темный клубочек вывалился у него из рта. Он рассыпался на точки, и стайка мальков снова завертелась вокруг пинагора.

Так вот что увидел я: папа выгуливает своих детей!

Вода между камнями шевельнулась, дрогнула, потекла. Начался прилив. Надо было, пока не поздно, прыгать по камням назад к берегу.

Вернувшись в избу, я не утерпел, достал почтовый конверт, бумагу и стал писать домой письмо. Про удивительную рыбку, которая умеет так ловко прятать своих малышей.

ЗАБАВЫ

Лежать на нарах целыми днями было томительно. Охотники читали. Книжки и журналы были на особом счету. Выносить их или рвать строго-настрого запрещалось. Старые газеты прочитывались по многу раз, и только потом их отдавали Калерии на разжог.

Читали с продолжением. Любую статью откладывали не дочитав, потом брались за нее, чтобы узнать, чем кончилось?

Книжки входили в моду неизвестно по какой причине. Угадать заранее, понравится она или нет, не было никакой возможности. При мне все вдруг стали читать «Голубую ленту Атлантики». Это была книжка

про корабли, написанная для инженеров. В ней было много цифр и названий портов и маяков. Охотникам это нравилось.

Их восхищало, что пароход «Грейт Истерн» не могли спустить на воду три месяца — такой большой он получился. И что спустили его только потому, что помог необычайно высокий прилив.

— Ишь ты! — говорил Ардеев. — Сплавляли. А не выпади такая вода?

— И стоял бы на земле, — отвечал Коткин. — С колесами! Никогда с колесами парохода не видал.

Эту книгу еще любили за звучные названия пароходных фирм и судов — «Кунард Лайн», «Уайт стар лайн», «Саксония», «Георг Вашингтон».

Играли в карты. Проигравшего били картой по носу. Я раз ввязался, проиграл, и Студент вежливо ткнул меня валетом по локтю.

— Я б ему врезал! — неодобрительно сказал Личутин. Он по-прежнему все ждал от меня какой-то неприятности.

Сам он бил не одной картой, а двумя, складывая их и выбирая потолще.

Старик, подложив под самое ухо транзисторный приемник, слушал. Он слушал подряд все передачи. Другое ухо он закрывал ладонью.

Ардеев сидел у окна. На коленях у него лежали две веревки. Ухватив каждую в руку, он связывал веревки узлами, затягивал их что есть силы, а потом не торопясь начинал развязывать.

— Паш, а Паш! — спросил я вполголоса у Коткина. — Чего это Григорий делает, а?

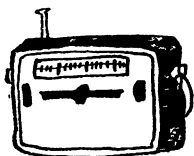
— Узлы вяжет, не видишь?

Я вспомнил ту самую книжку, которую читал в Ленинграде, как долгими полярными ночами, чтобы не умереть от цинги, поморы на Шпицбергене придумывали себе работу. Вспомнил еще одно поморское занятие, описанное в книге.

— А не бывает, чтобы заллаты нашивали и спарывали?

— Раньше бывало, теперь нет. Забылось. Все забывается помаленьку. От скуки чего раньше не делали. Без забавы тут нельзя.

Я лежал на нарах, внутренне ликуя. Вот так раз! Шестнадцатый век! Сидит передо мной человек, завязыв-

вает и распутывает узлы. И никто кругом не удивляется. Потому что это надо. Потому что дело верное — так и отцы делали и деды.

Вяжет узлы, а спиной к спине рядом с этим охотником лежит другой, под ухом — транзисторный приемник, слушает Москву.

БАЙКИ

Ветер, который проникает в избу через лётку, неторопливо шевелит занавеску Калерии. Солнце, завершающее полдневный круг, бьет прямо в окно. На пестром коткинском одеяле копошатся, как жуки, цветки.

Коткин рассказывает. Он говорит смакуя, с подробностями, адресуясь ко мне. Торопиться некуда.

— Зимой было. Гриша, когда это Капу унесло?..

Гриша Ардеев радостно откликается:

— В марте.

Его лицо расплывается в довольную улыбку, и он переворачивается на другой бок, готовый тоже слушать.

— Ага, в марте. Светло, стало быть, уже было. У Летнего берега зимой ледакол два раза работал, нерпа к середине и отошла. Как про это ты, Капитон, прослышал?

— Про што другое не можешь? — спрашивает недовольно Личутин и настороженно глядит на меня. — Язык-то чесать и про тебя можно.

— А ты и чеши, — соглашается бригадир. — Так вот, прослышал наш Капа про зверя, дай, думает, я на него выйду! Один значит. Чтобы одному упромышлять всего. Себе все, а другим — фиг!

— Да ну? — спрашиваю я. Мне уже заранее жалко Личутина, который беспокойно следит, как развивается наша беседа.

— А то и ну, что одному на лед выходить запрещено. И вообще в правлении надо сперва разрешение получить. Лед, он лед и есть... Так вот, собрал наш Капа нарты, упряжку. На нарты лодку взгромоздил. Пораньше, когда еще все спали, выехал. Доезжает до продухов. А их нерпы в ту зиму понаделали — видимо-невидимо. У каждой нерпы своя дыра... Только он

ружьишко наладил, собак к торосу привязал — ветер! Как задует! Мрак — все бело, сапога на ноге не видно. Ветер озябный. Капа к лодке, собак под нее, сам сверху. Лег, закрылся шубейкой, лежит. Слышит — лед трещит. А ветер лед поломал и понес. Двое суток таскал. Потом спал, солнышко через тучи пробилось. Плывет наш Капа, кругом льдины скрипят, Летний берег чуть-чуть виден.

— Не было видно берега, — нехотя говорит Литутин.

— Был. Его от нас и то видно. А тебя вон куда уволокло... Так вот, стал наш Капа думу думать. Лодку спустить да на ней к берегу податься? Собак с собой... Да ведь нарты жалко! Рублей сто стоят. Без собак плыть — того дороже. Стал на льдине сидеть. Рассчитал — помощи ждать. Человек, мол, пропал, как его не найдут? Найдут!

И точно. Когда задуло да на второй день он не пришел, Марья его — в рев и к председателю. «Так, мол, и так, мой пропал. На льду». Тот сперва в крик: «Кто разрешил? Сводка была — на лед выход по всему берегу запрещен». Но делать нечего, председатель за телефон, звонит летчикам: спасите! У тех своих дел нехворот, но человека искать надо. Полетел вертолет. Один день ищет — ничего. Второй — нет нашего Капитона... Марья его изревелась. Все, что хотите, говорит, берите, все из дому выносите, только найдите... На пятый день взял вертолетчик галсом севернее, почти к самому Канину носу. Видит, на льдине вроде нерпа и вроде не нерпа. Снизился — собаки лежат. И нарты с лодкой. В лодке человек. А льдина большая была. Это Капу и погубило!

— Как погубило? — привстаю я. На дальней наре лежит и настороженно смотрит на нас сам потерпевший.

— А так, кабы маленькая, вертолет бы лестницу бросил, лестницей его и вытащил. А собаки бы на берег сами где-нибудь вышли, и весь сказ. А тут — вертолет покачался, покачался и сел. Летчики говорят: «Быстрее залазь, сукин сын!» — «А нарты?» Летчики аж опешили, но нарты разрешили втащить. А Иван им тогда: «А лодка?» — «Пошел ты со своей лодкой! Улетаем». — «Улетайте, я без лодки не полечу». Летчики и так его, и эдак, не бросать же человека на льдине.

Им вообще тогда дело пришьют. Ругались, ругались, видят, уперся человек. Взяли лодку, затолкали и ее в кабину. Но зло затаили. Прилетели на аэродром и документ оформили.

— Какой документ?

— Акт!

Бригадир трясется от беззвучного смеха. Он выгибается, как огромный ленивый кот, и, смакуя, заканчивает рассказ:

— Через неделю он к нам и пришел. Дорогому колхозу «Полярная звезда» на семь тысяч рублей за выполненную работу, поиск и спасение члена колхоза гражданина Личутина К. И. Председатель — он у нас заикается немного — этот акт как швырнет! «К-кто разрешение на лед идти д-давал? Никто. С-самовольная охота, с к-к-корыстной — для себя — целью. Платить потерпевшему из своего к-к-кармана!»

Суд скоро будет, — доверительно, но громко говорит мне Коткин и, приблизив лицо к моему, шепчет: — Уплатит. У них с Марьей в чулке есть. Пускай потрясут.

Мне почему-то жаль Капитона. Он лежит в дальнем углу, прислушиваясь к тому, что говорит Коткин. Смотрит исподлобья, настороженно, как зверь, перед которым в тундре на тропке вдруг оказался капкан и который надо обойти...

КРЕСТ

Высоко над снежником, резко выделяясь на фоне белого неба, виднелся крест.

Я заметил его в первый же день и подумал, что его, должно быть, хорошо видно проходящим судам и что такие кресты отмечают моряки на своих картах, а штурманы определяют по ним место.

А еще сразу же подумалось: не знают ли охотники какую-нибудь историю, связанную с ним? Может, лежит под ним искусный мореход, кормщик и «вож», как называли в старину (а крест явно старинный) своих капитанов команды, ходившие из Белого в Студеное океан-море. Может, возвращался он из долгого двухлетнего плавания на Шпицберген—Грумант, да свалила его у самого берега лихая болезнь, умер, не повидав семью, не обняв жены и детей. И стоит теперь

над холодным берегом обращенный в такое же холодное море крест, распахнув по-человечьи руки и горько запрокинув голову.

— Что это он тут поставлен? — спросил я как-то Ардеева.

— Поставили, — уклончиво ответил тот.

Тогда я спросил Личутина.

— А вам зачем? — осторожно ответил тот.

— Просто интересно, кто там похоронен.

— Коткин знает.

Я пошел к Павлу. Момент был выбран неудачно: Коткин сидел вместе с Калерией над амбарной книгой и, мусоля карандаш, проверял записи полученных и израсходованных продуктов. Он посмотрел на меня невидящим взглядом и сказал:

— А?

— Кто похоронен там, под крестом? — повторил я вопрос.

— Это потом, — ответил бригадир. — Никак колокол шевелится? Нет, показалось. — И он снова опустил голову над книгой.

Зная его характер, я стал ждать.

КОЛОКОЛ

На подволоке избы, прямо надо мной, висел колокол. К нему вела проволока. Она появлялась в избе, пройдя через летку, и была прикручена к языку. Иногда проволока шевелилась, и тогда колокол подрагивал.

Я решил узнать, для какой надобности он повешен.

Обойдя угол избы, нашел летку. Проволока от нее тянулась к столбу, дальше ее продолжала веревка.

Столб за столбом веревка поднималась на сопку. Ей следовала узенькая, едва приметная тропинка. Я стал карабкаться по ней.

Тропинка взобралась на самую вершину сопки и там уперлась в грубо сколоченную из серых щербатых досок будочку. В большом, в полстены, обращенном к морю окне сидел Ардеев.

Он молча подвинулся.

Я так же молча сел и, взяв у него бинокль, стал разглядывать море.

Оно было спокойным. На западе дрожала лиловая полоса. Это оторвался от Кольского берега и вышел на середину пролива туман.

Внизу, под ногами, в прозрачной воде была хорошо видна тоня — загон для белух, сделанный из серых неприметных сетей. В них лениво шевелились волны. На сетях дрожали поплавки.

Под рукой у меня свисал со стены конец веревки.

Так вот зачем она протянута! Здесь, на сопке, дозорный высматривает китов. Как только в синем, выхваченном биноклем из моря круге появятся белые буруны, замелькают белушьи спины, вцепится вахтенный в верёвку, задребезжит, замечется под бревенчатым потолком избы колокол. Выскочат и покажутся вниз к лодкам охотники. И до тех пор будет он тревожить их, пока не столкнут они на воду карбасы, а над стоящей на рейде дори не замечется голубой моторный дымок.

И тогда начнется самый волнующий момент моего пребывания здесь — окончится ожидание, начнется охота.

ПРО БЕЛУХ

Из разговоров с артельщиками, и главным образом с Коткиным и Ардеевым, я узнавал о жизни обитателей полярного моря — белых китов.

Собственно говоря, белыми китами их называют редко. Обычно зовут их белухами.

Живут эти зубатые киты в северных морях, странствуя вдоль побережья вместе с косяками рыб. Бывают случаи, когда, преследуя стаю лососей, белухи входят в реки. Случалось это и в Мезени, и в Печоре. Построившись в линию, как рыбаки, ведущие невод, белухи врывались далеко в реку, а затем, совершив поворот, оказывались на пути у рыбы, стремящейся на нерест.

Хитростью и ясным пониманием законов охоты белухи, если верить промышленникам, одарены щедро. Когда фарватер реки сужается и лососи устремляются в него, рассчитывая прорваться через завесу китов по глубокому месту, белухи, оставив у берегов дозорных, отступают и выстраиваются на фарватаре в колонну. Теперь уже плотно идущий косяк звери встречают

один за другим, и те из рыб, кто избежал зубов первых белух, становятся добычей последних.

Днем, когда лосося ловят люди, белухи остерегаются и, завидев карбас или дори, погружаются. Зато ночью, зная, что люди спят, подходят к самому берегу и плещутся между лодок.

Еще я узнал, что белухи — шумные и говорливые. О том, что они, выставив голову в польню, любят издавать свисты и тихие трубные звуки, знали на Севере давно. Отсюда и пошла гулять поговорка: «ревет белугой». Никакого отношения к этой поговорке молчаливая речная белуга, конечно, не имела, а пришло в среднюю Россию это выражение именно отсюда, с Беломорья, от поморов, которые всегда называли белуху «белугой».

...Я расспрашивал охотников, а сам поглядывал на потолок: не шевелится ли колокол?

ТРЕВОГА

И вот однажды этот момент наступил. Забился, застучал о бревенчатый подволоок колокол. Отбрасывая одеяла, кубарем валясь с нар, давясь в дверях, вырывались в полутемную прихожую охотники, с писком натягивали на босые, не завернутые в портянки ноги резиновые сапоги. Щелкали ружья. Грохоча сапогами, люди бегом неслись по крутой лестнице вниз к воде.

Опытные, не одну тревогу повидавшие на своем веку собаки не шарахались в сторону, но, до отказа натягивая цепи, налитыми кровью глазами смотрели вслед.

Грохнув, завелся на дори мотор. С хрустом подминая песок, побежали в воду легкие карбасы.

Я заметался. Желая посмотреть белух, кинулся было на сопку к дежурному — дежурным был Гриша Ардеев, — тот уже бежал навстречу. Я выхватил у него из рук бинокль.

Далеко у горизонта, еле видные, приближались белые точки — шла стая белух.

Над морем громоздились тучи. Белые точки хорошо были видны на свинцово-синей воде.

Я кинулся вниз. Последний карбас ушел! Охотники, торопливо отталкиваясь баграми, были уже около тони.

Азарт охватил людей, никто не смотрел назад, на берег. Привстав над скамейками, охотники всматривались в море. Там серым пузырем прыгала на волне, раскачивалась, набирала ход дори. Командовал на ней Коткин. Дори шла в море, забирая наперерез стае. Карбасы рассыпались у тони, образовав завесу. Одна лодка замерла около перекрышного невода — он должен в последний момент закрыть вход в тоню, отрезав белым китам дорогу назад.

Скользя подошвами сапог по влажной коричневой глине, я снова полез на сопку. Отсюда, из сторожевой будки, вся сцена охоты была видна как на ладони. Стая, ничего не подозревая, продолжала идти вдоль берега. Белые спины то показывались над водой, то скрывались. Впереди треугольника, который образовала стая, шел крупный дельфин. Дори, едва слышно тархтя мотором, забиралась все дальше от берега.

И вдруг мотор ее застучал сильнее, люди сгруппировались на носу, засуетились: белухи пропали! Их не было видно несколько минут, а потом они вынырнули не там, где я ожидал, а в стороне, совершенно очевидно уходя от берега. Теперь они шли прямо в море, часто погружаясь и все ускоряя движение. Дори держалась с ними наравне, но это движение только удаляло и зверей и охотников от тони. Некоторое время я еще различал белые точки, которые то вспыхивали, то гасли, потом они исчезли, и только дори — серый жук — упрямо полз от берега...

Коткин вернулся поздно вечером, злой и мокрый.

— Увела, — сказал он, забираясь на нары рядом со мной, садясь поудобнее и разматывая с ног портянки, — увела, зануда!

— Кто увел? — не понял я.

— Детна. Белуха с детенышем. Впереди стаи шла. Щенок около нее вертелся. Услыхала нас и увела. Еще бы погнались с час — так бы в Летний берег и уперлись.

Летним берегом поморы называли противоположный берег моря, куда в прежние годы отправлялись на летние месяца за зверем и рыбой.

— Большая была! — поддакнул я, давая Коткину внять, что и сам видел дельфиниху. — Здоровенная. А детеныша от меня было не видеть.

— Детна,— подтвердил Коткин и завернулся в одеяло.

Охотники молча рассаживались по нарам. Кто-то принес чайник, застучали жестяные кружки, зашестели бумажки — доставали сахар.

Под потолком тускло светился неподвижный колокол.

ЧАЙКА

Мы с Ардеевым бродили по берегу.

— Глянь-ка, подранок! — сказал Гриша. — Давай поймаем?

Большая чайка, странно, неловко, оттопырив крыло, сидела на камне. Она сидела, тесно прижимаясь к нему животом, втянув голову в плечи, как человек, которому холодно.

Увидев нас, птица привстала.

— Давай!

Чайка сделала несколько неуклюжих прыжков и с размаху плюхнулась в воду. Это была моевка — большая серая птица с черными перьями в крыле. Когда она прыгала, одно крыло ее волочилось сзади, как привязанное.

Чайка поплыла от берега. Она плыла, а крыло — серый лоскут — тянулось позади.

— Здорово ее кто-то саданул! — сказал я. — Разве охота тут не запрещена?

— Запрещена.

Мы помолчали.

Чайка выплыла на солнечную дорожку и закачалась на ней изогнутой черной лодочкой.

— Ладно, чего там. Пошли!

Вернувшись, я рассказал в избе про чайку.

— С перебитым крылом? — спросил Паша Коткин. — Она с весны тут. Приезжий один ранил. Как человек или песец идет — она в воду. Касатка плывет — она на берег. Хитрая. Лето выживет.

— А зимой?

— Зимой помрет.

Я решил поймать чайку и отвезти ее в Ленинград.

Уговорил Гришу Ардеева, и на другой день мы отправились к тому месту, где видели чайку. Я — по берегу, он морем в карбасе.

Карбасу надо было обходить камни, и я пришел на место первым.

Чайка была там. Только на этот раз она не сидела на камнях, а бродила у воды, выклеывая из прелых водорослей рачков.

Заметив меня, она прыгнула в воду.

Послышался скрип уключин. Шел карбас.

Чайка попробовала нырнуть — сухое крыло, как поплавок, удерживало ее на поверхности. Птица повернула и снова очутилась на берегу.

Я поспешил к ней. Сапоги скользили по обкатанным мокрым камням.

Чайка завертела головой и тяжело побежала к подножью обрыва. Обрыв, глинистый и сырой — местами по нему сочилась вода, — поднимался над берегом. Крутая стена шла вверх ровно, без уступов. Кое-где из нее торчали кривые корни мертвых деревьев.

Чайка полезла вверх.

Я кинулся следом. Сырая глина потекла, и я, оставляя за собой две блестящие канавки, съехал вниз.

О берег стукнул носом карбас.

— Может, плюнем? — сказал Гриша. — Как ты ее кормить будешь?

— Ладно. Хоть крыло отрежем. Все легче.

— Как знаешь.

Чайка сидела высоко над нами, под сухим черным корневищем, и смотрела на нас красным раненым глазом.

— Полезли вдвоем!

Я уже протянул было руку — взять ее, птица с криком вывалилась из укрытия и, ударяя живым крылом по глине, покатилась вниз.

Там она дождалась, когда мы слезем, и снова вскарабкалась на обрыв. Ей было трудно, испачканное глиной крыло отяжелело. Но птица упорно волочила его.

— Не поймать! — сказал Гриша.

Чаячий глаз, как огонек, горелверху. Распластав одно крыло, тесно прижимаясь грудью к земле, птица внимательно смотрела на нас.

— Да она умрет, а не пойдет в руки.

Я кивнул.

Мы стояли, задрав головы, и смотрели на чайку.

Это была прекрасная большая птица. Таких больших чаек я еще не видел. Ей, наверно, ничего не стоило добывать самую крупную рыбу и улетать зимой в теплые края.

Мы с Гришей сели в карбас и медленно поплыли назад к себе.

Полярное лето короткое.

— Когда зима-то тут наступает? — спросил я.

— В октябре, — ответил Гриша.

Когда мы вернулись, все море с юга было обложено синими тучами.

ШТОРМ

К исходу суток тучи распространились на все небо, ватушевали горизонт, погасили мерцание снежника.

Ударил теплый ветер — шелоник. Задребезжали стекла в избе, по воде прокатился черным серпом шквал. Ветер с юга пел в трубе, нес бумажки от крыльца, гнул низкую густую траву.

Тучи, которые распространялись до того лениво и постепенно, теперь заторопились. Над берегом пронесся облачный клочок. Шквальные полосы уже бежали не переставая.

Ветер набирал силу. К вечеру он превратился в ураган. Зеленые валы шли в наступление на берег. Подходя к мелководью, они меняли цвет, становились желтыми, с белыми пенными гривами, росли, увеличиваясь в размерах и, наконец не выдержав собственной тяжести, с грохотом рушились, выкатывая перед собой на берег плоские языки пены.

На желтых водяных горбах плясали поплавки — раскачивалась, содрогаясь, тоня. То обнажались, то скрывались под водой верхние, натянутые между поплавками подборы.

Свист ветра превратился в неутихающий гул. От мест, где скалы подступают к самой воде, несясь низкий, тяжелый для ушей грохот.

Шторм бушевал всю ночь, а к утру неожиданно прекратился. Ослаб гул ветра. Грохот волн стал тише

и равномернее, в нем появились ровные, как удары часов, промежутки. Похолодало. Уходя, циклон менял направление и уводил прогретый на юге воздух, освобождая место прохладному, пришедшему с Баренцева моря.

Я спустился на берег. От подножья сопки до самой воды громоздился вал из гальки, принесенной волнами. Она была мокрой, подвижной, сапоги вязли в ней.

Около воды стоял Гриша Ардеев и изумленно смотрел поверх волн, вглядываясь во что-то, чего не видели мои, но хорошо различали в желтой круговерти его привычные глаза.

— Белуха? — сомневаясь, сказал он.

В желтой, перемешанной с пеной воде рассмотреть что-либо было очень трудно. Наконец между двумя гребнями я увидел белую блестящую спину. Белуха стояла у каменной гряды, на которой опрокидывались волны и за которой уже было мелководье. Я знал эту гряду, в отлив она обнажалась, и пространство между нею и берегом превращалось то в залив, то, при сильном отливе, в озеро.

Белуха кружила около этой гряды.

— Что это она?

Гриша пожал плечами.

— Из винтовки ее, что ли, ударить? — пробормотал он и повернул уже было идти за оружием. — Сама, дура, пришла. Посторожи!

Он вдруг остановился, лицо его сморщилось, беле-ые негустые брови сошлись у переносицы. Он пристально всматривался — я перехватил его взгляд — в небольшое коричневое пятно, которое раскачивалось среди низких, потерявших силу волн, между грядой и берегом.

Пятно не стояло на месте, а с каждой волной смещалось, приближаясь к нам.

БЕЛУШОНОК

— Ишь ты, куда его занесло! — сказал Гриша, и я вдруг понял, что это небольшой дельфин, белушонок, который в непрозрачной мутной воде потерял мать, перескочил через камни и теперь гибнет.

Белуха беспокойно кружила, пытаясь отыскать проход к детенышу. Шел отлив, и вода с каждой минутой убывала.

Большая волна перекатилась через камни, подхватила белушонку, понесла, и вдруг он остановился, оказался на мели. Пятно больше не двигалось.

Азарт охотника боролся в Грише с жалостью.

— Перевернет ведь... — сказал он, но я его понял.

— Не перевернет!

Мы столкнули на воду карбас — невысокая, по пояс, волна хлестнула по ногам, — торопливо загребая короткими веслами, отошли от берега, там завели мотор, описали полукруг и оказались около каменной гряды. За спиной у меня кто-то шумно выдохнул. Я обернулся и увидел в серой, покрытой пенными грязными пятнами воде молочную погружающуюся спину.

Второй раз белуха вынырнула у борта. Из воды показался крутой белый лоб, голова, похожая на шар, с коротким, безгубым, похожим на птичий клюв ртом. Белуха выбросила из дыхала с тонким свистом струю пара, перевернулась и, не показав хвоста, погрузилась. Она плыла прямо на камни, где еще недавно был проход и откуда стремительным потоком сейчас уходила вместе с отливом последняя вода.

— Осохнет, дура! — сказал Гриша и, круто положив руль на борт, пересек дорогу зверю.

Лодка и белуха разошлись, едва не задев друг друга, карбас проскочил вперед. Гриша заглушил мотор. Пронзительно заскрипел о камни обитый железом киль, пришедшая следом волна подтолкнула нас, и лодка, перемахнув через камни, закачалась на тихой воде.

Мы подгребли к белушонку. Здесь было уже совсем мелко. Гриша спрыгнул в воду. Обессиленный дельфиненок лежал, изредка без сил ударяя хвостом по воде.

— Веревку, веревку давай! — сказал Гриша.

Он набросил на хвост белушонка петлю, конец ее завел на лодку. Дождался, когда придет волна повыше, и мы вдвоем, подтащив коричневое ослабевшее тело к борту, крепко привязали его. Вторую петлю мы пропустили под плавники. Дождавшись еще одной волны, мы столкнули лодку с мели и, часто загребая веслами, потнали ее к камням. Мать-белуха была уже

тут. Она вертелась у бурунов, часто выставляя из воды голову. Нижняя челюсть у нее была ободрана о камни, тонкая струйка крови бежала к горлу.

Нам повезло — лодка прошла между двумя камнями. Отталкиваясь от них веслами, заливаемые каждую минуту потоками пены и брызг, мы вытолкнули лодку и, пройдя гряду, очутились в море.

Ветер подхватил нас и повернул бортом к волне. Но прежде чем пенный опрокидывающийся вал успел налететь на карбас и швырнуть его обратно на камни, Гриша крутанул ручку мотора, мотор взревел, и карбас понесся, разбивая носом набегающую воду.

Я обернулся. Белуха следовала за нами! Она мчалась за карбасом, не погружаясь и не отставая ни на метр.

Тут я увидел, что веревки, которыми был привязан к борту дельфиненок, натянулись и глубоко врезались в коричневое блестящее тело.

— Стой! — закричал я. — Стой! Убьем же его. Ты что?!

Гриша сбавил обороты, отойдя от камней подальше, вырубил винт. Мотор работал вхолостую, мы перерезали мокрые, затянутые намертво узлы, и дельфиненок очутился на свободе.

Он без плеска ушел под воду, и только тогда я сообразил, что мы поступили опрометчиво.

— А может, он погиб? А, Гриша? Надо было на руках поддержать его. Может, веревкой его задушило, ну?

Гриша махнул рукой: невдалеке от карбаса всплыло огромное белое тело. Мать подталкивала детеныша, она тыкалась в него губами, и стоило ему погрузиться, тотчас же поднимала на поверхность. Дельфиненок не двигался. Ветер относил нас. Привстав, мы смотрели во все глаза. Наконец мне показалось, что дельфиненок шевельнулся. Мать еще раз толкнула его. Они оба погрузились и всплыли уже немного в стороне. Теперь белуха была не рядом с сыном, а позади.

— Готов, — сказал Гриша, — поплыл.

— Давай еще посмотрим...

Белуха и сын погрузились снова и пробыли теперь под водой уже с полминуты. Когда они вынырнули, мать, показав огромную спину, важно и неторопливо

перевернулась, и до нас донесся неторопливый, низкий, похожий на гудок паровоза выдох.

— Пошли домой! — сказал Гриша.

На этот раз его слова относились к нам. Заработал винт. Карбас повернулся кормой к уходящим животным и неторопливо, вместе с набегаящими волнами, покатился к берегу...

— Чего это вы в море ходили? — мрачно спросил нас Коткин, когда мы с Гришей вернулись в избу.

Из окна, около которого лежал бригадир, хорошо была видна та часть моря и берега, где разыгралась история с белухой.

— Да так, — нехотя сказал Гриша.

Коткин с подозрением посмотрел на него.

Гриша молчал. Он думал, стоит ли рассказывать, но решил, что не стоит. Он, наверное, подумал, что не все охотники одобряют наше плавание. Такое огромное животное было хорошей добычей.

ЗА РОГАМИ

— Линный гусь, он слабый, — говорил Ардеев, лежа на нарах и мечтательно смотря в потолок. — Летать ему нельзя, перо падает. Лучшего места ему, чем у нас на Канином, не найти. Нет! На озерах он сейчас, в тундре. По Камню от моря, если напрямиком, часа три. Эх, я бы пошел — Коткин не отпустит! А вы идите, там и рогов насобираете.

Мысль отправиться на озера, где жируют гуси, давно занимала меня. Теперь к этому добавилась возможность раздобыть пару оленьих рогов.

К тому, что я знал о том, как олени теряют рога, взамен которых вырастают новые, добавилась еще одна версия. Ее изложил мне Коткин.

— Рогов там много, — сказал он, узнав о походе, который я замыслил. — Только не все роненные. Ненцы их много пилят. Самым крепким спиливают, чтобы не дрались. А то что получается: олень старый, рога крепкие. Он этими рогами молодых оленей от самок гоняет. Потом — от тяжелых рогов у стариков «головная болезнь» начинается. Голову шибко вниз тянет... Ты к вечеру-то вернешься?

— Вернусь.

Я вышел утром после чая.

— До озер не доходя, только они блеснут, влево возьми! — На крыльце стоял Гриша и кричал мне вслед. — Там распадок, по дну — речка. Берегом пройдем, поднимись на угор. Там земля вроде как красная. На этой земле — рога. Лет пять их там режут.

Я вскарабкался на Камень, и меня подхватил ветер. Он уперся в спину и стал толкать. Ноги срывались с мелких, поросших морошкой и мхом кочек, вязли в топкой, сырой глине.

Рыжая всхолмленная тундра убегала к горизонту.

Я брел по ней, стараясь держаться спиной к ветру, чтобы не менять направление движения.

По пути на северном склоне длинного пологого холма попался еще один снежник. Снег в нем лежал плотный, льдистый, намертво примерзший к глине. Теплые ветры и косые солнечные лучи сделали снежный вал узким, выпуклым и гладким. Я без труда нашел в нем узкую стаявшую перемычку, не набрав в башмаки снега, перелез через нее и снова зашагал по тундре.

Я брел по ней уже часа два, когда заметил впереди слабый голубой свет. Отрываясь от горизонта, над коричневым разливом мхов дрожала синяя полоска озера. Белая, омытая дождями и талым снегом кость хрустнула под ногой — осколок оленьего черепа; я решил, что это напоминание, что гусей посмотрю потом — главное, рога! — и взял влево.

Еще полчаса ходьбы, и я стоял на краю каменистого неглубокого оврага, по дну которого весело бежал, подбрасывая и пеня воду, ручей.

Дальше все было просто: спуститься и идти по его берегу. Но ручей, проследовав некоторое время в одном направлении, вдруг сменил его. Изгиб за изгибом, поворот, затем путь преградил камнепад. С трудом преодолев завал из каменных глыб, я огляделся, но ничего похожего на угор не обнаружил. Овраг все углублялся, стены его были одинаково отвесны и ровны. Вискарабкался наверх, выбрал из возвышенностей, окружавших меня, поприметнее, добрел до нее, поднялся... Никакой красной земли. Озеро тоже исчезло... Я понял, что заблудился.

Когда о человеке говорят: он «заблудился», представляешь себе путника, окруженного густым лесом.

Деревья отгораживают его от мира, прячут солнце, не дают видеть путь. В тундре иначе. Я стоял на вершине холма, вокруг меня до горизонта все было чисто, в глубине серого неба, за тонкой пленкой облаков, оранжевым пятном светило солнце, но я все равно не знал, что делать и куда идти. Направление на озера я потерял, сообразить, где море, смог не сразу. Наконец часы и солнце уверенно подсказали: там берег! То же подтвердил ветер. Но я решил довериться реке. Она уверенно бежала по склону — устье недалеко!

СТОЙБИЩЕ

Стены оврага поднимались все выше. Скоро я очутился в каменном ущелье, по дну которого, оставляя на берегах пену, несся холодный поток. Солнца теперь не было видно. То и дело дорогу преграждали каменные осыпи. Послышался шум — ущелье сжалось, шум превратился в рев падающей воды.

Падая с каменного уступа, вода бурлила. Она выбила яму, и со дна ее, лопаясь, всплывали пузыри.

Для того чтобы спуститься, пришлось прыгать со скалы.

Здесь, внизу, ущелье расширилось, рядом с водопадом зеленела поляна. Посреди нее я заметил темный прямоугольник — дерн в одном месте был снят, по углам торчали колья. Около воды — пятно от костра.

Человеческое жилье!

Я прошел по поляне. В середине ее стоял вкопанный в землю божок — столб: его оголовье чья-то вооруженная ножом рука превратила в лицо. Пустые глазницы бесстрастно смотрели поверх бурлящей воды. Кое-где светлое дерево было тронутو красной и зеленой краской. Идол с пятнами на щеках сумрачно и молчаливо сторожил покой брошенного стойбища.

Люди прожили здесь не больше недели: слой пепла в кострище был не толще двух пальцев.

Я положил ладонь на голову божка. Столб покачнулся. Он был вкопан неглубоко, наспех или небрежно.

Что за люди водрузили его в глухом ущелье посреди тундры?

Кто?

Может быть, старик ненец? Может быть. Проходило, кочуя, стадо. Старик подобрал на берегу моря белый, принесенный волнами столбик, долгими часами, сидя у костра, вырезал лик бога, слабыми руками нетвердо вкопал его.

А может быть, не старик? Статую могли вырезать из дерева школьники. Каждое лето отпускают их из интернатов к родителям в тундру. Бродят мальчишки по степи с отцами, помогают пасти оленей, собирают ягоду, охотятся на птиц. Видели ребята божков, которым еще недавно поклонялись в ярангах их деды, вырезали такого же из дерева и поставили.

А может, геологи? Каждое лето прилетают вертолетом в канискую тундру люди из Москвы, Архангельска, Ленинграда. Перетаскивают от ущелья к ущелью тяжелые рюкзаки, палатки. Стучат молотками по камню, собирают в мешки обломки породы, ссыпают в баки песок, глину... Веселый и щедрый на выдумку народ. Бывает, кочует по тундре партия, живет по неделе, по месяцу на одном месте. И нет-нет соорудит на счастье и на удачу около палатки талисман — древнего бога, чтобы, одаренный вековой силой, вывел он из-под земли на них нужную жилу.

Я присел на сухую топтанную землю, привалился спиной к идолу и продремал с час, пока не проник под куртку речной неторопливый холод. Вскочил, встряхнувшись, зашагал дальше тропинкой вдоль реки, не оглядываясь, ожидая каждую минуту увидеть море. Так и случилось. Сперва в ущелье ворвался низкий гул опрокидывающихся волн. Затем каменные стены раздвинулись, и вместе с потоком чистого густого ветра на меня обрушилось светлое мерцание свободной до горизонта воды.

Речка с грохотом свалилась еще с одного скально порога, разлилась вширь и пропала, ушла в черную гальку, в нагромождение наваленных прибоем камней.

На склоне опускающегося к морю холма я увидел еще один след человека, еще один темный прямоугольник скрытого дерна.

Еще одно стойбище?

ИЗБА

Это была изба.

От нее остались одни нижние венцы. Размытая дождями, осевшая рыжая глина замыла их.

Я перелез через трухлявое бревно и, присев на корточки, поднял комок. Он рассыпался, что-то укололо ладонь. На землю упал маленький плоский камешек с острыми краями.

Я поднял его, вытащил из кармана платок, протер. В тусклом свете пасмурного августовского дня на ладони вспыхнул и засиял кусочек южного неба. В руках был осколок голубой фаянсовой тарелки.

Так вот к какой избе вывела меня тропинка! Изба норвегов, как называла ее в Шойне хозяйка.

Я нашел щепку и стал еще ковыряться в земле. Но на этом удача, видно, кончилась.

Обошел венцы. В траве угадывалась старая тропа. Она начиналась у стены и сбегала вниз, к морю. Это по ней бежали по тревоге к судам молчаливые норвежцы. Бежали и оглядывались на сопку. А оттуда, вытягивая руку, показывал им направление дозорный, — на берег вышли моржи!

Зверя били на берегу, били, оттесняя от воды. Начинали с крайних, только что вышедших из моря. Били, вонзая гарпун в толстый, коричневый, дрожащий от избытка сала бок. А потом, завалив на спину многопудовую тушу, выламывали клыки — драгоценный морской зуб.

...Я спустился тропинкой к самой воде. На лайде не осталось никаких следов промысла. Волны и дожди смыли доски прохудившихся лодок, позвонки убитых китов и тюленей. Унесли клочья моржовых шкур.

С моря донесся тихий протяжный свист. Я вздрогнул. Свист повторился. На серой поверхности воды показалось блестящее белое пятно. Медленно продвигаясь вперед, оно увеличивалось и становилось объемным. Солнечный блик вспыхнул на нем и погас. Позади бурунчиком завертелась вода и всплыла лобастая

мордочка белушонка. Старые знакомые! Огромная мать-белуха с детенышем неторопливо плыли вдоль берега.

Животные не торопились. Шумно вздыхая, белуха плавала взад-вперед, а рядом с ней, то обгоняя мать, то отставая, вертелся белушонок.

Он настойчиво преследовал ее, и наконец мать сдалась. Она замедлила ход, завалилась слегка набок, а белушонок нырнул под нее, шаря ртом по молочному сверкающему животу. Затем они оба тяжело и лениво метнулись в разные стороны и снова начали кружение. Так повторялось долго, пока белуший ребенок не насытился, и тогда мать, решительно повернув в море, пошла от берега, увлекая за собой сына. Отплыв за черту желтых, обнажающихся во время отлива песчаных отмелей — кошек, они повернули и поплыли на север, где в туманной дымке угадывался Канин Нос, мыс — последний на полуострове, за которым черной полосой уже дымился океан.

Две блестящие точки, белая и коричневая, скрылись.

И тогда, обратив взгляд на юг, где осталось Тарханово, я увидел еще одну — черную. Она вертелась, раскачивалась и увеличивалась в размерах. Потом справа и слева от нее замельтешили пенные усы. Это шла, разбрасывая носом воду, наша дорь. Шел, разыскивая меня вдоль берега, Паша Коткин.

ЯМКА

Норвежская находка не давала мне покоя. Перед отъездом я решил поковыряться в земле около нашей избы.

Взял лопату, отошел за угол, стал рыть.

Копнул один штык — наткнулся на клочок газеты. Названия не видно, а число есть — прошлогодняя.

Еще копнул — выскочил ржавый патрон. Да не охотничий, а от боевой винтовки. Удивляться нечего: во время войны тут недалеко проходил фронт — на том берегу. Наши могли бояться немецкого десанта. Ходили тут патрулями бойцы, лежали у пулеметных гнезд.

А ну, что там еще глубже?

А глубже — монета. Царская, с гербом. Зеленая монета одна тысяча восемьсот непонятно какого года. Тоже все ясно: промышляли тут поморы, приезжали за пушниной, торговали с ненцами в тундре купцы.

А еще глубже?

Зола. Черепки битые. Камень. Дальше лопата не идет. До материка докопался. Тонкая тут земля, видно, мало успели ее нанести ветры, набросать люди.

Чья зола? Чьи черепки, кто разбил красной глины грубо сработанный горшок? Что хранили в нем?

Может, приходили сюда триста—двести лет тому назад устюжане, архангелогородцы? Держали здесь избу, промышляли морского зверя, ловили песцов.

А может, заглядывали мангазейцы? Жители самого северного в мире и самого удивительного, далеко за Полярным кругом поставленного города? Вез мангазеец в горшке масло, не уберег сосуд — вот и черепок.

Нет, вроде не должен был он оказаться тут. Шел мангазейский морской ход южнее, по волокам, через тундровые озера, в обход сурового Каниного Носа. Но все может быть!..

Я не взял ничего. Положил и закопал. Монетку, патрон, черепок. Забросал землей. Тут знаток нужен, ученый. Не мне чета! Пусть лежат.

СНОВА КРЕСТ

Мы сидели за неструганым дощатым столом и подбирали ложками с тарелок черева — жаренные на сале рыбы потроха. Под потолком свободно свистел ветер, колокол с протянутой к нему проволокой подрагивал.

— Так все-таки кто там, наверху, похоронен, Коткин? — спросил я в третий раз бригадира.

Тот не ответил, облизал ложку, положил ее аккуратно на стол, достал с постели чистый платок, завернул ложку, спрятал ее под подушку.

— Пойдем! — сказал он мне.

Крутой, убегающей под снежник тропой мы забрались с ним на Камень, а с него перешли к обрыву.

Я стоял наконец около покосившегося, огромного, в три человеческих роста, креста.

Когда крест ставили, под него вырубili скалу. Куски слоистой розовой породы лежали в отвале. Крест был срублен из толстой вековой сосны, какие не растут ни на Канином, ни под Мезенью и какую можно только высмотреть и свалить под Архангельском.

Вон аж откуда притащили неизвестному помору его друзья намогильный знак! Вот как крепко надо было помнить товарища, чтобы предпринять такой труд.

Я присел и стал разглядывать надпись. Она была вырезана у основания на выровненной, плоской, зеленой от плесени и мха деревянной грани:

**«ПОСТАВИЛИ ЩЕЛЯНЕ, БОЖЕ,
ДАЙ ИМ ВЕТРА»**

Вот и все. Никакого помора, с существованием которого я уже успел свыкнуться! Никакого искусного морехода, кормщика и вожа.

Я еще раз представил, как летним солнечным днем ходят над Двиной охотники. Как высматривают самую большую, пропитанную душистой смолой сосну, валят ее, корнуют, тешут. Как «в лапу» врубают в нее две поперечины, одну наискосок. Как на канатах спускают крест на песчаный берег, грузят его, облепив артелью, на лодью или на дори. Как неделю плывет, пробираясь в тумане среди предательских кошек, на север хрупкая посудина. Пристает около промышленной избы, и снова волочит артель — теперь навверх — липкий душистый ствол, на Камень, чтобы поднялся над Студеным морем знак: «...дай им ветра».

Вот как нужна была удача этим молчаливым и упрямым добытчикам зверя, вот как был нужен им правильный попутный ветер.

«А крест-то обетный,— подумал я.— Видно, в лихую годину, когда подхватило и понесло из горла в ревущую синюю океанскую даль лодью, дала обет артель: спасутся; срубят, привезут и поставят тут на голом каменном берегу крест».

Смилоstinвилось море. Пал ветер. Вернулась лодья. И привезли, как обещали.

— Особенного ничего,— сказал Паша Коткин.— Крест как крест.

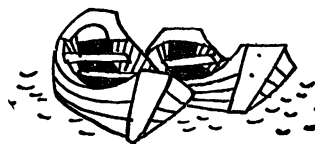
— Ничего...— нехотя согласился я.— Что это, Паша? Никак тревога?..

ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕВОГА

От избы вниз по тропке мчались, размахивая ружьями и ватниками, охотники.

Паша охнул и одним прыжком очутился метров на пять ниже меня, с грохотом сбивая по пути камни, помчался к лайде.

Около дори метался голубой дымок — Личутин уже запустил мотор.

Разбрызгивая воду, вброд к карбасам бежали, подняв высоко ружья, промышленники.

На ослепительно серой поверхности моря густо вспыхивали и исчезали пенные точки — шли белухи. Стая шла, как всегда, вдоль берега.

Карбасы по одному, таща за собой темные, расходящиеся как усы волны, вытягивались из ковша.

Выбрала якорь и свободно задрейфовала дори.

Стая приближалась. Дори, отойдя мористее, уже поджидала ее. Карбасы выстроились от берега полукругом. Когда стая поравнялась с дори, там завели мотор и, гоняя его на полную силу, пошли к берегу. Стая заволновалась. Желтые спины, часто показываясь и скрываясь, то грудились, то расходились. Белухи увеличили скорость, но впереди зашумели, застучали по воде люди на карбасах. Глубокий проход под берегом, казалось животным, уводил их от опасности. Стая повернула в тонию. Одинокий карбас, что таился у перекрышного невода, сорвался с места. Стуча по воде и стреляя, команда его тащила сеть, перекрывая единственный выход из тони. Вот карбас достиг буя — сеть замкнулась, стая была в ловушке...

Я окинул взглядом море. Карбасы уже сгрудились около тони. К ним издалека шли два судна — наш дори и второе, побольше.

Сложил кулак и в узкую щелочку, как в бинокль, посмотрел в него. Это был ПТС. Значит, сегодня я уйду из Тархановки. Белых китов убьют и разделают без меня.

ПТС бросил якорь левее тони и закачался на слабой зыби. Он еще был весь в движении. Мачта подрагивала, голубой дизельный дымок вился за кормой.

Через час я перейду к нему на борт. Описав перед тоней круг, суденышко ляжет курсом на Шойну.

Прощай, берег, где узкой полосой над тундрой на склоне лежит синий лед. Где валяются среди ягеля отпиленные олени рога, а на берегу под обетным старым крестом гниют на солнце черные туши китов. Где стоит, прилепившись к зеленому боку сопки, изба, а в ней четыре месяца в году живут, повторяя повадки и строй жизни дедов-поморов, колхозники из Шойны, охотники за морским зверем.

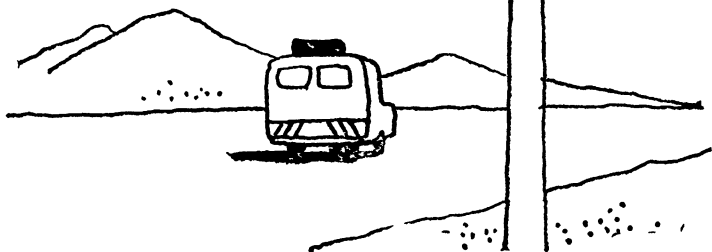
Полуостров Канин
1965 г.

ПОВЕСТИ О ПУТЕШЕСТВИЯХ

ДОРОГА
на
Багамойо

Ливингстон умирал. Он лежал под развесистым деревом на берегу озера и слушал, как бьется в ушах кровь. Дул ветер, и кирпичного цвета волны с размаху колотились о глинистый берег.

Великому путешественнику было за шестьдесят. От непрерывного хождения ноги его почернели и высохли. Год за годом он углублялся в экваториальные дебри. Его пути лежали в районе Великих озер — Виктории, Ньясы и Танганьики.

Великим моментом его жизни было открытие водопада на реке Замбези. Рев воды он слышал почти за сутки. Полдня шел тропами, следуя за проводником. Наконец стена кустов раздвинулась и над ней взметнулось белое облако брызг; река полным течением падала почти со стометровой высоты. Дрожала земля...

Ливингстон закрыл глаза, сказал, что хочет спать.

Он не проснулся.

«Мзее — умер!» — Горестный барабанный бой разнесся над берегами Танганьики.

Слуги путешественника подняли на плечи ящик с его телом и понесли к океану. Они шли около полутора тысяч километров. В Багамойо, в единственной в те годы часовне на берегу океана, шествие закончилось. Здесь ящик лежал еще несколько месяцев, ожидая парохода, который мог бы отвезти прах в Англию.

Это был первый случай, когда мир поразился дружбе белого человека и черных жителей Африки...

ВЕЛИКИЙ МАТЕРИК

Два года тому назад мне довелось пожить месяц в Восточной Африке, в Танзании.

Эта книга — попытка вспомнить, как было, попытка снова погрузиться в водоворот событий, дней, наполненных ревом моторов — самолетных, автомобильных и редкими блаженными часами тишины.

Африка... Наверное, нет второго материка, который так властно и своеобразно входил бы в нашу жизнь, начиная с самого раннего детства. С Африки начинается познание заморских стран. Далекие волшебные слова: слон, антилопа, Килиманджаро — мы узнаем порой раньше, чем близкое — выхухоль, козодой, Сороть.

А ее великие исследователи? Моей любимой книгой в школе было описание последнего путешествия Ливингстона...

МОСКВА — ЭНТЕББЕ

Мы вылетели из Москвы поздно вечером. Утро стало нас в Хартуме. Несмотря на ранний час, ртутный столбик уже дрожал около тридцати градусов жары. Из пустыни, которая начиналась сразу же за бетонным полем аэродрома, несло, как из открытой духовки, жаром.

Снова полет. Тусклое бесцветное небо за круглым стеклом иллюминатора, а внизу — безжизненные красные пески. Среди них коричневой лентой вьется Нил. Багровые облачка — пыльные смерчи — кочуют по его берегам.

Через два часа пустыня кончилась, Нил поглубел, берега его оделись в зелень. Начались суданские плавни, бескрайние моря папируса и камышей, и неожиданно река прервалась — ее перерубило, как сабельный клинок, озеро Альберт.

Это здесь когда-то стоял на коленях пораженный Сэмюэл Бейкер. Долгие годы английский исследователь искал место, где начинает на север свое движение великая река. Он пришел сюда от озера Виктория, тщательно нанося на карту каждый изгиб. После водопада Мерчисон Нил повернул на юг, встретил узкое

длинное озеро, влился в него и вдруг тут же за мысом, совершив немислимый поворот, снова вырвался на волю, чтобы полным течением устремиться на север...

Рев самолетных моторов стал тише, на горизонте вспыхнула солнечная полоса — вода огромного пресного моря — озеро Виктория. Машина, стремительно снижаясь, неслась к посадочной дорожке.

Мы прилетели на самый экватор, в Энтеббе. Кругом холмы, покрытые кустами и невысокими деревьями. Густая трава. Влажно, моросит дождь.

И не очень жарко. Как у нас в мае. После раскаленной пустыни новая — удивительная зеленая Африка!

КИЛИМАНДЖАРО

Потом был последний перелет. Ушло под крыло озеро — коричневая вода, круглые, как тарелки, острова. Редкие горы, всхолмленные степи, змейки дорог.

С востока, с Индийского океана, ползли облака. Белое одеяло накрывало степь. По одеялу, чуть в стороне от самолета, подпрыгивая, мчался косой серый крест — наша тень. Самолет качнул крыльями.

— Килиманджаро!.. Килиманджаро!.. — заговорили в салоне.

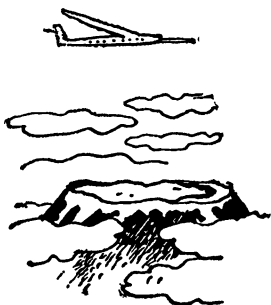
Я привскочил:

— Где?

В одном месте облачное одеяло было приподнято. Что-то большое, с острыми краями пыталось пробить снизу облачную ткань. Напор великана был столь велик, что в облаках образовались трещины. Через них были видны скалы.

Я не успел их рассмотреть — облака снова сомкнулись.

Знаменитая гора осталась позади. Я так и не увидел ее. Одинокiй вулкан на экваторе не захотел показывать себя. Он так и остался для меня только словом — Килиманджаро...

Город возник горстью белых раковин, выброшенных океаном на берег. Узкая бухта, сплошь заставленная пароходами, светлые кубики домов в центре, короста шиферных крыш на окраинах, черные ручейки улиц.

По ручейкам плыли разноцветные коробочки-автомобили. Внизу замелькали зеленые и голубые квадраты полей.

Самолет, натужно ревя турбинами, тянул к аэродрому.

Мы промчались над прямой, как натянутая нить, дорогой. По ней ехала автомашина. В кузове ее стояло странное сооружение, напоминающее безоткатную пушку. Мы мчались быстрее автомобиля, и для нас он ехал задом наперед. Отступая, он пронесся под крылом самолета, пушка сверкнула стеклянным глазом, и я подумал, что это скорее всего телескоп. Мы промчались над ней, в канавах запрыгали листы бумаги, за обочиной легла трава.

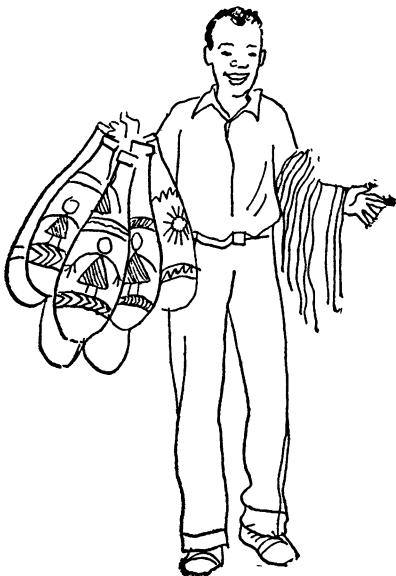
Кресло подо мной приподнялось — удар! Самолет понесся по бетону, завизжали и умолкли колеса.

Когда мы вышли из машины, в лица ударил влажный горячий ветер. Руки, лоб, щеки — все сделалось липким. Дышать стало трудно.

Над головой плавилось и пылало солнце. С раскаленных крыльев самолета стеклянными ручейками стекал воздух.

Мы ехали в город. Разноцветные веселые домики, зеленые кукурузные поля бежали за стеклом.

Шоссе незаметно перешло в городскую улицу. Базарная площадь — водоворот по-

возок, людей. На остановке огромные, похожие на карнавальных, ярко раскрашенных китов автобусы принимали в свои чрева пассажиров. Темнокожие женщины в ярких платьях лезли в машины пригибаясь, на головах они держали корзины.

У лавок и столов прямо на земле были расстелены мешки, на них грудками лежали желтые бананы, красно-зеленые плоды манго, изогнутые коричневые корни маниока.

Посуда — металлические голубые тазы и кастрюли, черные глиняные чашки, оранжевые, похожие на огромные груши кувшины — калebasы — громоздилась на прилавках.

Базар гудел, пел на все голоса, тонко плакали дети, гортанно спорили торговцы. Из корзин на людей по-собачьи ворчали куры.

Наш автомобиль вырвался из базарной толчеи. Обогнав медлительный, переполненный людьми автобус, мы выкатили на набережную. В заливе стояли на якорях пароходы. Пересекая бухту, шел паром. На его палубе впитык, навалиясь друг на друга, стояли автомобили. На крыше грузовика сидел шофер. Связка бананов висела у него на груди, как бусы.

Еще поворот. Мы проскочили старинное арабское здание с серыми некрашеными стенами, с узкими, похожими на крепостные бойницы окнами и очутились в центральной части города. Здесь над верхушками прозрачных пальм и густых многоствольных фикусов высились здания из бетона и стекла. По широким тротуарам неторопливо текла пестрая толпа.

На перекрестке двух улиц стоял бронзовый памятник. Африканский солдат, пригнувшись, с винтовкой наперевес, шел в атаку.

Таблички на домах: «Индепенденс стрит» — «Улица независимости».

Около гостиницы мы остановились. На ее вывеске белыми буквами было написано «МАВЕНЗИ». В этой гостинице я провел первые дни в Даре, как любовно называют танзанийцы свою столицу.

УТРО

Я просыпался рано от зычного голоса, который волной покатывался над Дар-эс-Саламом.

Едва над океаном начинало сереть, в старой части города возникал слабый стонущий звук. Усиленный громкоговорителем, он проносился над крышами. Это был голос мусульманского служителя — муэдзина. С балкона мечети муэдзин возвещал о начале дня. Он держал микрофон у рта и расхаживал с ним взад-вперед. Голос его то замолкал, то усиливался до рева.

В небе одно за другим гасли созвездия.

На улицах появлялись грузовики. Они везли на базар груды кокосовых орехов, бананы в открытых мешках, гулкие жестяные бидоны с молоком. На городскую бойню везли в железных клетках коров. Коровы глухо мычали и бились рогами о прутья.

Появлялись прохожие. Торопились к бензоколонкам рабочие в синих и красных куртках. На их спинах белели названия фирм «Эссо» и «Шелл». Стайками бежали одинаково одетые школьники. В белых рубашках шли служащие.

Последними, держа под мышками блестящие кожаные папки, не торопясь, проходили чиновники из министерств.

С грохотом распахивались железные двери магазинов.

Солнце уже висело огненной каплей над резными кронами пальм.

Быстро нагревался асфальт.

КИДОГА

Я совершил три поездки по стране.

Первая была в маленький городок Кидога, где в женской школе-интернате работала русская учительница Юрсова, из Орла. Она должна была познакомиться меня с африканской школой,

Кидога, собственно, на суахили и значит «маленький». На окраине крошечного городка стояло несколько огороженных низким бетонным забором светлых каменных с большими окнами зданий.

Около одного из них, у длинной, во всю ширину здания, веранды, сидела на стуле женщина и читала книгу. Стайка смуглых девчонок играла перед домом.

Увидев меня, женщина встала, помахала рукой и направилась к ограде.

— Давно жду вас! — крикнула она по-русски. — Заходите.

Юророва работала учительницей математики в Орле, оттуда ее направили на курсы ЮНЕСКО, международной организации, которая занимается среди прочих своих дел и помощью школам молодых развивающихся стран. После курсов — Танзания.

Мы шли к главному корпусу.

— В нашем интернате учатся одни девочки, — объясняла Юророва. — Из разных концов страны. Разные племена, и это, вы понимаете, трудно. Это — веранда — бараза. А это — боксы, в которых воспитанницы держат книги и тетрадки. Портфелей у них нет.

Мы вошли в класс. Грохнули стулья. Два десятка темнокожих девочек вскочили, с любопытством таращась на меня.

— Это наш гость, девочки, — сказала Юророва. — Он хочет узнать, как мы учимся. Сделаем вид, что его нет... Итак, сегодня после уроков мы идем на шамбу. Могут остаться только те, кто выпускает рукописный журнал. Что ты хочешь спросить, Джоана?

— Откуда приехал наш гость?

— Так же, как и я, — из России.

Легкий вздох пронесся над столами.

Я понял, что молчать дальше нельзя.

— Я прилетел из Ленинграда, — сказал я, — у нас сейчас зима, холодно. Ребята носят теплые пальто, шапки и варежки. Играют со снегом.

И тут я допустил ошибку. Я спросил, предвкушая неведение:

— А знаете ли вы, что такое снег?

Девочки молчали.

— Кто из вас видел снег?

Юророва улыбнулась.

— Кто видел снег, поднимите руки.

Произошло то, чего я никак не мог ожидать: поднялся лес рук. Двадцать девочек стояли, каждая — с поднятой рукой.

Я растерялся.

— Вы видели снег? Ах, да... в кино... Или на рисунках в книгах... Я говорю правильно? Девочки заулыбались.

— Кили!.. Кили!.. — закричали они.

Юросова отдернула занавеску. Далеко на северо-западе в туманной дымке синела горная цепь.

— Там, за горами, посреди степи стоит Килиманджаро, — сказала она. — Все наши девочки бывали у его подножья. Они видели вечный снег на его вершине.

Грянул звонок. Юросова громко и отчетливо произнесла:

— Первый урок у нас сдвоенный. Пишем без перерыва контрольную по математике.

НИЗКАЯ ОЦЕНКА — ПЯТЬ

Шуршала бумага. Поскрипывали стулья. Двадцать девочек напряженно всматривались в листы, которые раздала им Юросова.

Я ждал, что они примутся решать задачи, что склонятся над столами курчавые головы и в такт задвигаются пальцы с шариковыми ручками.

Ничего подобного не происходило. Девочки рассматривали листы. Время от времени то одна, то другая коротким движением что-то отмечали в них. И только!

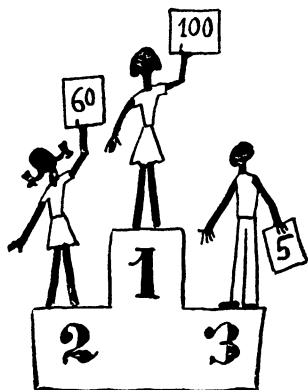
Я поднялся с задней парты и вышел в проход между столами.

Никто никаких задач не решал. Воспитанницы рисовали кружки!

Посмотрит девочка на лист, где записаны задачи, пошевелит губами и обведет цифру кружком.

Удивительная контрольная!

С трудом дождался звонка, а когда Юросова собрала работы, подошел к ней.

— Что они делали? — спросил я. — Вместо того чтобы решать задачи, рисовали кружки?

Юророва засмеялась.

— Вы хотите спросить, что они обводили кружками? Ответы. Те ответы, которые считали правильными. Мы здесь не требуем от школьников, чтобы они решали задачи, а предлагаем с каждой задачей или примером набор ответов. Скажем, «Сколько

будет 5×5 ?» Четыре ответа: 36, 12, 25 и 0. Правильный ответ ученик должен обвести. Вот и все. Собираем листы и ставим оценки.

— Пятью пять — двадцать пять. Сколько вы мне за это поставите?

— А что у вас было по математике?

— Пять.

Я произнес это с гордостью. Юророва перевела, девочки, толпившиеся вокруг нас, дружно засмеялись.

Я удивился:

— Что тут смешного?

— Пятерка здесь — не очень высокая оценка, — сказала Юророва. — Сколько ты получила за прошлую контрольную, Сари?

— Шестьдесят, — ответила девочка.

— Не много... А ты, Джулия?

— Сто.

— Вот это другое дело! Сто — высшая оценка.

Девочки, поглядывая на меня, заговорили наперебой.

— Они спрашивают, как вы вообще учились в школе?

Я смутился. Мои отметки по сравнению с тем, что получают эти темнокожие девчата, выглядели, конечно, нелепо. Четыре — это что-то вроде «очень, очень плохо».

— Скажите им, что я учился вполне удовлетворительно,

БАБУИНЫ

Мы сидели на базаре и смотрели, как опускается за горы дымное сиреневое солнце. Синие тени ползли по двору. Из открытых окон школьного клуба доносились песни.

— Это репетиция самодеятельности... — сказала Юророва. — Вы никогда не видели африканские народные танцы? О, они изумительны! Только для того, чтобы понимать их, надо знать, что значат отдельные движения.

От дерева, которое росло около огорода, отделилась маленькая горбатая тень. За ней вторая... третья... Животные пробежали по земле и скрылись среди грядок.

— Кто это?

— Обезьяны. Надо сказать девочкам, чтобы прогнали.

Юророва ушла, и скоро на шамбе послышались визг и веселые крики. Заметались белые блузки. Потом они приблизились. Девочки со смехом вошли на базару. Двое тащили мешок. В нем что-то стонало и билось.

— Поймали! Поймали!

— Кого?

— Молодого бабуина.

Девочки стали спорить, что делать с обезьяной. Одна из девочек что-то запальчиво говорила. Остальные ей возражали.

— Нкелигве, вон та девочка, предлагает выпустить обезьянку. А другие считают, что бабуина надо посадить на цепь. Он будет кричать и отпугнет остальных!

Мешок с обезьяной унесли.

— Как ни странно, девочки здесь обычно равнодушны к животным, — сказала Юророва. — В школе нет живого уголка. Никто никогда не приносил на занятия ни одного зверька. А ведь я помню, у нас в Орле это просто бедствие. То ужа в класс принесут, то воробья.

— Это потому, что у нас зверь или птица — редкость. А тут их еще хватает! Ведь ваши дети из деревень, а деревни в саванне...

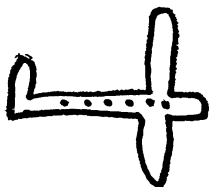
РИСУНКИ

Юросову послали в мужскую школу. Она предложила сопровождать ее.

Мы шли узенькими улочками Кидоги. Ни мостовых, ни тротуаров. Поверх глины зола. Коричневые куры с ожесточением купаются в пыли. Вдоль улицы — каменные домики, по-тропически распахнутые настежь, без дверей, без стекол в окнах. Около домов на веревках белье, на крылечках шумные полуголые дети.

— Эти дома построило для бедняков правительство, — сказала Юросова.

Мужская школа была тоже в новом здании, только вместо огорода вокруг ее корпусов был разбит сад. Под огромным многостольным фикусом играли в футбол мальчишки. Пятнистый мяч шурша носился по песку. Половина игроков была обнажена по пояс, остальные играли в майках. На груди у одетых были нарисованы львы.

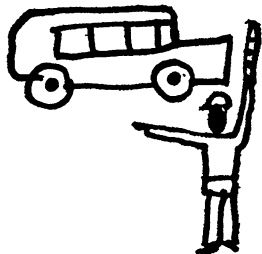
— Симба! — вопили одетые, тесня противника. Полуголые защищались.

— Симба!

Юросова ушла, а когда вернулась, сказала, что директор приглашает меня на урок рисования.

Урок начался, я попросил слова.

— Ребята, — сказал я. — У меня просьба: сделайте рисунки, которые я мог бы отвезти в Ленинград. Русским ребятам будет очень интересно увидеть Африку такой, какой ее знаете вы. Рисуйте то, что больше всего вам знакомо...

Первый листок лег передо мной на стол. На белом квадратике бумаги, вырванном из ученической тетради, был аккуратно нарисован самолет. Второй лист — футбол. Третий — снова футбол. Автобус... Регулировщик уличного движения... Снова самолет. Бензоколонка и целое семейство автомобилей...

— Стойте, ребята! — сказал я. — Неужели никто из вас не хочет нарисовать льва или леопарда? Саван-

ну, джунгли, реку с крокодилами? Неужели никто из вас не видел на воле льва?

Мальчики замотали головами — нет, не видели.

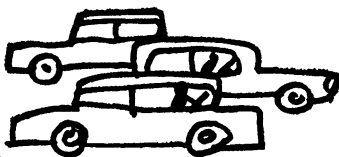
— А бегемота или змею?

— Петер Ксомо! — дружно выдохнул класс.

Подталкиваемый друзьями, встал долговязый подросток.

— Петер жил в Аруше, у заповедника. Он видел льва!

— Петер, — сказал я, — очень прошу тебя, нарисуй густой лес и льва, который подкрадывается к добыче.

Петер кивнул, отложил рисунок парохода, который он уже было закончил для меня, и, аккуратно вырвав из тетради новый лист, начал рисовать.

Я собрал в пачку изображения автомобилей, самолетов, футболистов и сложил их в портфель.

Класс, как замороженный, наблюдал: Петер Ксомо рисует льва.

Когда мы возвращались, я спросил Юросову:

— Вы, наверное, много ездили по стране?

Она махнула рукой.

— Какое там... Я ведь плохо переношу автобус. Вот у меня сосед Нильс — он преподает географию, — так тот каждый месяц берет отпуск, на мотоцикл — и в заповедники. То к ученым пристанет, то к киноэкспедиции. Иногда Нильс приглашает и меня покататься.

Юросова грустно засмеялась.

— Он и сейчас уехал. Мы его знаете как зовем: искатель приключений. Он из Вардебю — на юге Швеции.

ССОРА

За стеной раздавались голоса. Громко, вызывающе говорила одна девочка, ей запальчиво отвечали другие. Потом раздался вопль и стук падающего тела. Мы с Юросовой вбежали в класс.

На полу лежала рослая крупная девочка, а на ней верхом, вцепившись в волосы, сидела маленькая Нкелигве. Вокруг прыгали остальные. Увидев нас, кто-то дернул за рукав Нкелигве. Затрещала блузка. Лицо Юросовой пылало.

— Как тебе не стыдно, Нкелигве? Немедленно прекрати! Отпусти тотчас Джоану.

— Она сумасшедшая, она оторвет ей голову! — закричали все.

Дерущихся разняли. Та, на которой сидела Нкелигве, поднялась, упала на стул и залилась в три ручья.

— Что тут случилось?

— Джоана набросила на обезьяну петлю.

— А Нкелигве отвязала и выпустила обезьяну!

— Она сказала — дайте мне лопату, я размозжу Джоане голову.

— Ее дед был колдуном!

— Нкелигве, что тут произошло?

— Она сказала, что мне не место в школе. А я спросила: где же мне место? А она сказала: в диком лесу!

— Джоана, перестань плакать! Что ты сказала Нкелигве?

Плакавшая провела ладонью по глазам.

— Я сказала, — Джоана всхлипнула, — я сказала... Лучше бы ей не учиться в школе, а сидеть на ветке вместе с обезьянами.

При этих словах Нкелигве издала вопль и снова кинулась на Джоану. Я перехватил на лету ее руку. Девочка вырвалась.

Ох! Я тряс укушенным пальцем.

— Что с вами?

— Пустьак!

— Нкелигве и Джоана, марш в спальню. Нкелигве, ты не смеешь распускать руки. А ты, Джоана, совершенно напрасно лезешь не в свое дело. И напрасно мучаешь животных.

— Я еще рассчитаюсь с ней, — произнесла, исподлобья глядя на нас, маленькая Нкелигве.

— О случившемся я сообщу форм-мистрис. Вы обе будете наказаны. А сейчас марш в постели.

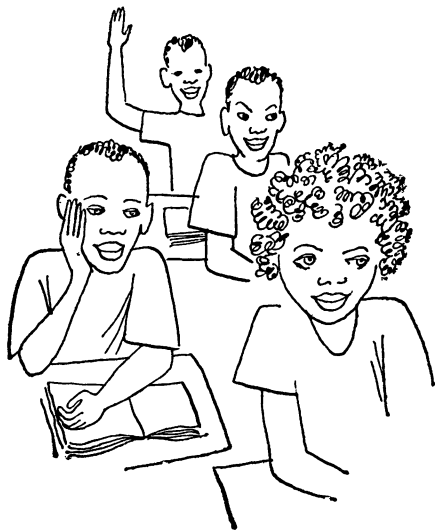
— Они из разных племен...— сказала Юросова, когда девочки ушли.— Это не сразу забывается. Между прочим, Нкелигве у нас — сказочница.

ДЕВОЧКА ИЗ ПЛЕМЕНИ НЬЯКЬЮЗА

Что значит — «она сказочница»? Я не понял и, вероятно, не узнал бы этого никогда, если бы, обходя еще раз вместе с Юросовой школу, не встретил бы снова Нкелигве.

Проходя мимо двери, мы услышали всхлипывание. Посреди класса за столом сидела, уткнув лицо в сложенные колечком руки, девочка и плакала.

Юросова тронула ее за плечо.

— Что с тобой, Нкелигве? — спросила она.

Девочка подняла голову. Мокрые полоски блестели на щеках.

— Что-нибудь случилось?

Нкелигве мотнула головой.

— Я не хочу учить математику,— сказала она.— И историю. И электричество. Я хочу домой.

— Хорошо,— сказала Юросова, обращаясь почему-то ко мне.— Все мы пере-

станем учиться. Я уеду назад в Россию, а наша директор — в Индию. Мальчики из соседней школы станут целыми днями играть в футбол, а девочки танцевать. Республике нужны только футболисты и неграмотные девочки, которые убегают в деревни и там танцуют.

— Я буду ветеринаром.

— Сперва надо кончить школу.

— Джоана говорит, что все мы — ньякьюза — упрямы и злы.

— Ты переписала свой рассказ?

Нкелигве, всхлипнув, кивнула.

— Тогда принеси его.

Девочка ушла.

— Я же вам говорила — она пишет сказки.

Нкелигве вернулась с толстой тетрадью, аккуратно сшитой из листов глянцевой бумаги. На листах разными почерками от руки были переписаны сочинения. Они шли попеременно — написанные по-английски и на суахили, стихи и рассказы, очерки и сообщения о делах школы.

— Где твой рассказ? Ага, вот он... Можно я переведу его вам?

И я услышал в переводе русской женщины странную историю, сочиненную девочкой из племени ньякьюза.

ЧЕЛОВЕК И СТУЛ

Один человек хотел почитать книгу и сел на пол. Вдруг перед ним появился стул. Человек очень удивился, встал и хотел снова сесть. Но стул оттолкнул

его. Тогда человек положил книгу, которую держал в руке, и попробовал успокоить стул. Тот продолжал лгаться всеми четырьмя ножками!

Тогда человек отшвырнул стул и снова сел на пол. Стул тотчас возвратился.

Человек спрятал лицо в колени и почувствовал, что стул легонько его толкает. Тогда человек встал, вытащил из кармана носовой платок и бережно вытер стул. Он даже попробовал немного потанцевать с ним. Но стоило ему снова сделать попытку сесть, как стул отбежал в сторону.

Человек обиделся, взял книгу и пошел в сад, чтобы усесться там под деревом. Стул немедленно последовал за ним. Подойдя к человеку, он остановился.

Тогда человек осторожно сел на стул.

Теперь они оба были счастливы — и стул и человек, который может теперь читать сидя на стуле.

Нкелигве Н.

— Странный рассказ. Или — сказка? — сказал я. — Определенно, сказка...

Пришло время расстаться с Кидогой.

Я сидел в машине, откинувшись на сиденье. Автомобиль неторопливо пробирался улочками городка, а я думал о сказке.

Стул ходит по комнате, лягает человека, наконец, дружит с ним...

Африканские сказки полны путешествующих, летающих по воздуху барабанов, кувшинов, щитов... Но в этом рассказе есть еще одно, чего никогда не было в суровых старых сказках, — ласка... Ею можно приручить любое существо!

Наверное, дело в том, что африканец всегда жил в мире одушевленных предметов. У мальчишек и девчонок Танзании свое отношение к миру. Двенадцатилетняя танзанийка невольно рассказала об этом...

Машину тряхнуло, она накренилась — мы съезжали к реке. Впереди светился желтыми бревнами мост. Он добродушно выгибал спину. Он был живой и приглашал нас проехать по нему.

ДЖОСИС

Вторая поездка была в заповедник.

Утром, едва я успел встать и умыться, в дверь моего номера в «Мавензи» постучали.

На пороге стоял молодой африканец в белой рубашке навыпуск и улыбался. Под мышкой у него была зажата обычная для чиновника кожаная папка.

— Джосис! — представился он. — В министерстве мне сказали, что я должен отвезти вас в Нката. Автомобиль сейчас придет. Все будет хорошо!

Мы сидели с ним в кафе на первом этаже гостиницы и пили густой, черный, без запаха чай.

— У меня небольшая просьба, — сказал Джосис, — вы не будете возражать, если мы поедem мимо моего дома? Я часто бываю в разъездах, и моя небольшая семья всегда провожает меня.

— Ну о чем вы говорите? Конечно!

Утренними шумными улицами мы выбирались из города. С Индепенденс-стрит свернули в переулок. У края тротуара стояла африканка. Пятеро мальчишек цеплялись за ее юбку. При виде нашей машины они все запрыгали и закричали:

— Папа, папа!

Женщина устало улыбнулась. Джосис смутился. Мне стало весело.

— Небольшая семья? Вам дома не скучно, Джосис!

Кончился город, начались поля. Зеленые лоскуты распаханной и засеянной земли понеслись за окном автомобиля, как льдины.

УДЖАМАА

Очередное поле замедлило свой бег и остановилось. Грелся мотор.

Пока шофер копался в нем, мы подошли к придорожному щиту. Черными прямыми буквами на нем было написано:

UDJAMAA

— Деревня уджамаа! — сказал Джосис. — Социалистическая деревня. По всей стране создаются сейчас деревни уджамаа.

На вершине холма, куда вела проселочная дорога, белели крыши: дома были покрыты не листьями и не травой, как обычно в деревне, а шифером.

По склону холма брела пара быков. Они тащили плуг. Несколько мужчин и женщин, кольцом окружив животных, управляли ими. Красная земля вываливалась из-под лемехов. Быки брели, опустив к земле зобатые шеи.

— В деревни уджамаа съезжаются люди — жить, работать и учить детей. Придет время — каждая деревня уджамаа будет иметь трактор. Государство поможет им.

Быки дошли до конца борозды, и их стали поворачивать.

— Пашут шамбу под бобы! — объяснил Джосис. — Даже у школьников в этом районе есть свои маленькие шамбы для бобов... Как там мотор?

Шофер вытер тыльной стороной ладони потный черный лоб и пожал плечами.

По другую сторону дороги напротив деревни уджа-
маа возвышался еще один холм.

— Идемте, я покажу, с чего начиналась наша
страна,— сказал Джосис.

ХОЛМЫ В СТЕПИ

Мы взобрались на вершину.

Пыль. Глина. Из земли выступает угол стертого,
обмытого дождями камня. Джосис, присев, перевернул
его. Камень с одной стороны был искусно стесан, а
с другой — закопчен.

— Очаг,— сказал он.— Когда-то здесь стояла хи-
жина. Здесь было много свободной земли. Приходил
человек, взбирался на холм и строил хижину. И вся
земля до горизонта становилась его землей.

— Кто сжег хижину?

Джосис пожал плечами.

Я присел на корточки, достал из кармана нож и
ковырнул землю. Она была перемешана с сажей.

— Наверное, охотники за рабами,— сказал Джо-
сис.— Всем были нужны рабы. Сколько людей угнали
из этих мест? Один миллион? Десять?.. Когда запрети-
ли эту торговлю, страна была похожа на пустыню.
Здесь проходила великая дорога на Багамойо.

Мы спустились с холма.

Красное, будто залитое кровью солнце катилось на
запад. Багровые тени ползли по земле. Пересеченная
оврагами, неровная, бурая степь простиралась до гори-

зонта. В косых лучах солнца, занесенные пылью, заросшие сухой травой, старые дороги проступали, как на фотопластинке.

Я прислушался. Над степью возник тихий, приглушенный пылью топот. Миллионы ног сотрясали землю. Скрипело дерево, глухо полязгивало железо. Черные ленты караванов, извиваясь как змеи, вступали в долину.

Они спускались к реке, чтобы, следуя ее течению, идти к океану.

МЫ ДОЛЖНЫ СТАТЬ ОДНИМ НАРОДОМ

Машина катила по асфальту. Деревья манго с зелеными, похожими на огурцы плодами и мясистыми листьями соединялись над нашими головами.

— Чем вы занимаетесь, Джосис? — спросил я. — Что у вас за работа?

Мой спутник задумался.

— Сейчас? Езжу по стране, отыскиваю певцов и танцоров, — сказал он. — В нашей стране много племен. Люди веками привыкли с подозрением относиться к человеку другого племени. Очень важно, чтобы они теперь ознакомились с обычаями и искусством соседей. Устраиваю концерты... Мы должны стать одним народом!

Под огромным, как серая бутылка, баобабом стоял старик с велосипедом. За его спиной висела плетеная корзина.

Мы поравнялись, и я разглядел, что из корзины торчат суставчатые усы и ноги. Опромыные раки печально смотрели на мир выпуклыми стеклянными глазами.

— А чем вы занимались раньше, Джосис?

— Издавал книги. А еще раньше — тоже ездил по стране. У нас много многодетных семей. Я уговаривал людей не иметь больше трех детей.

Я вспомнил семью на Индепенденс-стрит и улыбнулся.

Шофер резко затормозил. Дорогу переходила обезьяна. Длинный, закрученный, как у собаки, хвост покачивался. Обезьяна перепрыгнула канаву и исчезла в кустах.

Маконде

За поворотом в тени орехового дерева сидели старик и молодой парень. Перед ними на циновке лежали чурки черного дерева и стояли готовые статуэтки.

ЛЮДИ ИЗ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА

Мастера сидели на земле, подвернув под себя босые ноги. В руках на весу каждый держал чурку.

Увидев автомобиль, старик начал переставлять товар. В первый ряд он выдвинул самые большие фигуры.

Мы вышли из машины.

Семья причудливых деревянных человечков выстроилась вдоль дороги. Маленькие водоносы с кувшинами. Старики с огромными животами, на тонких изогнутых ножках. Присевшие на корточки женщины с плетеными корзинами на головах...

Из незаконченных статуэток во все стороны торчали, как взъерошенные волосы, стружки.

Но самыми удивительными были другие скульптуры. Сначала казалось, что перед тобой маленькое дере-

во — переплетение веток, изогнутый ствол... И вдруг ты замечаешь человека. Одного. Второго. Целая семья. Люди, стоящие на плечах друг у друга. Голова нижнего дает начало ступне того, что сверху. Руки соседей сливаются, ноги переходят в головы...

Люди растут из одного корня. Ты — это я, все мы — одна семья, — уверял скульптор.

Парень, не обращая на нас внимания, продолжал работать. Полуоткрыв рот, он напряженно всматривался в кусок дерева, словно пытаюсь угадать, что в нем заключено.

Подняв инструмент, похожий на топорик, он наносил удар. Топорик врезался в чурку. Остро пахнувшая стружка, уступая пальцу, с хрустом ломалась.

Скуластая голова человечка показалась из дерева. Глаза ее были закрыты, человек еще не жил. Но и мастер не торопился. Он то и дело останавливался, пытаясь понять: что получается?

Старик начал передвигать статуэтки и, часто повторяя «бвана», стал уговаривать меня сделать покупку.

Крайней в шеренге уродцев стояла одноногая статуя — непонятное существо с выпученными лягушачьими глазами.

Я отсчитал горсть монет, взял статуэтку и вернулся в машину.

Странное существо стояло на одной ноге, второй служил ему хвост змеи. Рука уродца шла за спину и там соединялась с ногой. Она вливалась в нее, подобно тому, как некоторые ветви дерева возвращаются к стволу.

Но самое странное было лицо. Вместо носа — змеиная голова, рот — пасть рыбы. Из рта торчат плоские широкие зубы. Ушей нет. Огромные лягушачьи глаза.

Отчаявшись что-либо понять в этом порождении африканской фантазии, я сунул статуэтку в чемодан.

КОПЬЕ И ДОЖДЬ

Дождь застал нас у моста. Спуск к реке был крут, и шофер, чтобы не рисковать, остановил машину.

Мы стояли у края дороги. Потоки воды струились по стеклам.

К столбу была прибита дощечка с названием реки — «Рува».

Каждая вторая река в Танзании начинается слогом «ру...»: Рува, Руфиджи, Руа, Рувума, Рунква, Рунгва... Должно быть, на каком-то древнем языке «ру» значило когда-то «вода»...

Через стекло мы следили, как поднимается уровень в реке. Шоколадного цвета поток расширялся, горбился, набирая силу. Тонкие деревянные столбики, на которых держался мост, начали дрожать.

Вода прибывала. Она уже вышла из глинистых берегов и разлилась по извилистой пойме. Струи дождя хлестали по бревнам. Мост пел, как ксилофон. Прошло немного времени, и коричневый водяной горб подпер настил. Бревна приподнялись. Минута — и они, словно освобожденные, ринулись вниз по течению. Вокруг опор заметались белые буруны.

Моста не было.

Я повернулся к Джосису, чтобы спросить, что будем делать, и вдруг замер с открытым ртом. Мимо машины шел африканец в пунцовом плаще, с копьем наперевес. На груди воина пестрели широкие многорядные бусы. Железный наконечник копья светился.

Воин поравнялся с машиной, не обращая на нас никакого внимания, прошел мимо и направился к небольшой деревенской лавчонке, на стене которой углем было выведено по-английски: «лавка» — «Shop».

Он скрылся в дверях.

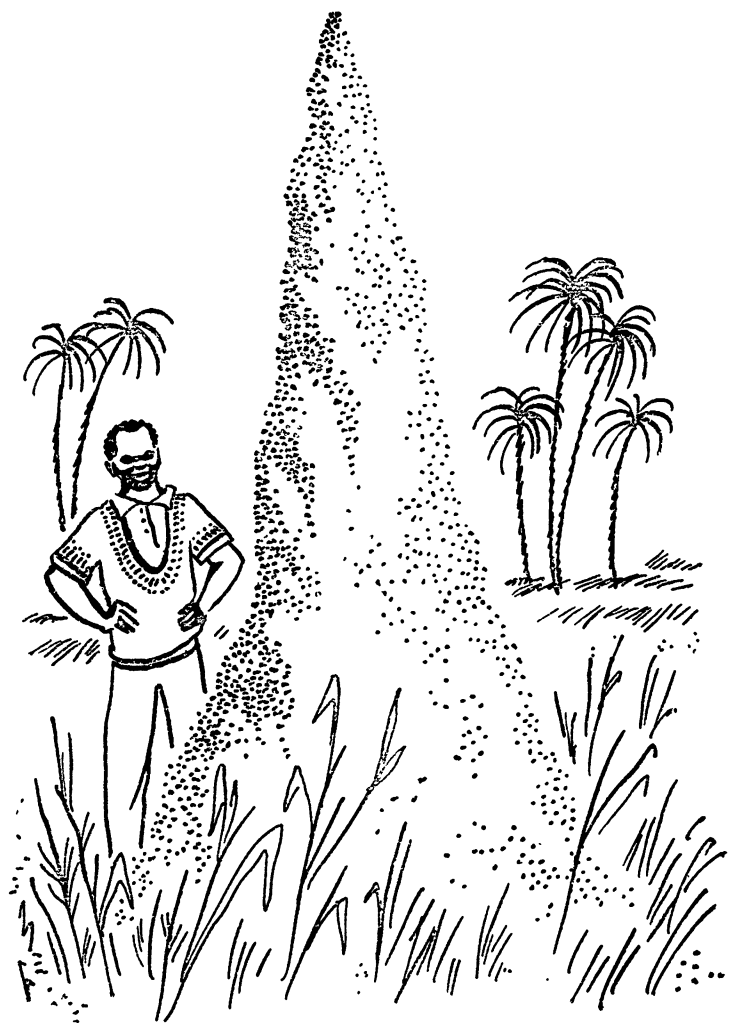
«Фотоаппарат готов, что делать? Выскочить с ним на дорогу? Притаиться за каким-нибудь деревом? Остаться в машине и снимать через стекло?»

Снова закрапал дождь. Я сидел в машине, сжимая в руках аппарат: вот-вот снова покажется воин...

И он показался. В одной руке он по-прежнему держал копье, в другой нес какой-то черный предмет.

Он остановился, поднял этот предмет над головой. Тот раскрылся и превратился в зонт... Про фотоаппарат я забыл.

Воин с копьем и зонтом проследовал мимо нас, свернул в боковую улочку и, осторожно ставя ноги в воду, чтобы не забрызгать свой великолепный плащ, скрылся за поворотом.

Термитник

МОРОГОРО

Когда дождь кончился, мы нашли объезд. Теперь вдоль обочины тянулись ровные ряды голубых, колючих, с мясистыми листьями растений.

Между вбитыми в землю колышками были натянуты ряды проволоки. На них висели пучки длинных белых волокон, похожие на парики.

— Это сизаль! — сказал Джосис. — Лучшие в мире веревки делают из нашего сизаля.

Из-за горизонта поднялась горная цепь.

У ее подножия белела горстка домов.

Стрелка «Бензин» дрожала около нуля. Шофер постучал ногтем по стеклу. Мы свернули с шоссе и покатали к белым домам. У первого стоял щит с названием города — «Морогоро».

Несколько улиц, авторемонтная мастерская, склады, забитые тюками сизаля... Кофейного цвета ребятишки играли посреди улицы.

Бензозаправочная станция щетинилась стрелками расстояний. «До Нката пятьдесят километров».

Пока автомашина заправлялась, я прошелся по улице.

В конце ее строили здание школы. Рабочие носили вверх по лесам пакеты белых кирпичей. Скрипела бетономешалка.

На недостроенной стене, свесив ноги, завтракали несколько рабочих. Они ели бананы и швыряли вниз кожуру. Кожура летела, вращаясь.

Когда наша машина снова вырвалась на шоссе, ветер запел: «Нката! Нката!»

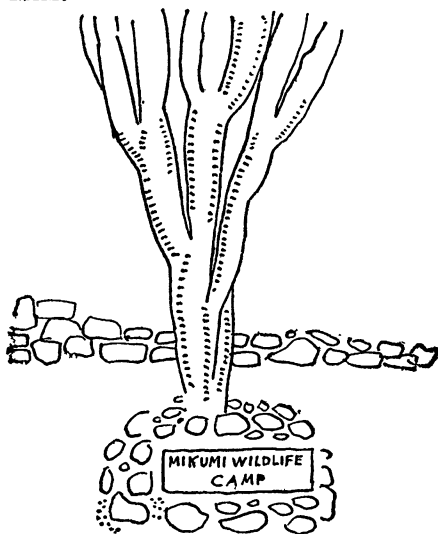
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК НКТА

Машина остановилась на гребне холмистой гряды, опоясывающей речную долину. Тонкая желтая нить вилась внизу. Танзанийская зима — пора безводья, и

река превратилась в цепь коричневых луж, соединенных между собой ручейками.

Автомобиль тронулся, и тотчас из-за поворота поднялось сверкающее стеклом длинное изогнутое здание гостиницы. Оно свернулось как змея на плоской, снесенной бульдозерами вершине холма. В синих окнах бродили солнечные молнии. Внизу, под окнами, у подшвы холма, желтело озеро. На асфальтированной площадке перед входом грудились пестрые, как цветы, автомобили, с номерными знаками из Франции, Италии, Соединенных Штатов...

Здесь, наверху, воздух был прохладным и чистым.

Прежде чем войти в гостиницу, я посмотрел еще раз вниз. Там в долине господствовал зной. В плотном дрожащем воздухе плавали редкие, похожие на раскрытые зонтики деревья. Под ними грудились коричневые точки — забравшиеся туда в поисках тени животные. Внизу в озере чернела точка. Должно быть, там сидел бегемот.

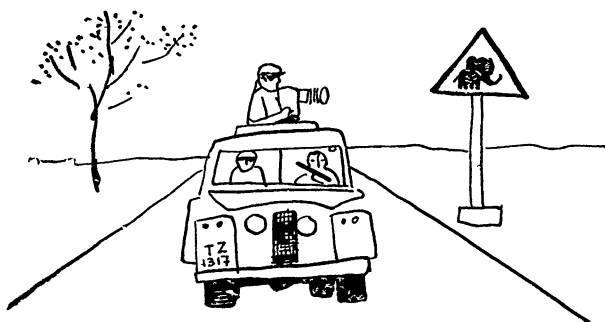
С воды поднялась птица. Она величаво сделала полукруг, приблизилась и, развернув крылья, тя-

желю опустилась на сухое дерево рядом со мной. Палевый марабу с розовой шапочкой на голове замер, без любопытства поглядывая на людей и машины.

ТУМА

Около подъезда гостиницы стоял автомобиль. На его помятых серых боках было выведено оранжевой краской: «National game park».

Толстый добродушный шофер бродил около машины. Он впустил в кузов шесть человек и аккуратно запер за нами дверь.

— Не надо выпрыгивать к диким зверям! — весело сказал он и уселся за руль.

Улыбаясь, он рассказал, что год назад один слон в парке наелся плодов «пьянящего дерева» и растоптал человека, который поправлял на обочине дорожный знак.

— Слон большой, а человек маленький! — закончил он и развел руками, подтверждая, что помочь бедняге не смог, конечно, никто.

Затем он вытащил из кармана широченных потертых штанов ключ зажигания, мотор заурчал, машина затряслась мелкой дрожью и, качнувшись, тронулась с места.

Спустившись в долину, мы покинули асфальт и свернули на проселок: не успевала машина выбраться из одной ямы, как тут же ныряла в следующую. Все в нашем автомобиле обрело голос и подвижность: ерзали взад-вперед и кричали сиденья, тонко пели стекла, глухо хлопали и подскакивали фанерные люки в крыше.

Наконец водитель круто повернул руль, машина нырнула в канаву, выбралась из нее и покатилась по двум едва приметным колеям, пробитым в траве и идущим в глубь саванны.

На горизонте показалось стадо антилоп — паслись гну и зебры.

Услышав машину, первые забеспокоились гну. Они по очереди стали вскидывать горбатые короткие шеи и, размахивая коровьими с кисточками хвостами, неуклюжими прыжками понеслись прочь.

Зебры оказались храбрее. Даже когда мы подъехали совсем близко, две полосатые лошадки еще продолжали стоять, чутко поводя округлыми, вытянутыми вверх и вперед ушами и настороженно глядя. Потом полосы на их телах разошлись, сжались гармошкой — зебры помчались прочь, по-лошадиному вскидывая зады и встряхивая шеями.

Выключив мотор, шофер повернулся к нам.

— Я с севера, из Мусосма, меня зовут Тума, — сообщил он. — У нас зебр называют «разлинованными осликами». Не правда ли, хорошо?

Он откинулся на спинку сиденья и, довольный, захохотал.

Вечером я простился с Джосисом. Мой провожатый ехал дальше, в Додому — будущую столицу Танзании, город в самом центре страны, куда собирается переехать правительство.

— Там начинается большой фестиваль, — объяснил мне Джосис. — Народные танцы и народная музыка. Я буду в жюри. Вы когда улетае домой?

— Должен в конце месяца.

— Постараюсь вернуться и проводить вас... Все будет хорошо?

— Все будет хорошо, Джосис!

КИНО-ПУШКА

Около огромного развесистого дерева стояла автомашина, которая еще издалека показалась мне чем-то знакомой. Где я мог ее видеть?

Мы подъехали ближе — в кузове автомашины что-то блеснуло. Ну конечно! Та самая машина, над которой мы промчались, подлетая к Дар-эс-Саламу!

Около огромного телеобъектива, действительно похожего на смертоносное орудие, возились три парня в рабочих костюмах и шапочках с козырьками.

Стеклянный глаз равнодушно смотрел на нас из трубы объектива.

— Кино! — сказал Тума и важно поднял указательный палец вверх.

К объективу были присоединены киноаппарат и еще какие-то приборы.

Мы остановились. Тума первый раз за весь день разрешил нам выйти, размять ноги.

Я подошел к кинооператорам.

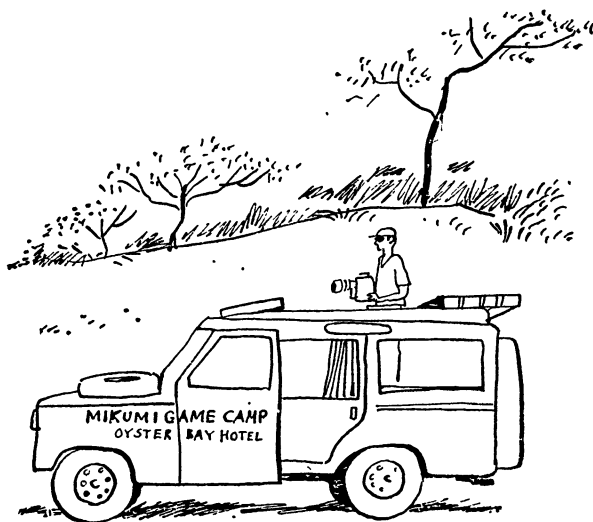
Мы стали знакомиться. Каждый из парней, протянув крепкую, с жесткой рабочей ладонью руку, назвал себя.

— Дик.

— Дик!

— Дик...

Три Ричарда! Один был веселый, говорил и скалил зубы в улыбке, второй — хмурый, цедил слова сквозь зубы, третий все время молчал.

— Нас так и называют — «братья Дик», — сказал веселый. — Сидим здесь с ней уже третий месяц! Он похлопал свою кино-пушку, как лошадь.

— Чудовище! — с ненавистью сказал хмурый.

Он полез на дерево, спустил оттуда веревку, и все трое стали поднимать свой фантастический аппарат на помост, замаскированный в кроне дерева.

Они затащили его туда, накрыли маскировочной сетью, потом спустились и стали тщательно подбирать под деревом спички и окурки.

— Нельзя пугать зверей, — сказал веселый Дик. — Хорошо еще, что звери тут не боятся автомобилей.

— Давно работаете?

Весельчак погрузился.

— Третий год... Год изготавливали оптику. Год ездили — выбирали места... И вот — начали. Месяцев пятнадцать просидим. Нам надо заснять тут всех зверей: два раза в сезон дождей, два раза — в сухой. Через четыре года, считайте, будет картина.

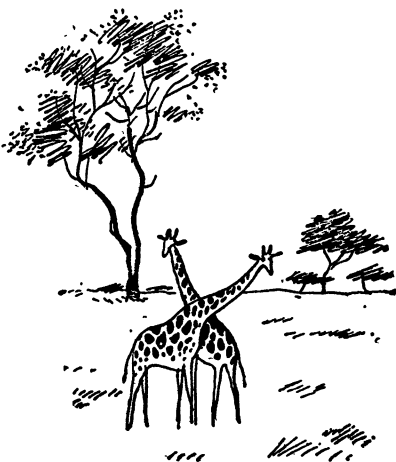
Четыре года! Я присвистнул. Придет в кинотеатр зритель, усядется, протянет ноги и, посасывая леденец, за полтора часа увидит то, что отняло у этих парней целый кусок жизни. Увидит желтую и зеленую саванну, стада, бредущие к водопою, марабу, стоящего на одной ноге посреди лужи с бегемотами. Увидит и в лучшем случае скажет: «Ловко это они!»

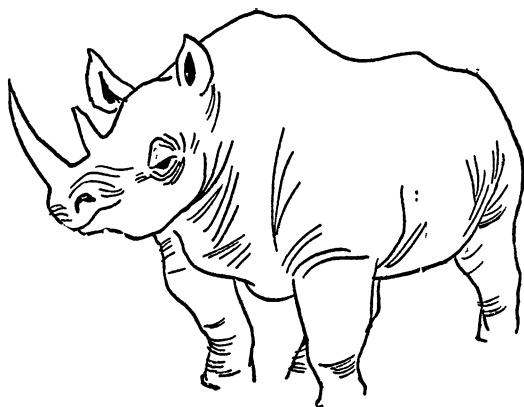
Ловко...

САВАННА

Машина то неторопливо катит по дороге, таща за собой хвост желтой пыли, то карабкается с бугра на бугор, пересекая равнину, то стоит, спрятанная в кустах по крышу. Люки откинuty, мы все на ногах, у всех бинокли и аппараты. Мы наблюдаем.

Долина покрыта черными и рыжими пятна-

ми — пасутся антилопы. Невдалеке от нас, касаясь головой верхушки зонтичной акации, стоит жираф. Он стоит в тени и неторопливо обкусывает листья. Рот приоткрыт, виден тонкий верткий язык. Жираф сперва осторожно трогает им веточку, потом вытягивает губы трубочкой и втягивает веточку в рот. Обглодав вокруг себя все, животное делает шаг в сторону.

Поодаль еще два жирафа. Парочка — самец и самка. Прижались друг к другу, их шеи перекрестились, если смотреть на них от нас, получилась буква «Х». За несколько дней в Нката я не раз видел такие парочки. Наверное, касаться друг друга шеями для жирафов все равно что для нас нежно держать в руке руку.

Мы выкатываемся из кустов, хрустят ветки, испуганно вздрагивают и пускаются прочь животные. Скачут, как кузнечики, рыжие импала, бычками, вскидывая рога, мчатся черные гну, бегут жирафы, раскачивая шеями, как корабли мачтами.

Отбежав, все успокаиваются, перестают оглядываться на нас. Антилопы опускают морды в траву, жирафы уходят в тень.

Посреди саванны — одинокое дерево. Под ним маленькие кошачьи фигурки — львы. Мама-львицы и десяток желтых комочков — львят. Хищникам досаждают жара. Они вытянули лапы и лежат. Мы проезжаем мимо — никто из них не поднимет голову.

Тума ведет машину назад к гостинице. Мы выкатываемся на асфальт — в саванне показываются слоны. Тума тормозит: слоны идут к нам.

Коричневые великаны следуют один за другим, в середине стада — слоненок. Мать то и дело трогает его хоботом. Стадо подходит к дороге, животные легко переступают канаву и один за другим, ступая след в след, проплывают мимо нас. Слышен только легкий шелест кожи

об асфальт. Слоненок поворачивает в нашу сторону хоботок, но тотчас получает тумак. Он скатывается в канаву, вылезает из нее и, жалобно повизгивая, бежит догонять взрослых.

Тума включает мотор, и мы начинаем подъем на холм, где уже горит вечерними разноцветными огнями наш странноприимный дом.

Вечером, когда я ложусь спать, раздается стук в дверь. Это Дик. Он улыбается.

— Вам будет интересно, — говорит он. — Завтра мы хотим снять, как охотятся собаки. В Нката много гиеновых собак. Поедете с нами?..

Наутро я поехал с кинооператорами.

ГИЕНОВЫЕ СОБАКИ

Я сидел на помосте вместе с тремя Ричардами и смотрел в бинокль.

Стая гиеновых собак трусцой преследовала горстку антилоп. Легкие импала, как оранжевые стрекозы, порхали с места на место, останавливались, выжидая, когда приблизятся собаки, настороженно рассматривали их и снова пускались наутек. И собаки и антилопы передвигались по степи не спеша, собаки, как мне показалось, даже с какой-то угрюмой ленцой.

И вдруг стая распалась. От нее отделились загонщики. Они ускорили бег и скрылись в густой траве, а когда вынырнули из нее, то сразу оказались справа и слева от антилоп. Импала забеспокоились. Длинноногий рыжий козел одним махом взлетел на пригорок, окинул взглядом степь, понял угрозу и, скатившись с пригорка, огромными прыжками понесся прочь. Стадо бросилось за ним. В нем были животные разного возраста и разной силы. Скоро одна антилопа стала отставать. Те из загонщиков, которым удалось опередить стадо, начали выходить ей наперерез. Антилопы мчались изо всех сил. Они, словно кузнечики, то взлетали над травой, то по шеи погружались в нее. Стадо уходило, оставляя слабого. Собакам уже удалось заставить животное повернуть, и теперь антилопа пыталась найти спасение совсем в другой стороне, не там, куда умчались остальные. Бело-рыжий комочек одиноко катился по равнине. Черные точки — стая собак — дугой, с трех сторон, приближались к нему.

Рядом с моим ухом монотонно жужжал мотор. Операторы втроем поворачивали кинокамеру, следя за погоней.

Вдруг послышался хруст рвущейся ленты, и мотор остановился.

Ругаясь в три голоса, операторы стали снимать камеру. Один показал на освободившийся окуляр. Я припал к нему.

В бинокль я видел всю погоню, как мне казалось, крупным планом и очень отчетливо, но то, что предстало теперь перед глазами, заставляло зажмуриться. Все стало совсем рядом — в двух шагах. Антилопа уже не двигалась — неподвижно лежала на земле. Собаки нетерпеливо рыскали вокруг. Они беспокойно перебегали с места на место, потные, поджарые бока вздымались, с вислых слюнявых губ падала в траву пена.

Кольцо собак разорвалось. Из травы показались щенки. Они бежали следом. Маленькие большеголовые уродцы, не останавливаясь, бросились на добычу.

Взрослые собаки снова сомкнули кольцо. Настороженно подняв вверх острые уши и поглядывая по сторонам, они стали ждать, когда насытятся дети.

В стеклах с чудовищной силой была видна каждая травинка, каждый камешек, каждая капля крови на земле. Одного из щенков оттеснили, и он, задрав вверх тупую мордочку, жалуюсь, беззвучно зашевелил губами, завыл.

ВЕЛИКИЙ ИСХОД

Над равниной висел зной. Каждое слабое движение воздуха поднимало желтые фонтаны пыли. Они вытягивались по ветру и, медленно оседая, гасли.

Неподвижный розовый воздух лежал над выгоревшей саванной. Он лежал тяжелой раскаленной стеклянной плитой. Травы пожухли и полегли. Дно пересохшей реки покрылось, как паутиной, трещинами.

Одинокие грифы черными кляксами висели в побелевшем от жары небе. Они парили над саванной, высматривая трупы павших животных.

На пыльных коричневых дорогах, которые как ручейки вытянулись вдоль долины Нката, стояли автомобили с туристами. Осоловевшие от зноя, до пояса раздетые, с зелеными от защитных козырьков лицами, обвешанные фотоаппаратами и кинокамерами, люди чего-то ждали.

На востоке медленно поднималось коричневое облако. Послышался неясный, похожий на шум прибоя рокот. Люди в машинах зашевелились. Заурчали моторы. Некоторые автомобили выкатывались на край обрыва, чтобы занять лучше место.

Показались первые стада антилоп, и скоро по долине уже катился живой вал. Ручейками текли огненно-рыжие импала. Плотными табунами шли иссиня-черные гну. Полосатые запыленные зебры маршировали рядами, как кавалерия. Показались массивные нильгау. Остро пахнувший, глухо ревуший живой поток неся мимо нас. Животных было столько, что когда первые уже скрылись, за горизонтом, в долине, все продолжали появляться новые.

Люди в автомобилях притихли. Они даже перестали щелкать аппаратами и стрекотать кинокамерами. Они стояли в раскаленных машинах навытяжку, воздавая должное этому могучему зрелищу.

Засуха гнала обитателей саванны на запад, к устьям непересыхающих рек Нгуаби и Мбэланкета.

Прошло несколько часов. Наконец ток животных стал иссякать. Сквозь коричневое облако, висевшее над долиной, пробилось радужное солнце. Окруженное зелеными и оранжевыми кольцами, оно осветило выбитую, перемешанную с соломой землю.

Туристы снова заволновались. Зажурчали кинокамеры. Все объективы были вновь направлены вниз. В долине показались хищники. Львы, шакалы, гиены брели следом за стадами. Они шли лениво, с трудом неся отвисшие животы.

Первые хищники мешались с больными и отстающими антилопами. Обессиленная, хромая зебра, не выдержав этого монотонного преследования, подломив ноги, рухнула в пыль. Около нее прилегло семейство львов. Звери были сыты и не торопились. Они знали: еще несколько дней пищи будет досыта.

МОТОЦИКЛИСТ

Утром меня разбудил прохот мотоциклетного мотора. Я приоткрыл дверь и выглянул.

У входа в гостиницу стоял красный мотоцикл, на нем сидел верхом парень с рыжей бородой, его рюкзак лежал на земле.

Парень слез с мотоцикла, расстегнул ремешок и снял шлем.

На плечи упала грива латунных волос.

— Тут должны быть кинооператоры...

— Вчера уехали. У них испортилась камера.

Парень очень огорчился.

— Как же так? — сказал он. — Мы договаривались. Я ехал сюда к ним...

Странный вопрос пришел мне в голову.

— Почему вы на мотоцикле? Да еще с рюкзаком. Почему не автомобиль?

— Автомобиль? Ну нет!

На лице его появилась гримаса отвращения.

— Но на мотоцикле опасно. Скоро начнутся дожди.

— Я потому и уехал из Швеции, что там чересчур безопасно. До прошлого года наш городок был единственным в стране, где нет светофоров.

— Ах вот оно что... Тут, в Африке, опасностей, конечно, хватает.

Парень помрачнел.

— Тоже не очень, — признался он. — Львы удирают от мотоцикла, носороги на дорогу не выходят. Слонов приходится объезжать.

— Вас оштрафуют. Въезд в заповедник на мотоцикле запрещен.

— Уже оштрафовали... — Рыжебородый задумался. — Вот разве что... — У него засветились глаза. — Необитаемый остров! Мне нужен необитаемый остров. Между Багамойо и Дар-эс-Саламом есть маленькие острова. Нанять лодку и махнуть туда, а?

— Ну, ну... Значит, вы из Швеции? — Догадка мелькнула у меня в голове. — Случайно не преподаватель? Вас зовут не Нильс? Работаете не в Кидоге?

— В Кидоге. Секондри скул.

— Женский интернат?

— Да.

Я засмеялся.

— Привет вам от русской учительницы математики! Вы, кажется, соседи?

Нильс ужасно удивился.

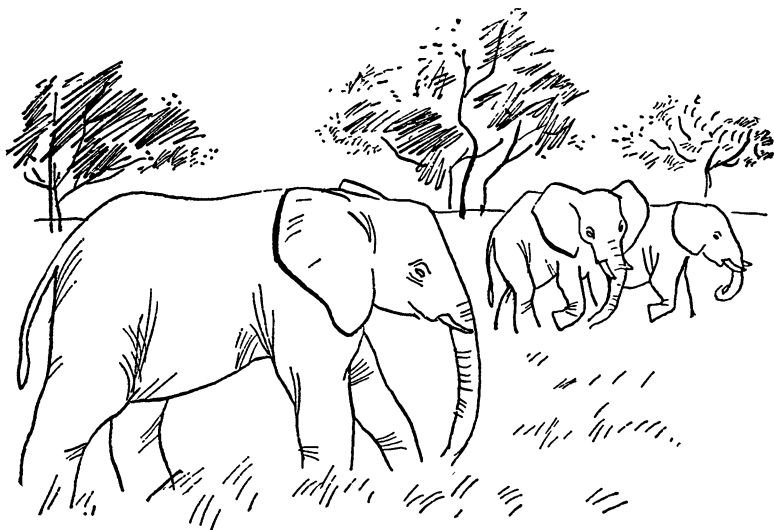
— Она очень милая женщина, — сказал он. — Откуда вы ее знаете?..

— Мы с ней из одной страны!

Он совершенно серьезно кивнул, потрогал рукой мотор — теплый? — застегнул шлем, взвалил на спину рюкзак и уселся на свое красное чудовище.

Мотоцикл с ревом завелся. Нильс помахал мне рукой, спустил на глаза очки-консервы и включил газ. Синяя струя дыма обдала меня с головы до ног. Мотоцикл пополз к оврагу. Очутившись на шоссе, он взревел и, прочертив горизонт красной молнией, как ракета, исчез...

ЗЕЛЕНый СЛОН

Зеленый слон стоял под деревом и жевал ветку. Был полдень, дерево светило отраженным светом. Слон стоял под ним, словно облитый краской.

У меня был неправильно оформлен счет за гостиницу. Я стоял в канцелярии — в маленьком домике на краю холма — и ждал, когда придет администратор.

Сухой воздух саванны гулял по помещению. Служащие заповедника, вежливые африканцы, входили в канцелярию и, извинившись, исчезали. Я нетерпеливо поглядывал в окно на слона. Тот отошел от дерева и направился ко мне. Он шел и становился коричневым. Во рту его, похожем на клюв попугая, торчал пучок травы.

В комнату заглянул Тума. Узнав меня, он весело осклабился и закивал. Его внимание тоже привлек слон. Животное за окном опустило хобот и стало беспокойно искать что-то у самой земли. Я приподнялся на цыпочки, чтобы посмотреть — в чем дело? Хобот наткнулся на слоненка — серое пятнистое повизгивающее существо. Задрав свой тонкий, как веревочка, хоботок, детеныш шарил у матери под брюхом. Не находя сосков, он жалобно стонал и вновь принимался за поиски.

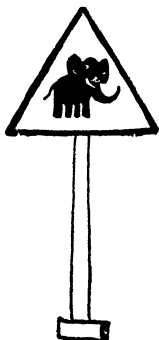
— Тума, я жду уже час. Вы не видели чифа?

Тума отрицательно покачал головой. Он был занят слоном. Маленький безуспешно сновал под животом у матери. Он терся о ее задние ноги, ударял по ним хоботком и всхлипывал. Слониха нетерпеливо перебирала ногами.

Тума недовольно что-то сказал и вышел из дома. В следующий момент я уже увидел его около животных. Толстый шофер присел и, обхватив слоненка, подтолкнул его вперед. Он поставил его между передними ногами матери. Обеспокоенная слониха развернула уши и, шумно вдохнув воздух, издала предостерегающий рев.

Стоявшие в дверях дома африканцы тревожно заговорили между собой.

Слоненок задрал хоботок и коснулся им одного из сосков. Он уцепился за него, и сосок послушно выва-

лился из жесткой кожной складки. Слоненок присел на задние ноги и, завернув хоботок на лоб, впился в сосок рта. Он сидел на задних ножках, задрав голову, урчал и чавкал. Желтые, молочные, плотные, как воск, капли падали в сухую траву.

Тума отошел. Слониха опустила уши и, переминаясь с ноги на ногу, стала ждать, когда слоненок насытится.

Тума вернулся в комнату.

— Я сейчас схожу, приведу чифа. Я скажу ему — вы ждете, — сказал он и пошел искать администратора.

Это был мой последний день в Нката.

У ОКЕАНА

Несколько дней после возвращения из Нката я прожил неподалеку от Дар-эс-Салама, в маленьком рыбацьем поселке.

Хозяева хижины были на заработках в городе, я жил один.

Рано утром я шел к устью реки, нанимал лодку и отправлялся на остров. Он бело-зеленой полоской тянулся вдоль берега — небольшой коралловый островок в миле от поселка. Там рыбаки оставляли меня, а сами отправлялись к барьерному рифу «кикуйя», где было много рыбы и за которым в шторм вдоль всего горизонта вытягивалась пенная полоса.

В ожидании их возвращения я забирался на скалы или лежал на песке, наблюдая, как уходит в отлив вода, обнажая подножье острова — ровную известковую платформу, выстроенную миллионы лет назад неутомимыми жителями моря — коралловыми полипами.

КОГДА УХОДИТ ВОДА

В отлив берег обнажался на протяжении нескольких морских миль.

Вот вода ушла. До самого горизонта тянется ровная, как стол, серо-зеленая равнина. Лужицы. В них шевелятся, мечутся, пускают пузыри не успевшие уйти вместе с водой обитатели океана.

А впрочем, зачем уходить? Им и тут неплохо. Здесь, в лужицах, пересидят отлив, дождутся большой воды мелкая рыбешка, осьминожки, крабы.

Бродить по лужам опасно: того и гляди в ногу вопьются игла морского ежа, осколок раковины или цапнет за палец похожая на зеленую змею мурена. Вот почему я отправлялся туда в носках и ботинках, в них шлепал по горячей, как чай, воде, бродил по камням, с хрустом продавливая каблуком мелкие, похожие на собачьи зубы белые раковины баянусов.

Берег острова — известковые скалы. Океанские волны выдолбили в них ниши, пещеры. Здесь царство крабов. Целые полчища их облюбовали эти места. Подходишь и уже издалека слышишь непрерывный треск. Это пощелкивают, пускают пузырьки тысячи ногастых существ, облепивших каменные стенки. Ты замер — утих и шум, крабы ждут. Сделал еще несколько шагов — дрогнула, поползла вниз стена. Двинулись к воде, к спасительным лужам, колченогие обитатели ниш. Ты — еще ближе, и уже потекли ручейками пучеглазые угловатые твари, с плеском посыпались в воду, разбежались, скрылись на дне.

Секунда — и их нет, снова тихо стоят известковые стены, молча глядят черными провалами пещер.

РАКОВИНЫ

Изредка на берег обрушивался шторм.

После шторма я шел собирать раковины.

Их выбрасывали волны. Вода складывала длинными кучами хрупкие разноцветные домики. В этих кучах хорошо было копать. Там лежали обломки огромных нежно-розовых стромбусов и алые, похожие на коровьи вывернутые губы касисы. Рогатые спайдеры цеплялись друг за друга и были похожи на мертвых окаменевших пауков. Лиловатые ребристые хапры и двойные раковины-бабочки торчали из песка.

Но я собирал только каури.

Раковина каури похожа на желудь и проста по рисунку. Ей далеко до великолепных изумрудных турбо или коричневых пятнистых тритонов.

Для того чтобы проникнуть в тайну каури, надо подержать в руках не один их десяток.

Эта раковина давно обратила на себя внимание человека. На берегах Индийского океана, на Средиземном море и на островах Полинезии каури ходили вместо монет. Из них делали украшения, их нанизывали на четки, вставляли в перстни, прикрепляли к ушам.

Эти плотные блестящие раковины никогда не повторяют одна другую. Их рисунки разнятся, как разнятся человеческие лица или оперение птиц.

Есть каури пятнистые, как спины леопардов, есть однотонные — от золотисто-желтого до молочно-белого и густо-коричневого. Есть раковины полосатые и есть сетчатые. И наконец, изредка встречаются несущие на себе изображения материков, островов, проливов — их так и называют: картографические каури.

Я возвращался каждый раз с карманами, оттянутыми мокрым грузом, сваливал его дома в кастрюлю, наливал туда воды и начинал трясти каждую раковину, выбивая из нее кусочки водорослей, песок и ногатых цепких рачков-отшельников.

МАНГРЫ

Неподалеку от хижины в океан впадала река. Берега ее густо поросли лесом. Собственно, никаких берегов у реки не было: кусты и деревья стояли прямо в воде. Лес вместе с рекой вливался в океан и двумя узкими черно-зелеными мысами уходил от берега. Соленая вода качалась между стволов.

Лес из моря! Деревья по колено в воде!

Это был мангровый лес — мангры. Они манили меня. И однажды я рискнул углубиться в них.

Я пришел со стороны поселка. Кончился песок, розовый ил зачавкал под ногами.

Бредешь, сгоняя с кустов тучи насекомых. Плотные кожистые листья ударяют в лицо. Вокруг блестят лужи...

Потом ветки поднялись, сомкнулись над головой, и я очутился в царстве полумрака. Ил стал жидким. По колено в грязи, окруженный полчищами жалящих крылатых, я брел вперед. При каждом шаге со дна

поднимались тучи пузырей. Пузыри лопались, распространяя удушливый запах серы.

Впереди блеснул свет. Я вышел... На прогалину? На лужайку? Болото! Фантастические, переплетенные друг с другом стволы. Отделяясь от них, прямые как стрелы корни падают в воду. На корнях сидят крабы.

Крабы сучили около безгубых ртов клешонками и ели. Огромная лягушка с выпуклыми коричневыми глазами повернула ко мне голову, качнула уродливым шишковатым лбом, грузно шлепнулась в воду.

Две змеи, плоские и полосатые, беззвучно скользили следом.

Я сделал шаг и провалился по пояс. Под ногой кто-то завертелся, забился. Невидимое, плоское на ощупь существо вырвалось, ударило хвостом по ноге и, прочертив по воде полосу, умчалось.

ЛЕТАЮЩИЕ РЫБЫ

На опушке мангрового леса в прилив деревья стоят по колено в соленой воде. Вдали океан катит на берег светло-зеленые волны. На песчаной косе волны опрокидываются, выбегают на мель, откипев белой и желтой пеной, гаснут.

Среди мангровых стволов вода и вовсе теряет силу, колышется еле-еле.

Дальше — в реке — движения волн совсем нет. Дыхание океана чувствуешь только по скорости, с какой идет вода. В отлив она бежит стремительно, дрожат погруженные в воду корни мангров, наклоняются стволы, завиваются кольцами речные струи. В прилив река останавливается. Выпрямляются стволы деревьев, перестают танцевать корни, гаснут водовороты. Когда бредешь по воде, желтые облака мути, поднятые босыми ногами, не вытягиваются, не уносятся водой, а, расплываясь, долго стоят на месте.

Бредешь, присматриваешься — кто притаился на следующем дереве? С кем следующая встреча?

Каждая следующая — самая интересная.

Как-то я брел по мелководью, высматривая в желтой полупрозрачной воде мохнатых крабов. Впереди, уронив в воду десяток узловатых корней, стояло дере-

во. С него при моем приближении кто-то головой вниз бросился в воду. Лягушка? Я сделал шаг. Бульк! Бульк! Еще один такой прыгун, прочертив по воздуху дугу, упал на мелководье. Он упал, не смог нырнуть и вдруг, трепеща — не то плавниками, не то крыльями, — понесся по воде, оставляя за собой цепочку переплетенных между собой колец. Добежав до глубокого места, таинственное существо нырнуло. Нет, это не лягушка!

Я направился к дереву и стал осторожно, чтобы никого не испугать, обходить его вокруг.

Прямо против моего носа, прижавшись пузечком к стволу, на дереве сидела... рыбка! Похожа на маленького бычка, только передние плавники длиннее, глаза — на самой макушке.

Рыбка по-лягушачьи таращилась на меня. Я притаился. Замерла и рыбка.

На лоб мне сел комар. Я пошевелил бровями. Этого легкого движения оказалось достаточно — рыбка толкнулась плавниками, расправила их и вниз головой полетела в воду. Бульк!

Следом за ней попрыгали, не замеченные мною, ее подруги.

Ну и рыбы! Летают по воздуху, бегают по суху.

Илистые прыгуны — я узнал их...

Удивительный, стоящий по колено в воде лес был населен и удивительными обитателями.

Я повернул назад. Искусанное москитами лицо горело. Жидкий ил тек по ногам.

Деревья расступились. Передо мной была дорога. Посреди ее стоял красный мотоцикл. Рядом — ошеломленный новой встречей не меньше моего Нильс.

НИЛЬС ИЩЕТ ОСТРОВ

— Хелло!

— Хелло!

— Какими судьбами?

Мы сели на траву.

— Да вот живу здесь. Уже третий день, — сказал я. — А вы? Догоняете кинооператоров?

Нильс покачал головой,

— Решил найти остров. Помните? — Он сдвинул брови.— Я ведь говорил, что самое верное приключение — найти остров.

— Ах да! Ну чего-чего, а островов тут много. Я, например, хожу на один. В середине такая глушь — не продерешься.

Глаза у Нильса заблестели.

— Непроходимый лес?

— Даю слово.

Мы вернулись в поселок, и Нильс, оставив у меня мотоцикл, побежал нанимать лодку.

Остров лежал напротив устья реки. Он тянулся по горизонту бело-зеленой полоской.

Погрузив в лодку с балансиром пожитки, Нильс простился со мной.

— Все будет хорошо! — сказал я, вспомнив любимые слова Джосиса.

Лодочник выбрал якорь. Вверх пополз косой полотняный парус, и оранжевый рюкзак, над которым торчали две человеческие головы, стал удаляться от берега.

Я стоял по колено в теплой воде и смотрел ему вслед. В этом месте речная вода сталкивалась с океанской. Тонкая извилистая линия серой пены разделяла их. Лодка шла по этой линии. Справа от нее оставалась мутная желтизна речного течения, слева — аква-реальная синь океана.

МАКОНДЕ

Когда я вернулся домой, было уже темно.

В комнате, слабо освещенной керосиновой лампой, на столике меня ждала причудливая черная фигурка, купленная когда-то в поездке. Лампа мерцала. Болотная вода плавала под потолком и шевелилась у стен.

И вдруг я понял, что такое моя статуя: она порождение болотных видений, сумерки, туман, пронизывающие душу выкрики ночных птиц. В ней ползающие, квакающие, пучеглазые и безногие обитатели мангр. Человек, змея, лягушка, черная ночь, перепутанные ленты тумана соединились в этом куске дерева. Это их извлекли из плена узловатые руки мастера из племени маконде.

БУЛЬДОЗЕРЫ

Берег содрогался от рева грузовых машин.

Около тупорылых «фиатов» расхаживали рабочие в спецовках и инженеры в белых рубашках. Их лица блестяли.

Ничего не понимая, я подошел к одному.

— Хелло, в чем дело? — спросил я. — Временная остановка?

Инженер покачал головой.

— Ждем парома, — объяснил он. — Будем перебрасывать технику на остров. Сейчас подойдут бульдозеры.

— На какой остров?

— Вон тот.

Я ахнул:

— Зачем?

— Начинается строительство. — Инженер весело осклабился. — Большой туристский комплекс: гостиница, прокат моторных катеров, спортивное ядро.

При слове «ядро» я присвистнул.

— А как же Нильс?..

— Кто?

— Простите, это я сам с собой.

Я представил себе, как спящего в палатке на необитаемом острове Нильса будит рокот бульдозера и как он, проклиная все на свете, начинает вновь увязывать рюкзак.

«Н-да, худо!»

— Желаю удачи! — сказал я инженеру. — Хороший проект?

— Первый класс. Стране нужна индустрия туризма. Мы должны удвоить число заповедников и отелей. Наш туризм — это деньги для заводов и школ. Вы согласны?

Я был согласен. Мы пожали друг другу руки.

ТРЕТЬЯ ПОЕЗДКА

Последний раз я покинул Дар-эс-Салам для того, чтобы посетить Багамойо. Мысль о часовне, в которой лежало тело Ливингстона, не покидала меня. Я решил найти ее.

Багамойо оказался маленьким, белым, пыльным городком, с шумным базаром и полутемными пустыми магазинчиками. Ничто в нем не напоминало о громком прошлом. Разве что в центре серые, зубчатые, покрытые сухой мертвой плесенью и трещинами стены крепости. Голая мачта у ворот, когда-то на ней развевался красно-черный кайзеровский флаг — в Багамойо была резиденция германского управителя Восточной Африки.

После долгих и бесплодных блужданий по узким малолюдным улочкам я узнал, что в городе есть музей и его работники лучше других смогут помочь мне.

Музей был расположен на окраине. Почерневшие от времени, обнесенные широкими, каменными, в два этажа верандами дома бывшей католической миссии. Между ними маленькая церковь с четырехгранной, похожей на карандаш колокольней. Дверь ее была закрыта, на косяке в рамке висел лист пожелтевшей бумаги.

Я остановился перед ним. Выцветшие на солнце буквы бесстрастно сообщали, что именно здесь в 1874 году хранилось на протяжении месяца тело великого путешественника, ожидавшее отправки на родину.

Я обнажил голову.

У часовни с визгом носились полуголые дети.

Кто-то тронул меня за плечо. Позади стоял сухонький человечек в пенсне.

Он стоял у почерневшей от времени двери. На фоне темного дерева его черное лицо пропадало, серебряные кончики волос реяли в воздухе.

СОТРУДНИК МУЗЕЯ

Человечек поклонился и сказал:

— Что желает идугу?

Я рассказал, что привело меня сюда.

Мой собеседник понимающе кивнул.

Из-за плотно закрытой двери доносился неясный гул. Так гудят пустые, наглухо заколоченные дома.

— Сохранилось ли что-нибудь в часовне?

Я говорил о 1874 годе.

— Нет. Идемте, я покажу вам музей.

Мы подошли к одному из домов и вступили за его прохладные стены.

В полутемных комнатах глаз не сразу стал различать вещи. Щиты, обтянутые шкурами зебр, стрелы с плоскими железными наконечниками, глиняные сосуды, изготовленные руками гончаров на берегах Танганьики. И цепи... Черными гирляндами висели они вдоль стен...

Рабство. Казалось, музейные полки хранят память только о нем. Они говорили об этом то шепотом — серый лист из памятной книги торговца с колонками цифр: погибшие и доставленные к побережью рабы, то криком — колода, на которой рубили руки и головы. Железное клеймо и походный переносной горн...

— Иногда меня спрашивают: зачем так много? В конце концов, места в музее не хватает, а рабства давно нет. Предлагают повесить диаграммы — число школ и деревней уджамаа. Я отвечаю: вот они, школы, одну видно из этого окна. И деревни видят все... Я учился в Париже. Меня приглашали остаться преподавать древнюю литературу на суахили. У меня две ученые степени. Я вернулся сюда. Африка не должна забывать свое прошлое. Мы никогда не смиримся, что на юге существует что-то похожее на рабство. Никто на Земле не имеет права не знать Багамойо... «Багамойо» на суахили значит: «Оставь здесь свое сердце».

Так говорили друг другу люди, когда их, как скот, грузили на корабли...

Мы переходили из комнаты в комнату, и я слушал рассказ маленького черного человека.

КАРАВАНЫ

Рабов и рабовладение, в конце концов, знает история почти всех континентов. Но нигде торговля рабами не приобрела характер бедствия, того, чем она стала для Африки.

Исписаны горы бумаги, изданы тысячи книг, посвященных истории рабства. И все они об Африке. О чем бы ни рассказывала книга, это всегда начиналось на материке. Есть много причин, почему торговцы живым товаром устремлялись именно сюда. Почему жертвами их разбоя не стали Австралия или, скажем, Юго-Восточная Азия? Может быть, в Африке не было сильных больших государств и некому было дать отпор искателям «черного дерева»? Может быть...

Экспедиции вооруженных до зубов торговцев отправлялись от океана в глубь страны. Там они или скупали у местных царьков рабов (те, узнав о прибытии каравана, тут же организовывали нападение на соседнюю деревню), или добывали их сами. Любимым приемом было, облюбовав поселок, окружить его ночью, напасть, перебить всех, кто не сложит оружие, оставшихся согнать в караван, заковать в цепи.

Сколько выдумки и бессердечного расчета было вложено в изготовление этих оков. «Палка, соединяющая невольников, имела на концах два ошейника из бычьей кожи. Ошейники причиняли людям страдания и были источником опасности, когда приходилось переходить вброд или по узкому мосту реку,— писал англичанин Мож.— Если раб шел один, то ему надевали только одни шейные кандалы. Это тяжелое, похожее на паука, железное сооружение не позволяло человеку бежать и не пропускало его через кусты и заросли деревьев».

...Итак, рабы закованы — караван начинает движение. Месяцами шли скованные попарно и группами люди. Для них не везли еды, они питались тем, что могли собрать во время стоянок. Особенно ужасны бы-

ли переходы через пустыни. Чтобы сохранить жалкие капли воды для более сильных, работоторговцы убивали ослабевших и больных...

Путешественник Мунго Парк встречал караваны, хозяева которых по пути продолжали охоту на людей и одновременно вели торговлю. Караван медленно переходил из владений одного царька к другому. Время в пути затягивалось на годы. Многолетний опыт породил в караванах обычаи совершенно дикие. Так, обесилевших и умирающих, освободив от оков, бросали, но... предварительно убив. В этом был жестокий расчет — пресечь возможное притворство...

Сколько же стоил человек?

В глубине страны раба можно было купить за бесценок. Если на побережье за него надо было отдать слоновый клык, то подальше от океана его можно было выменять на рубашку. Еще дальше с радостью отдавали за тридцать иголок.

Зато перевезенный через океан, раб стоил очень дорого. На рынках Нового Орлеана или Сан-Доминго человек шел за 400—500 долларов.

Покупая его, новый хозяин тщательно осматривал зубы, заставлял приседать, наклоняться. Он брал рабочий скот, машину для возделывания плантаций. Он не хотел продешевить...

— Называют число сто миллионов людей, проданных за три века в рабство, — сказал мой провожатый.

БАЗАР

Мы шли с ним по тенистой аллее, образованной огромными ореховыми деревьями. Аллея вела от музея к берегу моря. Темно-зеленые кроны смыкались над нашими головами. Когда-то здесь кончался великий невольничий путь. Трава на берегу была вытоптана, земля пахла испражнениями. Толпы рабов, окруженные стражниками, закованные в кандалы, неделями ожидали здесь погрузки на суда.

Низкопалубные доу подходили в прилив к самому берегу.

Последние шаги по земле Африки... Впереди Занзибар. Невольничий рынок и последний путь — через океан в Аравию, Иран или Египет.

Оставь здесь свое сердце. Оставь надежду. Забудь, что ты — человек.

Мой спутник привел меня на пустынную площадь у самого берега.

Здесь, в центре пустыря, теперь стоял маленький крытый базарчик. Рыбаки с доу несли сюда рыбу. На низких, потемневших от крови лотках шевелились ногастые голубые лангусты, истекали слизью плоские пучеглазые камбалы, бессильно разевали рты небольшие коричневые акулы.

— Коко-нат, бвана?

Белозубый продавец, не ожидая ответа, взвесил на ладони огромный трехгранный орех, взмахнул ножом, отсек верхушку и протянул орех мне.

Мы стояли у лотка с рыбой и, запрокинув головы, тянули прохладную мутноватую жидкость.

— Ее давали рабам перед тем, как погрузить на доу, чтобы не укачивались, — сказал мой спутник.

АВТОБУС ИЗ БАГАМОЙО

Домой, в Дар-эс-Салам, я возвращался автобусом.

Огромный колесный корабль с выбитыми иллюминаторами, скрипя и раскачиваясь, подплыл к остановке, и пестрая толпа, груженная корзинками, связками маниока, палками и клетками с курицами, ринулась штурмовать его.

Я вошел последним и расположился на чужом мешке с бобами.

Кондуктор — старик с вывороченными розовыми веками — подошел к автобусу и собрал плату за проезд. Шофер нажал сигнал — автобус исторг слабый рев — застучал дизельный мотор, и, бросая нас из стороны в сторону, машина двинулась.

Мы проследовали узкими улочками и выбрались на пыльную дорогу, проложенную вдоль берега моря.

— Хорошо, если доедем до Кисивайо! — тоном знатока сказал мой сосед. Он сидел на том же мешке, и мы с ним по очереди сползали на пол.

Внизу за частоколом пальм белела широкая, обнаженная отливом береговая полоса. На ней лежали, привалясь набок, черные полуразрушенные остовы судов.

Это было кладбище доу.

ДВА КЛАДБИЩА

Суда лежали на боку. Их черные мачты были подняты к небу, как руки.

Когда доу отслужит свой век, владелец гонит свой парусник сюда. Он дожидается прилива и направляет судно к берегу. Скрипнув килем о песок, оно вылезает на мель. Вода уходит, и отслужившее свой век доу валится набок. Последнее паломничество на него команда совершает по колено в воде. Люди сносят на берег свернутый в трубку парус и убогий скarb.

Неподалеку от корабельного кладбища есть кладбище людей. Ему более пятисот лет. Кто похоронен под серыми сглаженными глыбами? Надписи стерло время. Покосившиеся стелы стоят, как врытые в землю пушечные стволы.

Трава постепенно покрывает камни, остатки стен.

Новые люди пришли на эту землю, построили дома, посадили кокосовые пальмы. Девчонки в зеленых юбках по утрам бегут в школу мимо замшелых плит.

Они бегут мимо безмолвных камней и мимо безмолвных доу. Слепые глазницы якорных клюзов и стертые надписи на могилах смотрят вслед детям.

КИСИВАЙО

Миновав древнее кладбище, автобус повернул и стал отдаляться от океана. Новая дорога была проселком. Она была вся изрыта ухабами, то и дело ныряла в низины, и тогда наша колымага начинала трястись на бревенчатых полуразрушенных мостках, звонко гремевших под колесами.

— Тра-та-та! — стучали колеса.

— Тра-та-та! — выбивали дробь зубы.

— Только бы доехать до Кисивайо! — бормотал сосед.

Его опасения оказались не напрасными. Правда, до Кисивайо, где проселок возвращался на шоссе, мы добрались. Автобус вкатил на центральную площадь,

взметнул вверх огромное облако красной пыли, его мотор выстрелил всеми цилиндрами и умолк.

Он испортился.

Упираясь в широкую, густо засыпанную пылью корму автогиганта, добровольцы из пассажиров, понукаемые криками шофера, покатали машину чиниться, а мы — все остальные, — сложив в пеструю грудку пожитки, разбрелись по площади, ища тень и место, где можно было отдохнуть в ожидании продолжения рейса.

Солнце потоками лило на землю зной. Оно неохотно уступало вечеру, — крошечные, прятавшиеся у самых стен тени домов росли медленно.

Прикрыв голову газетой, я уселся около глинобитной стены и стал ждать.

Пустую площадь пересекал мальчишка. Он волочил за собой, как добычу, лист оберточной бумаги.

Подойдя к стене, он поднял лист, приложил его, разгладил и ловко без молотка прикрепил гвоздями.

Это было объявление. Неумело нарисованная женская фигурка извивалась на нем в танце.

Я просидел под объявлением до вечера и только тогда понял, что обещалось в нем жителям поселка. Обещался концерт.

ТАНЕЦ СБОРА УРОЖАЯ

Вечером на площади собралась половина населения городка.

Выступали танцоры. Четыре парня и четыре девушки, маленький оркестр — две гитары, три барабана.

Барабаны рокотали, босые пары с сосредоточенными лицами топтались на месте. Мягкая пыль качалась в воздухе.

Гитарист растопыренными пальцами касался струн. Их дребезжание подгоняло парней.

Четыре пары топтались друг против друга.

Рокот барабанов усилился, и танцоры, раскачиваясь, пошли по кругу. Они шли пара за парой, наступая и расходясь. Пыль металась над пересохшей землей.

Белые рубахи парней взмокли. Девушки сбились в стайку. Парни прыгали вокруг них.

Барабанные удары слились в непрерывную дробь.

Она оборвалась, и танцоры остановились в тех позах, в которых их застал конец. Они уронили руки и стояли, подняв лица. Вечернее солнце заливало их мокрые тела кровью.

— Исполнялся танец урожая племени ньякьюза, — объявил гитарист.

На дороге раздался шум автомобильного мотора. Гремя разболтанными дверями, на площадь въехал еще один автобус. Он грузно осел, притормаживая, и остановился. Из открытой двери на землю прыгнула Юрсова. Она подошла к танцевавшим.

— Пойдем! — сказала она одной из девушек. — Тебя ждут.

Они направились к автобусу.

Юрсова вела за руку беглую школьницу — Нкелигве Мвакзеге. Они прошли через толпу зрителей, забрались в пустую машину и уселись у задней стенки.

Я подошел и через запыленное стекло сделал Юрсовой знак. Она обрадовалась и кивнула, но лицо ее осталось озабоченным.

Гремя сумками и мешками, в машину садились женщины. С грохотом завелся мотор. Автобус обдал площадь золотистым дымом и укатил.

Снова зарокотали барабаны, и танцоры, держась за руки, вышли в круг. Одна пара распалась.

Не успел закончиться танец, как на площадь въехал и наш дилижанс.

ЗАПИШИТЕ ЕЕ ФАМИЛИЮ

Мы улета́ли из Дар-эс-Салама в осенний дождливый апрельский день.

С утра горизонт обложи́ли тучи.

К десяти часам они заня́ли все небо. Пошел мелкий дождь. В душном, насыщенном испарениями воздухе плавали тени людей.

Мы проехали по Индепенденс-стрит и около памятника солдату свернули к бухте.

В гостинице осталось письмо:

«Дорогой Джосис!

Очень сожалею, что Вы не успели вернуться к моему отъезду. Как мне не пришло раньше в голову? Ведь я знаю девочку в Кирогве — танцует, сочиняет рассказы. Ее зовут Нкелигве Мвакзеге. Может быть, она — именно та, кого вы ищете. Запишите ее фамилию.

Жму руку и желаю успеха».

Мы подъехали к зданию аэровокзала. Над ним развева́лся черно-зелено-желто-синий танзанийский флаг.

Самолет взлетел точно по расписанию. Бетонная полоса запрыгала и понеслась прочь. Я припал носом к иллюминатору.

Около здания аэропорта стояла маленькая фигурка в белой рубашке. Джосис! Он таки вернулся и пришел проводить меня!

Маленькая фигурка задрожала и раздвоилась. Получились две белые точки. Они стремительно покатались назад, а потом вниз.

Под крылом самолета замелькала трава. Пронеслась дорога. На этот раз на ней не было автомашины с кинокамерой, похожей на пушку.

Где сейчас три неутомимых Дика? Снимают голубых гну в Серенгети́ или плавают по Укере́ве, охотясь за коричневыми горбатыми крокодилами?

А где сейчас Нильс, последний искатель приключений из сонного благополучного Вардебю? Наверное, входит в класс и, протянув указку к карте, рассказывает африканским девочкам о строительстве новых заводов в Танзании и о новой железной дороге на

Ирингу? Или сидит на педсовете рядом с русской женщиной Юросовой и обсуждает, что делать с непокорной девочкой Нкелигве Мвакзеге?

Дар-эс-Салам, освещенный желтыми утренними лучами солнца, отступал.

Город наклонился — на окно надвинулся океан. Он был синий и плоский. Задрожали, покатались прочь зеленые, окаймленные белыми пенными кольцами острова. Где-то среди них и мой остров...

Самолет повернул на северо-запад. Океан отступил. Началось Восточно-африканское плоскогорье: кирпичная саванна, голубые ленточки рек, серые трещины дорог.

С севера уже ползли навстречу нам облака. Белое одеяло снова накрывало степь.

В том месте, где должна была стоять великая африканская гора, снова выпирал плоский, круглый камень. Вдруг облачное одеяло вокруг него взлохматилось и рассыпалось. Там, где только что был белый холм, парила в воздухе вершина огромного погасшего вулкана.

— Килиманджаро! — пробормотал мой сосед-кенийец. Он, видно, привык тут летать, гора его не интересовала, он достал из портфеля записную книжку и начал ее читать.

«Килиманджаро!»

Тонкое облачное кольцо лежало на вулканической вершине. Языки тумана спускались от него по склонам и заканчивались синими ручьями.

И вдруг я понял, что это не облака, а снег!

Снежный великан на экваторе! Это по его склонам поднимаются автомашины с туристами, а навстречу им из дождевых лесов неторопливо выходят стада слонов. Они расходятся, почти касаясь, — слоны и автомобили, и только матери отводят хоботами в сторону от машин любознательных слонят.

Это здесь, в заповедных лесах, стоят хижины и люди живут, бескровно воюя со стадами прожорливых обезьян.

Облака пошли гуще, плотнее. Гора снова утонула в них.

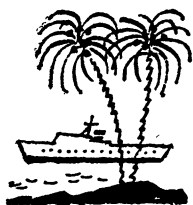
Самолет уже летел над белой пустыней. Позади остались шумный Дар-эс-Салам, выжженная солнцем

долина Нката, саванна и в ней древняя дорога на Багамойо. Уходил великий сложный материк, маленький кусочек которого я сумел увидеть, к жизни которого — прикоснуться.

Дар-эс-Салам — Ленинград
1974—1976 гг.

ПОВЕСТИ О ПУТЕШЕСТВИЯХ

ОСЬМИНОГИ

за стеклом

Это было в Ленинграде, хмурым летним днем, в огромном здании на набережной Невы...

Мальчик прошел мимо застекленных полок с черепахами и змеями и остановился перед витриной, где на тонких проволоочных нитях висели два причудливых осьминога.

Они висели за слегка запыленным стеклом, растопырив щупальца, словно два пестрых зонтика, а за ними громоздились раскрашенные в красный, бурый и желтый цвета странные камни, похожие на деревья без листьев.

Вымазанные яркими красками рыбки хороводили между камней.

«Коралловый риф и его обитатели», — было написано на табличке возле витрины.

Мальчишкой, который часами пропадал в музее, был я сам.

Шли годы, а многоцветный мир кораллов так и оставался для меня воспоминанием детства — камнями и животными за стеклом.

Я складывал в ящик письменного стола вырезки из газет, выписывал на аккуратные картонные карточки все, что читал о море и тропиках, смотрел кинофильмы.

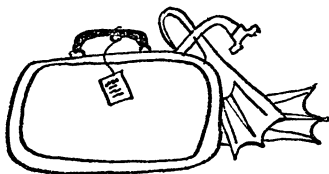
И все время безотчетно ждал встречи с чудом, которое называется коралловый риф...

КУБА — ОСТРОВ В ОКЕАНЕ

Я стоял на берегу океана и жадно смотрел на белый город и синюю с зелеными прожилками воду. Тускло просвечивало дно, берег был покрыт острыми, клыкастыми камнями, между камней поблескивали лужи стоячей воды.

Справа и слева шумел раскаленный на солнце город: многоэтажные здания, улицы — реки асфальта, зелень бульваров, пестрые, как птицы, автомашины.

За спиной, в оконных решетках старинного испанского особняка, гудел ветер. Меня привезли в этот дом прямо с аэродрома. В особняке — гостиница для советских людей, для тех, кто приезжает помогать молодой республике.

Дому сто лет. Высокие потолки и толстые стены. Посередине — закрытый дворик, кусочек голубого неба, две перистые пальмы, трава. Перед домом — бассейн: квадратная яма, вырубленная в скале. В ней, в непрозрачной зеленой воде, пуская пузыри, бродили невидимые ленивые рыбы.

— С вами поедет по стране Родольфо, — сказали кубинские товарищи, встречавшие меня на аэродроме. — Ихтиолог, учился в Советском Союзе. Поедете в кооператив к рыбакам. Аста луэго! До свидания!

И они ушли.

В углу комнаты валялись мой чемодан и спортивная сумка. Из сумки торчали ласты и кончик дыхательной трубки.

Риф начинался у самых окон дома. Он неудержимо звал к себе.

КОРАЛЛОВЫЙ РИФ!

Я надел маску, звонко шлепая ластами, пересек дворик и спустился мимо бассейна к морю. Взяв в рот загубник, забрел в воду по пояс, лег и поплыл,

Серая, безжизненная пустыня расстилалась подо мной. Наклонное дно, медленно опускаясь, уходило прочь и было все засыпано зеленовато-серой известковой пылью. Ямки, похожие на оспины, пятнали его. Мрачная, напоминающая фотоснимки лунной поверхности картина.

И ни одной рыбы.

Вот так риф, вот тебе и кораллы — великолепный сад под водой!

Наконец впереди мелькнул чей-то силуэт. Узкий и длинный, он возник на мгновение, прошел по краю каменистой пустыни и исчез, растворился в черно-голубой дали.

Кто это?

Я вспомнил рассказы про акул. Стало неудобно.

Один в этом царстве безжизненного камня, в мире без красок, без теней, без солнца.

Я шевельнул ластами, перевернулся на бок, поплыл назад.

У самого берега, там, где входил в воду, я увидел наконец живое существо.

В углублении между камнями сидел еж с длинными-предлинными иглами. Я оплыл его стороной и, придерживаясь руками за клыкастые известковые плиты, выбрался на берег.

Знакомство с рифом не получилось.

СЕРДИТЫЙ КАМЕНЬ СЕБОРУККО

Скоро я понял: риф, над которым я плавал, был мертв. Кораллы, построившие его, умерли тысячи лет назад и превратились в серые камни, в огромную плоскую скалу, убегающую в океан.

Часть этой скалы выходила на берег. Острые клыки, похожие на волчьи зубы, торчали над ее поверхностью.

— Себорукко! — говорили кубинцы, когда я спрашивал, как называется скала. И добавляли: — Очень сердитый камень!

Однажды я отправился побродить. На ногах у меня были туфли, привезенные из Ленинграда, модные, с широким носком и блестящей кожаной подметкой.

Я шел вдоль моря по себорукко, приседая и охая: острые камни ножами вонзались в подошву.

Нога подвернулась. Пришлось тащиться назад.

На пороге дома я присел и снял туфли. Их подметки превратились в лохмотья.

И верно — себорукко сердитый камень!

НЕ ТЕ РЫБЫ

Родольфо задерживался. Мне передали, что приехал болгарский ученый, который исследует повадки стайных рыб, и Родольфо ушел с ним в море.

Я не сетовал. Я обживал берег.

Кто-то сказал, что у самого дома видел моллюсков с большими красивыми раковинами. Я отправился на поиск.

Я плыл спокойно и уверенно, пристально вглядываясь в серую, однообразную поверхность рифа. Бояться было некого. Книжки в один голос утверждали: в тропическом море, у берега, на плывущего под водой человека не нападает никто. Крупных акул у берега нет. Мурена может нанести глубокие, долго не заживающие раны только в том случае, если человек наступит на нее или схватит рукой. Барракуда нападает, если загнать ее в угол. В общем, рыбы как рыбы.

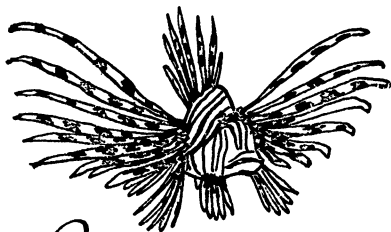
Плыву, беззаботно поглядывая вниз.

Вдруг на фоне дна появился силуэт рыбины: узкое, длинное, похожее на веретено тело, все в светлых и темных полосах, огромная, в одну треть тела, голова, белые зубы. Барракуда! Прекрасная морская щука метра полтора длиной. Она плыла неторопливо и спокойно, не обращая на меня внимания, не собираясь ни нападать, ни бежать.

«Испугаем! Наведем на хищницу страх!» Я нырнул и, вытянув вперед руки с растопыренными пальцами, стал догонять барракуду. Она ускорила ход — я заработал ластами сильнее. Щука увеличилась в размерах — я догонял ее.

Барракуды

Рыба-крылатка

И тогда произошло нечто удивительное. Рыба повернулась. Вернее, она повернула лишь голову, как собака, которая огрызается на преследователя. Она повернула свою длинную голову и щелкнула зубами. Зубы как гвозди. Я отчетливо услышал под водой их стук. Потом барракуда повернулась целиком — вот-вот бросится! Я отдернул руки и, бешено работая ластами, стал всплывать.

Рыбина продолжила путь. Она уплыла спокойно и неторопливо. Черно-зеленые полосы мелькали на фоне белого дна.

Ошеломленный, я выскочил на поверхность. Сердце отчаянно колотилось. Перед глазами стояли острые, с палец длиной зубы... Бр-р!

Только сидя в комнате, я понемногу пришел в себя и успокоился.

Конечно, барракуда на меня не напала бы. В конце концов человек больше ее. Книжки не врут. Но спасибо громадной щуке: в тот день я понял, рыбы тропического моря — это не рыбы наших озер и рек. С ними надо держать ухо востро.

РОДОЛЬФО

Я корчился в кровати под двумя одеялами, заряжая кассеты фотоаппарата.

Кто-то постучал по спине. Красный, распаренный, я вынырнул наружу. У кровати стоял небольшой

темноволосый человек и с любопытством разглядывал меня.

— Будем держать знакомство,— сказал он.— Меня зовут Родольфо. Я учился в Москве.

— А я из Ленинграда.

— Как устроились?

— Жарко у вас на Кубе. А как стайные рыбы?

— Ходят стаями.— Он рассмеялся.— Завтра уедем. Починят машину, и уедем. Вы первый раз на Кубе?

— Первый.

— Вам повезло. Поедем через весь остров на южный берег, к рыбакам. Поживем в лагуне Тесоро. Там водятся ламантины. А пока, хотите, я покажу вам по пути аквариум?

Мы вышли на раскаленную полднем улицу.

По липкому от зноя асфальту, шурша, проносились автомобили.

Девушка-регулировщик в бело-зеленых нарукавниках размахивала жезлом. Под огромным, развесистым, в десять обхватов деревом баньяном сидели темнокожие мамы. Около их ног копошились курчавые ребятишки.

Прячась в тени деревьев, мы дошли до каменной ограды.

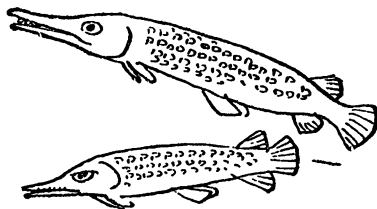
— Аквариум! — сказал Родольфо.

МАНХУАРИ

Посреди сада, поросшего редкими пальмами, стояло круглое белое здание.

В стены его были вделаны прозрачные ящики с водой. Посередине, в небольшом мелком бассейне, плавали закрытые кувшинки лотоса.

Манхуари

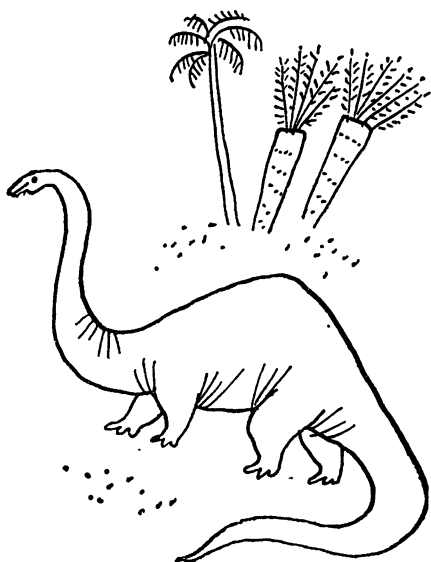
Родольфо подвел меня к бассейну.

— Манхуари! — сказал он.

В бассейне, повернувшись мордами к струе воды, выбивавшейся из шланга, стояло несколько сероголубых рыб, очень похожих по виду на наших щук.

Я так и сказал.

— Щуки! — подтвердил Родольфо. — Манхуари. Жили раньше мамонта. Раньше брон-то-завра.

Слово «бронтозавр» у него получилось плохо. Чтоб было понятнее, он растопырил над головой пальцы и пошевелил ими, изображая ужасного ящера.

Я присмотрелся к рыбам. У каждой на боках была светлая сетка — будто проводочки, переплетаясь, опутали все тело. Как кольчуга... Панцирные щуки — манхуари! Я вспомнил: эти рыбы жили на земле, когда не было еще никаких шерстистых носорогов, саблезубых

тигров, когда не бродили по пустынным степям огромные ящеры, а в небе не парили на кожистых крыльях смахивающие на пеликанов птеродактили.

Панцирная рыба! Прабабушка наших карасей и акул.

— Очень редкая, — сказал Родольфо. — Ваши ученые приезжают посмотреть на нее.

Панцирные щуки стояли не шевелясь.

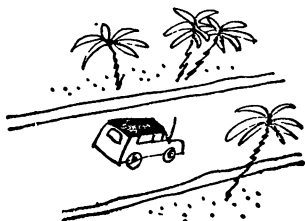
Если струя, бившая из шланга, отклонялась, они тоже медленно поворачивались и застывали, ловя свежую воду ртом.

— Очень редкая, — повторил Родольфо, и мы пошли смотреть остальных рыб.

МНОГОУДОБНАЯ МАШИНА

На следующий день мы уезжали из Гаваны.

Автомобиль, на котором приехал Родольфо, сначала испугал меня. Он был высокий, квадратный, весь в следах электрической сварки и... с трубой.

— Интересная конструкция! — сказал я. — Он что у вас, ходит на дровах?

— Зачем на дровах! — обиделся Родольфо. — На бензине. Некрасивый? Зато много... — он долго искал слово и наконец подобрал: — ...удобный. Сам собирал, — Родольфо с гордостью показал свои руки. — Ящики приварил — не утонет. Крепкий. Едет не очень быстро — тоже хорошо, больше увидим. Выхлоп — вверх!

Он показал на трубу.

— Ну что ж, едем.

И мы поехали.

Пофыркивая и громохая, наш автомобиль покатился по набережной, мимо сияющих стеклами гостиниц, пробился сквозь толпу автомобилей на узких улочках старого города, выскочил на шоссе и деловито побежал мимо зеленых плантаций и рощиц тонких, как зеленые свечки, деревьев.

— Две остановки в пути, — объяснил мне Родольфо, — один день — мангры, два дня — лагуна.

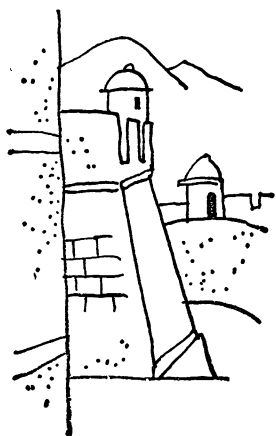
— Мне бы скорее на риф... — вздохнул я.

— Будет риф. Все будет.

Под вечер мы прикатили в город на берегу маленькой бухты. Над городом возвышалась скала. На вершине ее белел замок.

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ

Я карабкался на вершину скалы. Узкая, мощенная камнем дорога упиралась в крепостную стену. На дне сухого рва желтела низкая, ломкая трава. Деревянный подъемный мост нависал надо рвом.

Полуголый, страдающий от жары сторож опустил мост. Осторожно ступая по шатким, полужившим доскам, я вошел в замок.

Раскаленные солнцем камни источали зной. Серые ящерицы с закрученными, как у собак, хвостами бесшумно сновали меж известковых плит.

Замок сторожил вход в бухту. Когда-то в ней спасались преследуемые пиратами корабли. Пираты рыскали вокруг бухты, как волки...

Мимо запертых железными решетками окон я прошел к внешней стене. Между приземистыми зубцами торчали пушки. Я лег рядом с одной из них и высунул голову из бойницы.

Внизу море катило мелкие, как морщинки, волны. Воду прорезали черные зубчики. Они появлялись, стремительно чертили кривые, изогнутые линии и исчезали.

Это были акулы. Хищники ждали, не вынесет ли течением из порта какую-нибудь падаль.

Уходя, я остановился около каземата — небольшого углубления в стене. Оно было закрыто решеткой. На решетке висел тяжелый замок. Внутри каземата на голом каменном полу стояла покрытая коричневой пылью миска.

Глубже у стены — табурет.

На Кубе часто вспыхивали восстания. Сто лет назад разгорелось пламя большой освободительной войны. Почти все его вожди погибли. Последние дни они провели перед смертью тут.

Здесь, на крайнем юго-востоке, все — даже камни — память и история. Где-то здесь, на атлантическом побережье, высадился Колумб. Здесь началась революция.

Я вернулся по каменистой дороге вниз к бухте. Около бензиновой колонки стоял ослепительно белый автомобиль,

БЕЛЫЙ АВТОМОБИЛЬ

Он был как акула: никелированные клыки спереди, два наклонных плавника сзади...

Около автомобиля стояли двое — молодой парень в белой рубашке с расстегнутым воротом и толстяк с сигарой в зубах. На толстяке был клетчатый пиджак и брюки мешком.

Увидев меня, парень обрадовался.

— Абло испаньол? (Говорите по-испански?) — спросил он.

Я покачал головой:

— Йо авло руссо. (Я русский.)

Лицо парня расплылось в улыбке.

— Я знаю и русский, — сказал он без всякого акцента. — Я переводчик. Вот прикрепили меня к этому гражданину.

— А вы с ним на каком объясняетесь?

— По-итальянски. Турист. Собственно, объясняюсь один я. Он молчит.

— Бывает. Такой характер.

Парень вздохнул.

Толстяк спрятал в карман сигару, вытащил из машины роскошный фотоаппарат с толстой трубкой-телевиком и нацелил трубу на бензоколонку.

«Стоило ехать за тридцать земель, чтобы фотографировать ее, — подумал я. — Мало их у него дома, что ли?»

К машине вернулся шофер. Он был маленький и чернявый. Шофер сел за руль. Переводчик и толстяк заняли места позади него. Неслышно заработал мотор, машина качнулась, стремительно набрала скорость и, как огромная белая ракета, унеслась вверх по дороге.

Мы покатали вниз, к морю.

Впереди на горизонте поблескивали две полосы: синяя — вода и зеленая — мангровый лес. За ними желтели домики небольшого городка.

— Тринидад! — пояснил Родольфо. — Есть интересная история.

Вот что он рассказал.

Дело было во второй половине XVIII века. Карибское море всегда печально славилось морскими разбойниками. Но грабить одиночные корабли хлопотно, и пираты решили захватить сразу целый город!

Выбор пал на Тринидад.

Разбойники высадились в мангровом лесу. Выйдя на грунтовую дорогу, их отряд тронулся в путь. Десятикилометровое расстояние они шли так медленно, что жители города успели связать в узлы свое имущество и уйти в горы.

Когда первые группы разбойников вступили на мощенные булыжником улицы, в городе оставались только одни бедняки.

Начался торг. Между городом и пещерами, где спрятались купцы и гидальго, забегали взад-вперед посланцы. Пираты требовали выкуп, грозя в случае отказа, поджечь город с четырех сторон. Жители упирались. Наконец все кончилось полюбовной сделкой: пираты получили требуемую сумму и вдобавок право... торговать на городском рынке!..

Эту историю мне рассказал Родольфо, пока мы добирались до берега. Там шофер, не сбавляя скорости, свернул с дороги прямо в гущу стоящих в воде деревьев. Хрустнули ломкие ветки, машина ухнула в воду и, ловко цепляясь зубчатыми шинами за дно, покатила дальше. Выхлопная труба над нашими головами стреляла, желтые волны разбегались по сторонам.

«И верно — многоудобная машина!»

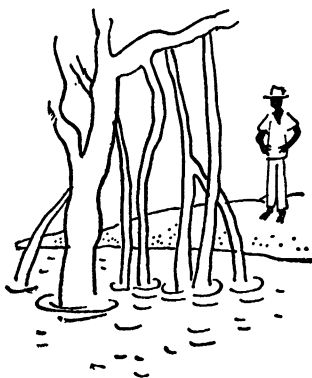
Мы доехали до песчаного островка, покрытого деревьями, и там вылезли.

Весь остаток дня я бродил по мангровому лесу, осторожно перебираясь через протоки, с удивлением рассматривая мясистые темно-зеленые листья, путаницу воздушных корней над головой.

Деревья стояли по колено в море.

Из воды, как гвозди, торчали их острые побеги. Плотные, мясистые листья не шевелились.

Проваливаясь по колено и оставляя за собой коричневые облака ила, мы то углублялись в низкорослую чащу, то выходили в протоки, открытые со стороны моря.

Мелкие рыбы бросались из-под ног, поспешно скрывались в кустах белые тонконогие цапли, пуская пузыри и выбрасывая вверх комочки грязи, прятались в норы маленькие пестрые крабы.

НЕ ПОДХОДИ!

Крабы населяли все отмели и островки. Мангры были их заповедным царством.

Там, где над водой возвышались темные взгорбки песка, их жило тысячи.

Я уселся на обломок дерева, выброшенный течением, и стал наблюдать. На какое-то время суета, порождаемая движением крабов, прекратилась. Животные замерли, затем, видя мою неподвижность, засуетились с удвоенной энергией.

Одна клешня у каждого была маленькая, похожая на щипчики, вторая раз в пять больше — с пятачок.

Вот шевельнулся комочек песка, приподнялся, отодвинулся в сторону. Открылась норка. Высунулся из нее краб, вылез по пояс, поднял над головой большую клешню и ну ею семафорить. Вверх-вниз, вверх-вниз! Ходит взад-вперед фиолетовый флаг — далеко его видно.

Сначала я даже не понял, кому это сигналист мой «матросик». Потом, присмотревшись, понял. Невдалеке от него еще норка, в ней — другой краб, побольше. То ли норка ему узка, то ли место, где она вырыта, разонравилось, страшно хочется большому крабу вылезти из нее, подойти к соседу, может быть, даже и норку того захватить. Но не тут-то было! Только вылез он целиком, шаг вперед сделал — навстречу флаг машет: «Не подходи, мол занята норка, и земля вокруг нее занята! Подойдешь — буду драться!»

Видно, не так просто решиться на бой: потоптался, потоптался большой краб — и назад. На край норы сел, лапки свесил, раздумывает.

Сижу и я тоже. Под ноги себе смотрю.

Привыкли ко мне крабы, совсем перестали обращать внимание.

Вот бегут два, навстречу друг другу. Бегут, один другого не видят: ботинок им мой мешает. Выбежали

из-за ботинка — и нос к носу. Остановились как вкопанные. Уставились друг на друга. Потом не сговариваясь клешни подняли и давай семафорить. Должно быть, выясняют, кто кому дорогу уступать должен.

Один говорит: я сильнее! Второй: нет, я!

Стоят друг против друга, лапки по песку расставили, машут клешнями. Один получше сигналит, другой — похуже. Верно, который похуже — тот и уступит.

СТРАННАЯ ЯЩЕРИЦА

Меня ожидала еще одна встреча.

Я сидел на обручке дерева тихо, и, наверное, поэтому еще одно животное выдало движением свое присутствие. Что-то зеленое шевельнулось в кустах, проползло по стволу, спустилось к воде.

Ящерица! Большая, вся в зеленых и коричневых точках. А может быть, в полосах? Играют тени, не разобрать. Только видно, что ящерица большая и что у нее тонкий длинный хвост.

Посмотрел я на нее. «Странно! — думаю. — Ведь куст на островке, вокруг — вода. Как она сюда попала?»

А ящерица из-под куста вылезла и замерла. Смотрит куда-то в сторону, мимо меня. Там жук бежит по песку. Черный, коленками кверху. Бежит, коленки подбрасывает.

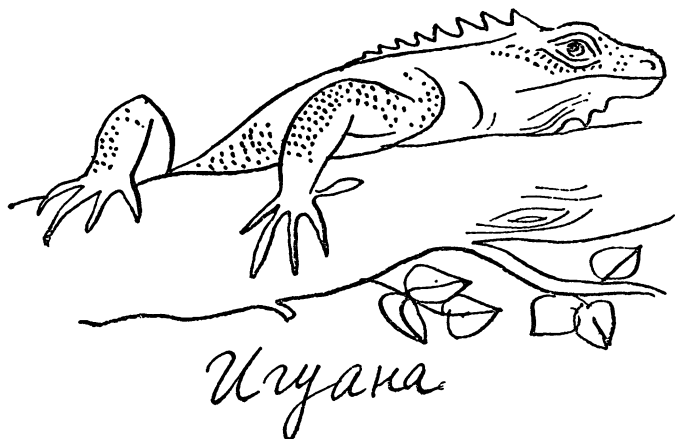
Добежал до куста, ящерица его хоп — и слизнула!

Стоит, шею вытягивает, жука глотает.

«Не иначе, — думаю, — приплыла она сюда на бревне или на пучке травы. Вот только как теперь ей назад с острова?»

Только я подумал, а ящерица повернула голову, увидела меня да как прыгнет в воду! Помчалась — хвостом словно винтом работает, задними лапами помогает, передние в воздухе машут. Ненормальная какая-то!

Добежала до соседнего островка, зеленой стрелой по песку мелькнула, на дерево — и исчезла.

Стоит дерево, ветки в воду уронило. Толстые, мясистые листья не шелохнутся. В путанице воздушных корней — черные и зеленые тени. Поди разбери, где там ящерица!

Я встал и, шлепая по воде, побрел к этому островку. Ящерицы не было видно. Среди коричневых изогнутых веток мангрового дерева сидели крабики густо-лилового цвета. Непрерывно пощелкивая и суча клешнями, они состригали с поверхности ствола плесень и ловили на ней мелких, едва различимых глазом насекомых.

ДЕРЕВНЯ НА ВОДЕ

После мангрового леса начались болота. Шоссе пересекало полуостров Сапата. Прямая, как натянутая нить, асфальтированная дорога врезалась в непроходимый, густой лес. Это было царство жары, зелени и влаги.

Дорожный знак предупредил — поворот! Промелькнул дорожный указатель — «Плайя Хирон».

Через три года после того, как революция на Кубе победила, на песчаный берег Плайя Хирон ночью высадились люди в зеленой, без знаков различия форме.

Несколько танков, скрипя гусеницами, сползли с десантных барж на берег.

Это был десант контрреволюционеров, врагов республики, бежавших с острова.

Вражеский десант сбросили в воду. Его рассеяли по болотам, разгромили. Пробитые снарядами, обгоревшие танки остались стоять у воды...

Мы проехали пляж, где разыгралось сражение с десантом контрреволюционеров.

Серая нить дороги сделала петлю. Из-за кустов вынырнули небольшая хижина, синий пласт озерной воды, причал с тремя лодками.

Оставив автомобиль, мы отправились дальше по воде и, пройдя канал, очутились на озерном плесе.

— Лагуна Тесоро! — сказал Родольфо. — Когда-то морской залив. Здесь живут ламантины. Их называют «мамата».

Услышав это слово, лодочник повернулся и, вытянув руку, указал на поросший тростником берег. Около него, то скрываясь в воде, то появляясь, плавали какие-то черные точки.

Берег лагуны, к которому мы шли, становился с каждой минутой четче. На нем уже различались кроны деревьев, остроконечные крыши хижин. Вынырнула из озера и заблестела зеленая полоска травы.

Мы подошли к ней. Озерный берег раскололся на части, извилистые протоки побежали в глубь него. На маленьких островках стояли бамбуковые хижины. Каждая — на сваях. Коричневые лужи блестели под домами. Острые, сложенные из пальмовых ли-

ствьев крыши венчали постройки. Около хижин покачивались лодки.

Лодочник потянул ручку на себя, мотор сбавил обороты. Тарахтя, он потащил нас в глубь одной из проток.

Сплетенные из древесных жердей кружевные мостики поплыли навстречу. Низкая волна побежала по протоке. Лодки у домов запрыгали.

Мы подошли к помосту, на котором висилась большая, круглая, как барабан, постройка.

— Дом касика — старосты деревни! — объяснил Родольфо. — Касика давно нет. Дом остался.

Лодочник, не останавливая мотора, высадил нас, развернул лодку и ушел.

Вечерело. Оранжевые полосы тянулись по озеру. Скоро человек в лодке стал неразличим. Только сама лодка синим шаром еще долго катилась по оранжевой воде.

Нас проводили на ночлег — каждого в свою хижину.

НОЧЬ

Я сполоснул водой из чашки лицо, погасил свет и улегся на низкую, похожую на диван кровать.

Под домом тихо плескало. Через приоткрытые жалюзи светили крупные, как фонари, звезды. Вполголо-са пели лягушки.

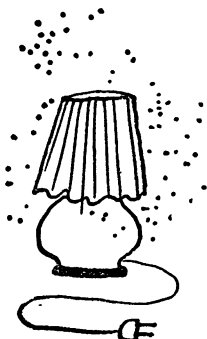
Что-то больно обожгло лицо. Хлоп! — я ударил себя по щеке. Острая иголка вонзилась в ногу. Хлоп!

Пришлось включить свет. Одинокий москит беззвучно кружил под потолком. Гоняясь за ним, я задел абажур настольной лампы. Из-под него вылетел целый рой.

Разогнав насекомых и закутавшись с головой в простыню, я снова лег.

Потревоженные москиты тотчас собрались надо мной. Одни летали молча, другие — с комариным писком, третьи — басовито гудя. Они проникали сквозь простыню сверху, лезли снизу, пробирались в каждую щель. Мои руки и ноги вспухли.

Не выдержав, я вскочил с кровати и вышел на крыльцо. Над свайной дерегушкой торжествовала тро-

пическая ночь. Огромное, похожее на паука созвездие пылало над крышами домов. Лягушачий хор окреп. Лягушки пели по-птичьи. От звона их голосов дрожали верхушки пальм.

Вода в лагуне светилась.

Я вытащил матрас на веранду и постелил его на пол. Москитов здесь было меньше. Я объяснил это тем, что насекомые боятся лягушек. Я лежал, изредка взмахивая рукой.

Ночная ящерица прошуршала по стене и скрылась под крышей.

Волоча за собой узкий длинный хвост, рядом с матрасом прошла водяная крыса.

Под полом что-то оглушительно плюхнулось. Какой-то хищник поймал добычу. Урча и чавкая, он начал ее грызть... Время тянулось бесконечно. Только когда часы показали семь, край неба начал светлеть. Вода заалела. Из-за зеленой стены тростников стремительно поднялось оранжевое, уменьшающееся на глазах солнце.

Это был конец моих мучений.

— А что же вы не натянули сетку? — спросил Родольфо, когда за завтраком я рассказал ему о перенесенной ночью пытке.

— Какую сетку?

— Москитеро. В ящике около кровати лежит сетка. Идемте, я научу...

Сетка — широкий и плотный полог, пропускающий воздух и задерживающий всю летающую нечисть, оказалась превосход-

ным изобретением. Она натягивалась над кроватью, а края ее плотно затыкались под матрас. Ничто жужжащее, летающее, жалящее не было в состоянии пробраться под нее.

Следующую ночь я уже спал спокойно.

БЕНТИ БЕНТИ ДОС

Перед хижинкой на столбе в железном ящике висел телефон.

— Бенти бенти дос? — спрашивала телефонная трубка, когда я снимал ее и подносил к уху.

— Си, — отвечал я.

Это было все, что я знал по-испански. «Си» — «да», «бенти бенти дос» — «двадцать двадцать два», номер телефона. На второй день нашего пребывания в свайной деревне из железного ящика доносился особенно длинный и тревожный звонок. Я подбежал к аппарату.

— Бенти бенти дос?

— Си.

— Зачем по-испански? По-русски надо, — сказала трубка голосом Родольфо. — Бегите сюда. Пришел рыбак, говорит, видел мамата.

— Где? Куда бежать? — заволновался я. Кругом была вода, бегать по ней я не умел.

— Ах да, вы же на острове. Тогда ждите.

Через полчаса затарахтел мотор, и к хижинке подплыла кургузая, с обрубленной кормой лодка, за которой тянулся лиловый хвост дыма.

— Вот он только что видел, — сказал Родольфо и кивнул на рыбака, сидевшего на корме.

— Мамата, — сказал рыбак и тоже закивал.

Я прыгнул в лодку, та, затарахтев, начала поворачивать. Но едва мы вышли в лагуну, как меня начали одолевать сомнения.

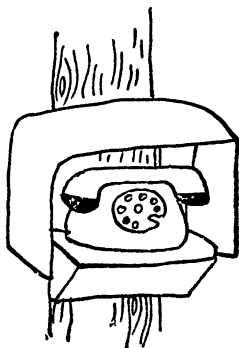
Ламантины — очень чуткие и боязливые животные. Заслышав стук мотора, они постараются или спрятаться под воду или уплыть подальше. Как же мы сможем увидеть их?

Лодка, кивая носом в такт моторному перестуку, неторопливо ползла вперед.

Мы пересекли лагуну и приблизились к берегу, поросшему тростником.

Родольфо что-то спросил. Рыбак ответил.

— Тут, — сказал Родольфо и привстал.

Лодка шла вперед, тарахтя мотором, оставляя на воде радужные маслянистые пятна.

— Мадре миа,— сказал я,— самый глухой ламантин давно уже удрал.

Родольфо почесал подбородок.

— Верно,— сказал он.— Заглушить мотор?

Лодка остановилась.

— Подождем.

Мы простояли час. Слабое течение отнесло нас в узкий залив. Дно его было покрыто густой травой. Острые, похожие на лезвия ножей, коричневатые стебли поднимались к поверхности воды. Рыбак заволновался и стал что-то быстро говорить, показывая пальцем за борт.

— Он говорит,— перевел Родольфо,— что эта трава — любимая пища ламантинов. Он говорит, что здесь должны быть мамата.

Мы прождали еще час. Тонкая сиреневая струйка вытекала из мотора. Вокруг лодки расплывалось бензиновое пятно.

— Пошли назад,— махнув рукой, сказал я.

Родольфо понюхал пахнущий бензином воздух и кивнул.

Мы вернулись в нашу деревню на сваях.

— Я знаю, что надо делать,— сказал я. — Ведь тут есть лодки с веслами. Пойдемте на такой.

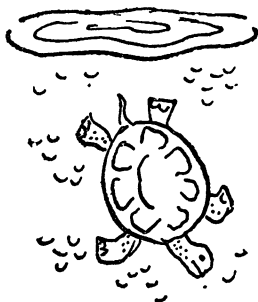
В ПРОТОКАХ

Мы плыли в лодке вдвоем по широкой болотной протоке.

Лодка двигалась бесшумно. Я медленно передвигал весла, Родольфо лежал на носу, свесив голову, и смотрел в воду.

Круглые, как тарелки, черепахи плавали в воде. Заметив нас, черепахи поднимали головы, начинали вертеть змеиными шеями, а затем, как по команде, скрывались.

Там, где они погружались, расходились кольца.

Мы шли в глубину болот. Море тростника разливалось перед глазами. Тростники — до самого горизонта. Лишь кое-где над светло-зеленой их стеной поднимались темные купы кустарников да торчали одинокие пальмы. Они непонятным образом сумели укорениться и выстоять в этом зыбком мире воды.

Раздался жалобный крик. Белая цапля, тяжело махая крыльями, поднялась и полетела прочь.

Изогнутые протоки сплетались в лабиринт. Я гроб, то и дело оглядываясь и запоминая каждый поворот.

Ламантинов не было.

Дважды мы заметили крокодилов. Молчаливые и неподвижные, они лежали в воде, похожие на бревна. Стоило направить лодку в их сторону, как животные бесшумно и осторожно тонули. Не делая никаких движений, они уходили вниз, не оставив после себя на воде ни морщинки.

— Где же ваши мамата? — спросил я.

Родольфо пожал плечами.

Мы направили нос лодки прямо на зеленую стену. У бортов зашуршали жесткие звонкие листья. Лодка раздвинула тростники. Впереди заблестел узкий проход. Я встал и начал грести, опуская весло попеременно то слева, то справа. Мы двигались, бесшумно скользя по узкому коридору.

Под нами на небольшой глубине проплывал ковер кудрявых черно-зеленых водорослей. Кое-где лежали большие валуны.

Совсем рядом закричали и смолкли птенцы какой-то болотной птицы. Родольфо тоже встал и начал высматривать их.

В небе, то увеличивая, то уменьшая высоту, кружил красноголовый орел. Птенцы умолкли. Только стук срывающихся с весла капель нарушал тишину.

Вдруг Родольфо широко открыл глаза и, вытянув руку, показал на воду. Среди курчавых водорослей около большого коричневого валуна стояла манхуари!

Это был великолепный экземпляр — голубая, одетая в кольчугу из костяной брони щука, больше метра длиной. Когда тень от лодки упала на нее, рыба шевельнула хвостом и не торопясь пошла прочь. Она и сама двигалась как тень — доисторическая рыба, чудом сохранившаяся до наших дней здесь, в этом

укрытом от человеческих глаз уголке земли, тщательно оберегаемом крокодилами и непролазными чащами тростника.

Не успела она скрыться, как я заметил вторую, затем третью... Мы насчитали около двух десятков манхуари — жителей этого самой природой устроенного заповедника.

Мы не пытались поймать ни одной, хотя, может быть, удара веслом по воде могло оказаться и достаточно: щуки стояли на небольшой глубине, но ни у меня, ни у моего спутника не поднялась рука причинить вред этим странным красивым животным.

— Они немного похожи на крокодилов, — правда? — спросил Родольфо.

Я кивнул. Панцирная рыба плыла у самой поверхности, прямые лучи солнца освещали ее. Костяная голубоватая броня с желтыми желобками светилась. Щука плыла, вытянув узкую морду и едва изгибая хвост...

Мы так и не увидели ни одного ламантина. Хитрые мамата, скорее всего, не рисковали забираться так далеко в узкие протоки, где им трудно избежать преследования. А может быть, в лагуне и в болоте разная трава?

Мы вернулись в деревню вечером. Закатное солнце обливало медью остроконечные крыши хижин, зеленые тени плавали в неподвижной воде.

Ну и что ж, что нам не удалось встретить в лагуне ламантинов? Мы наткнулись на манхуари — удивительных рыб, живших на планете раньше мамонтов.

ТУТ БУДЕМ ЖИТЬ!

Наш автомобиль подпрыгнул, провалился в какую-то яму, ловко выбрался из нее и, шурша, покотил по песку. Дорога кончилась — мы ехали по берегу моря.

Прямо перед нами вспыхивали один за другим огни деревни.

Был поздний вечер. Мы подкатили к хижине с черепичной, освещенной фонарем крышей. Из хижины вышли несколько человек,

Узнав Родольфо, они повели нас в правление кооператива. Пришел председатель. Быстро решил, где нам жить.

Отведенная на этот раз мне под жилье хижина стояла на самом краю деревни. За стеной высились огромные пальмы — начинался лес.

Мы вошли в дом, Родольфо зажег свет.

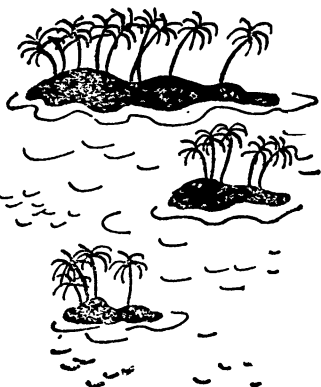
— Электричество только вечером, — предупредил он, — час-два.

В комнате стояли низкая кровать и стол, сколоченный из грубо обработанных досок.

Когда Родольфо и проводящие ушли, я бросился на кровать, вытянулся и услышал ровный гул. Где-то вдалеке огромные, неторопливые волны накатывались на риф. Они опрокидывались, порождая мерный, как дыхание, звук. Звук достигал берега и замирал.

«Тут, совсем рядом, настоящий живой коралловый риф! — подумал я, — Наконец-то!»

И уснул.

СКОРЕЙ!

Когда я проснулся, деревня еще спала. Восход красил небо в желтый цвет. Тяжелые листья пальм, простертые над домами, не шевелились.

Через открытую дверь виднелось застывшее, стеклянное море.

«Скорее! — подумал я, расшнуровал свою сумку, вытащил из нее водолазное снаряжение и, не одеваясь, как был — в трусах и майке, побежал на берег.

Теплая, не успевшая остыть за ночь вода приняла меня.

Я плыл. Сейчас будет риф!

Светлый песок... Ровное, медленно понижающееся дно. Бугристые, похожие на следы тракторных гусениц ходы моллюсков,

Затем появились пучки черепаховой травы. Голубые островки ее превратились в сплошной ковер. Я плыл над этим нескончаемым полем водорослей до тех пор, пока не почувствовал, что устал.

Рифа все не было.

Я оглянулся. Далеко позади желтела полоска песка. Над ней поднимались острые крыши. Впереди — ровная морская синь, без волн, которые бы могли пеной и бурунами выдать положение рифа. Сколько еще плыть? Сто метров? Тысячу? Три?

Забираться одному так далеко в море, конечно, безрассудно. Но будь что будет! Я вздохнул и, работая ластами, продолжил путь.

Я плыл, вероятно, не больше получаса, но это время показалось вечностью. Наконец в зеленом ковре подо мной появились разрывы. Блеснул белый песок.

Что такое?

Из песка торчали серые рога — мертвая коралловая ветвь! Чуть дальше — пологая возвышенность, причудливые очертания пестрых камней. Риф!

ПОХОЖИЕ НА ИГРУШКИ

Я медленно плыл вперед.

Со дна поднимались оранжевые, желтые, зеленые ветки, глыбы, шары. Каменный хаос, лес. Среди него стайками и поодиночке — разноцветные рыбы.

Сначала мне показалось: вода носит среди причудливых каменных фигур елочные игрушки. Ветер сорвал их на берегу, унес в море, игрушки утонули, и теперь течение движет их.

Одну за другой я узнавал рыб.

Вот проплыли высокие, похожие на каски пожарников щетинозубы — желтые бока разрисованы черными полосами. Серые с голубыми точками сераниды, серебристо-желтые кахи, черная-пречерная негрито с двумя узкими неоновыми полосками — рыбы переходили с места на место, выискивая что-то среди кораллов.

Стайкой проплыли голубые хирурги — на хвосте у каждого желтели костяные острия ножей.

Красная рыба-белка появилась из-под развесистого камня, вытаращила на меня большие выпуклые глаза, вильнула раздвоенным хвостом и снова скрылась.

Два бледно-зеленых попугая деловито общипывали коралловую ветвь. Они висели головами вниз и — крак! крак! — обламывали кусочки коралла массивными, изогнутыми клювами.

Около них, в надежде поживиться, вертелась мелочь: желто-синие кардиналы, фиолетово-оранжевые лоретто, черно-голубые хромисы... Все они суетились, толкали друг друга, бросались на каждый кусочек, упавший изо рта попугая.

Низко, у самого дна, проследовал светло-коричневый, с черными точками кузовок, смешная рыбка — маленький сундучок, из которого торчат хвост, плавники да пара внимательных незлобивых глаз.

Вдали над покатыми верхушками оранжевых кораллов-мозговиков появились длинные голубые тени: какие-то хищники не торопясь шли на добычу. словно ветер подхватил разноцветных рыбок, закружил, завертел, унес. Риф опустел, рыбы исчезли.

Голубые тени пропали, и — как в кино один кадр незаметно для глаза сменяет другой — все пространство между каменными деревьями снова наполнилось веселой суетой. Красные, оранжевые, голубые рыбешки возникли из ничего и тотчас продолжили свое движение. Попугаи принялись ломать коралл, рыба мелочь около них — ловить крошки, голубые хирурги, поблескивая ножами, — сбиваться в стаю.

Из-под коралловой ветки снова выплыла красная рыба-белка и уставилась на меня.

Так вот он какой — настоящий живой риф! Вот она какая — заповедная страна кораллов!

С этого дня я стал постоянным ее посетителем, летописцем всех ее происшествий.

ПАКО

Со стороны берега риф был пологий, обломки его, мельчая, переходили в песок. Здесь было светло и тихо. Вместо разноцветной карусели рыб и буйства коралловых красок — спокойный, серовато-белый цвет.

Ровная, как доска, поверхность дна, лишь кое-где тронутая холмиками,— их оставили, пробираясь в песке, моллюски.

Я решил раскопать один холмик и поплыл к нему, когда внимание мое привлекло странное пятно.

Кто-то обронил на дно сковородку! Вот припорошенная песком ее ручка, вот и она сама — хорошо угадываются круглые края...

Коричневая тень возникла слева от меня, что-то тонкое и стремительное пронеслось сверху вниз и ударило в сковородку. И тогда случилось неожиданное. Песок разлетелся, как от взрыва, в дымном сером облаке показались очертания круглого плоского тела: большой скат, неистово размахивая плетью-хвостом, взлетел вверх, кинулся в сторону и повис, натянув белый шнур. В рыбу попал гарпун.

Я повернулся в ту сторону, откуда был сделан выстрел. Опустив голову и торопливо подбирая шнур, в воде висел мальчишка, смуглый, почти черный, одетый в рваную рубаху и трусы. На его ногах болтались разной величины и разного цвета ласты.

В два гребка я приблизился к нему и, не говоря ни слова, тоже ухватился за шнур.

Вдвоем мы едва удерживали рыбину.

Про острый шип на хвосте, которым скат может нанести глубокую рану, мальчишка, очевидно, знал: всякий раз, когда скат, описывая вокруг нас круги, приближался, он начинал торопливо отпускать шнур и что-то невнятно взახлеб выкрикивал, предупреждая меня.

Гарпун пробил жабры, и скат быстро терял силы. Когда он совсем перестал биться и повис на шнуре, мальчишка проворно поволок его к берегу.

Я поплыл следом. Мы вдвоем вытащили ската на берег и сели рядом. Мальчишка снял ласты.

У него была большая голова с маленьким прямым носом и плотно свитыми курчавыми волосами. К правой ноге привязан большой нож с самодельной рукоятью.

— Как... тебя... зовут? — спросил я, собирая по крупицам свои знания испанского языка.

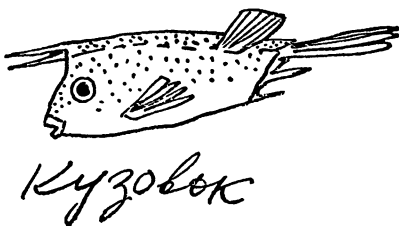
— Пако,— ответил он и нараспев добавил: — Франциско.

Это было все, что мы сказали друг другу. Но в этот час я приобрел друга, который целый месяц исправно делил со мной все радости и невзгоды.

ДИАДЕМЫ

Первая беда не заставила себя долго ждать.

Мне вздумалось полезть в воду не там, где мы с Пако делали это обычно — на песчаном берегу против деревни, а левее, за стоянкой лодок, где из моря выходила узкой полосой скала себорукко.

Здесь было много ежей — диадем. Ежи были похожи на звезды. И еще — на подушечки, утыканные иглами. Они сидели в выбоинах и ямках. Черные, тонкие их лучи торчали над серым камнем, как пучки волос. Был вечер. И был накат.

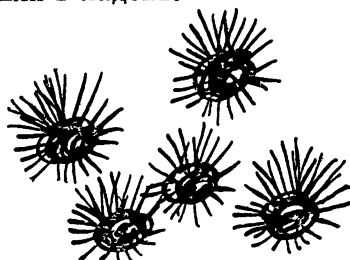
Тяжелые низкие волны приходили со стороны океана, грузно взбирались на отлогий берег, отступали, оставляя между волчьими клыками блестящие разорванные лужи.

Я полез.

Мутная, темная вода захлестнула колени. Шаг. Кончик ласты зацепился, вода подтолкнула. Потеряв равновесие, я упал, оперся рукой о камень.

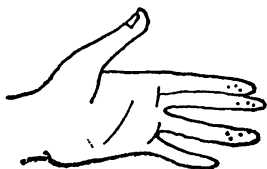
Острая, дикая боль!

Отдернул пальцы, падая, опустил под воду вторую руку. Еще укол! Будто сотни электрических искр вошли в ладонь.

Сжав зубы, завывая от боли, я выскочил из воды и, ковыляя, побежал к дому.

В пальцах черными смоляными точками рябили обломки ежиных игл. Вокруг каждой медленно расплывалось белое кольцо.

Пальцы немели. Тупая боль поднималась вверх по руке.

Я вспомнил все страхи, про которые читал в книгах, — о ранах, причиняемых неосторожным пловцам уколами ежей, — добежал до хижины и стал судорожно рыться в чемодане, отыскивая иголку, чтобы как

можно скорее выковырять обломки. Руки тряслись — я никак не мог отыскать ее.

Тогда я натянул брюки и побежал к Пако.

Он сидел на деревянном стуле около дощатой хижины, крытой пальмовыми листьями, и, водя пальцем по странице, читал книгу. Я знаками объяснил ему, что ищу, и показал израненные руки.

Пако покачал головой. Он поднял свою ладонь, растопырил пальцы и начал легонько постукивать ими о спинку стула.

Что он хочет этим сказать?

«Надо только стучать пальцами, и обломки выйдут сами!» — втолковывал он мне. Жесты его были очень красноречивы. Взяв мою руку себе в ладони, он показал, как раздуются и опухнут пальцы, если я вздумаю ковырять их иглой.

Я смирился и принялся ходить взад-вперед, держа на весу руки и подставляя горящие ладони ветру.

Мало-помалу боль стала утихать. Через два часа она прошла совсем.

Теперь у меня было занятие. Целыми днями я постукивал пальцами. Я выгонял обломки игл. Поскольку скал и ежей было много, всегда находились и еж, и камень, и волна, из-за которых я натывался на проклятые иглы. Стучать пальцами вошло у меня в привычку.

Сидя за столом, я постукивал о доску. Стоя у какого-нибудь дерева — по ветке. Сидя в лодке — о ее борт.

Разговаривая с собеседником, я стучал пальцем о палец.

Не знаю, рассасывались ли иголки сами по себе или они действительно выходили от постукивания, мало-помалу черные пятнышки исчезли,

МОИ СОСЕДИ

В хижине я обитал не один.

В первый же день, стоило мне прилечь — солнце еще светило над головой, — послышался шорох.

Держась лапками за бамбучину, заменявшую стропило, на потолке висела вниз спиной изумрудная ящерица. У нее была удлинненная, острая головка и сильный хвост, который был вытянут и крепко прижат к дереву.

Ящерица, повернув голову набок, с любопытством рассматривала меня.

Моя неподвижность внушила ей доверие. Осторожно перебирая лапками, зеленая красавица спустилась с потолка на стену, влезла на оконную раму и по ней приблизилась к кровати. По пути она успела схватить какое-то насекомое, неосторожно перебегавшее ей дорогу.

Добравшись до изголовья койки, гостя остановилась и, поводя бусинками черных, светящихся глаз, начала исследовать мою наружность.

Я лежал совершенно неподвижно. Волоча узкий, кнутиком, хвост, ящерица прошла по спинке кровати, перелезла на стенку, остановилась и стала внимательно рассматривать что-то в углу.

Я скосил глаза и увидел там еще одного обитателя хижины. Прижавшись плотно, всем телом к доске, в углу сидела капустного цвета, с темными полосками у глаз лягушка квакша. Она сидела совершенно неподвижно и спокойно смотрела на все, что происходит вокруг.

Оба животных вели себя с большим достоинством. Лягушка делала вид, что не замечает ящерицу, а последняя, задрав мордочку, разглядывала потолок, противоположную стену, кровать — словом, что угодно, только не квакшу.

При этом обе нет-нет да косили глазом друг на друга.

Но я знал, что рано или поздно их интересы должны столкнуться!

По комнате летала муха. Басовито жужжа, она повертелась под потолком, села на стол, попробовала хоботком цветное пятнышко, перевернула лапой хлеб-

ную крошку, снова взлетела и, сев на стену, отправилась путешествовать.

Ящерица первой заметила муху и тотчас повернула в ее сторону острую мордочку. Муха бежала зигзагами, опускаясь все ниже, и наконец очутилась между обоими животными.

Ползущее пятно привлекло внимание лягушки. Она перебрала лапками, повернулась всем телом к мухе — и прыгнула. На ее беду, муху одновременно решила схватить и ящерица. Она тоже рванулась вперед. Бац! Лягушка и ящерица столкнулись, полетели на пол, испуганная муха с гудением взмыла вверх. Я расхохотался и вскочил с кровати.

Зеленая молния сверкнула по стене. В кровле из пальмовых листьев прошуршало и смолкло. Ящерица удрала.

По полу ковыляла лягушка. Она добрела до стены, уцепилась пальчиками с присосочками за доску, потянулась и, переваливаясь, поползла вверх.

Добравшись до своего угла, она замерла, то равнодушно поглядывая на меня, то внимательно смотря вверх, под потолок, где все еще гудела испуганная муха.

ПАССАТ

Над островом дул ветер — пассат. Он дул все время с востока на запад.

Ночью ветер ослабевал. По звездному, похожему на чертеж небу медленно проплывали белесые, с зелеными краешками облака. Шум моря становился все тише и тише. К утру море успокаивалось, умолкало.

До полудня было наше время, мое и Пако: мы плавали на рифе. Это было время рыбаков — их лодки молчаливо покидали берег и разбредались по стылой, стального цвета воде.

Когда солнце поднималось в зенит и горячие струи воздуха над островом сливались в один могучий, восходящий поток, ветер усиливался. На воде появлялись мелкие, едва заметные глазом чешуйки. Они лепились в полосы, ветер дул все сильнее, и полосы превращались в волны, волны — в медленно передвигающиеся по водной поверхности валы. На рифе вспыхивали

буруны. Белые точки сливались в пятна, и скоро все море становилось рябым от всплесков и пены.

На рифе возникал угрожающий, низкий гул. Он достигал берега и становился фоном, на котором только и могли звучать разговоры людей, голоса птиц, пение насекомых.

Там, где горячий воздух подхватывал и уносил вверх насыщенные влагой испарения болот, над островом рождались облака. Они росли, как мыльная пена, как огромные кучи ваты, сбивались в башни. Основания башен темнели. Пассатный ветер смещал облака на запад. Тонкие серые нити опускались с подножия облаков на землю. Начинался дождь. Он шел каждый день в одно и то же время между полуднем и закатом.

Дождь проливался над морем, солнце опускалось все ниже, гул прибоя на рифе ослабевал.

Когда оранжевое солнце стремительно падало за горизонт, небо наливалось чернильной синевой и пассат успокаивался. Огромное воздушное течение ослабевало. Среди ослепительных, похожих на фонари звезд снова двигались неторопливые, с зеленоватыми кромками облака.

НОЧНОЕ НЕБО

Звезды пылали над деревней. Они качались в черном небе и роняли на землю длинные, колющие лучи. Созвездия тлели над крышами домов.

Низко, у самого горизонта, теплилась Полярная звезда. Она была чуть видна. Тусклый черпак Большой Медведицы, как часовая стрелка, описывал около нее широкие круги.

Я выходил на дорогу и, задрав голову, следил за движением звезд. Красноватый Арктур пересекал зенит. Похожее на старинный герб созвездие скользило над морем — семь огней Ориона отражались в черной воде.

Купол неба поворачивался — и звезды, как зерна, сыпались за горизонт.

Душная тропическая ночь пылала над островом.

СТАРИК С СОБАКОЙ

Каждое утро мимо моей хижины проходил старик с собакой. Он вел ее на поводке, всегда в одно и то же время. Это был час, когда женщины отправляют коров на пастбище.

Он появлялся из-за соседнего дома и, неторопливо переставляя больные ноги, брел мимо моего окна. Собака рвалась вперед: она часто перебирала короткими сильными лапами и тащила за собой хозяина.

«Что за порода? — удивлялся я. — Шерсть черная, блестящая, как у спаниеля, но короткая. Хвост, как у сибирской лайки, бубликом, но тощ. Уши торчком... Дворняга, что ли? Но тогда откуда у нее такой расплющенный нос?» Я смотрел старику вослед и терялся в догадках.

Собака, повизгивая, волокла хозяина за угол. Они поворачивали, скрывались за живой изгородью из зеленых кустов исбикуса, а я отправлялся на берег, где меня уже поджидал Пако.

ТОЛСТЯК

В этот день мы плавали около внешней стороны рифа, там, где крутой склон, опускаясь, терялся в фиолетовой дымке. Склон густо порос оранжевыми кораллами. Обилие чистой воды, приносимой течением, и яркий солнечный свет делали его местом обитания множества рыб.

Здесь шныряли стаями плоские, с золотыми пятнышками рыбы-ангелы, копались в коралловых ветвях рыбы-попугаи, квадратные баллисты, каждая с рогом на спине, неторопливо бродили в поисках пищи, то приближаясь к склону, то отдаляясь от него.

Плавая около огромного каменного уступа, я заметил небольшое черное пятно — вход в пещеру. Несколько пестрых рыбок, с трудом удерживаясь против течения, вертелись тут же.

Одна из рыбок доверчиво приблизилась к входу и вдруг, словно подхваченная вихрем, исчезла.

Что такое?

Я перестал работать ластами и, озадаченный, стал наблюдать.

Течение подносило меня все ближе, смутные тени внутри пещеры мало-помалу принимали очертания огромной головы, и вдруг я обнаружил, что нахожусь всего в пяти-шести метрах от исполинской рыбы, избравшей пещеру местом засады.

Серый, с черными пятнами лоб, толстые губы. В пещере ворочался большой группер, или, как его еще иногда называют, каменный окунь.

Группер подался вперед, и теперь его огромная губастая голова наполовину высунулась из-за камней.

Рыбы по-прежнему вертелись около каменной стены. И тут группер зевнул. Он распахнул похожую на сундук пасть — струя воды, увлекая ближайшую рыбешку, хлынула внутрь. Группер сомкнул губы, и все приняло прежний вид. Это произошло настолько стремительно, что рыбы даже не успели разбежаться, а я, проплывая мимо, потряс головой, чтобы убедиться: не мерещится ли мне все случившееся?

Толстяк задумчиво пожевал губами, шевельнул жаберными крышками и, не делая видимых усилий, подался назад. Огромная пятнистая голова скрылась в пещере.

Невдалеке послышался стук. Это, привлекая мое внимание, стучал ладонью о воду Пако.

У него что-то не ладилось. Шнур с гарпуном, как всегда, запутался среди кораллов. Я подплыл к мальчику и взял у него ружье.

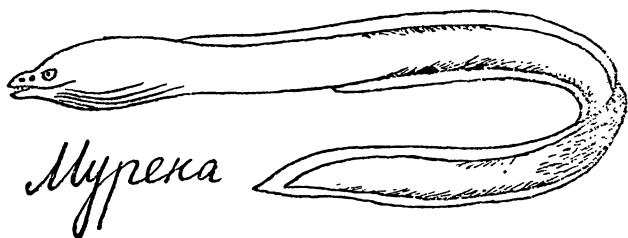
Пако набрал полную грудь воздуха. Нырнув и осторожно подергивая шнур, он стал освобождать его. В сетке, привязанной к обломку камня, белела добыча — длинный, похожий на большую селедку тарпон с подузоватой нижней челюстью и крупной серебристой чешуей.

МУРЕНА

Как-то, распутывая шнур, Пако сунул руку в щель между двумя камнями и, неожиданно отдернув ее, ракетой взлетел вверх.

— В чем дело? — крикнул я.

На лице у мальчика были написаны отвращение и страх.

— Рыба-змея,— сказал он по-испански. — Там, внизу, в щели... — Пако сплюнул.

Хищница не заставила себя ждать. Под белой, образованной шнуром петлей что-то шевельнулось, задвигалось, потекли черные и зеленые пятна,— над краем расселины показалась узкая голова мурены. Приоткрыв полный тонких, изогнутых зубов рот, рыба внимательно осмотрела камни. Холодные, крошечные глазки без всякого выражения скользили по дну. В них действительно было что-то змеиное.

Но гарпун-то надо спасти!

Не сговариваясь, мы с Пако нырнули. При нашем приближении рыба неторопливо убралась в щель. Подергав шнур и отцепив его, мы всплыли.

Прежде чем плыть к берегу, следом за мальчиком, я еще раз посмотрел на убежище мурены.

Черно-зеленая, в мелких пятнышках голова снова торчала над камнем. Хищник высматривал добычу. Мелкие попугаи, до этого беззаботно вертевшиеся на рифе, сбились в кучу и настороженно ждали: что будет?

Рыба-змея наблюдала. Ее светло-зеленое горло вздувалось и опадало. Тяжело дыша, мурена продолжала сидеть в засаде.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Для защиты от акул Пако принес мне нож. Нож был широкий, длинный, с костяной рукояткой, и когда я привязывал его ниже колена, он доставал до самой ступни. Пако улыбался и прицеливался языком.

— Му бьен! Очень хорошо! — говорил он и показывал, как я буду убивать акулу. — Кх-хх!

Каждый день, вооруженные до зубов, мы отправлялись на риф.

Мы плыли не торопясь и по очереди тащили за собой надутую автомобильную камеру. Ее пожертвовал нам Родольфо.

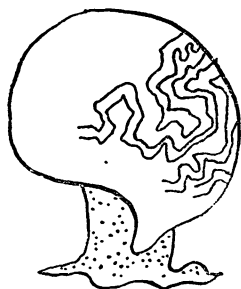
В середину камеры была ввязана сетка для добычи, в ней же лежало ружье Пако.

Я плыл, опустив голову в воду, и привычно отмечал для себя, как меняется облик дна. Песок, заросли черепашьей травы, прогалины... скоро будет риф, вот первые безжизненные, сорванные с него кораллы, а вот и он сам — оранжево-зеленая стена, переплетение причудливых камней, между которыми мелькают полупрозрачные силуэты рыб. Отдохнув на вершине огромного мозговика — он поднимался почти до самой поверхности воды, — я принимался за наблюдения. Для этого приходилось плавать очень медленно, изредка шевеля ластами и пристально вглядываясь в то, что происходит на дне.

Пако охотился. Он то и дело нырял, часто нажимал на спусковой крючок и потом долго распутывал застрявший между кораллами шнур или разыскивал оборвавшийся гарпун. Его привлекала не добыча, а сама охота. Иной раз он начинал гоняться за рыбой, которую невозможно было даже взять на берег.

Так, его забавляли рыбы-ежи. Уверенные в своей безопасности, они лениво лежали под ветвями кораллов и неторопливо дышали, раздувая и сжимая бока. Их колючки, толстые и блестящие, похожие на крупные шипы роз, поднимались и опадали.

Пако нырял и, тщательно прицелившись рыбе в хвост, стрелял. Пробитый гарпуном еж бросался наутек, шнур останавливал его. Рыба судорожно начинала глотать воду, раздувалась и становилась похожей на футбольный мяч. Пако всплывал вместе с ней и, надев матерчатые отцовские перчатки, поднимал рыбу над головой. Хрюкнув, еж начинал выпускать изо рта воду. Бока его опадали. Когда рыба принимала обычный вид, Пако осторожно вытаскивал из хвоста гарпун и выпускал ежа. Ошеломленный, тот погружался

Коралл-
мозговик

на дно и тотчас же забивался в какую-нибудь нору.

— Они живучие, им ничего не будет! — жестами уверял меня Пако.

Я каждый раз качал головой...

— Давай договоримся, — сказал я наконец, а Родольфо — дело было на берегу — перевел, — ты будешь стрелять только ту рыбу, которая нужна для еды твоей маме.

Пако кивнул. Бедные ежи получили покой.

РЫБА-КУРОК

Как-то раз мое внимание привлекла рыба, которая упорно вертелась около дырки в скале. Собственно, это было просто углубление в камне, небольшая ниша.

Даже когда рыба заплывала в нее, она все равно была хорошо видна со стороны.

Прятаться рыбе приходилось раз по десять на час. Мимо то и дело проходили стаями полосатые барракуды, нет-нет следовал стороной серебристый тарпон, показывала из-под камня голову зеленая мурена.

И каждый раз рыбка входила в углубление, прижималась к скале, озабоченно поглядывая на хищника плоскими, бесцветными глазами.

Ну какое же это убежище!

Но почему тогда рыбка так упорно держится около него? Заинтересованный, я набрал полную грудь воздуха и нырнул. Рыбка тотчас же спряталась.

Я подплыл к скале и, придерживаясь одной рукой за камень, сунул другую в углубление.

Пальцы тотчас же ощутили скользкую рыбу чешую. Я попробовал выгнать рыбу — она не шевельнулась. Сдвинуть с места — она была неподвижна. Как приклеенная.

Я подобрался пальцами к самой рыбьей голове,

Какая-то сила крепко прижимала ее к камню. Ничего не поделаешь!

Я всплыл.

Рыбка знала какой-то секрет. Камень держал ее. Мелкая пещерка была надежным убежищем от врагов.

Тогда я лег на воду, затаился и стал ждать.

Вот из пещерки высунулась рыбка физиономия. Рыбка долго осматривалась, потом, осмелев, вылезла на одну треть, наполовину... Но что это? На спине у рыбы торчал какой-то шип. Толстая костяная пластинка, похожая на курок.

Вдруг эта пластинка исчезла. Рыба опустила шип, прижала к спине и снова стала прежней.

И тогда я понял. Вот в чем разгадка странной привязанности рыбы к этой пещере. Большая, с высоким потолком ей и не нужна. Нужен низкий потолок, такой, в который можно упереться шипом!

Я представил себе: вот рыбка входит в свое убежище, вот прижимается боком к стене, вот поднимает курок. Курок упирается в потолок — и стоп! Теперь ее из пещеры никому не достать.

Сидит рыбка в каменной нише, посматривает оттуда хитрыми глазами: не ушел ли враг? Не пора ли опускать курок, выбираться на волю?

КАЧУЧА

Каждый день я учил несколько испанских слов. Я называл какой-нибудь предмет, а Пако или Родольфо говорили, как это звучит по-испански.

Моя велосипедная шапочка озадачила их.

— Как это сказать? — переспросил Родольфо. — Первый раз вижу.

— В ней ездят на велосипеде. Ну, а как просто «шапочка»? У нас смешные шапочки часто называют «чепчик».

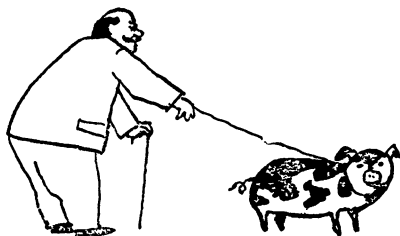
— Щепчик...

Родольфо снова задумался и наконец, вспомнив что-то, заулыбался.

— Качуча! — твердо произнес он.

А Пако закивал и повторил, подпрыгивая:

— Качуча!

В это время около дома снова появился старик с собакой. Собака, как всегда, бежала опустив морду к самой земле и тащила старика за собой.

— До чего непонятное животное! — сказал я. — Никогда не видел таких длинных собак. И морда пятачком. Вот только уши как уши. Бульдог? Боксер?

— Что? — не понял Родольфо. Он посмотрел на животное и произнес: — Кочиньо!

«Странно, — подумал я. — «Собака» — по-испански «канио» или что-то в этом роде. Канис Майорис — созвездие Большого Пса. А кочиньо... кочиньо... Если это не собака...»

Животное, бежавшее впереди старика, хрюкнуло. Свинья! Ну конечно, она! Какой же я болван: не смог отличить свинью от собаки!

Так вот почему у нее такой нос и закрученный в колечко хвост!

Эх я, качуча!

РЫБЬЕ ОБЛАКО

Рыбы на рифе вели себя по-разному. Одни бродили поодиночке, другие плавали стаями.

Вот из-за огненного, похожего на стол коралла выплывает пара лилово-серебристых хирургов. Плоские, похожие на блюдечки, с желтыми кинжальчиками на хвостах, они неторопливо плывут, строго выдерживая курс. За первой парой показывается вторая. Хирургов уже целая стайка. Они следуют в направлении, указанном первой парой. Стайка растет, из-за оранжевой коралловой глыбы показываются все новые и новые рыбы. Их уже десятки, сотни. Огромная стая тянется, как облако тумана, как серебристый шлейф дыма. Рыбы плывут, никуда не сворачивая. Они приближаются ко мне ближе... ближе.

Мое неосторожное движение — и по стае распространяется волна тревоги. Она достигает противополож-

ного конца стаи: рыбы, плывущие здесь, хотя они и не видят меня, поворачивают в сторону, ускоряют ход. Словно листья, подхваченные ветром, рыбы несутся прочь. Образовалась струя быстро несущихся рыб. И вот уже вся стая изменила направление. Серебристо-лиловые хирурги мчатся, увлекаемые невидимым потоком. Страх и дисциплина гонят их.

Нет стаи, рыбы исчезли. Словно могучий вентилятор втянул, всосал висевший над рифом серебристый туман.

КОЛЮЧИЕ ПЛЕННИКИ

Старые коралловые глыбы, выступающие из воды, были покрыты какими-то странными дырками. Когда камни окатывал прибой, в них всегда задерживалась вода.

Однажды я решил исследовать подозрительные дыры. Для этого я сунул в одну из них палец.

Ай! Острая игла больно уколола кожу.

Я лег на живот и стал поочередно заглядывать в норки. В каждой под голубоватой пленкой воды мерцали короткие красные иглы. Ежи!

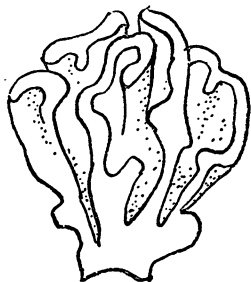
Я попробовал ножом достать одного. Лезвие только приподнимало животное. Я подтаскивал ежа вверх — иглы упирались в камень. Значит, выход уже, чем вся остальная нора?

Вот те раз! Как же они туда попали? Как смогли колючие и твердые ежи проникнуть через узкие, словно бутылочные горлышки, входы?

Эту головоломку мне бы не решить, если бы я не обнаружил норку, в которой свободно ходил вверх-вниз небольшой ежик. Вытащив его, я сунул в норку палец. Бороздки на стенках, неровности... И вдруг почувствовал — норка книзу расширяется! Так вот оно что! Маленькое животное, спасаясь от свирепых ударов волн, вгрызлось, всверлилось в камень, спрятавшись на дне узкой норы, а затем стало рассверливать свой дом в ширину, подготавливая его впрок для будущих времен. Но тем самым оно обрекало себя на вечное заточение: маленький еж вырастет и не сможет покинуть нору.

Солнце стремительно поднималось в зенит. Камень, на котором я лежал, раскалился. Я набрал воды в ладони, полил его, а затем снова лег и стал наблюдать причудливую жизнь колючих пленников. От своего заточения ежи не чувствовали никаких неудобств. Медленно шевеля иглами, они копошились на дне норок, поворачивались, выпускали тонкие ножки-щупальца, шарили ими.

От моего движения в норку упало несколько песчинок. Они опустились на ежа и застряли среди колючек. Тотчас ножки пришли в движение. Вытягиваясь и изгибаясь, они стали ощупывать иглы, хватать песчинки, отбрасывать их.

Я представил себе: прибой, камни покрывает вода. Перемешанные с пеной сюда несутся песок, ил, обрывки водорослей. Они оседают на камень, засыпают норки. И каждый раз, как только стихнут волны, в маленьких пе-

щерках начинается работа. Чистятся, охорашиваются кслючие обитатели норок, выбрасывают из своих домиков мусор, скоблят стены и пол, тащат в рот, жуя обрывки водорослей, мелкую живность.

И опять поблескивают, как голубые глаза, крошечные озерца на каменной плите, опять мерцают в глубине пещерок красноватые иглы. Домики чисты, их жители сыты — снова поджидают следующего прибоа.

КТО ТУТ БЫЛ?

Под водой есть все, что есть на земле.

Есть равнины — однообразные и унылые, есть горы — нагромождение скал и отвесных стен.

Есть пустыни — песок, песок, докуда хватает глаз.

Есть болота — вязкий полужидкий ил, в котором утопает нога тяжелого водолаза.

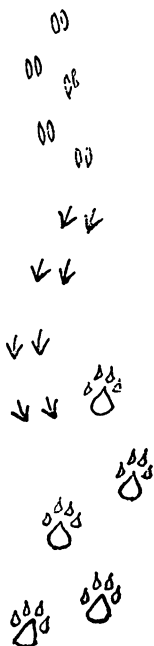
Наконец, есть леса — непроходимые заросли густых водорослей, обнаженные, как после пожара, стволы кораллов, медленное движение похожих на траву горгонарий.

И как в пустыне, как на болоте, как в лесу — всюду следы.

Вот на вершукке голой, побелевшей от времени коралловой глыбы круглое ровное колечко.

Кто-то тщательно вырезал его и ушел.

Здесь сидела раковина-блюдечко, с одной створкой, похожая на тарелочку или на формочку, какими дети лепят из песка куличики. Плотно притерся, присосался к известковой поверхности хозяин раковины, вертелся-вертелся, царапал острыми краями раковины камень — получилось колечко. Но чем-то не понравилось ему место — ушел. А может, слотнул его кто? Отковырял от камня, перевернул мягкой ногой кверху — и нет хозяина раковины.

На боку зеленоватого кораллового бокала — белые рубцы: кто-то обглодал бок. Еще курится голубоватый дымок — только что передо мной тут проплывали два попугая. Один клюнул на ходу, второй — и уплыл дальше по своим попугайным делам.

Остались на коралловом бокале отметины.

На белом песке у подножия коралловой глыбы — тоже след. Будто прошел трактор. Только странный — с одной гусеницей и маленький — весь след шириной в два пальца. Видно, никакой не трактор — был тут кто-то из обитателей песчаного дна.

И верно: проползал хозяин еще одной раковины — пестрой, свернутой в кулечек. Повертелся около каменной стены — не забраться! Дай, думает тогда, зарюсь! Забрался в песок, утонул от всех врагов, спрятался. Ползет вместе с раковиной под землей, ищет в песке добычу, чмокает, а над ним горбится песок, ломается на кирпичики.

Укладываются кирпичики в ряд: ни дать ни взять — трактор прошел.

А вот еще след: яма в песке, посреди ямы крабья клешня.

Здесь подстерег раззяву скат. Зарылся хищник в песок, забросал себя по самые глаза, хвост-кнутик спрятал, притаился.

Ждал, ждал и дождался.

Бежал мимо краб. Бежал, суставчатые ноги переставлял, не заметил, как взбежал на песчаный бугор. А бугор как лопнет! Лишь фонтаном взметнулся песок.

РАКОВИНА НА ПЕСКЕ

Тут же на песчаной полянке еще один след.

Ямка. Рядом — блестящая, словно вылизанная изнутри, двустворчатая раковина.

Видел я уже не раз такие ямки.

Шла здесь морская звезда. Шла, утиралась в податливое дно оранжевыми ножками.

Стоп! Почуяла звезда под собой пожизну. Остановилась, потрогала песок.

Так и есть, закопался кто-то в него.

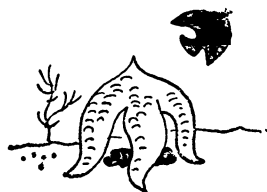
Припала к песку всеми пятью лучами, давай ножками песок копать. Хватают ножки песчинки одну за другой, друг дружке передают. Летят в сторону песок, мелкие камешки. Все глубже под звездой ямка, все ближе добыча.

А вот и она — моллюск. Спрятался в свою раковину, створки захлопнул. Зарылся, думает — от всех убежал.

Обняла звезда раковину, присосалась к ней, на все пять лучей приподнялась — вытащила беглеца. Раскрыла, принялась есть.

...Плыву над песком, смотрю вниз. Над коралловой рощей поплыл, тоже смотрю. Повсюду на морском дне — следы.

Каждый след — случай, приключение, загадка. Только примечай да разгадывай.

НОЧНОЙ ВОР

Лежу на койке. Ноги, руки за день устали. Пальцы ног, натертые ластами, горят. Сон подбирается, вот-вот сморит.

Вдруг бух! — за стеной. С пальмы упал орех.

«Какие-то непонятные орехи! — подумал я как-то. — И чего им вздумалось падать по ночам?»

Подумал и решил на всякий случай проверить: не замешаны ли в этом лесные обитатели? Какая-нибудь тропическая птица. Или летучая мышь. Или еще кто-нибудь, кто умеет лазать по деревьям и любит орехи.

Стоп! А ведь есть такое существо. Сухопутный рак-отшельник, которого так и называют «пальмовый вор». Может быть, это он залез на дерево? Чем черт не шутит.

Сижу в постели, слушаю. Ничего.

На следующую ночь, только солнце зашло, только я в постель забрался, снова — бух!

Я — из хижины. На цыпочках — к пальме.

Тихо. Дует пассат. Наверху над моей головой поскрипывает, постукивает листьями дерево. В траве кто-то тихонько возится.

Включил фонарик, ткнул себе под ноги. Орех! А около него действительно рак. Рак-отшельник. К земле прижался, весь в домик-раковину ушел. Только одни глаза, как зеркала, блестят. И клешни от удивления разведены.

Тут мой фонарик мигнул и погас. Пока я его налаживал, включал — нет рака. Один орех.

Поднял я его и понес домой. Днем, думаю, дырку сделаю, выпью. Во время жары ореховый мутный сок ох и хорош!

Третью ночь я решил караулить под пальмой. Забрался под нее и стал ждать.

Вот на крыше моей хижины пропела квакша. Вот вскрикнул и замолчал кто-то на берегу у самой воды. Прошелестела крыльями летучая мышь.

И наконец скрип! — у меня над головой. Свись! — у самого уха. Бац! — около ног. Упал орех, чуть не по голове. За ним второй, третий.

Но сколько на этот раз я ни включал свой фонарик, ни шарил желтым лучом по траве, больше никаких раков-отшельников не видел...

Когда я рассказал Родольфо про свои ночные похождения, тот поморщился.

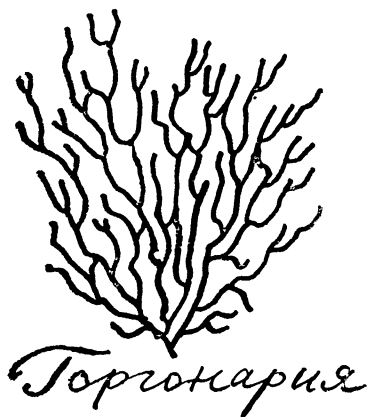
— Пальмовый вор живет в Тихом океане. На островах, — сказал он. — И раковины у него нет... А ночью спать надо.

— Надо-то надо... Но как могло случиться, что этот рак-отшельник оказался как раз около упавшего ореха?

Этого Родольфо объяснить не мог.

Так я и не узнал, отчего падали ночью около моей хижины плоды кокоса.

Должно быть, их просто срывал ветер.

ДАНТИСТЫ И САНИТАРЫ

Около пещеры, где проживал Толстяк — так я прозвал группера, — всегда крутилось несколько невзрачных рыбешек. Я как-то раз подумал, что рыбешки сильно рискуют: аппетит Толстяка им, вероятно, не был знаком.

И ошибся.

Однажды в полдень, когда большинство рыб прячется в укрытия, мне довелось проплывать мимо пещеры.

Рыбки были тут как тут. Мало того, в отличие от своих сородичей, которых сморил полуденный сон, эти были необычайно возбуждены. Они сновали взад и вперед у входа в пещеру, словно ожидая чего-то.

Я остановился.

В этот момент в глубине черного входа шевельнулась тень и показалась огромная морда Толстяка.

Каменный окунь не торопился, он высунулся до половины и замер.

Рыбешки совсем посходили с ума. Они то отплывали от группера, то бросались к нему. Самые неосторожные ухитрялись прошмыгнуть у самых его губ.

«Сейчас распахнет пасть — и все провалитесь в глотку!» — подумал я.

Толстяк действительно широко разомкнул губы. Но сделал он это так осторожно и медленно, что ни одна рыбешка не была затянута в его рот. Группер высунулся из пещеры и, приподняв тяжелые каменные крышки жабер, замер.

У него был очень странный вид. Огромная рыбина стояла распахнув рот и топорща жабры, словно удивляясь.

И тогда произошло неожиданное: ближайшая рыбка сама отправилась ему в пасть!

Не успел я подумать: «Одна есть!» — как рыбка выплыла из-под жаберной крышки и тотчас юркнула туда вновь. За ней в пасть к великану отправилась вторая. Рыбешки отважно заплывали в огромный рот, копошились там, расталкивая друг друга, и выскакивали, неся в зубах белые крошки...

Так вот оно что! У Толстяка был полуденный туалет. Добровольные дантисты и санитары чистили его.

Толстяк терпеливо ожидал конца процедуры. Толь-

ко когда последняя рыбешка покинула пасть, он осторожно свел губы, опустил жаберные крышки и, не поворачиваясь, задним ходом забрался назад в пещеру.

В глубине ее колыхнулась и замерла черная тень. Рыбья мелочь не сговариваясь поплыла прочь.

Может быть, этих дантистов и санитаров уже ждал кто-то другой?

БЕСКОНЕЧНАЯ ЦЕПЬ

Через стекло маски видны беловатые точки. Они снуют взад-вперед, неподвижно парят, уносятся течением. Эти прозрачные существа — рачки. Некоторые из них подрастут, превратятся в ногастых, пучеглазых, с тяжелыми каменными клешнями крабов.

Снуют рачки, охотятся за чем-то невидимым. И вдруг — рыбка, маленькая, желто-синяя, как язычок пламени. Метнулась, клюнула белую точку, пожевала губками, поплыла дальше. Нет одного рачка.

А из-за коралловой зеленой глыбы уже выплывает рыба-свинья. Морда пяточком, длинные кривые плавники загнуты назад. У каждого глаза — паутинка из оранжевых тонких линий. Подплыла, распахнула рот — провалилась в него рыбка.

Неподалеку от меня охотится Пако. Вот блеснул его гарпун, ударила стрела рыбу-свинью, не пробила, отбросила на дно. Пако не видел этого, подобрал шнур с гарпуном, уплыл.

А около раненой рыбы уже колышутся тени. Два колючих краба выползли из-под камней, размахивают клешнями, торопятся урвать по кусочку от добычи.

Я неподвижно сижу на плоской вершине коралла. Трубка над водой, лицо в маске опущено под воду. И словно тянется перед моими глазами цепь жизни: сильный поедает слабого, быстрый догоняет неторопливого, каждый на коралловом рифе — ловец и каждый — добыча.

Куруется рыбья кровь, вытекает из ранки, еще сильнее раздражает крабов.

Только в ней и опасность. Вот и новый участник драмы: почуяв рыбью кровь, мчит издалика скат, топоропится, машет черными плавниками-крыльями. Ле-

тит над самым дном. Тенью прошел над рыбой, на лету схватил одного краба.

Только мелькнули белые крабьи ноги, только завертелась в воде, упала на дно откушенная скатом клешня.

Мчится скат, бьет изо всех сил крыльями. Глаза выпучил. Да и как тут не лететь, как не бежать сломя голову? Чуть дрогнула вода, а уж он слышит — беда! Круто вниз опускается на него тупоносая акула. Не уйти скату...

Акула небольшая. Акуленок. Я даже не кричу Пако, не предупреждаю об опасности. Моя маска по-прежнему под водой.

Вот и еще одно звено в цепи жизни — все крупнее и крупнее хищник, — скоро ей оборваться.

А впрочем, нет. Не оборвется цепь. Вырастет акула, умрет, опустится на дно, столпятся около нее крабы, приползут морские звезды. Растащат, растерзают большое обмякшее тело. Растреплют. Желтым дымом рассеется акулья плоть, смешается с водой, с песком. Маленькие, не видимые глазом существа поглотят то, что останется от хищника. За ними снова начнут гоняться похожие на белые точки рачки, вновь завертит-ся колесо...

В бесконечную цепь связал все живое риф.

УБИВАЕТ И ДАЕТ ЖИЗНЬ...

Риф и сам похож на живое существо. Медленно, год за годом растет он, поднимается к поверхности моря, умирает, рушится. То вспыхивает яркими красками, то превращается в безжизненный, серый камень.

Риф всегда в движении. Между изогнутыми разноцветными телами его кораллов хороводят рыбы, ползают по дну ежи и звезды, копошатся крабы.

Он полон звуков. Стоит опуститься под воду — и сразу в ушах тихий, неназойливый шум. Плещут на выступающих из моря камнях волны, ровно стрекодут крабы, пощелкивают клешнями неутомимые рачки-алфеусы. Вот послышался еле слышный хруст — это принялись за еду клювастые рыбы-попугаи. Чу! — барабанная дробь. Плынут мимо горбыли. Развешают

ся черные хвосты, движется мимо рыбий полк, играет полковой оркестр.

Риф пуглив. Стоит потянуть шквалистому ветерку, нагнать туч, мрачнеют коралловые рощи. Исчезают рыбы, прячутся в щели крабы, забиваются в траву креветки. Прошла непогода стороной — и снова заблестал риф, заиграл красками, наполнился звуками.

Он умеет бодрствовать и отдыхать.

Вот закатилось солнце, синие сумерки наполнили его гроты и ущелья. Уплыли дневные рыбы, замерли в черной траве стаи рачков. Но это затишье обманчиво. Риф только задремал. Пройдет час — и на смену пестрым дневным обитателям выплывут, выползут бесцветные и темные жители ночи. Покинут свои щели осьминоги, выберутся из пещер мурены. Из океана приплывут стаи кальмаров. Длинные и прозрачные, станут они носиться над коралловыми притихшими рощами, часто работая плавниками и устремив вперед сложенные щепотью, похожие на стрелы щупальца. Молча и угрюмо будут носиться до рассвета.

Днем и ночью бурлит риф. Убивает и дает жизнь. Восхищает и пугает. Изменяется и остается все таким же прекрасным.

ПОХОЖАЯ НА ПТИЦУ

Я спросил Пако: водятся ли в здешних местах морские черепахи?

В ответ он заулыбался, кивнул и стал размахивать руками, как крыльями. Я понял — он изображает черепаху.

Но что общего между быстrokрылыми летуньями и медлительным, закованным в костяную броню пресмыкающимся?..

Я фотографировал горгонии — гибкие, похожие на перья кораллы. Их лимонные и фиолетовые заросли покрывали весь внутренний склон рифа.

Цепляясь кончиками ластов за выбоины в камне, я приседал и, медленно приблизив объектив камеры к развесистому перу, осторожно нажимал спуск.

Щелк!.. Щелк!

Мое внимание привлекла небольшая, ярко окрашенная горгония правильной сердцевидной формы.

В рассеянном солнечном свете она казалась яично-желтой. Перо покачивалось, то вспыхивая отраженным светом, то тускнея.

Ниже склона, поросшего горгонариями, лежал плотно сбитый течением и волнами песок. За ним начиналось дно, поросшее коричневой и голубой черепашьей травой.

Привычно нащупав кончиками ластов выступ в камне, я обхватил его ступнями и присел. Однако при этом, вероятно, повернулся и, когда поднес к глазам видоискатель, в нем вместо горгонарии увидел песчаное дно и странный камень, до половины засыпанный песком.

Если бы не его правильная форма — он напоминал огромный ольховый лист с зубчиками по краям, — мое внимание на нем не задержалось бы. Но эти зубчики меня смутили.

Кому понадобилось так причудливо украшать подводный камень?

Чем дольше я присматривался к нему, тем больше проникался убеждением, что камень не простой. Надо осмотреть его!

Я поплыл к камню, не соблюдая осторожности, шумно, а когда приблизился, произошло неожиданное. Камень подпрыгнул — во все стороны полетели фонтаны песка, — привсплыл и оказался большой черепахой.

Изогнув шею, черепаха уставилась на меня черными пуговичками глаз, а затем двинулась вверх. Медленно всплывая, она достигла ярко освещенных слоев воды, и тогда щит ее вспыхнул коричневыми и зелеными красками. Выпуклые костяные бляшки оказались покрытыми, как мхом, пучками тонких, нитевидных водорослей.

Теперь черепаха напоминала не камень, а цветочную клумбу.

Выставив из воды кончик носа, животное шумно вздохнуло и, наклонив тело вперед, снова погрузилось.

Мои движения — я плыл следом — испугали его. Взмахнув огромными, похожими на крылья передними ластами, черепаха быстро поплыла прочь.

Она двигалась, то опускаясь к самому дну, то поднимаясь, равномерно взмахивая ластами-крыльями, вытянув голову и плотно сжав короткие задние ноги.

Она то парила в воде, то стремительно неслась вперед, похожая на большую, величественную птицу.

Я проводил взглядом это причудливое существо, вздохнул и вернулся к своей горгонарии.

Легкое течение колебало перо. Поверхность его мерцала. Желтые солнечные блики бродили по кораллу.

ССОРА

У подножия старого коралла-мозговика мне довелось увидеть смешную ссору.

Пако поцарапал острым кончиком гарпуна руку и решил, что лучше надеть на гарпун какую-нибудь трубку. Пластмассовая оказалась скользкой — все время слетала. Он выбросил ее и нацепил резиновую.

Выброшенная пластмассовая трубочка осталась лежать около камня.

Здесь-то я и подсмотрел эту сцену.

Около трубочки появился рак-отшельник. Ему, видно, стала тесной раковина, которую он до сих пор таскал, и он шел на поиски нового домика.

Трубка ему понравилась. Рачок обошел вокруг нее, сунул в трубку усы, потом одну клешню, вторую... Еще раз obeжал кругом и, пристроившись к трубке спиной, начал пятиться — осторожно вползать брюшком в трубку. Может быть, края трубки царапали мягкое, слабое, не защищенное броней тело, — рак ежился, вертелся.

В это время около трубки появился второй рачок. Этот был тоже без домика, и трубка ему тоже приглянулась. Осмотрев ее, рак принял решение. Когда первый отшельник только забирался в пластмассовый дом, второй уже сидел в нем.

Затем оба рачка решили, что пора в путь. Оба высунули ножки, уперлись спинками, приподняли трубку и, цепляясь лапками за камень, пошли.

Трубка заерзала. Она дергалась из стороны в сторону, катилась то вправо, то влево, поворачивалась, замирала и снова начинала двигаться. Рачки ничего не понимали. Им, наверное, казалось, что кто-то держит трубку и хочет утащить ее. Они барахтались изо всех сил, цеплялись ножками за камни. Никто не уступал.

Если бы один отшельник оказался намного сильнее — может быть, все решилось само собой. Он утащил бы трубку вместе с соперником, а потом, поняв, в чем дело, прогнал бы его.

Но, на беду, рачки оказались одной силы. Они долго таскали друг друга, выбились из сил и одновременно пришли к решению — бросить затею. Оба вылезли — каждый из своего конца трубки — и, не оглядываясь, отправились восвояси.

КРАБ-ТЯПИЧНИК

Я сидел на верхушке сглаженного водой мертвого коралла и, то и дело опуская лицо в воду, рассматривал через стекло маски, что делается внизу.

Там не было ничего интересного: пара лилово-оранжевых лоретто вертелась у подножия коралла, мерно покачивалось желтое перо горгонарии, шевелилась мелкая травянистая зелень.

Внезапно мое внимание привлекли два пучка травы. Вместо того чтобы стоять на месте, как полагается водорослям, они двигались! Покачиваясь и развываясь, зеленые пучки совершали путешествие по дну.

Это было странно. Я взял в рот загубник дыхательной трубки, сполз с коралла и осторожно погрузился. При моем приближении загадочные пучки остановились. Они замерли на месте, не подавая никаких признаков жизни.

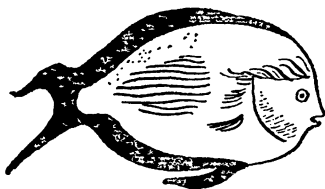
Так, так, так!.. Я подплыл и осторожно тронул один пучок пальцем. Пучки подпрыгнули. Они оба привстали, двинулись было в сторону и снова припали к камню, прижались, слились с ровным ковром водорослей.

Однако я заметил, что на мгновение под одним мелькнули... ножки! Суставчатые, красненькие ножки.

Осторожно взяв двумя пальцами пучок, я поднял его. Открылась спина небольшого краба. Убран второй пучок — теперь виден весь краб.

Хозяином пучков оказался маленький красноватый крабишка, пучеглазый, с небольшими острыми клешонками.

Лишенный своего украшения, он отбежал в сторону, спрятался было за кусок известкового камня, по-

том, сообразив, что его никто не преследует, осмелел и показался снова.

Я был уже в стороне — опять сидел на верхушке коралла — и внимательно наблюдал за десятиногим хитрецом.

Тот раздумывал недолго. Вернувшись на зеленый ковер, который в одном месте образовали водоросли, он принялся за работу. Острой клешней крабишка срезал пучок зелени и начал старательно прилаживать его себе на спину. Это удалось — водоросли зацепились за щетинки, которыми была покрыта крабишкина спина. Тогда крабик отрезал от зеленого ковра еще полосу и, смешно вскидывая клешнями, укрепил и ее.

Его снова не было видно. Он постучал ножками, точъ-в-точъ как боевой конек перед дорогой, и в путь.

Зеленые тряпочки развевались над ним и, когда краб останавливался, накрывали его с головой.

Низко над самым дном проплыл скат, не заметил крабишку — и ушел.

ТЕРЕМОК

Однажды мы с Пако выбрали на дне у самого берега причудливую ветку коралла, похожую на обломанный лосиный рог.

Этот кусок я приволок домой и бросил в таз с пресной водой.

Коралл, понятное дело, не был живым. На известковом его теле отсутствовала оранжевая слизистая пленка — он был ноздреват, порист, кое-где запачкан и оббит.

В таз я положил его для того, чтобы промыть, а затем высушить на солнце.

«Пусть полежит! — решил я. — Таз закрывать сверху ничем не буду — мертвый камень, что от него ждать?»

Но тут мое внимание привлекла одна из дырочек. Кто-то старательно пытался выбраться наружу. Порск! — из норки выскочила черная с голубыми ис-

корками рыбка хромис — одна из самых маленьких рыб кораллового рифа.

Из другой норки показались мохнатые ножки краба. Малыш вылез наружу, перебрался на эмалированную стенку, попробовал бежать по ней, сорвался и замер на дне, испуганно тараща глазки.

Выплыла креветка. Она тоже пряталась в какой-то дырочке. Показался червь — ярко-красный, с пучком усиков-щупалец на голове. Червь повертел головой, хлебнул пресной воды да так и замер, пораженный ее вкусом.

Таз наполнялся с каждой минутой. Из всех щелей, дырок, впадин лезли, выкатывались, выбирались усатые, колченогие, головастые обитатели кораллового дома.

Терем-теремок, кто в тереме живет?..

Я торопился к Родольфо, который должен был ехать в тот день в город. Подняв таз, я отнес его на берег и осторожно вылил воду вместе с ее беспокойным населением на клыки себорукко. Очутившись на мокрых камнях, рачки, рыбки, черви запрыгали, заметались. Легкая волна накрыла их. Когда вода сошла, никого из беспокойных обитателей теремка на берегу не было.

Я отнес таз назад в комнату, снова налил его пресной водой и плотно накрыл листом фанеры: «Может, там еще кто-то, в теремке?»

БЫВАЕТ И ТАК

В море так: у кого зубы больше, тот и прав.

Ну как камбале от акулы уйти? Мчится камбала над самым дном, к песку, к камням прижимается — не отстаёт от нее мучительница. Голова — с ведро, рот — во всю голову.

Каждый зуб — что твой нож.

Считай, нет камбалы.

...Случилось мне плавать около мертвой рощицы оленерогих. Маленькие строители-кораллы не рассчитали, подвели свои домики чересчур близко к поверхности воды. Прошел шторм — переломал, переколотил хрупкие известковые ветви. Остались лежать на дне

побелевшие стволы, путаница сучков... Как бурелом в лесу.

Впереди забелело, замельтешило — прямо на меня плыла стая серебристых рыб. У каждой желтые галунчики — плавники. «Кахи» — называл их Пако.

Кахи плыли не торопясь, каждая соизмеряя свое движение с движением всей стаи. Они тянулись нескончаемой процессией, медленно, как проходит улицей пестрый, уставший на параде полк. И вдруг среди ближайших ко мне рыб произошло движение.

Круто набирая высоту, к стае приближалась большая зеленоватая барракуда. Не обращая на меня никакого внимания, она проплыла рядом. Подуздоватая нижняя челюсть приопущена, желтые, торчащие вверх зубы обнажены.

Я не успел пошевелиться, как барракуда атаковала стаю.

«Ну, конец! — подумал я. — Сейчас полетит брызгами чешуя!»

Но произошло неожиданное. Щука промахнулась. Когда она врезалась в стаю, та расступилась. Хищница сделала бросок вправо. Щелкнули зубы — промах. Жертв было слишком много! Они суетились перед глазами щуки, появлялись под самым носом и исчезали, сбивая прицел.

Барракуда выскочила из стаи, описала крутой вираж и бросилась в повторную атаку. Снова расступилась перед ней серебряная стена, замелькали-завертелись желтые плавнички. Еще промах!

Огромная стая повернула и стала отступать. Обескураженная хищница сделала еще одну попытку — неудачно! — и остановилась. Тяжело раскрывая рот и приподнимая жаберные крышки, она смотрела вослед удаляющейся стае. Кахи исчезали, поблескивая желтым и белым. И только тогда барракуда вспомнила обо мне. Она изогнулась, посмотрела бесцветными, холодными глазами на странное существо, застывшее у поверхности воды, и пошла прочь.

Она плыла, едва заметно двигая хвостом, постепенно приходя в себя и набирая скорость.

Большие зубы на этот раз не помогли. Все случилось как в лесу у того волка, который погнался за двумя зайцами.

БЕЛЫЙ ПЕСОК

Плавая у коралловых скал, я всегда удивлялся: откуда около их подножия белый песок?

Неоткуда взяться тут белому песку!

На опушке коралловой рощицы я заметил как-то стайку попугаев. Бледно-зеленые, с розовыми крапинками рыбы деловито суетились около раскидистых оленьих рогов.

Оленерогий коралл — если он, конечно, живой — желто-зеленого или горчичного цвета; умирая, коралл сереет, и на нем появляются красноватые пятна. Затем исчезают и они, и причудливая роща стоит, поднимаясь со дна бесформенной кучей хвоста, а океан неторопливо засыпает ее порошинками ила.

Эти кораллы были живыми. Попугаи то и дело подплывали к ним и, сунув головы между ветвей, застывали, занимаясь каким-то своим, важным и непонятным для меня делом.

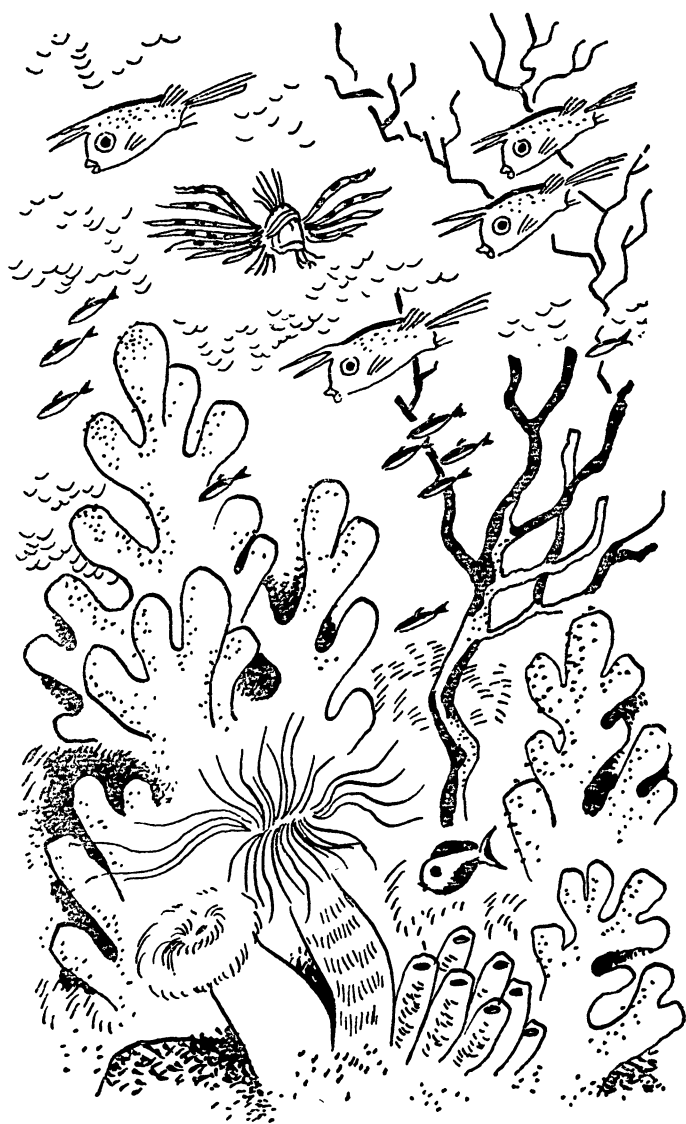
Я подобрался поближе и стал наблюдать.

Большой попугай, обманутый моей неподвижностью, подплыл и начал обследовать ветку. Он тыкался губами-клювом в желтые липкие отростки, ухватывал их, повернувшись набок, отламывал кусочек и начинал, смешно подергивая головой, жевать.

Пожевав, попугай сплевывал. Желтое мутное облачко, клубясь, опускалось на дно. С завидным проворством рыба налетала раз за разом на это облачко, что-то выхватывая из него. Облачко вытягивалось. Раньше других на дно опускались светлые каменные частички мертвого коралла.

Так вот в чем разгадка белого песка! Это перемолотый рыбами известняк из затейливых коралловых построек.

Я осмотрелся. Вокруг меня кипела неустанная, хлопотливая работа. Сотни рыб набрасывались на причудливые оленьи рога, на изогнутые чаши, перетирали-пережевывали кусочки камня, отделяя от него крошечные комочки вкусной слизи. Желтые облачка, клубясь, опускались на дно — падал, падал белый коралловый песок, который так удивлял меня раньше.

ОПЯТЬ ЧЕРЕПАХА

В этот же день, возвращаясь с рифа, я снова встретил черепаху.

На этот раз она бродила в зарослях талассии.

Черепаха копошилась у самого дна, лапами подминала под себя траву и, вытягивая шею, щипала ее, кончик морды ходил вверх-вниз. Не переставая жевать, черепаха подняла голову и настороженно посмотрела на меня. Я висел над ней, раскинув ноги и опустив лицо в воду. Черепаха поняла, что бояться меня не надо.

Несколько минут мы смотрели друг на друга. Потом она опустила голову и, набрав полный рот травы, принялась снова жевать.

Я поплыл прочь. Вот еще на кого похоже это морское животное! В тот момент, когда черепаха щипала траву, она была похожа на обыкновенную медлительную корову.

НАХОДКА

Километрах в пяти от деревни был пляж. Тусклый, серый песок, неглубокая, изогнутая серпом бухта.

Мы попали туда с Родольфо душным полднем, после того как тропический ливень остановил на дороге нашу машину. Он начался внезапно. Белая пелена упала на рощи и поля. Свет померк, стена водяной пыли отделила машину от остального мира. На автомобиль с ревом надвинулся вал, в котором попеременно бесновались брызги воды, сорванные с деревьев листья, мусор, подхваченный с дороги. Обочина дороги стала невидима.

Хлесткие струи били в ветровое стекло. Внутри автомобиля все покрылось влажной, липкой пленкой.

Ливень кончился так же неожиданно, как начался. Белая пелена дождя разорвалась. Наша машина стояла посреди огромной лужи коричневого цвета. Дождь превратил дорогу в жидкое месиво. Вязкая, перемешанная с водой земля пузырилась.

Родольфо включил сцепление, колеса с натужным чавканьем завертели. Мы поползли по воде со скоростью улитки.

Кряхтя и переваливаясь с боку на бок, машина выехала на пляж, мы покатали по нему, то и дело замедляя ход, чтобы перебраться через русло очередного ручья, рожденного только что закончившимся ливнем.

Эти ручьи рассекали однообразную поверхность берега, прорезали пласты песка, обнажали то, что еще недавно было скрыто от глаз.

На дне одного ручья я заметил черепаший панцирь и попросил Родольфо остановить машину.

Это были останки довольно крупного животного. Черепаха лежала спиной вниз, полузанесенная песком. Маленький череп с пустыми глазницами, отделенный от шейных позвонков, валялся поодаль.

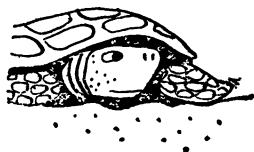
Шагах в трех ниже по течению из песка выступал красноватый камень. Я присел и стал руками откапывать его.

Камень оказался панцирем второй черепахи. Он тоже был перевернут.

Меня окликнули — Родольфо нашел еще несколько черепах. Они лежали, беспомощно раскинув остатки лап, спинами вниз, панцири полны мокрого песка.

— В чем дело, Родольфо? Почему они перевернуты? Что случилось? — спросил я. — Шторм? Звери?

— Человек, — ответил мой спутник.

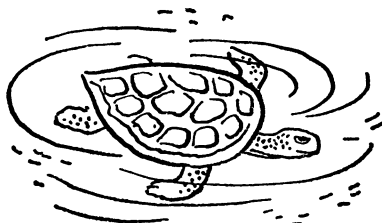
И всю дорогу, пока наш автомобиль, буксуя и скрипя шинами, преодолевал песчаные завалы, он рассказывал мне о том, как еще полстолетия тому назад на пес-

чаные пляжи острова каждый год приплывали тысячные стада черепах. Закованная в панцири армия по кочам бороздила песок, и сотни тысяч белых, похожих на шары для пинг-понга яиц сыпались в ямки, вырытые нежными ластами самок.

...Он был тогда мальчишкой и жил на южном берегу острова. Там еще сохранялись остатки черепаших пляжей, но ловля черепах во время кладки яиц была уже запрещена.

Рано утром Родольфо и увидел на берегу трех больших черепах, перевернутых на спины. Они лежали на полпути от воды до того места, где кончались их следы, оставленные ночью во время кладки.

Мальчик присел около одной. Животное лежало опрокинутое навзничь, медленно шевеля лапами, тщетно пытаясь зацепиться когтями за рыхлый песок. Утреннее солнце уже начало раскалять панцирь. Мальчик заглянул черепахе в глаза. Они были полны слез.

Тогда он присел на корточки и попытался перевернуть черепаху. В ней было больше ста килограммов.

Послышался скрип колес. Родольфо отбежал к ближайшим кустам и спрятался в них.

На пляж выкатилась повозка, запряженная лошастью. Человек в соломенной шляпе, надвинутой на глаза, спрыгнул с повозки. Торопясь и поминутно оглядываясь, он стал нахлестывать лошадь. Та сдала повозку назад и остановилась около одной из черепах. Подошли еще два человека. Втроем браконьеры погрузили на повозку черепах.

Увязая в песке, лошадь потащила груз...

— Они ловили ночью черепах и переворачивали их, — закончил Родольфо. — А утром забирали...

Он рассказал, что на дальних пляжах, откуда черепах можно было вывезти только лодкой, браконьеры оставляли черепах лежать по нескольку дней. Если случалась непогода или кто-то мешал им, браконьеры не приходили. И черепахи перестали класть яйца на этих пляжах. Они ушли в океан, искать безлюдные острова...

Мы обогнули бухту и возвратились на дорогу в том месте, где снова начинался асфальт.

КУСОЧЕК КАМНЯ

Остановив автомобиль около обрывистого берега, мы с Родольфо решили искупаться.

Тропинки не было, и мы совершили спуск на собственных штанах.

— Это есть теперь большая работа! — грустно проговорил Родольфо, осматривая лохмотья, в которые превратились его брюки.

— Ничего, зашьем! — утешил я его.

Мы сидели на валуне и прикидывали, как бы получше и побезопаснее сползти с него.

Вода оказалась прозрачной, как стекло. Нырнув, я увидел огромный камень, с которого прыгнул, и уходящие вдаль подножия береговых утесов, и тучи рыб.

В облаке пузырей в воду свалился Родольфо.

Пока он шарил у подножия валуна, я подплыл к самому берегу.

Ниже уровня воды — метрах в пяти — виднелась темная ниша. Она тянулась вдоль берега, прерываясь и возобновляясь. Каменный карниз нависал подобно козырьку.

Здесь когда-то было море. С размаху ударяя о скалы, вода выдолбила нишу. Бесконечный и могучий прибой распылил камень, превратил его в песок и щебень. Потом море поднялось, и каменная ниша оказалась на глубине, у дна, где бродят молчаливые рыбы и шевелятся, как тени, колченогие крабы...

На белом песке у подножия ниши лежал обкатанный морем известковый голыш. Правильной формы, как яйцо. Я схватил его и всплыл...

Исцарапанные и грязные, мы поднялись наверх, туда, где стоял автомобиль.

Родольфо стал заводить мотор, а я, присев около колеса, стал ковырять свой голыш отверткой. Камень развалился пополам, и из него выпал кусочек белого, рыхлого металла. Я лизнул его. Кисловатый вкус свинца растекся по языку.

— Смотри, Родольфо, пуля! — закричал я.

Автомобильный мотор уже гудел. Мой товарищ вылез из кабины.

— Пуля, — равнодушно согласился Родольфо.

Я повернулся. Внизу, у моих ног, неподвижно синело море. Круто падали коричневые, в белых потеках скалы. Это было море войн. Сотни лет воды его бороздили вооруженные до зубов парусники. Испанские чиновники везли в трюмах галеасов отнятое у индейцев и переплавленное в слитки серебро. Английские и французские пираты подстерегали отбившиеся от «серебряных» флотилий суда. Северо-американские броненосцы рыскали в поисках противников-южан. Грязные, без роду и племени баркентины крались вдоль

берегов, тая в своих трюмах «черное дерево» — рабов, вывезенных из Африки.

Пули. Свинцовые пули свистели над этим морем.

КЕМ ТЫ БУДЕШЬ, ПАКО!

Подбирая с трудом слова, я спросил Пако, кем он собирается стать.

Мы сидели на красных клыкастых камнях, подложив под себя ласты, и смотрели, как возвращаются с моря рыбаки.

Паруса, покачиваясь, двигались вдоль рифа.

Пако задумался.

— Врачом или учителем, — сказал он.

— Твой отец врач?

Он покачал головой.

— Он механик. Он дает деревне свет. У него в сарае мотор и машина, из которой выходит электричество.

— А почему ты не хочешь стать механиком, как отец?

Пако долго искал ответа.

— У нас в деревне есть еще один механик... — наконец сказал он. — А врача нет. Мы ездим к врачу далеко, вон за тот мыс.

— А учитель?

— Один. Но он старый. Он скоро умрет.

— Ты еще в начальной школе?

— Кончаю. Осенью меня увезут в город. В секундарию...

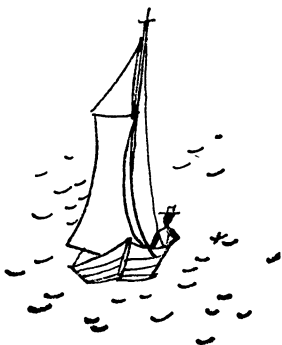
Секундария — школа второй степени. Я сказал:

— Ладно, как учит учитель, ты знаешь. А вот врач. Как он живет? Трудно ему или легко — что ты можешь сказать?

— Он лечит. Потому что люди болеют и их надо лечить.

Коричневые паруса обогнули риф и направились к деревне. Они шли теперь прямо на нас. Ветер дул им в борт, и лодки сильно кренились.

— А рыбаком ты не хочешь стать?

Пако покачал головой.

— Нет. В прошлом году у нас утонули двое. Они пошли в хорошую погоду, а потом разыгрался ветер. Из города приходил моторный катер. Он ничего не нашел.

— Но ты же храбрый.

— Ну и что ж? Рыбаков много.

Первая лодка достигла берега. Не доходя метров десять, она уронила парус, нос лодки приподнялся и со скрипом вылез на песок. За ней косяком подошли другие.

— Эй, Пако! — крикнули с первой лодки. — Сбегай к председателю, скажи: у нас много рыбы. Нужна машина — в город везти.

Пако вскочил, поднял лапы и трусцой побежал к домам. Перебегая дорогу, он остановился и, приложив руку дощечкой ко лбу, посмотрел вдаль. Вдоль берега по дороге, приближаясь к деревне, катилась белая точка.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Точка росла, приближалась и наконец превратилась в белый автомобиль.

Я ахнул: это был тот самый лимузин, который по-встречался нам около старой крепости.

Машина, скрипнув тормозами, качнулась и стала. Из нее выскочил переводчик.

— Привет! — сказал я. — Какими судьбами?

Парень сначала обрадовался мне, потом махнул рукой.

— Ездим, — мрачно сказал он. — Вторую неделю ездим. Из машины не выходим.

Он вздохнул.

— Турист все молчит?

— Молчит.

В автомобиле опустилось боковое стекло и показалась красная физиономия с сигарой. Толстяк повертел головой, поднял было фотоаппарат, опустил его и исчез.

— Все снимает?

— Бензоколонки. Остальное — мимо. Кактусы — мимо. Замок времен Колумба — мимо. Праздник урожая в деревне — мимо.

Теперь вздохнул я.

— Трудно вам. Но вы-то на высоте? Объясните ему все, рассказываете?

— Объясняю.

— По-итальянски?

— По-итальянски.

— И то хорошо, хоть один не молчит. Да,— вспомнил я,— а шофер?

— Глухонемой. Он с нами жестами «разговаривает».

— Н-да... Поездочка!

Из машины высунулся шофер и вопросительно посмотрел на переводчика. Тот с тоской оглядел нашу деревню, дома, лодки.

— Хорошо тут у вас,— сказал он.— Люди. Разговаривают. Шутят.— Он тоже влез в автомобиль и закрыл дверцу.— Кстати, по радио обещают шторм. Прощайте!

— Пока!

И они умчались.

УРАГАН «КЛАРА»

В деревне было три радиоприемника. Их почти никогда не включали днем и редко — вечером.

Теперь работали все три.

Они были включены на полную громкость, и среди дощатых хижин неслось: «Клара! Клара!»

К острову приближался ураган. Какой-то весельчак много лет назад придумал давать ураганам женские имена. Сейчас вслед за радио все жители поселка повторяли шепотом: «Клара!»

Сначала в небе появились изогнутые облачные нити. Они, как коготки, царапали голубой свод и медленно смещались к северу. Потом напоздла хмарь — серые слоистые тучи заслонили солнце, протянулись до горизонта. Тонко завыл ветер.

С Клара!

С Клара!

С Клара!

В деревне закрылись окна и двери.

Торопливые женщины волоком тащили под навесы снятые с веревок связки белья.

Небо потемнело. Ниже темных, насыщенных влажной туч появились обрывки тумана. Они неслись уже над самой землей.

Тонкий свист ветра превратился сначала в завывание, а потом в рев. Хлынул дождь.

Потоки воды не успевали достичь земли — их подхватывал вихрь. Белые струи изогнулись и помчались почти параллельно земле. Дождь лил не на крышу — сноп водяных брызг обрушивался на стену дома. Дождевые капли неслись над лужами, уда-

ряясь о воду, подпрыгивая и улетающая прочь. Лужи слились в одно большое болото. Дома очутились в воде. Там, где недавно была дорога, бушевал коричневый мутный поток.

Ветер отжал от берега воду, и море, тусклое, кофейного цвета, все в ореоле брызг, отступило, обнажив каменные клыки рифа...

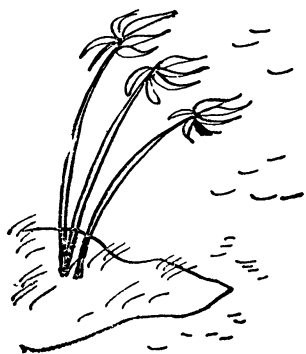
Наш берег «Клара» задела крылом. Отбушевав, к вечеру она ушла. Притихшая, почерневшая от воды деревня молча встретила ночь.

Вызвездило. Небо очистилось от туч, и замысловатые, похожие на старинные испанские гербы созвездия яркими огнями вспыхнули над островом.

Море вернулось. Невидимые в темноте водяные валы равномерно, как удары часов, обрушились на берег.

Даже редкие в этих местах москиты исчезли, но сна не было. Я лежал на влажной от дождя постели и широко открытыми глазами смотрел в окно на огромные разноцветные звезды.

Утром, чуть свет, мы с Родольфо отправились на берег. Там уже собралось чуть ли не все население деревни. Люди кричали что-то друг другу и показывали на море.

Среди коричневых водяных валов к берегу двигалось блестящее черное пятно.

— Кит! — крикнул Родольфо. — Кит идет.

БУТЫЛКОНОС

Животное было обречено.

Каким-то чудом ему удалось миновать рифовый барьер, и теперь кит, находясь на мелководье, двигался вместе с волнами к берегу. Он то останавливался, то ударял по воде хвостом. Временами кит оказывался на камнях и замирал до тех пор, пока высокий вал не снимал его.

Волны несли животное к тому месту, где песок подходил к самым хижинам и где были вытащены на берег лодки.

— Готов! — сказал Родольфо, когда синяя туша оказалась в полосе прибоя. — Бежим?

Люди наперегонки мчались к киту.

Еще несколько ударов волн, и он очутился у самого берега.

Это было не очень большое животное, иссиня-черного цвета, с высоким спинным плавником и выпуклым большим лбом.

Нижняя челюсть кита выдавалась вперед, и на ней белели два больших зуба.

— Бутылконос! — сказал Родольфо и побежал к рыбакам просить, не стащат ли они животное назад в воду...

Песок под бутылконосом медленно окрашивался в алый цвет.

— Он ранен, Родольфо! Ранен! — крикнул я.

Рыбаки, которые уж начали было суетиться около лодок и принесли канат, чтобы накинуть на хвост животного петлю, вернулись.

Светлое брюхо кита было разорвано об острые края кораллов в то время, когда волны перебрасывали его через риф.

Животное истекало кровью.

Помочь ему уже было никак нельзя...

Пако было жалко кита.

Он зашел в воду по пояс и, стоя в пене и брызгах около огромного животного, гладил скользкий складчатый иссиня-черный бок.

Вода то окатывала их с китом, то отступала, обнажая серый песок с розовыми, идущими от бутылконоса пятнами.

ТЕНИ В МОРЕ

Шторм только что отгрохотал. Но плыть на риф было рано.

Вода за ровной линией песчаного пляжа была мутная, серая. Горбатая зыбь лезла на берег.

И все-таки я поплыл.

Ничего глупее предпринять я не мог. То поднимаясь, то опускаясь на пологих водяных холмах, я удалялся все дальше и дальше в море, ничего не видя под собой, не зная, как далеко до рифа.

Я рассчитывал, что место его выдадут буруны. Но, отплыв, понял, что сейчас среди коралловых глыб — водовороты, толчея и плавать там невозможно.

Правда, чем дальше я удалялся от берега, тем вода становилась менее мутной. Несколько раз подо мной мелькало черное дно, поросшее травой.

Я нырнул. Серая, кипящая вода. Тысячи пузырьков, мельчайшие песчинки и обрывки водорослей — все это приближалось, проходило у самого стекла маски, уносилось прочь. Глубже, глубже... Вода стала прозрачнее, прояснились, словно выступили на проявляемой фотопластинке, ряды черепашьей травы, проплешины на подводном лугу.

Надо мной волновалось серое облако. Оно клубилось, опускалось, поднималось снова. Оно смещалось, удалялось от дна, и казалось, что это ветер гонит над полем осеннюю, полную дождя тучу.

Горизонт сузился. В двадцати метрах ничего не было видно: ни одной рыбы. Хмурое безжизненное дно.

Прежде чем вынырнуть и повернуть назад, к берегу, я посмотрел еще раз вперед. В той стороне, где, по моим расчетам, находился риф, в лиловой дымке бродили тени. Длинные и горбатые, они беззвучно появля-

лись и исчезали. Что это? Обман зрения?.. Сорванные штормом водоросли?.. Акулы?

Скорее всего, это были они.

ПЕРВЫЕ АКУЛЫ

Первых акул я увидел не на рифе, а в бассейне в городе. Мы с Родольфо поехали туда, чтобы достать немного фотопленки, муки и консервов, и он отвел меня в институт, где был большой бассейн с проточной морской водой.

Мы пришли неудачно. Трое рабочих только принялись чистить его. Они спустили из бассейна почти всю воду и теперь бродили по дну, изо всех сил шаркая по бетону щетками на длинных палках. Щетки были с привязанными железными грузами. Рабочие терли щетками позеленевшее бетонное дно, оставляя на нем светлые полосы.

Огромные розовые туши лежали на дне бассейна. Люди, обутые в старые, размочаленные резиновые тапочки, деловито перешагивали через рыбы тела и продолжали уборку.

Над каждой тушей возвышался чуть отклоненный назад косой плавник.

— Мадре миа, да это же акулы! — сказал я.

И Родольфо подтвердил:

— Тибуронес!

Акулам, видно было не до людей. Они жадно разевали кривые рты и глотали мутную воду, которая едва покрывала их затылки.

— И как они не боятся? — спросил я про уборщиков.

— Трабахо. Работа.

Мы торопились.

Я не дождался, когда уборка кончится и бассейн снова нальют водой до краев.

На обратном пути, трясясь в машине, которая с трудом пробиравась вдоль моря по разбитой, заброшенной дороге, я все время вспоминал огромных красноватых рыб, их жадно раскрытые рты и людей, озабоченно трущих щетками бассейн.

Еще я вспоминал все, что читал о нападениях акул на людей.

ВОПРОС НОМЕР ОДИН

Когда я собирался ехать в путешествие, все друзья в Ленинграде наперебой спрашивали меня:

— Что ты думаешь делать с акулами?

— Акул ты учел?

Акулы превратились для меня в вопрос номер один.

— В общем-то они на людей не нападают,— утверждали одни.— Вон в Калифорнии есть даже клуб «Верхом на акуле». Членом его может быть всякий, кто хоть раз проедет на хищнице.

— И много таких «наездников»?

— Несколько сот!

— В Австралии, чтобы спастись от акул, сетями огородили все пляжи,— напоминали другие.— Создана комиссия по акулам. Ею собрано полторы тысячи карточек — все случаи нападения акул на человека. Белая акула перекусывает человека пополам, как рекордсмену.

Я не знал, что и подумать.

Кончилось тем, что я составил себе таблицу — опасные и неопасные акулы. Против названия каждой был нарисован квадратик. Квадратики я закрасил в красный или желтый цвет.

не нападает

Красный — акула нападает, желтый — нет.

нападает

Нарисовав эту таблицу, я почувствовал себя спокойнее. В конце концов, встретив акулу, всегда

можно вспомнить: как она относится к человеку?

— Интересная табличка,— сказали в один голос мои знакомые.— Что-то у тебя мало красных квадратиков.

— А это составлено для подводного пловца,— объяснил я.— Подводным легче. Акула видит большое существо с лапами и думает: не новый ли это хищник? Чаще всего нападать воздерживается.

— Ну-ну...

Эту таблицу я привез с собой.

АКУЛА НА ПЕСКЕ

С утра стояла отличная погода. Был штиль. Даже у внешней океанской кромки рифа, где всегда толклись волны, на этот раз вода словно остекленела.

Мы с Пако плавали у внутренней кромки, где кораллы погибли и где песок чередовался с зарослями черепаховой травы.

В траве сидели коротконогие ежи. Кончики их иголок были высветлены, и поэтому казалось, что ежи поседели. На макушках у них шевелились осколки раковин, листочки горгонарий, плоские камешки. Тонкими, нитевидными ножами ежи поддерживали свои украшения.

Резкие движения воды достигли меня. Я оглянулся. От рифа плыл Пако. Лицо его было искажено. Подплыв ко мне, он повернулся и вытянул руку по направлению к большой песчаной осыпке, на которой только что выслеживал камбал.

Почти касаясь брюхом песка, над самым дном медленно плыла тупоголовая, с человека величиной, рыба. Узкий кривой плавник, похожий на флаг... Такой же изогнутый хвост... Акула! Краснозатая, с поросычьими глазами хищница неторопливо плыла к нам.

Это была песчаная акула. Точно такая, каких я видел в бассейне. Я начал судорожно вспоминать свою таблицу. Святое небо, что за квадратик стоит против нее? Кажется, желтый... Ну конечно, желтый! Я облегченно вздохнул и жестом показал Пако: «Ерунда!»

Акула плыла, то и дело тыча мордой в песок. Она что-то искала и не обращала внимания на то, что делается наверху.

Мохноногий краб не успел удрать, и акула, сделав едва заметное движение головой, сглотнула его.

Она обогнула бугристый зеленый коралл и очутилась под нами. Пако прижался ко мне. Я еще раз жестом успокоил мальчика. Колебания воды, вызванные моей рукой, достигли акулы, она остановилась и, изогнув шершавое, складчатое тело, посмотрела на нас красным, поросычьим глазом. Что-то шевельнулось у меня в желудке.

«Пустяки! Раз пишут — не нападает, значит — не нападает. Это точно. Не нападает!»

Акула опустила голову и продолжила свой путь. Когда она достигла песчаной поляны, подбросив вверх облако песка, со дна подскочила и пустилась наутек камбала. Акула заметила ее и стремительно кинулась вдогонку.

Они исчезли за нагромождением каменных глыб, а мы с Пако поспешили домой.

Достигнув берега, я тотчас побежал в дом, из чемодана, лежавшего под кроватью, торопливо достал таблицу.

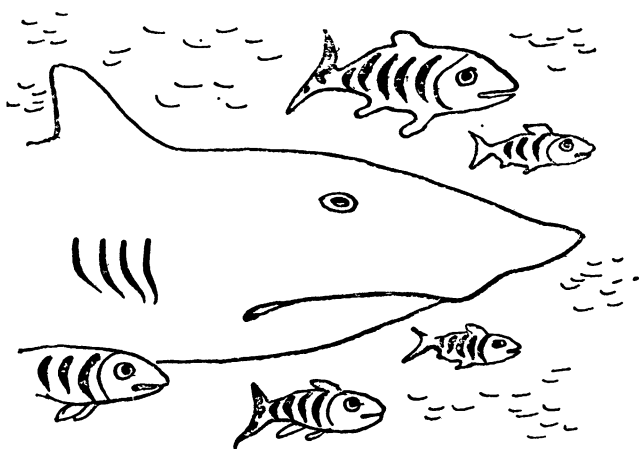
Против песчаной акулы стоял красный квадратик.

ХИТРЕЦЫ

Больших акул я видел на рифе всего раза два. Зато маленьких там было предостаточно.

Чаще всего встречались песчаные акулы и акулы-няньки. За что их прозвали няньками, я так и не понял. Разве что за привычку лежать парами на солнышке: большая и маленькая — как нянька с ребенком...

Однажды я разглядывал скользкую, лиловую, похожую на огурец голотурию, которую принес мне Па-

Акула и рыбы-молчанки

ко, когда заметил, что на меня из-под кораллового уступа смотрит, вытаращив плоские глаза, рыба-белка.

Рыбка выплыла было из укрытия, как вдруг испуганно повернула и скрылась.

Я оглянулся — к нам приближалась небольшая песчаная акула. Она плыла, уставив глазки на пещеру, где скрылась рыба.

Пещерка была узкой, последовать за рыбой акуленок не решился и поэтому отплыл в сторону.

Рыба вновь показалась на пороге своего дома. Акуленок бросился к ней, рыба — в нору. Так повторилось несколько раз. Маленький хищник понял: надо хитрить. Отплывет подальше и тотчас со всех плавников мчитесь к пещерке. Подлетит, а рыбы уже нет — спряталась.

Тогда акуленок решил изобразить, будто он совсем покинул место охоты. Быстро работая хвостом, он исчез из виду.

Но красная рыбка оказалась не проста: стоило акуленку скрыться, как она стрелой вылетела из норы и бросилась к груде камней. Мгновение — и она исчезла.

Не успел ее раздвоенный хвост пропасть в камнях, как снова появился акуленок. Стараясь застать рыбу врасплох, он мчался изо всех сил к пещерке.

Вот и пещерка... А где же рыба?

Он остановился как вкопанный.

«Взять добычу измором? Ну конечно!» И все время, пока мы с Пако бродили по рифу, он стоял перед пустой норой, алчно поблескивая круглыми, стеклянными глазами.

АКУЛЬЯ ОХОТА

Я все ждал, когда акулы удивят меня своей охотничьей сноровкой.

Всякий раз плыву, присматриваюсь.

Вот на песчаной полянке греется их стайка — шесть штук, коричневые, с пестрыми спинами. Небольшие акулы-няньки. Лежат бок о бок. Одна шевельнется, толкнет с места соседку, та — следующую... По-

вертятся и опять замрут. Дремлют голова к голове, только у каждой около рта шевелится песок — дышат.

Надоело одной акуле лодыря гонять, привсплыла, пошла прямо на меня. Свернула, идет по краю рифа — слева кораллы, справа песок.

«На охоту? Куда же еще!»

Вижу, выплывает из-под скалы стайка щетинозубов.

«Сейчас, — думаю, — акула им задаст. Только брызги полетят!»

Нет. Плывет акула дальше, щетинозубов словно не замечает.

«Ага, значит, они для нее — мелочь! Ей подавай покрупнее».

Вот и покрупнее: три рыбы-ангела, черные, в золотую крапинку. Каждый с тарелку. Эти — пожила.

Но и на них акула ноль внимания.

«Неужели ищет с себя ростом?»

Дернула акула хвостом, изменила путь. Плывет теперь над песком. Мордой у самого дна водит. С нижней челюсти усики свешиваются. Эти усики она по песку и волочит.

Вдруг — раз! — копнула мордой песок. Вылетела из него раковина. Акула ее на лету раскусила — хрусь! Глотнула — нет раковины!

Плывет дальше.

На песке два бугорка — два ежа с короткими иглами. Прошла над ними акула — ежи исчезли.

Долго я за ней наблюдал. В песок, в траву, в камни — повсюду свой нос сунула.

Моллюски, крабы, ежи, креветки — все ей сошло, все ей в пищу сгодилось.

Так и не удалось мне увидеть акульей охоты — настоящей, с кровью, с отчаянными схватками, какую описывают в книгах и показывают в кино.

Оказывается, и акулы бывают разные.

АКУЛА НА КРЮЧКЕ

Отца Пако тоже звали Франциско. Он раньше ловил акул.

Все началось с перчатки. Отец Пако нашел ее в порту, куда он ездил за новым движком для электростанции.

Перчатка была на правую руку, ладонь — из кожи толщиной в палец.

— Эта перчатка — ловить акул, — объяснили ему.

Франциско был молод, и глаза его загорелись. Он смастерил снасть и стал выходить в свободные часы в море. Ловил он по одной-две акулы и привык, что это дело нехитрое, требует только сноровки и осторожности.

В тот день он выехал с вечера, после захода солнца заглушил мотор и положил лодку в дрейф.

На корме у него валялась задняя нога овцы, а на крючки — Франциско ловил на нейлоновый трос с цепочкой и двумя крючками — была насажена овечья печень.

Не успел он забросить снасть, как лодку тряхнуло и он очутился на досках. В нескольких метрах за кормой кто-то шумно бился о воду.

Франциско встал на четвереньки и подобрался к мотору. Овечья нога с кормы исчезла, а за кормой что-то большое и черное колотилось о воду.

«Эге! Вот куда делась нога, — подумал Франциско, разглядев белый бурун и плавник, который то показывался над водой, то скрывался. — Ну берегись!»

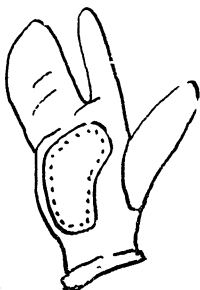
Он подумал так и забросил приманку поближе к акуле.

Та уже покончила с овечьей ногой и кружила около лодки. Франциско водил приманку около акулы, но акула плавала взад-вперед и не торопилась хватать крючки.

Наконец она решилась. Короткий бросок — проглочены и наживка и половина цепочки. Акула совершила прыжок и рухнула в воду, окатив Франциско с головы до ног. Он придержал снасть, и крючки намертво впились в акулюю глотку.

«Теперь не плошать!» Правой, одетой в перчатку рукой Франциско половчее перехватил нейлоновый шнур и стал потихоньку стравливать его.

Лёса, натянутая как струна, поползла по коже, все глубже врезаясь в перчатку. Франциско уперся ногой в борт лодки и, держа шнур двумя руками, сдавал акуле с боя каждый сантиметр.

Пасть акулы

Почувствовав, что леса ослабела, он начал понемногу подбирать ее.

Вода у борта качнулась, и при слабом свете звезд Франциско увидел около лодки длинную черную тень. Акула казалась неподвижной. Франциско вздохнул и на мгновение ослабил лесу. И тотчас же тень исчез-

ла, шнур врезался в ладонь. Рассекая кожу перчатки, он стремительно скользил — акула уходила на глубину.

Франциско вцепился в него обеими руками. На ладони горячей картофелиной вздулся и лопнул пузырь, перчатка наполнилась кровью. Ногу свела судорога. От напряжения мышц спина и шея стали деревянными.

Наконец леса стала дрожать, и Франциско понял: акула устала.

Зачерпнув левой рукой воды, он смочил лицо и принялся сматывать лесу. Теперь он вел акулу, и та покорно уступала его воле. Вот знакомая тень снова появилась под лодкой. Из воды показался косой плавник. Франциско нащупал рукой стальной болт — один из четырех, которыми мотор был прикреплен к днищу. Свернув шнур петель, он набросил его на болт.

Когда из воды показался плавник, Франциско нагнулся, чтобы вытащить из-под скамейки веревку. Он решил привязать акулу к лодке за хвост. И тогда из воды вырвалось черно-белое тело, акула перевернулась в воздухе и стремительно пошла головой вниз... Франциско не успел сбросить петлю с болта, послышался звук, похожий на выстрел, — шнур лопнул. Освобожденная от тяжести лодка свободно закачалась на воде.

Когда Франциско пришел в себя и смотал снасть, он недосчитался сорока метров — их унесла акула вместе с крючками и цепочкой. Замотав тряпкой кровоточащую ладонь, Франциско присел около мотора и поднял лицо. Небо над ним было уже серовато-розовым: он возился с рыбой около пяти часов. Потом он

утверждал, что акула была не очень велика — метра три с половиной, не больше, но у нее был характер, а это, говорил он, кое-что значит...

ХОЗЯИН КАМЕННОЙ НОРЫ

Однажды Пако сложил на дне в кучку пять раковин.

Не помню, для чего они понадобились ему — скорее всего, кто-то из рыбаков попросил принести их как наживку. Пако надрал раковин и, сложив их, сам поплыл охотиться.

Я работал неподалеку — фотографировал кораллы — и то и дело проплывал около этой кучки.

Я запомнил, что когда Пако положил раковины, их было ровно пять. Четыре внизу и пятая сверху.

Проплывая мимо, я вздумал сосчитать раковины. Четыре! Одна пропала.

Каменная плита, на которой они лежали, ровная — раковина не могла упасть. Ее не могла утащить и какая-нибудь рыбина — ни одной большой рыбы поблизости я не видел. А своим ходом моллюск далеко уйти не мог.

Очень странно!

Плыву опять мимо кучки, а в ней уже три раковины!

Тогда я отплыл в сторону и стал караулить вора. Раковины лежали около щели в камне.

Вижу — из этой щели показалась черная ниточка. Вертится ниточка, тянется к раковинам. Высунулась побольше, превратилась в веревочку, веревочка — в гибкий толстый прут. Коричневый, с нижней стороны розовые колечки — присоски.

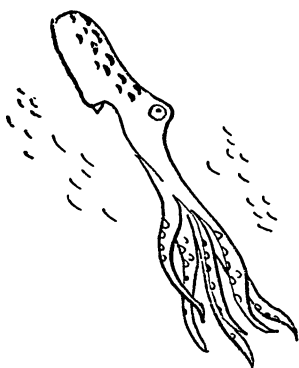
Осьминог!

И верно, он. Вот и глаза-бугорки показались. Поднялась голова над краем щели. Зырк вправо, зырк влево. Второе щупальце выпросталось, протянулось к раковинам — хватить еще одну! Скрылся осьминог. Потекли следом за хозяином щупальца, волокут раковину, до края щели доволокли и пропали.

Осталось в кучке две раковины.

Когда Пако вернулся, я рассказал ему о краже. Мы решили не отбирать раковины у осьминога. Навер-

но, они ему нужней. Может, он запасы делает. Может, в гости кого ждет — надобно угощение. Впрочем, какие там гости! Маленькому осьминожку всякий враг. Попадется здоровенному собрату — и тот съесть может...

На берегу я рассказал Родольфо об этой встрече.

— Их стало меньше.— Мой приятель задумался.— Говорят, у осьминогов, как у других животных, бывают разные времена: то они кишат, лезут из каждой щели, то вдруг пропали, словно вымерли. Еще они иногда уходят. Я сам видел.

И он рассказал об одной удивительной встрече.

НАШЕСТВИЕ ОСЬМИНОВ

Это случилось июньским днем 1950 года, когда Родольфо погрузился с ластами и маской в холодные воды у восточного берега острова.

В руках у него был новый бокс для подводных фотосъемок, и ему не терпелось испытать его.

У скал, где он нырнул, в камнях, всегда можно было встретить черную ангел-рыбу, или пятнистого морского окуня, или, на худой конец, безобразного, губастого ерша.

Держа бокс перед собой и неторопливо работая ногами, Родольфо плыл вдоль берега, высматривая: кого бы снять?

Дно было странно пустынным. Даже крабы, которые водились здесь в изобилии, в этот раз не сидели на поросших редкими водорослями песчаных полянках.

И ни одной рыбы!

Ничего не понимая, он повернул в море, отплыл метров двадцать и, когда на фоне сине-зеленого дна перестали различаться отдельные камни и дно превратилось в темную равнину, набрал в легкие воздуха и нырнул.

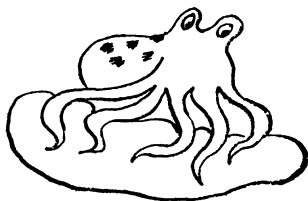
Дно стремительно приблизилось, на нем снова стал различим каждый камень.

Но что это? Родольфо вздрогнул, опрометью бросился наверх и вылетел на поверхность воды. Там он вырвал изо рта загубник, судорожно глотнул обжигающий легкий воздух и, колотя изо всех сил ластами по воде, помчался к берегу.

Он готов был поклясться под присягой, что камни смотрели на него тысячами глаз и... шевелились!

Только достигнув берега, Родольфо пришел в себя. Но он был не робкого десятка. Кликнув на помощь какого-то купальщика, Родольфо осторожно поплыл к тому месту, где видел живое дно.

То, что он разглядел на этот раз, было поразительным: все камни, все промежутки между камнями покрывали осьминоги. Животные ползали взад-вперед, свивали и развивали щупальца. Увидев приближающегося человека, они беспокойно завоились. Ни один не бросился наутек.

Плавая над этим живым ковром, Родольф заметил, что в хаотическом на первый взгляд движении животных была какая-то цель. Вся шевелящаяся масса медленно смещалась вдоль берега.

Замерзнув, Родольфо вернулся на камни, где его ждал купальщик,

— Понимаете, — сказал ему Родольфо, — самое удивительное, что они все одного размера. Вот такие, с футбольный мяч, — он развел ладони, — видно, чуть-чуть подросли и пришли сюда. Но откуда? И что им надо?

Купальщик равнодушно пожал плечами. Он видел осьминогов только на блюде, разрезанных на аккуратные дольки, и рассказ не взволновал его.

Домой Родольфо отправился не обычной дорогой, а вдоль берега. Он шел, обгоняя скрытое водой полчище головоногих. Его догадка оказалась правильной. Скоро он достиг мест, где осьминогов еще не было, но на дне уже царило беспокойство. Сотни крабов, пощелкивая и царапая крючковатыми ногами скользкую поверхность камней, отступали вдоль берега. Они

бежали, предупрежденные неслышным, недоступным человеку «голосом». «Бегите!» — говорил он им.

В море послышался шумный плеск.

Стаи крупных рыб шли навстречу отступающим крабам. Они торопились: огромные голубоватые рыбы — то там, то здесь выбрасывались из воды, — «голос», который предупредил крабов об опасности, звал их на пир.

ПОЛ-ОСЬМИНОГА

На ровной поверхности дна возвышался какой-то холмик. Он не отличался по цвету от окружающего песка, но чем-то привлек мое внимание.

Я долго не мог понять — чем. И наконец понял: холмик шевелился! Он едва заметно поднимался и опускался.словно внутри него кто-то дышал.

Оставив на большом мозговики бокс с фотоаппаратом, я поплыл к холмику.

Подо мной песок: вперемишку черные и желтые точки, светлые полосы, черточки. Вот и холмик, на нем — два бугорка.

Неожиданно один бугорок дрогнул, и посреди него блеснуло черное пятнышко, раздвинулось веко — показался глаз.

«Э-э, да это мой старый знакомый — осьминожек. Ишь куда его занесло!»

Блеснул второй глаз, дрогнули и выпростались изпод тела щупальца, осьминожек приподнялся и покати́лся в сторону рифа. Под ним оказались створки большой разгрызенной раковины. Вот что он тут делал!

Животное катилось по песку, как клуб серого дыма, словно ветер гнал по пустыне песчаный вихрик.

Впереди — риф, темный, густо-коричневый камень, припорошенный темным илом.

Интересно, что осьминог будет делать там? Его, светлого, на камне он как хорошо будет видно!

Но, докатившись до основания рифа, осьминожек совершенно перестал торопиться. Поглядывая вверх на меня, он брел по границе песка и камня, свивая и развивая щупальца, чего-то выжидая.

Чего?

И вдруг я заметил, что половины осьминога нет. Четыре щупальца есть, четырех нет. Один глазной бугорок тут, второго след простыл. Половина живота есть, вторая пропала.

Пол-осьминога!

Куда же девалась вторая половина?

Присмотрелся и ахнул: тут она, никуда не делась. Просто, пока осьминог по кромке рифа шел, половина его успела в другой цвет перекраситься: теперь она коричневая с черными пятнышками.

Пока я ахал, осьминожек весь покоричневел и подался на камень. Снова пропал: коричневый на коричневом — его и не видно. Торопится, щупальца-змеи то вперед выпускает, то подбирает.

Течет, к своей норе тянется.

Добежал до норы, сунул в нее одно щупальце, второе, сплюснися — и пропал, словно затянуло его, засосало в нору.

Ишь ведь какой!

МАСТЕР МАСКИРОВКИ

Я решил сфотографировать, как осьминог меняет цвет.

Для этого пришлось попросить у Родольфо катушку цветной пленки.

Давать ее Родольфо страшно не хотелось.

— Фин, конец, больше нет. — Он вертел в пальцах баночку с пленкой. — Цветы хотел снять. Женщин. Очень женщины просили их сфотографировать.

— Ничего! — уговаривал я. — Не пропадут ваши цветы. Еще снимете. Вы ведь сюда приедете?

— Приеду.

— Ну вот!

Родольфо вздохнул и расстался с баночкой.

Я зарядил аппарат, засунул его в бокс, и мы с Пако отправились в лодке на риф к осьминогу.

Наш маленький знакомый был на месте. В каменной щели виднелась его бугорчатая зыбкая кожа.

В лодке у нас лежал лист железа, выкрашенный в три цвета. Один край я покрыл густо-зеленой эмалью, второй — чернью, а третий разрисовал пятна-

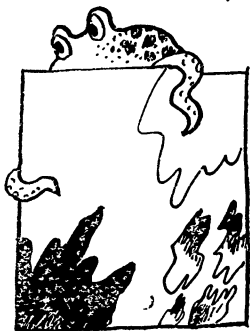
ми. Очень получился веселый край — как ситчик: желтый и красный.

Пако отодрал от скалы раковину, и, раздавив, мы бросили ее неподалеку от щели, где сидел осьминог.

Желтое нежное мясо моллюска курилось, и животное сразу же почуяло его запах. В глубине щели замелькали темные точки — кожа осьминога пришла в движение, появились маленькие гибкие щупальца, за ними бугорки глаз, осьминожек выбрался на поверхность камня и устремился к добыче. Дальнейшее мы разыграли как по нотам. Пако нырнул, занял место у покинутой животным щели, а я кинулся на осьминога сверху. Тот метнулся было назад — Пако накрыл его ладонью. Заплетая щупальца вокруг пальцев и тарача на нас глаза, животное затихло.

Я бросил на дно лист и приготовился снимать. Пако бережно посадил осьминога на зеленый край.

Однако, вместо того чтобы принять зеленую окраску, наш осьминожек покрылся бурыми пятнами. Потом он съежился, прикидывая: «Куда бы удрать?»

«Видно, ему трудно быть зеленым. Не его цвет!» — решил я и перетаскил животное на черное.

Этот край листа ему понравился еще меньше. Число бурых пятен увеличилось, и осьминожек стал похож на шапку-ушанку из рыжего каракуля.

«Попробуем еще раз!»

На третьем месте у осьминожка голова совсем «пошла крúгом». Он ничего не понял в мелькании ярких пятен и весь налился красным. Он сидел на горошинах, раздувая и опуская бока, и тарачил глаза, пытаясь понять: что от него хотят?

Пако подплыл ко мне и с любопытством стал ждать, когда я начну фотографировать.

«Пусть будет красный осьминог на пестром фоне. И вообще пускай перекрашивается как вздумает!» — решил я и стал, плавая вокруг листа, снимать.

Это, наверно, были очень хорошие снимки. Животное ярко выделялось на пестром фоне, и я потратил на

него всю пленку. Потом осьминог перекатился через лист и, не спуская с меня глаз, поспешил домой, к своей щели.

Он двигался, принимая каждую секунду другую форму и ловко управляясь сразу со всеми ногами.

«Ладно получилось!» — подумал я и поплыл в лодке.

МУРЕНА И ОСЬМИНОГ

Но коралловый риф тут же отомстил мне за вторжение в жизнь его обитателей.

Не успел я всплыть, как Пако закричал, что появилась мурена.

Я снова нырнул. Осминог еще торопливо полз, клубясь и переливаясь, по неровной поверхности камня, а зеленая голова рыбы-змеи уже приподнялась над расселиной. В каменной щели завертелись-замелькали черные пятнышки, и, как брошенная ловкой рукой лента, рыба вылетела из своего убежища.

Она плыла, совершая быстрые колебания всем телом, вытянув вперед голову с открытой зубастой пастью.

Осьминог поздно заметил опасность. Он заметался, привсплыл, но, поняв, что уйти не удастся, снова сел на риф.

Увы! Здесь укрытия для него не было. Маленькое зыбкое животное покрылось от страха светлыми и бурыми пятнами, прижалось всем телом к камню и почти исчезло, стало частью рифа. Осминог плющился и жался к поверхности камня так, что превратился в тонкий пятнистый блин.

Но обмануть мурену было непросто. Не останавливаясь, она промчалась над осьминогом, изогнулась и бросилась назад, в атаку...

Я вспомнил фильм, как мурена расправляется с головоногими, как она рвет их на части, вцепляясь тонкими зубами в слабые, студенистые тела и поворачиваясь как штопор вокруг самой себя...

Я выпустил из рук фотоаппарат и нырнул. Место, где разыгрывалась маленькая драма, оказалось глубже, чем я предполагал. Резкая боль вошла в уши, сдавило грудь... Отчаянно болтая ногами, я погружался.

Хитрая тварь заметила меня. Мало того, она поняла: человек не вооружен. Нехотя, словно раздумывая, она повернулась и, скользя над самым рифом, поплыла прочь.

Я не достиг дна, перед глазами пошли синие круги. Помогая руками, я стал торопливо подниматься.

Внизу, кувыряясь, падала моя камера. Она ударилась о выступающий край коралловой плиты, соскользнула с него, очутилась на крутом рифовом склоне и, подпрыгивая, плавно понеслась в лиловую темноту, в пропасть, унося — кто знает? — может быть, мои самые лучшие подводные снимки...

Когда я всплыл и отдышался, то снова посмотрел вниз. Осьминога не было. Он удрал к себе в щель...

Через два дня Пако застрелил мурену.

ЧЕРНИЛЬНОЕ ПЯТНО

Еще мне нужно было посмотреть, как плавают осьминог.

Я сказал об этом Пако, и мы несколько раз пытались, вспугнув, заставить его искать спасения от нас вплавь. Но упрямец ни за что не хотел отрываться от дна. Он упорно прижимался к камням, цеплялся за выступы кораллов, уползал в ближайшую щель.

— Знаешь что, Пако,— сказал я наконец,— давай поймаем его, поднимем и выпустим. Хочет не хочет — поплывет!

Так и решили.

Улучив момент, когда животное вылезло из своей норы, мы напали на него с двух сторон. Рассерженный осьминог побагровел и обвинил щупальцами наши руки. Втроем мы поднялись к поверхности воды.

Здесь мы с Пако стали избавляться от нашего спутника. Осьминог, сузив глаза и с шумом выбрасывая из дыхательной трубки струйки воды, продолжал цепляться за нас. Только поняв, что его не держат, он разом отпустил наши руки, оттолкнулся, и... коричневое облако вспыхнуло в воде. Выбросив порцию чернильной жидкости, животное метнулось в сторону и скрылось за чернильной завесой.

Уплыло оно или просто погрузилось на дно? Ни я, ни Пако этого не заметили. Только на том месте, где

выстрелил в нас чернильной бомбой осьминог, долго висело в воде причудливое бесформенное пятно, чем-то похожее на своего хозяина.

СОПЕРНИКИ

И все-таки мне довелось увидеть плывущего осьминога.

Это было под конец нашего пребывания в деревне, мурена давно погибла, и наш осьминогий знакомый чаще стал появляться днем из своего убежища.

Я плавал на рифе, собирая для Родольфо асцидий — странные пустотелые существа, похожие на бутылки с короткими горлышками. Сетка, куда я их складывал, была уже наполовину набита, когда мне показалось, что около норы, где прятался наш осьминожек, происходит какое-то движение.

Я присмотрелся. По коралловой плите ползал взад-вперед осьминог, значительно крупнее и темнее нашего, а из норы за его перемещениями следил хозяин. Он смотрел на пришельца, приподняв глазные бугорки и медленно поворачивая их, как перископы.

Потом над краем расселины засновали белые кольчатые присоски, приподнялась пятнистая спина, и вот уже оба осьминога сидели друг против друга, возбужденно свивая и развивая щупальца.

«Быть драке! — подумал я. — Драке за самое главное, самое святое для каждого обитателя морского дна — за охотничий участок, за дом».

Противники медленно покрывались бурыми пятнами. Что-то похожее на зелень вспыхнуло в коже пришельца и погасло. Потом начал бледнеть наш знакомый. Они так и сидели — глаз в глаз, нога в ногу, поочередно то наливаясь краской, то приобретая пельно-серый цвет.

Но драки не произошло. Пришелец, видимо, понял, что насиженное место хозяин дешево не отдаст, неожиданно вздрогнул, потемнел, приподнялся над камнем и поплыл прочь.

Он плыл, раздувая и сокращая тело, набирая в себя воду и с силой выталкивая ее. Два щупальца он

держал на отлете, как крылья, а шестью остальными, сложенными в плеть, размахивал, как хвостом.

Проплывая подо мной, он уменьшил частоту и силу толчков, еще шире развернул щупальца-крылья и, планируя как птица, которая садится на землю, опустил на дно.

Он угадал прямо на кучу камней, не мешкая направил в щели между ними щупальца — и исчез, растаял, словно его увлек туда поток жидкости.

— Упрямая голова! — сказал я, обращаясь к его противнику. — Вот как надо плавать. А ты?

Маленький осьминог даже не удостоил меня взглядом. Раскинув щупальца по коралловой плите, он сгребал камешки, обломки раковин, подтаскивал их к норе — словом, был занят сооружением оборонительного вала на случай новой опасности.

ДО СВИДАНИЯ, ПАКО!

Приближалась осень — время дождей и ураганов. В деревне становилось все меньше жителей. Многие уезжали в город. Пора было в школу и Пако.

Машина туда отходила из соседнего поселка, и до него надо было еще добраться пешком.

Теплым утром меня разбудил камешек, со щелканьем покотившийся по оконному жалюзи.

Я вышел. На дороге перед домом стоял Пако. У ног его лежала туго набитая вещами и книгами сумка.

Я подошел к нему.

Пако нагнулся, вытащил из сумки свой огромный зазубренный нож и протянул его мне.

— Вот, — сказал он не улыбаясь, — возьмите. У вас маленький. А вам еще надо плавать. Я уйду.

Я покачал головой:

— Я тоже уеду, Пако. Родольфо кончит работу, и мы уедем в Гавану. А потом я улечу к себе в Советский Союз. Буду лететь — увижу сверху твою школу.

— Я буду стоять возле нее, — серьезно сказал Пако. — Я на всех переменах буду выходить и стоять око-

ло школы. В этом году у нас будет география, мы будем изучать Советский Союз. Я буду хорошо учиться.

— Спрячь нож. Он тебе пригодится на следующий год. Ты ведь опять станешь плавать?

Пако кивнул и спрятал нож обратно в сумку.

— До свидания.

На дороге показался отец Пако — большой Франциско.

Он подошел к нам, поздоровался и сказал Пако:

— Пошли!

Мальчик поднял сумку и побрел следом за отцом. Они шли гуськом, друг за другом, оба в одинаковых клетчатых рубашках и потертых, выгоревших на солнце штанах.

— До свидания, Пако! — крикнул я.

Маленькая фигурка остановилась. Пако повернулся и помахал мне рукой. Он махал до тех пор, пока его отец не скрылся за поворотом. Тогда мальчик пустился догонять его.

НОЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Последние дни перед отъездом я плохо спал.

Ночью кто-то ходил по дороге.

Сначала слышалось осторожное шуршание в кустах. Раздавался негромкий плеск, таинственный незнакомец вступал в воду — сотни маленьких лужиц сохранялись после дождя в лесу. Затем еле слышно поскрипывал песок — гость преодолевал последние метры, которые оставались ему до дороги. И наконец, слышалось приглушенное царапание и пощелкивание — он крался по асфальту.

Вот покатился задетый им камешек. Вот чавкнуло в канаве. Ночной посетитель перешел дорогу. Снова зашуршали сухие листья — шаги удалились в сторону моря...

Лежа в постели, я слушал эти звуки и в конце концов не выдержал: встал, оделся и крадучись вышел на дорогу.

Небо было затянуто облаками. Ни луны, ни звезд. Ни одного луча света. Чернильная тьма. Я сделал наугад несколько шагов, почувствовал босой ногой теплый неровный асфальт, присел на корточки и стал слушать.

Ночь была полна звуков. Ровно, как метроном, отбивало удары волн о берег море. Каждый удар был как пассаж музыканта. Звук медленно нарастал, превращался в рокот и обрывался.

В кронах деревьев мерно тенькали цикады. Они не заводили, как наши, долгой песни, а коротко, в одно касание, притрагивались каждый к своему колокольчику — тень! Крикнул и замолчал. С другого дерева ответное — тень!

Подала голос птица. Она вскрикнула жалобно, отрывисто.

На дороге слышалось осторожное постукивание. Кто-то в деревянных башмачках торопливо перебежал ее.

Я сделал несколько шагов, посмотрел, послушал... Никого.

Снова прислушался. Тихо.

Тогда я отправился по ночному черному асфальту прочь из деревни, на ощупь находя ногой продолжение дороги, спотыкаясь и едва не срываясь в канаву.

То и дело я останавливался и слушал. Невидимые путешественники не дали себя перехитрить. Они тоже притаились в кустах.

Сбив ноги и поняв бесполезность моих попыток, я повернул обратно.

На повороте дороги лежал похожий на бутылку обрубок ствола сейбы. Я присел на него.

Облачная пелена редела. Пассат растягивал ее и рвал на части.

В разрывах появлялись звезды. Слабый, неверный свет упал на дорогу. Она возникла из темноты, как река, покрытая островами: черные провалы ям и светлое течение асфальта...

За моей спиной слышалось осторожное шуршание. Кто-то пробирался через кусты. Шорох дошел до канавы, опустился в нее, превратился в поскрипывание и шум песчинок.

Я осторожно повернул голову.

На сером асфальтовом островке появилась тень. Она была причудлива и перекошена. Покачиваясь и постукивая, тень пересекла дорогу и неслышно скрылась в лесу.

Я сидел неподвижно.

И тогда шорохи стали возникать со всех сторон. Они приближались, на дороге появлялись призрачные тени. С легким стуком эти НЕЧТО перебегали асфальтовую реку и скрывались все в том же направлении — к морю.

Я видел тени, но не видел тел, которые отбрасывали их!

Чудеса?

У самых моих ног послышалось пощелкивание, и возникла очередная тень. В слабом звездном свете я с трудом разглядел ее хозяина. Зеленовато-серый, под цвет асфальта, большой краб крался, осторожно представляя ноги. Приседая, он выбрасывал вперед очередную пару, и при этом панцирь его задевал асфальт. Ритмично постукивая, краб плыл по асфальтовой реке.

Я вскочил, в два прыжка догнал животное и накрыл его ладонью.

Дома я разглядел добычу. Краб был бледного молочно-желтого цвета. Серым или зеленым он казался только при свете звезд. У него был массивный, толстый панцирь и длинные, приспособленные для пешего хождения ноги.

Я перевернул животное на спину и присвистнул. Так вот оно что! На брюшке, прижатая подвернутым хвостом, чернела гроздь влажной икры. Это была самка, которая направлялась к морю, чтобы оставить там свою ношу — тысячи икринок, которые должны дать продолжение ее роду.

Вот в чем разгадка упорного движения крабов через дорогу.

Я поднял крабиху, вынес ее на дорогу к тому месту, где поймал, и, положив на асфальт, отнял руку.

Животное приподнялось на суставчатых ногах и, не останавливаясь и не пытаясь скрыться, продолжило путь, прерванный полчаса назад.

Вся дорога была полна крабами. Постукивая панцирями и волоча за собой бесплотные тени, они торопились к морю.

ВОЗВРАЩАЮСЬ

Мы вернулись в Гавану, и я стал ждать самолета, чтобы лететь домой, в Ленинград.

Был сентябрь. Прохладный ветер свистел между каменными глыбами зданий. Он шуршал листьями баньяна и тоненько пел в деревянных жалюзи окон.

Около голубой, с фонтаном перед входом, гостиницы я увидел знакомый белый автомобиль. Около автомобиля стоял переводчик.

Вид у него был усталый и растерянный.

— Привет! — сказал я.

Ну, чем кончилось ваше путешествие?

Он махнул рукой:

— И не говорите.

— Что-нибудь случилось?

Переводчик вздохнул:

Понимаете, какая неожиданность. Объехали мы весь остров. Месяц катались. И чего я ему только не показывал: и старину, и сегодняшний день, и завтрашний. От Колумба до автострад. Кооперативы, музеи. Рассказывал, рассказывал, а теперь выясняется, что он знает только по-голландски. Крупный фермер. Производство ветчины. Нет, каков?

— Но ведь слушал-то он вас внимательно?

— В том-то и дело, что внимательно. И кивал. А как я ему показывал картинную галерею: о каждой картине говорил минут пять!.. — Переводчик вздохнул.

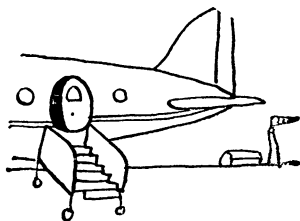
— Вы так быстро мчались по острову... — неуверенно начал я. — Где уж тут уловить, понимает тебя человек или не понимает.

— Да уж конечно, такой век... — Переводчик снова вздохнул. — Век больших скоростей. Проносимся мимо всего. Лишь потом понимаем, что свалили дурака... Завтра он улетает. А вы?

— Я тоже.

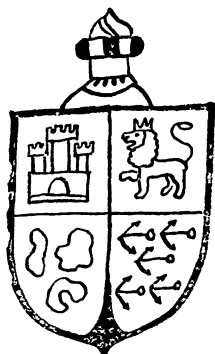
Мы стали прощаться. Из машины выглянул турист. Он сосал свою сигару и высматривал бензоколонку. Не найдя ее, он прицелился было фотоаппаратом в меня, но раздумал и опустил камеру. Переводчик вздохнул и сел в машину. Та плавно взяла с места, скрипнула шинами и скрылась в разномастном потоке автомобилей.

Когда я вернулся в институт, Родольфо сказал, что самолет прилетел и что билет куплен.

ЛЕЧУ НАД ОКЕАНОМ

Земля медленно ползла под крылом. Кубу сменила Гаити — легендарная Эспаньола Колумба. И только когда кончилась и она, внизу бирюзово запылал океан.

Герб Колумба

По нему были разбросаны пятна островов. Белые пляжи окаймляли их. Они были все только с одной — наветренной — стороны. Вечный пассат гнал по океану черные морщинки волн. Волны подходили к островам и замирали около них.

Теперь я знал: там неумолчный грохот прибоя. Столбами взлетает вверх пена. Океан выметывает длинные струи на серые камни себорукко. Между острыми каменными мысами — белый песок пляжей.

С подветренной стороны берега островов были чернo-зелеными: это — царство мангров. Тут неподвижна вода, оглушающе звенят в душном, влажном воздухе москиты. Полчища крабов снуют между корнями деревьев, и ленивые черепахи, размахивая ластами, плывут над оранжевым, припорошенным илом дном.

Самолет потряхивало. Мелко дрожало в такт приглушенному реву моторов круглое стекло иллюминатора. Я чуть не свернул шею, заглядывая вниз. Где он,

тот берег, на котором остались моя хижина, разбитая дорога, по которой ночью течет серая река крабов, лодки, вытащенные на белый песок? Где Пако — черномазый мальчишка с большим самодельным ножом, Пако, для которого, как и для меня, коралловый риф — самое удивительное место в мире?

Темные пятна островов медленно сваливались за горизонт. Самолет качнул крыльями и стал набирать высоту. Океан уходил вниз. Первыми исчезли ниточки волн, затем померкли белые пенные кружева у берегов и, наконец, стали неразличимы сами берега.

Ровная синяя пустыня простиралась под нами.

Снова Ленинград. Мы стояли с приятелем в музее около витрины. Коралловый риф, старательно раскрашенный, блестел за стеклом.

— Ну как твой риф? Не похож на этот? — Приятель показал на витрину.

— Почему? В общем, похож. Краски такие. Все так. И в то же время не похож. Все по-другому. Это как живой человек и его портрет.

Пятнистые осьминоги, разбросав щупальца, таращили на нас стеклянные глаза. Разрисованные рыбки покачивались под сухими ветвями кораллов.

Я закрыл на минуту глаза. Удивительное дело — разрисованные осьминоги и рыбы остались. Но возник шум — шум отдаленного прибоя. И легкий звон в ушах — оттого, что на уши давит вода. Так было всегда, когда мы с Пако ныряли.

Светло-коричневый осьминог оторвался от скалы и двинулся мне навстречу. Расправил щупальца второй. Они оживали, осьминоги за стеклом — виновники встречи с рифом, которую я ждал столько лет.

Гавана — Ленинград
1970—1973 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДВОДНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА «ТРИГЛЕ»	3
ТРЕПАНГОЛОВЫ	63
ДОМ ПОД ВОДОЙ	121
Фоторассказ: НА ТИХОМ ОКЕАНЕ	209
Фоторассказ: НА ОСТРОВЕ КУБА	217

ПОВЕСТИ О ПУТЕШЕСТВИЯХ

БЕЛЫЕ КИТЫ	225
ДОРОГА НА БАГАМОЙО	267
ОСЬМИНОГИ ЗА СТЕКЛОМ	325

Святослав Владимирович Сахарнов
«БЕЛЫЕ КИТЫ»

Для младшего школьного возраста

На фронтисписе портрет автора.
Фотография И. Колгуна

Редактор
А. А. ДЕВЕЛЬ
Художник
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Художественный редактор
А. К. ТИМОШЕВСКИЙ
Технический редактор
Г. В. ПРЕСНОВА
Корректор
Т. В. МЕЛЬНИКОВА

ИБ № 891

Сдано в набор 4.04.78. Подписано к печати 26.10.78. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарн. школьн. Печать высокая.
Усл. печ. л. 21+вкл. Уч.-изд. л. 19,63+0,64+0,05=20,32. Тираж
100 000 экз. Заказ № 560. Цена 1 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленин-
град, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени ти-
пография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград,
Фонтанка, 57.

